

Фронтовикам Великой Отечественной войны

1941 – 1945 гг.

п о с в я щ а ю

Александр Горелкин

ЭХО ВОЙНЫ

ТРИЛОГИЯ

Москва

1995г.

САМОХОДКИ, ВПЕРЕД!

КНИГА ПЕРВАЯ

(текст приводится по изданию:

Горелкин А.Г. «Самоходки, вперёд!» – М.: Воениздат, 1988. 166с. –
(Рассказывают фронтовики). ISBN 5-203-00051-4)

глава первая КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

В жизни каждого человека бывают события, над которыми время, кажется, совсем не властно: идут годы, но отдельные факты не только не забываются, но напротив, еще ярче всплывают в памяти с самыми мельчайшими подробностями.

Такими памятными стали для меня события конца января 1944 года, когда мы, молодые лейтенанты, в составе 1892-го самоходно-артиллерийского полка РВГК прибыли на фронт и готовились идти в свой первый бой. Те, кто уже хлебнул горького лиха войны в ее первые, самые тяжелые годы и пришел в училище с фронта, держались спокойно, снисходительно поглядывая на нас необстрелянных, кому еще только предстояло встретиться с врагом. Мы с тревогой вслушивались в доносившийся с запада гул канонады - там уже несколько дней шли бои.

И вот 27 января, утром, командир полка майор Г.Г. Бобров вызвал к себе командиров батарей и всех самоходных установок, когда мы с комбатом лейтенантом А.А. Пырековым вошли в комнату, где проходило совещание, все уже были в сборе. Майор Бобров, подтянутый, чисто выбритый, в отлично сидевшей на нем форме, строго поглядел на нас - мы пришли минута в минуту - и разрешил сесть.

- Товарищи командиры, - заговорил он, - мы получили первую боевую задачу... Но вначале я вас познакомлю с обстановкой на нашем участке фронта. Прошу ничего не записывать.

Майор Бобров сделал паузу, подождал, пока мы пересядем к карте, и сообщил, что 6-я танковая армия А.Г. Кравченко, наступая с белоцерковского направления, успешно продвигается, к Звенигородке. Навстречу ей с кировоградского направления введена в прорыв 5-я гвардейская танковая армия генерала П.А. Ротмистрова. Начав наступление 25 января, ее передовые части захватили Шполу и продолжают наступать на Звенигородку. В котел, который образуется в результате этих действий, попадают вражеские войска, располагающиеся к северу от Звенигородки и далее до Днепра. Здесь, по подсчетам нашего командования, будет не менее десяти дивизий противника. Окружить их и уничтожить - вот основная задача войск 1-го и 2-го Украинских фронтов. Сказав об этом, командир полка приступил к постановке конкретных задач.

- К семи часам утра двадцать восьмого января в квадрате, - Бобров назвал координаты, - сосредоточится стрелковый батальон, который нам приказано поддерживать. Задача: прорвать оборону противника и освободить деревню. Сотрите, не задавите свою пехоту, да прикройте ее плотным огнем из пушек. Первая батарея наступает с первой ротой, - третья со второй, четвертая - с третьей. Вторая батарея лейтенанта Пырекова находится в резерве. Время готовности к атаке - девять ноль-ноль. Артиллерийская подготовка - пятнадцать минут. Сигнал к атаке - три красные ракеты. Вопросы есть?

Вопросов не было, и майор Бобров, приказав командирам батарей через час собраться для выезда на рекогносцировку, отпустил всех.

Мы вышли на улицу. После душевной комнаты было приятно дышать чистым, морозным воздухом.

- Лейтенант Пыреков, - обратился Бобров к нашему комбату, спускаясь по ступенькам крыльца, - как настроение у людей?

- Батарея готова к бою, товарищ майор!

- К бою? - переспросил Бобров и внимательно посмотрел на нас. - У вас в батарее много молодежи, необстрелянной молодежи, - подчеркнул он. - Не обижайтесь, товарищи офицеры, но фронтового опыта у вас нет, а он очень важен в бою. Тому, кто его имеет, можно приказывать, не объясняя лишних подробностей и не тратя на это драгоценное время. Словом, фронтовики знают те простые, но спасительные истины, которые придают уверенность в своих силах. Вам завтра предстоит впервые увидеть войну и самим в бою, атаке постигать эти истины. Желаю удачи.

От штаба полка шли все вместе. Пыреков не спеша говорил нам, молодым командирам:

- Помните, в бою нужно внимательно следить за действиями соседей, не отрываться от пехоты и точно выполнять команды.

Слышал это уже не один раз, но, удивительно, в те минуты слова командира воспринимались совершенно иначе, чем прежде; я впитывал их как губка, старалась не пропустить ни одного совета, ведь любой из них мог пригодиться уже на следующий день.

- Всем отдыхать. Горелкин, остается за меня, - приказал Пыреков, когда мы пришли в расположение батареи. Объявите, подъем завтра в шесть ноль-ноль.

Я направился к своей самоходке. Экипаж нашей СУ-76 занимался текущими делами: механик-водитель Иван Соколов что-то подтягивал в двигателе, вполголоса напевая; наводчик Михаил Коротких сидел в боевом отделении и, оживленно жестикулируя, разговаривал с заряжающим Василием Алексеевым. Коротких первым увидел меня, соскочил на землю и лихо откозырял.

- Что нового, командир? Мы тут заждались, да и завтрак стынет.

- Сейчас расскажу. Давайте все сюда, - показал я на бревно, лежавшее возле самоходки, - и Соколова позовите.

- Командир, меня-то зачем? - взмолился механик-водитель. - У меня еще куча дел... Если движки не отрегулирую - всем худо будет.

- Дам время и на движки, - пообещал я. - А сейчас слушайте, получен приказ...

Все трое сразу посерьезнели, слушая мое краткое сообщение. Когда поставил каждому члену экипажа конкретную задачу по подготовке САУ к бою, Соколов напомнил:

- Поешь, командир. Мы вот тут укутали котелок, чтоб каша не остыла... - Меня тронула забота экипажа. Развернул ватник, хотел уж было приняться за еду, но заметил, что слишком большая порция оставлена мне видимо, кто-то из ребят еще не завтракал. Поинтересовался, в чем дело.

- Я не ел, - признался Соколов. - Не могу перед боем, ничего в глотку не лезет. Ешь, командир, а я движками займусь.

Должен признаться, что у меня в то время аппетит был отменный - ел все, что давали. Экипаж знал это, и частенько ребята брали на кухне для меня дополнительную порцию - командиру, мол, расти надо, говорили они, намекая на мой небольшой рост.

Остаток дня прошел быстро. Ночевать мы решили в самоходке, поскольку в уцелевших домах всем места не хватало. Я укрылся брезентом и пристроился в боевом отделении. Спать почему-то не хотелось.

В голове мелькали какие-то обрывки мыслей, представлялся завтрашний бой. Думал ли я о смерти? Думал, но в восемнадцать лет даже мысли об этом не укладывались в голову. Больше всего меня волновало другое: вдруг струшу? Но еще более беспокоило, что мой страх могли заметить другие. В глубине души я был уверен, что смогу преодолеть его... Потом вспомнился дом, мать... Я и не заметил, как густая, теплая волна ласково нахлынула на меня и понесла...

Спал без сновидений, а проснулся, как от толчка. Было еще совсем темно. Включил фонарик и посмотрел на часы. Оказалось, что уже около трех часов утра. Попытался снова уснуть, но не тут-то было. Прежние мысли опять овладели мной, заставили гулко биться сердце, захотелось поговорить с кем-нибудь, поделиться своими сомнениями, но будить ребят было жалко. Потихоньку выбрался из машины, потянулся и, чтобы размяться, побежал к дому, где размещался штаб полка. Я бежал мимо самоходок и почему-то думал не о себе, а о тех, кто сейчас спал о них: уцелеют ли они после сегодняшнего боя и кого из них я больше не увижу? Уцелею ли я - об этом как-то не думал. В нос ударила струя табачного дыма, кто-то тоже не спал. "У штаба должна стоять охрана, - промелькнула в голове догадка, - а что, если боец из-за меня поднимет тревогу и откроет стрельбу?"

Заметив фигуру бойца, я окликнул его.

- Стой! Кто идет? - отозвался тот и щелкнул затвором.

- Младший лейтенант Горелкин.

Я подошел ближе. Зашуршав промерзшей плащ-палаткой, боец вышел из-за угла дома и приблизился ко мне.

- Как дела? Тихо? - спросил я у него, вглядываясь в пожилое, усатое лицо.

- Тихо, товарищ младший лейтенант. Немцу тоже отдохнуть надо. Зато утром он себя покажет.

- Давно на фронте?

- Второй год. Знаю его повадки, насмотрелся. Век бы не видеть.

- А у меня завтра, нет, уже сегодня, первый бой, - вырвалось невольное признание.

- Да, первый... - вздохнул часовой. - Первый, - повторил он невесело, качая головой. - Ну что ж, желаю, чтобы он был удачным. Самоходчикам, как и танкистам, приходится труднее всего. Не любит фашист, когда на него танки напирают. Счастливо, сынок, - совсем тихо добавил он.

- Спасибо, отец, - так же тихо ответил я и крепко пожал ему руку.

Вернулся к себе, забрался в самоходку, укрылся брезентом и быстро уснул.

На этот раз меня разбудил голос лейтенанта Пырекова:

- Горелкин! Подъем!

Рассвет еще не наступил, к утру сильно похолодало. Воздух был как бы пронизан колючими ледяными иголками. Вылезать из моего импровизированного одеяла не хотелось, но делать нечего: надо так надо. Я рывком сбросил брезент. Было тихо, слышался негромкий звук шагов удаляющегося от нашей самоходки комбата. Экипаж еще спал. Где-то, наверное на кухне, гроыхнуло покотившееся ведро. Я окончательно проснулся и сразу подумал: "Ведь сегодня мой первый бой!"

- Василий, вставай, - тронул я за плечо заряжающего Алексея.

Тот сел, тряхнул головой и молча стал собираться на кухню - сегодня была очередь идти за едой для экипажа. Едва успели позавтракать, как прибежал посыльный и сообщил о том, что возле штаба полка состоится митинг. Подумал: лучше бы спокойней дали бы позавтракать экипажу перед боем! Через несколько минут экипажи замерли в строю. На крыльцо вышли командир полка и замполит. Майор Бобров говорил ясно и по-уставному четко. Коротко обрисовав обстановку на фронте, он зачитал боевой приказ и уступил место майору Бабию. Замполит достал из полевой сумки листок бумаги, развернул его и громко начал читать. В обращении политотдела армии говорилось о том, что враг пытается всеми силами приостановить наше продвижение вперед, что на временно оккупированной гитлеровцами Украине нас ждут томлящиеся в неволе старики, женщины и дети. Едва замполит кончил говорить, майор Бобров скомандовал:

- По машинам!

Я много раз пытался представить себе, как произойдет боевое крещение. Все оказалось и проще и сложнее.

Во время выдвижения к рубежу развертывания в атаку полк был атакован авиацией противника. Вначале послышался гул невидимых самолетов, затем показались черные точки, которые быстро увеличивались в размерах. Моя самоходка шла в общей колонне. Были хорошо видны самолеты, которых я насчитывал более десяти.

Вот первый из них резко пошел вниз, пикируя на нашу колонну. Хотелось пригнуться, спрятаться, но я заставил себя остаться на месте и стал следить за самолетами. Головной "Юнкерс" снизился, и от него оторвались черные капли бомб. К земле понесся острый, пронзительный свист. Потом он оборвался, и несколько столбов земли сзади и справа от нас взметнулись в воздух. Прошла горячая волна, просвистели осколки, но я почти не заметил этого, так как напряженно следил за вторым самолетом. Самоходка продолжала двигаться прямо на пикирующий бомбардировщик, летчик которого повторил маневр своего ведущего, и бомбы опять упали в хвосте колонны. Одна из них попала в чью-то самоходку. От прямого попадания машина подпрыгнула на месте, затем грянул сдвоенный взрыв - сдетонировали снаряды боевой укладки.

Столб дыма и пламени окутал остановившуюся машину. Экипаж погиб сразу.

Меня ошеломила смерть людей, с которыми я несколько часов назад разговаривал, шутил. Теперь их не было и больше не будет.

А на уши опять давил металлический нарастающий рев моторов, стук зенитных пулеметов. Трассы выстрелов рассыпались в белесом небе прямо по курсу третьего бомбардировщика. Видно, у летчика не выдержали нервы, и он сбросил бомбы раньше времени. Скоро появились наши истребители, и "юнкерсы", сломав строй и сбросив бомбы куда попало, поспешно скрылись в западном направлении.

На рубеж развертывания полк прибыл в назначенное время.

Стрелковый батальон, поддержанный тремя нашими батареями, поднялся и пошел в атаку. Мы с волнением следили за действиями своих товарищей. Вражеские позиции оцетинились вспышками выстрелов, и над полем боя взметнулись кустистые разрывы мин и артиллерийских снарядов. Вот под прицельный огонь противника попала первая батарея, и сердце сжала тревога за наших ребят, которые двигались сейчас по открытому участку местности. Из засады открыли огонь еще танки. Так и хотелось крикнуть: "Быстрее, вперед, вперед!" Но никто бы не услышал, да и не могли они бросить пехоту. Вспыхнула одна самоходка, затем другая. Два дымных факела встали над полем боя. Я лихорадочно переводил взгляд с одной самоходки на другую, но никто не выскочил из подбитых машин, никто не отбежал в сторону. Погибли ребята!..

Остальные самоходки продолжали упорно продвигаться вперед, ведя за собой пехоту. Вот они достигли окраины деревни, и казалось, что враг дрогнул и сейчас побежит, но гитлеровцы усилили огонь и вынудили наших отойти. Пехотинцы волнами откатывались на исходные позиции, за ними медленно отползали самоходки, прикрывая отход огнем с коротких остановок. В это время в батарею прибыл майор Бобров и вызвал к себе комбата и командиров машин.

- Первая батарея потеряла две самоходки, и ваша - займет ее место. Хорошо, что противник не успел поставить противотанковые и противопехотные мины. - Командир полка сделал небольшую паузу и продолжал: - Первая батарея прикроет вас огнем. Учтите, что на окраине деревни противник закопал танки и превратил их в неподвижные огневые точки.

Известие о том, что пришел наш черед идти в атаку, застало меня чуть ли не врасплох. Голос Боброва, объяснявшего нашему комбату, как безопаснее проскочить опасный участок, доходил до моего слуха как через вату. Перед глазами стояли две наши самоходки, черневшие на опустевшем поле боя, и неподвижные тела погибших пехотинцев.

-...Сигнал атаки - серия красных ракет в сторону деревни, - услышал я последние слова командира полка.

Быстро разошлись по своим местам. Через триплекс я видел, как медленно отползали последние самоходки, ведя редкий огонь. Очевидно, у них кончались снаряды. Бой завладел моим вниманием, я даже на какое-то время забыл о сигнале. Но вот над полем взметнулись красные

ракеты, и тотчас словно из-под снега выросли фигурки пехотинцев в белых маскировочных халатах и устремились к деревне.

- В атаку! Вперед! - раздался в шлемофоне голос лейтенанта Пырекова. Я продублировал команду, механик водитель увеличил обороты, самоходка, дернувшись, тронулась с места и, набирая скорость, двинулась по снежной целине, обгоняя пехотинцев. Теперь время и жизнь измерялись уже только пройденным расстоянием.

Перед нами раскинулось заснеженное поле с редкими потемневшими копенками прошлогодней соломы. Деревня в конце его казалась вымершей: сиротливо тянулись длинные синие тени, и казалось, лишь рокот моторов наших самоходок нарушает это снежное безмолвие.

И вдруг тишина оглушительно взорвалась: за домами блеснуло яркое пламя выстрелов, и среди наступающих цепей выросли фонтаны перемешанного с землей снега. Заработал один пулемет, за ним другой, глухо хлопали танковые пушки, и уже весь передний край немецкой обороны высвечивался вспышками выстрелов.

Пехота залегла и некоторое время никак не могла двинуться за нами дальше. Командирами рот несколько раз пытались поднять бойцов, но пулемётные очереди все тесней прижимали их к земле, хотя убитых и раненых пока еще не было.

- Двести двадцать первый, - раздался в наушниках голос комбата Пырекова, - бей по пулемету прямо по курсу, спасай пехоту!

- Давай осколочно-фугасный! - крикнул я заряжающему Алексееву. - Иван! Короткая! - Соколов резко остановил самоходку. Толчок выстрела заставил теснее прижаться к триплексу: снаряд взметнул фонтан земли и снега подле той точки, откуда вылетали кинжальчики пламени, и загасил их. - Есть! Попал!

Пехота дружно встала и пошла вперед. Мы достигли уже середины поля, когда по самоходкам ударила скорострельная пушка. Моя машина шла в центре боевого порядка, слева была одна САУ, справа - еще две. Мы вырвались немного вперед, и немцы сразу перенесли огонь на мою самоходку.

- Наводить по пушке, второй дом с краю! - скомандовал я наводчику. Азарт боя захватил меня, страха не было, было только страстное желание уничтожить пушку - скорее, скорее, с первого выстрела!

Короткое пламя рванулось из ствола, обдало жаром и едким запахом пороха. Я прижался лбом к триплексу: вспышка разрыва возникла где-то совсем близко у дома, но пушка продолжала стрелять.

- Заряжай! Скорей! - подал команду Алексееву.

- Готово!

- Соколов! Еще короткая!

Самоходка замерла на месте. Прогремел очередной выстрел, и вражеская пушка замолчала.

- Соколов! Вперед! - приказал я.

Машина резко рванулась с места, и тут же вражеское орудие открыло огонь, В триплексе вновь заплескалось пламя выстрелов. "Кто

кого?" Он меня или я его?" - на этот вопрос нужно было отвечать немедленно.

- Короткая! Два снаряда, беглый огонь!

Два взрыва встали в районе цели, и пушка замолкла. Теперь уже окончательно. Успех открыл меня: экипаж и самоходка целы, опасность пока прошла стороной, порядок!

Но даже минутное расслабление в бою опасно. Навстречу самоходке, словно из-под земли, рванулось черно-ржавое пламя. "Танк в окопе", мелькнула мысль. И тут же справа под соседней машиной вырос высокий столб огня и дыма.

"Наскочили на мину?! Чья машина? Почему никто не выскакивает из нее?" - едва успел отметить я, и тут - новая вспышка выстрела.

- По танку, броневой! - крикнул я Алексееву, не отрываясь от триплекса. - Огонь!

Наводчик Михаил Коротких чуть замешкался, но вот трасса броневой снаряды скользнула по наклонной к танку и врезалась в землю чуть правее башни.

Наводить под нижний срез башни, - уточнил я. - Миша! Прицел постоянный! Огонь!!

Огненная точка впиалась в башню танка, брызнула искрами и исчезла. Это открыли огонь по вражеской машине из соседней самоходки. Наш снаряд тоже попал в цель. Танк загорелся. Только после этого я вдруг ощутил, как пот тонкой струйкой стекал между лопаток.

Последние сто метров пехотинцы уже не отставали и не ложились на землю они все разом рванулись вперед к уже близким домам. Мне хорошо было видно, как из дома выскочили несколько человек и, пригнувшись, бросились вдоль улицы. А через несколько минут трудно стало в чем-нибудь разобраться. Наши бойцы и гитлеровцы стреляли в упор из автоматов, дрались, опять стреляли.

Постепенно бой переместился в глубь деревни и затих. Немцы или были убиты, или бежали, или попрятались. Теперь появилась возможность оглядеться и перевести дыхание. Закатный свет заливал деревню. Над захваченными вражескими позициями поднималось несколько столбов дыма - значит, и мои товарищи хорошо поработали сегодня, уничтожив стоявшие в засаде танки и другие цели.

В самоходке, которую я осмотрел быстрым взглядом, - все в порядке. Соколов сидел откинувшись, с полужакрытыми глазами, руки без сил лежали на коленях. Вымотался Иван в бою. Заряжающий Алексей прислонился к борту боевого отделения и дрожащими от усталости пальцами пытался расстегнуть шлемофон. Михаил Коротких возился возле боевой укладки, переставляя снаряды. Было тихо, и только слабый ветер гнал по полю клубы дыма от горевших танков и самоходов.

- Миша, - предупредил я наводчика, - пойду, посмотрю ту пушку, которую мы разбили. Если что, позовешь.

На огневой сразу бросились в глаза две глубокие воронки и бугорки тел среди стреляных гильз и возле перевернутого орудия; расчет лежал в неестественных позах, и от этих скрюченных тел исходил холодный дух смерти.

Ближе к дому был окоп, откуда не так давно вел свой убийственный огонь вражеский пулемет. Я обогнул стороной орудие и подошел к пулеметному гнезду. В окопе стоял запах сгоревшего пороха, возле пулемета высилась куча гильз, а на дне его лежал убитый пулеметчик. Это был первый враг, которого я видел так близко, но ничего, кроме безразличного любопытства, он у меня не вызывал.

В глубине двора послышались голоса: наши солдаты-пехотинцы подбирали убитых и собирали трофейное оружие.

- Кто тут? - раздался оттуда требовательный окрик.

- Свои самоходчики, - отозвался я. - Заберите отсюда пулемет.

Выбравшись из окопа, я пошел к своим. Вдруг впереди вспыхнула перестрелка, воздух наполнился треском автоматных и пулеметных очередей, громом танковых пушек, хлопками разрывов ручных гранат. Едва я успел занять свое место в самоходке, как заработала радиостанция. Поступила команда:

- Приготовиться к отражению контратаки!

На наши позиции двигалось более десятка танков противника, за которыми виднелись густые цепи пехоты. Бой разгорался с новой силой. Вспыхнуло несколько домов сразу. Черный дым пожарища полз над головами, искры и пепел сыпались сверху. Но мы не замечали этого - все внимание было приковано к гитлеровским танкам. Они разделились на две группы - атакующую и поддерживающую. Из леса, находившегося метрах в семистах-восьмистах от деревни, открыла огонь вражеская артиллерия. закрепиться в деревне как следует мы не успели, и отразить натиск своими силами было тяжело, почти невозможно.

К самоходке подбежал лейтенант Пыреков, забрался в боевое отделение и, чуть отдышавшись, скомандовал:

- Отходим, командир полка приказал отходить на исходные. Нужно беречь людей и технику. Будем держать гадов, чтобы не прорвались до подхода подкрепления.

Немецкие танки, тяжело переваливаясь "тигры" и "пантеры", выбрасывая короткие молнии выстрелов, ползли к деревне. Мы медленно двинулись назад, ведя огонь с коротких остановок, прикрывая свою пехоту. Над головой быстрыми тенями пронеслись в сторону вражеских танков несколько наших штурмовиков. Их атака задержала немцев в деревне и дала нам возможность без потерь отойти к лесу.

Первый бой отгремел, но нервное возбуждение не спало. Мне хотелось поделиться впечатлением, обсудить подробно тот или иной эпизод. Но ребята настолько устали и вымотались, что почти не откликнулись на мои вопросы или отвечали односложно и кратко.

Около восьми часов вечера подошла наша очередь получать боезапас. Не успели закончить погрузку, как командира батареи вызвали в штаб полка.

Лейтенант Пыреков оставил меня за командира и ушел. Дела были закончены, я присел отдохнуть. В голове мелькали обрывки воспоминаний дневных событий, перед глазами вставали отдельные эпизоды боя за деревню. Когда до деревни оставались считанные метры, на нашем пути оказалась большая воронка, и Иван Соколов резко взял

влево, нарушив боевой порядок и сблизившись с соседней самоходкой. Я этого не заметил, так как мы шли впереди нее, но меня заставил вернуться на прежнее место требовательный голос командира батареи, прозвучавший в шлемофоне:

- Двести двадцать первый, следи за ориентиром! Держи правее, не вилай!

Я тут же повторил эту команду для Соколова и потом сообразил, что ее приняли и другие командиры машин. Дело в том, что во время атаки все установки работали по радио на одной волне и командиры слышали друг друга, если тангента связи не переключалась для ведения переговоров с членами своего экипажа. Переключать же ее во время атаки запрещалось до тех пор, пока атакующие не достигали первой траншеи противника.

После замечания командира в мой адрес подтянулись и остальные, хотя было известно, что "221-й" - это самоходка Горелкина. Номер моей машины расшифровывался так: первая двойка - последняя цифра в номере полка, вторая двойка - номер батареи, единица

- первая машина в батарее.

Подошла машина с боеприпасами, и я принялся помогать экипажу загружать снаряды в самоходку. Работа не мешала думать о пережитом и увиденном за этот долгий день.

Командир батареи получил новую задачу, представил капитана, командира роты автоматчиков, и сообщил, что тремя САУ поддержать ночную атаку автоматчиков на хутор Демков, находившийся в трех километрах на деревню Ольшаны.

- Судя по обстановке, - сказал он, - в хуторе могут быть танки противника. Поэтому будем действовать так: возьмем автоматчиков на броню и, не включая фары, подойдем к околице метров на триста. Затем развернемся в линию и атакуем, ведя огонь из пушек и автоматов. Готовность - через тридцать минут.

- Горелкин, твоя машина пойдет головным! - сказал комбат.

Взяли на свою самоходку капитана и несколько автоматчиков, заняли место во главе нашей небольшой колонны и двинулись в путь. Капитан сидел рядом со мной. Он достал папиросу, прикурил и сделал несколько быстрых затяжек - видно, волновался. Молчание затягивалось, но я не решался начать разговор первым.

Наконец капитан сказал:

- Мы часто спорим, кому на войне труднее. Одно могу сказать: пехоте! Весной она мокнет в траншеях днем, а ночью - примерзает к земле. Зимой же стынет на ветру и вгрызается в мерзлую землю. Вот и сейчас вы за какой никакой, а броней, а мои ребята от пуль и осколков шинелью защищаются.

Я молча слушал. Мой фронтовой опыт был так мал, что возразить или добавить что-нибудь просто не мог.

- Чем занимался до войны? - переменял собеседник тему разговора. - Учился?

- Учился.

Капитан помолчал немного, потом заговорил снова:

- Ты на меня не обращай внимания. Воюю не первый год, а перед боем всегда волнуюсь. И каждый раз вспоминаю свою прежнюю, довоенную жизнь.

Меня вызвал на связь лейтенант Пыреков, и я отвлекся от разговора. Когда закончил доклад командиру батареи, пехотинец спросил:

- Кто у тебя дома остался?

- Мать, дед.

- Отца что, нету?

- Есть, но не знаю, где он сейчас. Давно не было из дома писем.

Этот, казалось бы, ничего не значащий разговор отвлек и помог немного расслабиться. Прибыли в назначенный район, изготвились к атаке. Моя машина шла в центре, справа была самоходка младшего лейтенанта Анатолия Чернышева, слева - младшего лейтенанта Федора Косалапкина, комбат был на ней.

За триста метров до хутора мы ссадили пехоту, сделали по три выстрела из пушек, затем опять взяли пехоту на броню и на полном ходу рванулись вперед. Поле местами еще было покрыто снегом, в низинах его толщина достигала полуметра. Его значительно замедляло наше движение, но противника, ошеломленный внезапностью атаки, серьезного сопротивления не оказывал. Мы без потерь овладели хутором.

Скоро стало светать. Моя самоходка стояла на околице, вокруг были видны следы поспешного отступления: брошенное оружие, амуниция, боеприпасы, повозки.

- Кажется, здесь склад, - заметил я, указав комбату Пырекову на штабеля ящиков, стоявших в глубине двора ближайшего к нам дома.

Пыреков поднял голову от карты, которую изучал вместе с капитаном, и подошел ко мне.

- Пошли посмотрим, - предложил он.

Действительно, мы обнаружили в ящиках продовольствие и различное снаряжение. Пыреков тут же связался со штабом полка и попросил срочно прислать транспорт.

- Будем вывозить, пока фашист не опомнился и не начал контратаковать, сообщил он нам решение майора Боброва. - Занимайте круговую оборону, такой приказ, - добавил он.

Комбат и командир роты автоматчиков обсудили положение и приняли решение закрепиться в хуторе. Мою самоходку поставили в центре, а две другие - по флангам. Пехотинцы тут же приступили к рытью окопов. И нам предстояло замаскировать машины...

Пришли грузовики, и мы сразу же приступили к погрузке. Работа шла полным ходом, как вдруг в небо взлетело несколько ракет.

- Фрицы? - почему-то шепотом спросил меня Алексеев. Я не успел ответить: к самоходке подбежал связной. Он сообщил, что комбат приказал приготовиться к отражению атаки танков противника.

Машины противника двигались к хутору с двух сторон. Прямо на нас полз танк с крестами на броне. Башня медленно поворачивалась из стороны в сторону, словно прощупывая стволом поле боя. Пристально вглядываясь в надвигающийся танк, я увидел перед ним небольшой

окопчик из снега с вжавшимся в него пехотинцем. Боец осторожно выглядывал из-за бруствера, держа в руках противотанковые гранаты. Когда танк приблизился на расстояние броска, он поставил одну гранату перед собой, а вторую метнул под гусеницы и быстро присел в окопе. Раздался взрыв, из-под танка блеснул огонь. Вражеская машина остановилась, потом дернулась, пытаясь отойти назад, но одна из гусениц оказалась перебитой... Танкисты попытались выбраться через люк, но по ним со всех сторон открыли огонь из автоматов. Люк захлопнулся, фашисты стали стрелять из пулеметов. В ответ на это раздался выстрел пушки самоходки Косолапкина, и танк окутался дымом. Затем над ним взметнулось пламя - взорвалась боеукладка, башню отбросило в сторону, и огонь довершил свое дело.

Второй танк противника стал развертываться из колонны...

- Миша, по второму в середину борта, прицел постоянный, бронебойным, огонь! - дал ему команду.

С первого снаряда танк загорелся... Колонна на этом направлении была задержана. Враг был на время остановлен, но силы оказались неравными, и нас могли отрезать от своих. К этому времени большая часть запасов была уже вывезена, и командир полка приказал отходить.

Танки перегруппировались и готовились к очередной атаке. Мне хорошо были видны их тупые башни и длинные стволы орудий, из которых время от времени вылетало пламя. Вокруг наших самоходок вставали фонтаны взрывов. Лейтенант Пыреков приказал ускорить отход, а по фашистским танкам из глубины наших позиций ударила тяжелая артиллерия.

Над головами раздался сильный булькающий звук, непохожий на все другие, и тяжелый взрыв грохнул где-то в глубине боевых порядков врага. Снова пронеслось бульканье, и опять тяжелые взрывы прогремели уже несколько ближе.

Несколько танков, вырвавшихся вперед, остановились и, отстреливаясь, стали медленно отползать обратно к лесу. Мы воспользовались этим, посадили автоматчиков на броню и двинулись к своим. Неожиданно заработала связь, и послышался взволнованный голос младшего лейтенанта Чернышева. Тот сообщил, что у них что-то случилось с главным фрикционом и машина не может двигаться самостоятельно.

Лейтенант Пыреков, который был на моей машине, включился в разговор. Он приказал Косолапкину взять на буксир Чернышева, а мне выйти вперед, занять огневую позицию за хутором и задержать вражеские танки минут на тридцать. Этого времени хватило бы для подхода посланных нам на помощь по приказу командира полка остальных самоходок. Да и Косолапкину его достаточно, чтобы дотащить машину Чернышева к своим.

- Давай, лейтенант, двигай к нашим с теми двумя самоходками, - сказал капитан Пырекову и, повернувшись к одному из своих автоматчиков, распорядился: - Сержант, возьмите двух бойцов и разведайте, откуда и сколько идет танков.

Разведчики вернулись довольно быстро и доложили, что от Ольшаны на нас движется до десяти танков, а с другого направления еще пять-семь машин. Танки шли в колоннах, в боевые порядки еще не развернулись. Гитлеровцы, очевидно, слышали шум наших моторов и решили, что мы из хутора уже ушли.

Ближе к нам оказались танки, шедшие справа, и мы решили сначала попытаться задержать их. Позиция была выгодной: самоходку мы поставили на возвышении и от противника ее не было видно, так ее с той стороны закрывали дома и деревья. Воевать вторые сутки и попасть в такой переплет! Головной танк был от нас уже метрах в четырехстах, и я, рассчитав, сообщил наводчику Коротких данные, необходимые для стрельбы. Но сержант нервничал и никак не мог поймать танк в перекрестие прицела. Тогда я отсоединил гарнитуру связи, пролез под казенником пушки на место наводчика, крикнув:

- Миша, посторонись, давай я!

Стал быстро наводить на цель. Резко, совсем близко заблестели гусеницы, затем в прицеле мелькнул борт танка. Сделал упреждение, нажал на спуск. Прозвучал выстрел.

Самоходка дернулась и замерла на месте. Боевое отделение наполнилось газами. Над головным танком поднялся столб дыма, затем появились языки пламени. Вражеская машина остановилась и перегородила дорогу, затруднив маневр другим. Ее можно было обойти только справа, так как слева тянулся довольно глубокий овраг.

Танки противника стали разворачиваться в боевой порядок, ведя огонь с коротких остановок. Рядом с самоходкой разорвалось несколько снарядов.

- Командир, нащупывают, надо менять позицию! - торопливо подсказал Коротких.

Соколов, получив команду, резко рванул самоходку с места. Тряска мешала целиться.

- Короткая! - распорядился я.

Машина встала, грянул выстрел. К ногам упала горячая гильза.

- Бронебойный!

Заряжающий лязгнул затвором. Я быстро внес поправку и сделал второй выстрел по этому танку. Фонтан разрыва закрыл вражескую машину. Но, когда дым и снежная пыль рассеялись, оказалось, что танк стоит невредим и ствол пушки медленно поворачивается в нашу сторону.

"Промазал!" - обожгла мысль. Тут же снова прильнул к прицелу, наводя перекрестие под башню вражеской машины. Выстрелил и снова промазал, а по броне стучали осколки. В нас стреляло сразу несколько танков противника.

- Надо вырваться из под огня, командир, - крикнул мне наводчик.

Я и сам прекрасно понимал это. Осмотревшись, обнаружил, что все танки остановились и открыли огонь по нашей самоходке. Пригибаясь, подбежал капитан и закричал:

- Горелкин, танки со стороны Ольшан! Отходим!..

- Сажайте людей на машину, - отозвался я.

Забрав автоматчиков, мы быстро проскочили по балке километра два и вышли на открытое место. Здесь я, увидев, что Косолапкин уже дотасил машину Чернышева до самоходок, идущих нам на помощь, дал команду Соколову остановиться, но тот не реагировал.

Что случилось? Пролез к Ивану в моторное отделение, схватил его за шиворот. Только после этого Соколов понял, чего я от него хочу, и остановил самоходку.

- Прости, командир, в суматохе команд не слышал, - пояснил он.

От танков мы оторвались, но оказались между ними и своими самоходками. До врага оставалось метров триста-четыреста, а наши четырнадцать самоходок все, что уцелело в полку после двух дней боев, - были в километре от него. Майор Бобров быстро оценил обстановку и приказал всем САУ открыть огонь. Расстояние для прицельной стрельбы оказалось великовато, но танки противника начали маневрировать, стараясь выйти из-под огня. Нас они на некоторое время оставили в покое, и надо было воспользоваться этим.

- Короткая! - крикнул я механику-водителю. Самоходка замерла. Поймав вражескую машину в перекрестье прицела, нажав спусковую скобу. Не дожидаясь результата, подал команду продолжать движение. От работы двигателей все вибрировало: щиток казенника пушки, снаряды в боевой укладке да и весь корпус. Я перебрался на свое "командирское место", уступив наводчику место у прицела.

Внезапно рядом с нами взметнулся фонтан разрыва.

"Откуда бьют?" - мелькнула тревожная мысль.

- Я заметил! - крикнул наводчик. - Танк возле разрушенного дома!

- Бронебойным! - распорядился я.

Самоходка дернулась, тяжело звякнула гильза. Я прильнул к перископу и понял, что наводчик промахнулся.

Снаряд прошел стену дома чуть левее танка. Маневрируя, мы продолжали отходить (отползать) к своим. Обстановка на поле боя усложнилась. Наши товарищи перестарались, увлеклись атакой. Из-за небольшой рощицы, слева и сзади от наших машин, выскочили на пригорок два гитлеровских танка и три штурмовых орудия, заходя в тыл нашему полку. Я сразу оценил опасность. Но что было делать? Самому перерезать им путь и дать товарищам возможность развернуться и встретить врага? Быстро вызвал на связь командира полка и попросил поддержать огнем. Вывел машину на дистанцию прямого выстрела и тут заметил, что два штурмовых орудия уже горят. Огляделся. Слева, в километре от меня, развернулась противотанковая батарея. Ее артиллеристы и отличились. Вражеские машины повернули на позиции батареи, но уже вступили в бой остальные самоходки нашего полка, и еще два вражеских танка застыли на месте, объятые пламенем. Так познал я азы взаимодействия на поле боя.

Меняя позиции и ведя огонь, противотанкисты и самоходчики подбили еще два танка. Гитлеровцы не выдержали и повернули обратно. Хутор снова стал нашим.

Бой окончился, и тут накатила какая-то непонятная слабость. Я спрыгнул на землю. Ноги дрожали, пальцы скользили по тугим пуговицам гимнастерки, воротник который стал тесным и сдавил горло.

- Надо бы вам передохнуть, командир, ведь уже двое суток не выходим из боя, - сказал Иван Соколов и подал шинель. - Как раз стожок рядом.

Прилег, закрыл глаза и опять увидел: бегут согнутые фигурки пехотинцев, дергается в прицеле вражеский танк, черный зрачок его оружейного дула направлен прямо на меня. Из него вылетел огненный шар, и через мгновение, как мне показалось, меня должно было толкнуть в грудь и ударить спиной о заднюю стенку боевого отделения. Проснулся, чтобы освободить от этого кошмара, но, едва закрыл глаза, опять увидел, как напрягается заряжающий доставая снаряд и досылая его в казенник пушки. Потом встала картина боя: на самоходку Чернышева сбоку напозала "пантера". "Саша! Справа "пантера". Открыл глаза и увидел склонившегося надо мной Соколова.

- Может, нужно что? - спросил он.

- Нет, нет, спасибо.

Перевернулся на другой бок и опять провалился в сон, полный сновидений. Разбудил голос лейтенанта Пырекова:

- Горелкин, подойди сюда!

Встал. Голова была тяжелой.

- Заправляться, пополнять боекомплект и кормить людей будем здесь, сказал командир батареи и пошел дальше.

Полк остановился в покинутом хуторе. Бойцы волокли доски, солому. То тут, то там загорались костры. От мокрых шинелей и комбинезонов шел пар, бойцы протягивали к огню озябшие руки и нетерпеливо поглядывали в сторону кухни.

Наконец повар объявил:

- Готово, пусть люди приходят.

Со всех сторон к навесу потянулись бойцы с котелками. Нужно было направить на кухню кого-то из своих. Огляделся - все спали. Разбудил Василия Алексеева, отправил за едой. Вскоре весь экипаж уселся возле белой стены хаты, чудом уцелевшей после ожесточенного боя. Перевернутые снарядные ящики заменили стол. Мне освободили место возле комбата, протянули котелок каши с тушенкой. Я пересчитал сидевших в кругу товарищей. Как-то будет завтра? Обед прошел молча. Алексеев собрал котелки, пошел к колодцу мыть их.

Сегодня бой оказался удачным не только для нас, но и для всего полка. Майор Бобров поздравил наш экипаж с победой, и я ходил именинником. Да и все были довольны: полк не только уничтожил несколько танков и штурмовых орудий противника и освободил хутор и захватил большие трофеи.

Г л а в а в т о р а я ИЗ БОЯ В БОИ

Наш полк продолжал сражаться в составе войск 27-й армии. В ее полосе противник бросил на прорыв сильную группировку, нанося удар из района Стеблева на Шендеревку. Танков и САУ в армии было мало, и командование перебрасывало их с одного участка на другой для отражения атак противника. Вот и мы уже две недели не выходили из боев. Марш на новый участок совершали, как правило, ночью, преодолевая по 30-40 километров. Прибыв на место, дозаправляли машины топливом, боеприпасами, а с утра снова получали боевую задачу. В 16-18 часов нас выводили из боя и опять перебрасывали на новое направление.

Все уставали так, что единственное, чего хотели, - это выспаться. На марше появлялась иногда такая возможность, но какой это сон? Наводчикам и заряжающим проще: они опускались на дно боевого отделения, подстилали брезент и спали. Командирам и механикам-водителям было труднее. Приходилось бодрствовать и во время марша. Отдохнуть удавалось лишь изредка. Случалось это, когда командир батареи ставил в голову колонны вместо моей другую машину, и Иван Соколов ориентировался по красному огоньку первой. Упирался, бывало, руками в казенник пушки и дремал. Но стоило машине остановиться, как сразу приходил в себя: ведь остановка означала, что мы прибыли к месту назначения или предстояло развертывание в боевой порядок. Все марши слились в одно целое, и трудно вспомнить что-нибудь такое, что отличало бы один от другого. Как-то дремал, сидя на одном месте. Вдруг самоходка резко остановилась, и я проснулся от удара о какую-то деталь пушки. Оказалось, что шедшая впереди машина сползла боком в кювет и перегородила дорогу. Очевидно, механик-водитель уснул за рычагами, а командир не заметил этого. Я с благодарностью посмотрел на Соколова. Он не подвел ни разу.

Экипаж скатившейся самоходки поспешно снимал с брони бревно, кто-то торопливо совал под гусеницы доски, заглядывая под машину. Остальные экипажи, пользуясь непредвиденной остановкой, разминали ноги, курили, перебрасывались замечаниями.

Самоходка застряла глубоко и, накренившись, косо стреляла синим дымком - механик-водитель забыл выключить двигатель.

- Подгоняй вторую машину! - приказал Пыреков.

Мы стояли ближе всех, и Соколов побежал к нашей САУ. Он аккуратно подвел ее и подал трос. Взревели двигатели обеих самоходов, из-под гусениц полетели комья земли и снега, трос натянулся, и застрявшая машина, скользя боком по краю кювета, медленно выползла на дорогу. Теперь можно было двигаться дальше. Трясаясь в подпрыгивающей на разбитой дороге самоходке, я снова мысленно благодарил нашего Ивана Соколова. С ним таких происшествий не бывало. Воевал он не первый год, сменил несколько машин. Участвовал во многих сражениях, прекрасно ориентировался на поле боя, знал, когда поднажать, когда остановиться, как укрыться от огня противника. Он

был старше меня всего на пять лет, но на вид казалось, что ему далеко за тридцать. Коротко стриженный, слегка сутуловатый, он выглядел бы довольно угрюмым, если бы не ясные голубые глаза и почти детская, открытая улыбка, которые необычайно красили его. До призыва в армию Соколов работал трактористом. Технику любил самозабвенно.

Говорили, что жизнь механика-водителя СУ-76 на войне коротка. Он первым принимает удар на себя, так как сидит впереди всех, зажатый между баками с горючим: КБ-70 авиационного бензина. Остальные члены экипажа хоть немного, но сзади и более или менее защищены. Когда самоходка загоралась от прямого попадания снаряда, механик-водитель чаще всего просто не успевал выскочить... Наш Иван Соколов служил как бы живым опровержением этого. Сам он объяснял свое везение тем, что не успел еще по-настоящему и сполна свести счеты с гитлеровцами. А счеты эти сводить были теперь все возможности.

В конце января перед полком поставили задачу совершить марш в новый район и помочь пехоте в отражении атак рвущего из котла противника.

Нашу батарею поставили в голове колонны. Мою самоходку лейтенант Пыреков назначил в головной дозор.

До места назначения более семидесяти километров, и пройти их предстояло за двенадцать часов. Вроде бы немного, но не для такого времени года. В воздухе пахло весной. На побуревшем снегу черными пятнами проступала земля. Дороги развезло.

Недолго нам довелось двигаться с расчетной скоростью, скоро самоходка увязла в черноземе. Оба мотора ревели, надрываясь, а машина почти стояла на месте. Гусеницы, медленно вращаясь, прокручивали огромные комья грязи, и мы, словно на тихоходном катере, медленно плыли по размокшей дороге. В таком положении нас и застал командир полка, догнав на вездеходе.

- Ну что, Горелкин, вязнешь?

- Как видите, - виновато отозвался я.

- Готовь связки бревен, клади под гусеницы, уходи с дороги, жми напрямую, по полям!

Так и сделали. Стали выбирать места, покрытые снегом, и через некоторое время даже обогнали колонну тридцатьчетверок. Их более мощные моторы тоже не могли преодолеть вязкий чернозем. Над машинами висело сплошное облако от сгоревшего дизельного топлива. Танки стояли, увязнув почти по самые крылья.

Наши же самоходки хоть и медленно, но ползли вперед. По обочинам дороги, обходя застрявшие машины и танки, шли пехотинцы. Им тоже нелегко, несладко: на сапоги налипала грязь, люди едва переставляли ноги. И все-таки шли, а несли на себе автоматы, пулеметы, противотанковые ружья, боеприпасы, продукты и прочее имущество, необходимое в бою и походной жизни.

За время марша мы несколько раз обгоняли одно и то же стрелковое подразделение. Пехота-матушка шла и шла. Ей все было нипочем. А мы то застревали в какой-нибудь балке, то вырывались вперед. На нашу беду, сожгли почти все горючее, а подвоза не было. Я

доложил об этом комбату, и тот сообщил, что есть приказ забирать бензин у застрявших машин, оставляя им только неприкосновенный запас.

В полку пытались тащить наши грузовики самоходками, но ничего из этого не получилось. В Городище добрались с опозданием на несколько часов. Уставшие экипажи разошлись на отдых по уцелевшим домам, а мы еще больше часа до хутора Млиев, куда потом должны были подойти остальные батареи нашего полка.

Экипаж расположился в маленьком домике из двух комнат. Самоходку поставили во дворе. За небольшой речкой было голое поле, на котором чернело пепелище соседней деревни. По нашу сторону, метрах в четырехстах, на самой опушке леса стояла полуразвалившаяся, закопченная дочерна печка - все, что осталось от дома лесника.

Хозяйка, молчаливая женщина средних лет, коротко объяснила, что лесник поддерживал связь с партизанами - его дом был партизанской перевалочной базой, или, как мы поняли, местом, где разведчики и связные нередко дожидались ночи.

Фашисты ввели жесткий режим пропусков: даже для того, чтобы съездить в соседнюю деревню к родственникам, нужно было получить специальный пропуск. В сорок третьем году почти все села и хутора вокруг леса каратели сожгли, и, когда партизаны после блокады вышли из леса, на месте, где стоял дом лесника, дымились головешки. Осталась только печка.

Ко мне подошел наводчик Михаил Коротких. Он самый старший по возрасту в нашем экипаже, родился в 1915 году. Когда я принимал самоходку и знакомился с экипажем, меня неприятно поразил суровый взгляд его серых глаз. Михаил отличался нелюдимым характером, в разговор вступал неохотно, в бою как-то терялся, команды слушал невнимательно, и мне иногда даже приходилось самому вести стрельбу и выполнять его обязанности. А сейчас, не успели мы обосноваться, как Коротких с топором в руках уже быстро поправил что-то на крыше дома, заменил подгнивший столбик у ворот. Сын хозяйки Витя, мальчишка лет шести, ходил за Михаилом как привязанный, что-то показывал, и было видно, что между ними установились хорошие дружеские отношения.

И вот теперь Коротких предложил:

- Командир, мы уже сколько времени на колесах в бою. Надо бы баню устроить, пока есть время.

- Согласен. Но как?

- Это беру на себя. Хозяйку попрошу... - уверенно заявил он и тут же пошел за хозяйкой.

Та сразу откликнулась на просьбу и скомандовала:

- А ну-ка, родненькие, раздевайтесь! Я за водой сбегая и белье постираю.

Пока мы мылись, хозяйка постирала и повесила над печкой сушить наше белье. Мне она протянула чистую пару белья мужа, и я, накинув на плечи шинель, вышел во двор, С бугра, на котором стоял хутор, далеко просматривалось поле и проселочная дорога, уводившая к

железнодорожной станции. Летом здесь, очевидно, все покрывалось густой зеленью хлебов, а сейчас этот пейзаж мог только навеять тоску.

Наш отдых был прерван приказом из штаба полка продолжать путь. Дорога дальше оказалась столь же тяжелой. На одном из участков догнали артиллерийскую батарею на конной тяге. Орудия застряли в грязи, постромки почти все порвались, лошади окончательно выбились из сил.

К моей самоходке подошел капитан-командир батареи. Попросил: - Танкист, стой! Помоги вытащить орудия, а то погублю лошадей и дальше не смогу двигаться.

Я тут же связался по радию с лейтенантом Пырековым, доложил сложившуюся обстановку и получил "добро" от самого командира полка, включившегося в наш разговор; он же приказал докладывать каждые полчаса о нашем месте нахождения.

Уступив место в голове колонны полка другой САУ, мы зацепили тросом ближайшее орудие и отбуксировали его к опушке леса. То же проделали и с остальными. Артиллеристы в это время обтерли дрожащих от усталости коней, отвели их на ту же опушку.

Когда "спасательная" операция была закончена, я доложил в штаб полка, что могу продолжать движение. Мне разрешили изменить маршрут, чтобы быстрее догнать полк по другой дороге. Мы попрощались с артиллеристами и пристроились к колонне самоходок, шедшие в нужном нам направлении. Раскисшая, разбитая техникой дорога сама по себе представляла довольно серьезное препятствие для быстрого продвижения, а тут вдруг на западе я увидел группу самолетов, летевших в нашу сторону. Издалека определить, наши это или фашисты, было трудно, хотя тоскливый, надсадный гул моторов оставлял мало сомнений по этому поводу. Но вот они приблизились, и все стало ясно: машины начали стремительно снижаться, одновременно делая разворот, чтобы точнее выйти на дорогу, по которой, неуклюже переваливаясь в непролазной грязи, медленно ползли наши самоходки.

Вдруг откуда-то спереди раздались выстрелы зениток, и белые, похожие на одуванчики разрывы замелькали впереди и с боков приготовившихся к бомбометанию самолетов. Они сразу сломали строй, и бомбы полетели куда попало.

Догнав колонну, я доложил комбату о готовности машина и экипажа к выполнению боевой задачи. Она тут же последовала.

- Вот эту деревню видишь? - спросил Пыреков, указывая точку на карте. Завтра в восемь утра будем поддерживать атаку пехоты. Этой ночью мы и четвертая батарея должны прибыть в район сосредоточения.

Вышли, едва стемнело. Самоходка, взревев моторами, подмяла под себя ломкие ветки кустарника и заняла место в колонне батареи. Двигались с полной светомаскировкой. Машины вели буквально на ощупь. Кругом было темно, хоть глаз коли, и лишь далеко впереди над линией фронта изредка взлетали и тут же гасли ракеты.

Марш продолжался более часа. Я постоянно был в напряжении, стремясь не потерять из виду идущую впереди самоходку, силуэт которой изредка возникал в бледном отсвете редких ракет.

Команда остановиться прозвучала неожиданно. Я спрыгнул на землю. Какое же это все-таки блаженство - потянуться после долгого сидения в самоходке, расправить затекшие плечи, прогнуться до хруста в позвоночнике. Машинально одернул комбинезон и представился кому-то невидимому и, судя чавканью грязи под ногами, идущему прямо на меня:

- Глуши, танкист, прибыли, - услышал глуховатый голос и с трудом различил белеющее в темноте лицо. - Комбат приказал встретить и проводить к месту.

Где-то впереди, примерно в двух километрах от нас, находились передовые подразделения. Заправщики запаздывали, и командир разрешил нам с Чернышевым пойти к пехотинцам посмотреть оборону врага. Вместе со связным, возвращавшимся в роту, мы пришли в первую траншею. Я взглянул из окопа. В предрассветной мгле смутно просматривались торчавшие впереди столбики, опутанные колючей проволокой. На этом участке в последние дни активных боевых действий не было. Только разведчики беспокоили иногда установившуюся на переднем крае тишину. Однако ребята сказали, что высовываться дальше нельзя: фрицы вели постоянное наблюдение и их снайперы не дремали.

Когда мы возвратились, экипажи уже возились у своих самоходов, готовя их к бою. Командир батареи сообщил, что время начала атаки перенесли на полтора часа - запаздывали машины с боеприпасами. Взошло солнце, и, чем теплее делались его лучи, тем больше клонило меня в сон - ночью ведь не удалось даже вздремнуть. Я присел на бревно, прислонился спиной к самоходке и...проснулся, как показалось, тотчас, от крика заряжающего:

- Командир! По машинам!

Мои ребята уже сидели в ней, и Василий Алексеев протягивал мне руку.

Над полем стоял многоголосый гул. Гитлеровцы опередили нас в своей очередной попытке вырваться из котла. Солнце зашло за опустившиеся низкие тучи, и наши штурмовики, вынырнувшие из-за них, сразу же попали в медленно поднимающиеся вверх клубы дыма.

Все это промелькнуло перед моими глазами, пока я влезал в машину. Вероятно, от постоянного недосыпания меня била нервная дрожь. Рука соскользнула со скобы, и я больно ударился коленом о верхнюю гусеницу. Резкая боль подействовала отврезвляюще: я буквально вскочил в боевое отделение, сел на свое место, надел шлемофон, подключил внутреннюю связь и сразу успокоился.

...Бой шел уже несколько часов. Солнце, прорываясь сквозь облака, грело затылок и спину. Уже в который раз самоходки ползли по полю, стараясь не отрываться от пехоты. Слева горела чья-то машина, возле нее лежали бойцы, стрелкового подразделения.

Внезапно впереди встал кустистый столб разрыва, и я невольно вжал голову в плечи. Сердце замерло. "Неужели меня сегодня убьют?" -

промелькнула мысль. Грохнул очередной взрыв, да так близко, что машину качнуло взрывной волной. Один из десантников упал с брони на землю. Остановиться и посмотреть, что с ним, у нас не было возможности. Рядом встал фонтан разрыва еще одного снаряда.

Я понял, что надо как можно быстрее проскочить этот участок.

- Жми, Соколов! - крикнул я механику-водителю.

Самоходка обогнула воронку и оказалась у стены крайнего дома. Я уж сбился со счета, в который раз мы ворвались в это село. Все поле было заполнено людьми, техникой. Над головой на малой высоте проносились наши штурмовики. Боец в распахнутой шинели остановился рядом с нашей самоходкой; в одной руке у него автомат, в другой - граната. В этот момент справа ударил пулемет. Автоматчик пригнулся, прячась за нашу самоходку. Из-за дома выскочил гитлеровец и побежал, согнувшись, вдоль улицы. Боец дал по нему очередь. Автомат дрожал в его руках как живой. Немец остановился, размахнулся - в руке граната, - но тут же рухнул, срезанный очередью.

Бой в деревне продолжался. Слева, на огородах, за сараями накапливалась пехота. С колокольни разрушенной церкви ударил пулемет, и пули выбили фонтанчики земли и льда.

Я быстро оценил выгодность положения, в котором находилась самоходка.

- Заряжай осколочно-фугасным, - скомандовал Василию Алексееву и сам стал наводить пушку на колокольню. Щелкнул замок.

- Готов, командир, - доложил заряжающий.

Язычок пламени бился в окуляре прицела. Выстрел. Разрыва своего снаряда я ждал не дыша. Пулемет вдруг смолк, но через мгновение опять сыпанул дробь выстрелов. Разрыва я не видел. Значит, промах. Уменьшил прицел и взял чуть ниже. Алексеев достал снаряд без моей команды. Выстрел! Опять мучительное ожидание разрыва. Снаряд ударил ниже колокольни, полетели камни, встало облако пыли, дыма, и пулемет замолчал. Попал! Когда рассеялось облако на месте попадания, то колокольни уже не было.

Остальные самоходки нашей батареи вели бой на большом колхозном дворе. Связался по радиации с лейтенантом Пырековым, доложил о том, где нахожусь. Командир батареи приказал не увлекаться и от батареи не отрываться. Не успел я возразить, как меня дернул за руку Алексеев.

- Командир, никак, летит! - Заряжающий показал рукой в сторону противника. К звуку двигателей самоходов добавился тяжелый прерывистый гул. Он надвигался, заполняя все пространство. Самолеты появились справа и явно шли на деревню.

Ведущий стал пикировать прямо на мою самоходку. Рев моторов и вой бомб заглушили все звуки. Качнулась земля, самоходку слегка подкинуло, и когда я поднял голову, то увидел над собой выходящий из пике самолет.

- Двести двадцать первый, отвечай! - слышался встревоженный голос лейтенанта Пырекова.

- Я - Двести двадцать первый! Вас слышу! Прием! - откликнулся я.

- Живы! Хорошо... Приготовиться к отражению атаки танков и пехоты противника. Огонь по танкам открывать по моей команде! Как поняли? Прием!

Я доложил, что все понял, и снова посмотрел вперед. На нас наступало более десятка бронированных машин. Гулко хлопали выстрелы танковых пушек, и снаряды рвались между домами.

А в воздухе продолжали висеть вражеские самолеты. Когда передвигались на новые позиции, один из них увязался за нашей самоходкой. Началась игра в кошки-мышки. Летчик оказался упрямым. Стоило нам увернуться от его очередной атаки, как он тут же снова начинал пикировать.

- Увеличь скорость движения и двигай навстречу самолету! - крикнул я Ивану Соколову.

Вражеская машина с ревом пронеслась над головами. Пока она разворачивалась, мы проскочили к большому сараю, сделали резкий разворот влево и спрятались за ним. Успели вовремя: буквально через несколько минут над крышей с ревом пронесся самолет и ушел вверх с набором высоты. Я продолжал следить за ним. Летчик сделал вираж, чтобы опять зайти в атаку.

- Иван, давай! - подал я команду Соколову. Самоходка резко рванула с места, прошла метров двадцать и задним ходом укрылась за сараем с другой стороны.

- Горелкин! Не увлекайся! - раздался в шлемофоне голос майора Боброва. - Не забывай о танках!

Предупреждение оказалось своевременным, так как вражеские машины приблизились к нам уже метров на триста.

Гитлеровский летчик, сбросив бомбы, которые упали с большим перелетом, наконец оставил нас в покое, но тут открыли огонь танки. Он оказался таким плотным, что стена сарая в считанные минуты превратилась в решето. К счастью, в самоходку не было ни одного попадания. Наши товарищи вели огонь по танкам противника и мешали им вести прицельную стрельбу. Вражеская авиация улетела, танки тоже отошли на исходные позиции и готовились к очередной атаке. Командир полка собрал командиров машин и уточнил задачу: нужно было любой ценой задержать врага.

Посоветовался с подчиненными и решил действовать следующим образом: выскочить из укрытия к соседнему дому, стать за его стеной, обстрелять танки и быстро назад, за сарай. Только успел объяснить экипажу свой план, показать механику-водителю путь движения, как над позициями противника взлетела серия сигнальных ракет. Началась очередная атака. Сначала заговорила наша противотанковая артиллерия, затем настал наш черед. Подскочили к дому и открыли огонь по ближайшему танку. После боя покрылось фонтанами разрывов. Вот встал и задымился один танк, затем другой. Наводчик сделал семь выстрелов, когда в стену дома ударил снаряд из танка. Нас обнаружили. Пора было менять позицию.

Я подал команду механику-водителю, но самоходка продолжала стоять на месте. Несколько раз перевел рычажок переключателя - связи

не было. Видно, что-то случилось с переговорным устройством. Что делать? Лезть вниз? Долго, за это время нас могут и подбить. Разъединил переговорное устройство и выскочил из самоходки. Встал перед люком механика-водителя и махнул ему рукой: мол, давай, двигай быстрее назад. Иван понял меня сразу, но только самоходка двинулась с места, в крышу дома попал снаряд. Поднялось густое облако пыли. Чихая и кашляя, я выбрался на чистое место. Ко мне подбежал лейтенант Пыреков, наблюдавший за нашими действиями от соседнего дома.

- Горелкин, живой? Ну и везучий! Что с тобой? Почему вылез из машины?

Коротко объяснил, что произошло.

Атака противника захлебнулась, отошли и его танки... Можно было немного передохнуть, пополнить боеприпас и топливо. Пока ждали своей очереди, я зашел в сарай, спасший нам жизнь.

Из груды обломков торчал гриф гитары. Вытащил ее - целая, даже все струны есть. Взял с собой и на радостях от того, что жив остался, что бой прошел удачно, не удержался и, подыгрывая себе на гитаре стал петь на песню из кинофильма "Путевка в жизнь", как вор Жиган пел "Семеновну":

Ты не стой на льду, лед провалится.

Не люби вора, вор завалится...

Щи горячие, с кипяточиком,

А слезы капают - ручеёчком...

Начал плясать на моторном отделении самоходки, выделявая замысловатые коленца под "Семеновну"!

Моя пляска и песня "сразили" командира полка наповал:

- Артист ты, Горелкин. Настоящий артист - голубоглазый, - сказал он, улыбаясь. С его легкой руки в полку меня стали называть "артистом".

Шендыревку мы все-таки удержать не смогли, уж очень упорно лезли фашисты, стараясь спасти свою шкуру и вырваться из окружения. Враг занял деревню, но командование перебросило нам на помощь подкрепление, и фрицы дальше пройти не смогли. Положение на внутреннем фронте, как и на внешнем, стало довольно устойчивым. А наш полк опять был переведен на другое направление тарашанское, где противник все еще пытался прорваться из окружения.

Может показаться странным, что мы в этот период то брали населенные пункты и захватывали указанные рубежи, то отдавали их, откатываясь на исходное положение. Такой была тактика сдерживания противника в котле. Мы изматывали его атаками с разных направлений, заставляли расплывать силы и не давали сосредоточить их на одном каком-то участке.

Потому и бросали нас с одного участка фронта окружения на другой. Вот и теперь предстояло пройти около 50 километров. Командир полка решил совершить ночной марш на 30 километров, чтобы к утру быть в деревне Моренцы. Вышли, когда уже стемнело. Погода изменилась, похолодало. Самоходка двигалась в общей колонне. Встречным ветром из глаз выжимало слезы, и они скатывались по

щекам, намерзая на шлемофоне. В Моренцы добрались благополучно, дозаправились и расположились на отдых. Командир полка выслал разведку и предупредил, что в 15.00 выступаем на Гуту-Селицкую.

Тучи обложили горизонт, на севере они все время подсвечивались сполохами. Там шел бой.

Разрешили отдохнуть. Усталость валила с ног. Бойцы засыпали там, где их застала команда, иногда с открытыми глазами, с недокуренными папиросами. На меня, хотя и был изрядно голоден, помню, даже не действовал запах еды.

Разбудил заряжающий Василий Алексеев. Он сообщил, что всех командиров машин срочно вызывают в штаб.

Подбежал Коротких, протянул мыло, держа в руках котелок с водой. На плече висело полотенце.

- Умойтесь, командир, - сказал он. - Легче будет.

Сон действительно прошел, и я бодро побежал в штаб. Вот когда вдруг проснулся голод, но было уже не до еды.

Доложил о прибытии. Командир полка смотрел на карту, напряженно думал и молчал.

- Разведчики, высланные утром, еще не вернулись, а отправлять других уже поздно. - Майор Бобров сделал небольшую паузу. - Будем продолжать движение. Надеюсь, разведчики встретятся нам на маршруте. Вопросы есть? Нет. Все свободны.

Перекусив, выступили в назначенное время. Но танки противника опередили нас. Они захватили Гуту-Селицкую, перехватили и уничтожили на подступах к ней нашу разведку и скрытно заняли позиции на высоте.

Как только голова колонны показалась из лесу, она стала отличной мишенью для врага. Гитлеровцы подпустили наши три самоходки поближе и с расстояния метров 300-350 открыли огонь. Слева - лес, справа - заснеженное поле, назад тоже ходу не было, так как дорогу занимали шедшие за нами другие самоходки полка.

Командир 1-й батареи старший лейтенант Скавронский и наш комбат Пыреков были на первых трех машинах. Они бросились назад, чтобы повернуть колонну и отойти по лесной дороге. Но наводчик, оставшийся за раненного в боях под Шендыревкой младшего лейтенанта Чернышева, не смог правильно оценить обстановку. Он приказал механику-водителю разворачиваться, двигатель заглох, и его самоходка перегородила дорогу. Нам пришлось принять бой на открытом месте.

Первой машиной командовал младший лейтенант Владимир Ляпин, человек смелый и хладнокровный, не терявший самообладания в самой сложной обстановке. Вот и тогда, когда мы оказались под дулами нескольких танков противника, он принял единственное верное решение: резко увеличил скорость и сошелся с ближайшим танком метров до 70-100. Ляпин учел и то, что немцы находились выше нас, и угол склонения пушки не позволял им в упор расстрелять его. Вот почему первый снаряд из вражеского танка прошел над самоходкой Ляпина, не причинил ей вреда. Видимо не поняв, что Ляпин уже вышел из зоны поражения, вражеский танкист выстрелил еще раз, но и этот снаряд не достиг цели.

Второй танк медленно поворачивал башню, наводя пушку на мою самоходку. Я замер в ожидании, понимая, что упредить врага уже не успеем. В это время Ляпин с короткой остановки влепил снаряд точно в первый танк, и над ним встал столб дыма.

Рядом хлопнул выстрел пушки. Это открыл огонь самоходка младшего лейтенанта Скопца. Недолет! Башня танка остановилась. Черный зрачок дула танковой пушки, казалось, глядел прямо на меня. Жерло полыхнуло пламенем, грохнул взрыв... Снаряд попал в угол башни самоходки Скопца, которая стояла метрах в десяти - пятнадцати от нас, пробил броню; заряжающий и командир погибли сразу, наводчик был тяжело ранен. Самоходка загорелась. Я отвечал на огонь врага и краем глаза следил за механиком водителем подбитой машины. Сержант Девятов вытащил через свой люк раненого наводчика и ползком потащил его в сторону леса. На дороге мы остались одни. Что делать? Скомандовал Соколову:

- Сдай немного назад!

Из-за подбитого танка выполз "фердинанд" и остановился. Мне был хорошо виден его длинный ствол похожий на кулак дульный тормоз...

Едва наша самоходка начала двигаться назад, как перед ней встал фонтан разрыва - снаряд упал прямо перед люком механика-водителя. Силой взрыва люк сорвало с защелки и отбросило вверх. Я всего этого не видел и дал наводчику команду сделать очередной выстрел. Наш выстрел слился с сильным ударом по корпусу, и я потерял сознание...

Что было потом, мне рассказал через трое суток Иван Соколов, когда пришел навестить в госпиталь. В момент выстрела дульный тормоз пушки находился прямо над люком механика-водителя. Когда его сорвало с защелки, Иван Соколов потянулся, пытаясь закрыть люк. В этот момент раздался выстрел нашей пушки. Соколова сильно оглушило, и несколько секунд он приходил в себя. Двигатель заглох. Соколов выскочил из самоходки, так как увидел, что в боевом отделении загорелся порох из разбитых гильз. Заметив, что кроме него из машины не выскочил больше никто, он бросился к задней двери боевого отделения.

Картина была жуткая: вместо наводчика бесформенная груда останков, у заряжающего - громадная рана в груди. Я лежал на выступе радиатора, руками уцепившись за скобы переднего триплекса, а ноги - на командирском сиденье. Соколов ухватил меня за ремень, через верх вытолкнул из самоходки и сам выбрался из нее, опасаясь, что вот-вот взорвется боеукладка.

К этому времени уже совсем стемнело, и немцы прекратили огонь. К подбитой самоходке вернулись Скавронский и Пыреков. Вместе с Соколовым они снегом стали гасить пламя. Когда опасность взрыва миновала, Иван смог добраться до огнетушителей, и машину удалось спасти. Все это время я лежал без сознания на снегу. Затем меня положили на моторное отделение самоходки и привезли в Моренцы в полевой госпиталь.

Очнулся уже в палате. Долго не мог сообразить, где нахожусь, ничего не вижу. Подошла медсестра, обрадовалась:

- Поздравляю вас, товарищ лейтенант! Товарищи говорили, что вы вернулись с того света. Вот и сейчас один из них сидит в коридоре. Хочет вас видеть.

- Почему так темно, я же не вижу, в глазах все горит огнем, - спросил я сестру?

Пауза... Наверное сестра убежала за доктором...

Врач остался доволен результатами осмотра, и что неделки через две и увидите, - сказал он, - а на следующий день и товарищи будут вас навещать. По счастливой случайности, у меня не оказалось ни одной раны, были сильная контузия и ожоги лица.

Первым ко мне пришел Иван Соколов. От него я и узнал, что было после того, как потерял сознание. Снаряд прошел над бензобаками, оторвал подъемный и поворотный механизмы, повредил пятнадцать снарядов и расправился с нами.

- Я не верю в чудеса, - Иван даже руками развел, - но то, что ни один наш снаряд не взорвался - это факт. А ведь у некоторых из них оказались поврежденными гильзы, были сорваны взрыватели и колпачки. Еще одно понять не могу: как ты уцелел? Ведь от Коротких от тебя отделял только казенник пушки. И почему ты лежал сверху, на пушке?

- Странного тут ничего нет, - ответил я ему, - и объяснение простое: чтобы достать лбом до переднего триплекса, я становился коленями на командирское сиденье. Так это было и тот раз. От снаряда меня прикрыл боевой щиток спусковой скобы.

Потом Соколов рассказал о гибели Коротких и Алексеева. Мы помолчали. Я поинтересовался, что с экипажем младшего лейтенанта Скопца.

Соколов обрадовал сообщением о том, что сержант Девятков остался жив и даже спас наводчика, который теперь в госпитале.

- А что с машиной? Дали пополнение в экипаж? Кто назначен командиром продолжал я задавать вопросы.

- Да не волнуйся, - успокоил Иван, - ходовая часть цела. Пригнал машину в мастерскую. Пушку уже заменили, наварим заплатки на броню, и будет воевать... Командира нового не дали. Батя (так мы между собой называли командира полка майора Боброва) надеется, что ты скоро вернешься в строй.

Иван ушел, а я никак не мог привыкнуть к мысли, что в полку осталось всего одиннадцать исправных машин и шесть командиров. Невольно вспомнился тот день, когда прибыл в 1892-й самоходно-артиллерийский полк, представился командиру батареи лейтенанту Пырекову, познакомился со своим экипажем. Тогда в каждой из четырех батарей полка было по пять новеньких СУ-76. Получали мы их в Горьком. Машины только-только сошли с конвейера, пахли свежей краской, и я был рад, что получил самоходку усовершенствованной конструкции. СУ-76 первого выпуска, так называемые "кировские", были с крышей над боевым отделением. Два двигателя, каждый по 70

лошадиных сил, работали на бензине. При попадании снаряда в баки - а каждый вмещал по 206 литров или в топливную магистраль машина мгновенно вспыхивала, и покинуть ее экипаж просто не успевал. Кроме того, эта машина весила около 15 тонн и имела меньшую скорость по сравнению с нашей.

Конструкторы учли опыт первых боев, оставили на машине ту же пушку ЗИС-3 калибра 76 мм, считавшуюся одной из лучших в мире, но сняли броню с верхней части корпуса, что облегчило самоходку почти на четыре тонны. Вот на таких машинах и пришлось мне начать свой фронтной путь. Теперь в госпитале появилась возможность вспомнить первые командирские шаги, знакомство с первыми подчиненными и первые уроки. Особенно врезалась в память дорога на фронт.

Состав шел по вновь восстановленной железнодорожной колее. Я дремал на жесткой полке, положив под голову скрученную шинель, когда за мной прибежал посыльный командира полка.

- Младшего лейтенанта Горелкина к майору Боброву! - сообщил он.

Командир полка был в своем купе штабного вагона. Меня сразу настрожил тон его голоса, явно не предвещавший ничего хорошего.

- Садитесь, Горелкин, давно собирался поговорить... Да вот все времени не было. Как служба? Как люди в экипаже? Как питание?

- Служба идет нормально, люди в экипаже подобрались хорошие, - ответил я и добавил: - Кормят хорошо.

- Знаю, - усмехнулся командир полка. - А знаешь ли ты, командир экипажа, чем занимаются твои люди сейчас?

- Сидят в теплушке.

- Ты когда их видел в последний раз?

- После завтрака была читка газет, все были на месте. А что случилось?

- Запомни, Горелкин, ты должен знать, где находятся твои люди и чем занимаются, а не задавать этот вопрос старшему командиру. Так вот, они устроились на платформе, где стоят самоходки, разожгли паяльную лампу под брезентом и готовили себе обед. Чуть не подожгли состав. За это нарушение объявляю тебе замечание, а экипаж - под домашний арест до момента высадки. Понял?

- Так точно, понял.

- Иди, - отпустил меня майор Бобров, - и смотри за своими людьми. Еще раз проштрафятся - отдам под суд.

Вернулся в свой вагон, сел на нары. Было обидно. Сам ведь виноват не проследил за тем, чем занят экипаж. А ведь это так просто! И на тебе - службу начал с замечания...

Затем немного успокоился и стал глядеть на телеграфные провода. Они прыгали от столба к столбу, рвали на куски полотно паровозного дыма. Земля нескончаемой лентой скользила рядом с вагоном и перед глазами, вот уже который день мелькали поля и перелески, разрушенные дома, станции и полустанки.

Проснулся я от тишины. Эшелон стоял в поле. Дверь вагона откатили, в проеме, свесив ноги, сидел на полу мой механик-водитель Иван Соколов и разговаривал с железнодорожником.

Пронзительно засвистел паровоз, вагон дернулся, и опять замелькали привычные картины: поля, леса, деревни и полустанки.

Я долго смотрел в окно. По блеклому высокому небуплыли редкие облака, волоча за собой по земле синюю тень. Пожалуй, именно тогда я осознал, что ради этой земли, ради этой невыразимо прекрасной России, ради ее прошлого и будущего мы идем в бой.

Чем ближе к фронту подходил наш эшелон, тем зримей были следы боев: окопы и воронки, сгоревшая и разбитая боевая техника. Стыдно было признаться даже само себе, но эти отголоски недавних сражений вызывали в душе какое-то тревожное беспокойство.

- Гляди веселей, - хлопнул меня по спине ладонью лейтенант Пыреков, на войне не всех убивают.

Еще в пути мы узнали, что войска 1-го Украинского фронта отражают танковые атаки противника на Киев. Вражеская авиация бомбила железные дороги, по которым наше командование перебрасывало в район боев подкрепление и резервы.

До места назначения доехать не удалось, так как железнодорожное полотно было разрушено. Эшелон остановился в степи, мы сделали временные аппарели и приступили к разгрузке. Наша самоходка оставалась еще на платформе, и я в ожидании очереди решил пройтись вдоль состава.

У одного из вагонов меня остановил командир полка.

- Как с разгрузкой, Горелкин? - требовательно глядел мне в глаза, спросил он.

- Ждем своей очереди, товарищ майор, - четко доложил я.

- А ты здесь что делаешь?

- Жду ваших приказаний, - попытался я объяснить свое хождение по железнодорожному полотну.

- Проверил бы еще раз, чем занят экипаж, получен ли боезапас и топливо, - нарочито строго промолвил в ответ Бобров.

- Есть, товарищ майор, проверить загрузку боепитания и топлива, - сказал я, приложил руку к головному убору, и, повернувшись кругом, побежал к своему вагону.

Так еще раз командир напомнил мне о моих первоочередных обязанностях, о том, что нет времени для праздных прогулок и всегда нужно находиться на своем месте со своими людьми, а не уединяться от них.

Чтобы ускорить выгрузку и меньше портить настил, командир полка приказал расцепить платформы и сгружать самоходки прямо на железнодорожное полотно. Пригодились старые шпалы и бревна, которые мы везли с собой.

Через некоторое время экипажи были построены возле своих машин. Перед шеренгой остановился командир полка:

- Товарищи, - сказал он, и голос зазвучал торжественно и взволнованно, - наш полк прибыл на фронт. Будет действовать в составе войск армии, которая наступает в общем направлении на Белую Церковь.

...Каким далеким казался тот день! И вот теперь майор Бобров пришел к нам в госпиталь. Расспросив о самочувствии, он как бы шутя попросил:

- Давай выздоравливай побыстрее. Экипажи без командиров. А тебе я дам наводчика сержанта Костенко из первой батареи, а вот заряжающих пока нет.

Наш госпиталь находился в селе Медвень. Легкораненых и выздоравливающих разместили в домах колхозников. Нашей хозяйкой была пожилая ласковая женщина, она заботилась о нас, как о своих сыновьях. Услышав слова майора Боброва, она горячо заговорила:

- Да ты что?! Куда ты его тянешь? Сам-то до сих пор еще плохо видит. На двор идет, так за стенку держится. Куда ему такому, как воевать будет? Не пушу! - И заплакала.

Командир полка не ожидал такого поворота в разговоре. Слезы хозяйки и ее страстное желание защитить меня смутили его.

- Раз так, Сашка, лезь на печь. До Берлина еще далеко, успеешь и вернуться в полк, и повоевать.

Заботы хозяйки и молодой организм сделали свое дело: ожоги зарубцевались и через несколько дней после визита майора Боброва я уже был готов принять свою залатанную самоходку.

Как же радостно живым и здоровым вернуться в свою батарею! Это было ни с чем не сравнимое чувство, поскольку до войны вообще никуда не уезжал из дома. Впрочем, люди, которым пришлось поскитаться в жизни, говорили, что те "мирные" встречи с родными и близкими после долгих разлук и радость от них нельзя сравнить с теми чувствами, которые испытывал фронтовик, возвращавшийся в свою часть, в свою батарею, в свой экипаж.

Мое возвращение получилось несколько необычным. Не успел толком поздороваться с друзьями, как услышал громкие крики. Еще не зная, что случилось, побежал вперед. Между домами мелькали фигуры бойцов.

- Танки! - послышался голос комбата Пырекова.

В огородах топтались возле орудий расчеты ствольной артиллерии, разворачивали их тонкие дула в ту сторону, откуда слышался железный стрекот.

Видимость была метров на триста-четырееста. Между деревьями в густом тумане грузно ворочались тяжелые туши танков. Вскочил в свою самоходку и сразу как-то успокоился. Экипаж уже ждал. Ствол орудия был нацелен на дорогу. Что-то мешало, хлопало по лицу. В спешке забыл застегнуть шлемофон и подключиться к внутренней связи. Пальцы немного дрожали и никак не могли застегнуть пряжку. Соколов и Костенко уже были на своих местах.

Рядом ударила по врагу самоходка Чернышева.

- Заряжай! - командовал. - Упреждение один корпус! Огонь!

Грохнул выстрел, самоходка дернулась, возвращаясь на место толчка. Всплески выстрелов видны были повсюду: в поле, на дороге, между деревьями в садах. Казалось, шел какой-то огненный шквал. Наводчик нервничал, торопился. А танки и бронетранспортеры все шли и шли на наши позиции.

Частая дробь сыпанула по броне. Отовсюду над полем боя пронеслись огненные трассы пуль и снарядов. Вражеские машины медленно наползали на противотанковую батарею, стоявшую впереди нас. Одно из орудий вдруг подпрыгнуло, словно от выстрела, и осело в дыме разрыва. От него побежали оставшиеся в живых артиллеристы. Завыла мина, но я, не отрываясь от панорамы, продолжал целиться, хотя чувствовал эту мину всем своим существом. Хлопнул один взрыв, другой. По броне застучали осколки. Заработала рация.

- Горелки! Горелки! Двести двадцать первый! Ты меня слышишь? Прием! Голос комбата Пырекова как бы вернул меня к действительности. - Маневрируй, не стой на месте! Чаше меняй огневую!

Ответить я не успел, так как рядом легло несколько снарядов. Один из них попал в дальнюю самоходку, над которой встал столб дыма и пламени. Оставшиеся в строю машины отползали от укрытия к укрытию и вели непрерывный огонь. По всему полю бежали люди, падали, вскакивали и опять, пригибаясь, бежали.

Рев авиационных моторов словно придавил всех. Из-за леса на малой высоте выскочили наши штурмовики и с ходу атаковали вражеские танки и бронетранспортеры. Низко над моей головой, распластав крылья, вспыхивающие огоньками выстрелов, прошел на бреющем полете Ил-2. Взрывы. Огонь. Было видно, как от подбитого танка пригибаясь бежали две черные фигуры. Помощь подоспела вовремя, атака захлебнулась, и появилась возможность пополнить боекомплект.

Передышка оказалась недолгой. Враг опять пошел вперед. Такого натиска и безрассудства в действиях фашистских вояк нам встречать еще не приходилось. Враг обреченно, почти без выстрелов, лез на наши позиции, несмотря на наш ураганный огонь и свои потери.

Только мой экипаж за ту ночь и утро следующего дня выпустил по врагу около двухсот снарядов. Мы четыре раза пополняли боекомплект. Когда противнику удавалось вплотную подойти к огненным позициям, отбивались гранатами и отстреливались из автоматов.

Майор Бобров построил боевой порядок полка в два эшелона. Израсходовав боеприпасы, самоходки первого эшелона отходили под прикрытием огня второго. Напор врага не ослабевал. Позже мы узнали, что гитлеровское командование решило прорвать любой ценой. Боевой порядок фашистов был построен в несколько эшелонов. В первом шли танки, за ними под прикрытием штурмовых орудий и автоматчиков следовало командование окруженной группировки - штабы соединений и офицерский состав до командиров полков включительно.

Мы хорошо подготовились к отражению этого штурма. Были созданы маневренные ударные группы, вместе с нами действовали танковые части, кавалерия.

Наши танки действовали с зажженными фарами, огнем и маневром они теснили врага, загоняя его обратно в котел. С наступлением рассвета мы смогли увидеть финал сражения: по полю носились казаки, беря в плен разбегавшихся в панике вражеских солдат и офицеров.

Корсунь-Шевченковская операция закончилась полным разгромом окруженной группировки врага. 18 февраля Москва салютовала войскам, добившимся замечательной победы в битве под Корсунь-Шевченковским. Нам зачитали приказ Верховного Главнокомандующего, а 23 февраля - в День Советской Армии и Военно-Морского Флота - состоялось вручение орденов и медалей воинам нашего полка.

День выдался солнечным и теплым. На просторном школьном дворе, где был построен личный состав, собрались почти все жители села Медвень. После грохота боев тишина казалась торжественной, было слышно, как падали капли с сосулек, повисших на крыше школы. В лучах солнца сверкали ордена и медали, лежавшие на столе, прикрытом куском алой ткани.

Когда из здания школы, где помещался штаб, вышел командир полка, строй замер... "Смирно"!

Майор Бобров поздоровался, поздравил с победой. Затем зачитал приказ о награждениях. Из высших наград мою фамилию он назвал одной из первых.

- Младший лейтенант Горелкин!

Подошел к столу, взял из рук командира полка орден Отечественной войны второй степени, ответил на поздравления и вернулся в строй. Лишь тогда пришел в себя. Трудно передать чувства, наполнявшие меня. Тут и гордость и радость. Тепло поздравил и Ивана Соколова, которому были вручены две награды - орден Красной Звезды и медаль "За отвагу".

Ритуал награждения закончился торжественным маршем.

Затем сельчане наперебой стали приглашать нас в гости. Мы зашли к своей хозяйке, у которой я долечивался после контузии. Женщина встретила нас как родных. Особенно обрадовалась, когда увидела меня целым и невредимым. Не знала, куда усадить и чем потчевать. Быстро собрала на стол, мы тоже развязали вещевые мешки и выставили все, что мы имели. Хозяйка суетилась, посматривала на наши награды, вздыхала, а потом вдруг спросила:

- А где Толя? Почему не пришел?

Мы опустили головы. Я рассказал, что младший лейтенант Чернышев, выпускник Ульяновского танкового училища, пал смертью храбрых в ночь на 17 февраля. Гитлеровцам удалось подойти к его самоходке почти вплотную. Экипаж пустил в ход гранаты и автоматы. В рукопашной схватке с врагом и погиб Анатолий, прошитый автоматной очередью.

Только много лет спустя, работая в Подольском архиве, узнал, что Анатолий в том бою остался жив. В суматохе его подобрали санитары стрелковой роты и в тяжелом состоянии, без сознания переправили в медсанбат. Затем он попал в госпиталь, долго лечился, вернулся в строй и погиб 27 июля 1944 года в одном из боев под Ковелем. Посмертно приказом по 47-й армии младший лейтенант Анатолий Чернышев был награжден орденом Отечественной войны первой степени.

В комнате было тихо, и тогда Иван Соколов предложил помянуть наших павших товарищей... Вспомнился почему-то последний разговор с Анатолием.

- Слушай, артист, ты в приметы веришь? - спросил он вдруг, когда мы собирались уходить от нашей гостеприимной хозяйки в свою батарею.

- А что? Приметы, случается, и не обманывают. Вот моя бабушка...

- Бабушка, говоришь... - прервал Чернышев, думая о чем то своем. Я тоже своих стариков здесь частенько вспоминаю. А сегодня утром хозяйка вдруг перекрестила меня и расплакалась...

Передышка вновь оказалась короткой. Не прошло и двух дней, как нас всех вызвали в штаб полка. Собрались быстро. Когда расселись вокруг стола, я вдруг осознал, как дорого мы заплатили за нашу победу.

Майор Бобров молча прошел на свое место, оглядел всех и сказал:

- В полку осталось всего восемь машин: в первой батарее - одна, во второй три, в третьей и четвертой - по две. Плохо то, что и на эти машины не хватает людей. Командование обещает пополнить нас техникой и людьми, а пока будем воевать в таком составе.

Мы молча выслушали командира полка. Всем все было ясно. Совещание закончилось, и мы вернулись к себе. Лейтенант Пыреков задержался: оказывается, заходил за почтой. Вернувшись, вытащил из сумки небольшой пакет. Со всех сторон к нему устремились бойцы. Под нетерпеливые взгляды и выкрики командир батареи медленно развязал узел и начал выкрикивать фамилии.

- Горелкин, держи!

Я взял долгожданный треугольник письма и отошел в сторону. Только на фронте понял, как дороги мне мать, отец, все родные, близкие мне люди. Но о матери вспоминалось почему-то чаще, чем о других. Удивительно, но я отчетливо, на всю жизнь запомнил испуганное выражение на лице мамы, когда получил первое в жизни "ранение". У нас сбежал один из кроликов и спрятался под телегой. Я попытался достать его оттуда, сделал неловкое движение и ударился головой о болт. Из рваной раны потекла кровь. Я испугался, закрыл ее рукой и бросился бежать к маме, а она тогда работала поваром столовой в Люберцах. Бежал я пять километров не останавливаясь. Добежал до кухни упал без сил. Перепугал не только мать, но и весь персонал. Привели медсестру, она промыла рану и перебинтовала мне голову. Мы пришли домой, мама уложила меня в постель и почти не отходила от меня, отрываясь лишь на некоторое время для неотложных домашних дел. Вечером заходили родственники, и я в который раз слушал из-за

двери ее рассказ о том, что со мной приключилось, помню, как проснулся поздно ночью. На полу стояла настольная лампа, загороженная газетой. Мама сидела за столом и спала, положив голову на руки. Каким-то образом она почувствовала, что я проснулся, встрепнулась, встала со стула, подошла, поправила повязку:

- Спи, сынок. Спи, Аника-воин.

Ласковая мамины рука гладила меня по лицу, глаза закрылись сами собой, и я опять уснул. То ли я стал взрослым, то ли фронтовая обстановка сказывалась, но мне, когда читал мамины письма, она казалась такой маленькой, такой беззащитной, хотя память прочно хранила годы детства, когда мама была статной, молодой и красивой.

Я часто пытался представить, как вернусь с войны, как будет встречать меня мама. Но пока все это было в мечтах, и связь между нами поддерживали только письма.

В ту весну сорок четвертого нас часто перебрасывали с одного места на другое. Нередко случалось, что едва мы успевали загнать самоходку в открытое укрытие, как поступала команда "Заводи!", и мы мчались в новый район. Снова - лопаты в руки, снова за дело. То была тяжелая работа - выбросить вчетвером вручную иногда до двух десятков кубических метров грунта. Я работал вместе со всеми - дорога была каждая пара рук.

Наступление наших войск продолжалось. Ставка приказала трем Украинским фронтам использовать выгодную для советских войск оперативно-стратегическую обстановку и в кратчайшие сроки подготовить новую операцию с целью окончательного разгрома врага на Правобережной Украине.

2-й Украинский фронт наносил удар в общем направлении на Умань и далее на Днестр. 27-я армия, в составе которой оставался наш полк, действовала на направлении главного удара.

Уманско-Баташанская операция началась утром 5 марта. Нам зачитали приказ о наступлении. Было тепло, висел густой туман, но командование фронта приняло решение действовать по утвержденному плану.

Почти час продолжалась артиллерийская подготовка. Над передним краем противника поднялось густое облако дыма. Через некоторое время послышалось знакомое гудение самолетов. Группа штурмовиков прошла над нами, нацеливая удар по врагу. Вскоре над передним краем противника поднялись новые столбы дыма. Наша пехота тоже попрыталась, и только наблюдатели остались на своих местах.

Я оглядел свой экипаж: все заняты делом. Желая показать, что совсем не волнуюсь, взял котелок, достал из него моченое яблоко - гостинец хозяйки.

- Командир, неужели ты будешь жевать эти яблоки?...

Молча доел яблоко, а остальные не тронул. Да, наверно было некстати. В это время пронеслись огненные кометы реактивных снарядов "катюш", а затем вдруг стало тихо. Настал миг атаки.

Удар оказался неожиданным для врага. Полная внезапность обеспечила успех. Мы наступали на село Маньковка и первую линию обороны прорвали с ходу. На плечах отступающих ворвались во вторую линию и завязали бой за село. Фашисты создали в ней сильный опорный пункт и встретили нас ураганным огнем. Пехота залегла на ровном, местами покрытом снегом поле, превращенном распутицей в труднопреодолимое препятствие.

Одна за другой стали останавливаться и самоходки. Казалось, атака захлебнулась. Но в этот момент в разных концах поля встали во весь рост несколько человек. Они подняли за собой стрелковые цепи.

И тут же я услышал голос командира батареи:

- Горелкин, не стой на месте! Вперед!

Самоходки двинулись к деревне, они буквально ползли по месиву из чернозема и мокрого снега. Мне были хорошо видны почти все машины нашего полка, их размытые контуры появились и исчезали, высвечиваемые пламенем выстрелов. Все подчинялось единственной цели - как можно быстрее проскочить это голое место.

Село горело. Сквозь дым прорвалось пламя, сопротивление врага не ослабевало. Вдруг самоходка, шедшая справа, словно наткнувшись на невидимое препятствие, остановилась, на ее корпусе заплескали языки пламени. Я невольно напрягся, ожидая, что вот-вот попадут и в нас. И точно... Снаряд пробил броню с левой стороны боевого отделения, наводчик орудия погиб сразу. А я выскочил наружу, бросился к люку механика-водителя и помог Ивану Соколову сбить пламя с одежды. Едва успели отбежать метров на двадцать, как за спиной грохнул взрыв...

Серое утро, ключья тумана, грязный снег, горящие неподвижные самоходки, между которыми чернели "комочки" погибших солдат, - все это увидел, поднявшись после взрыва, увидел и запомнил на всю жизнь.

Бой продолжался. Пехота и оставшиеся самоходки ворвались в село и выбили из него противника. Командование ввело в прорыв свежие части, которые должны были развить успех.

В полку осталось пять боевых машин. Их свели в одну батарею. Мне достался сборный экипаж, с которым и принял участие в боях по освобождению железнодорожного узла Христиновка.

Утром 10 марта наши войска полностью овладели Уманью и продолжали преследовать отходящего противника. Дороги превратились в непроходимые болота. По ним с большим трудом двигались танки и самоходки. Колесный транспорт приходилось тащить на буксире.

Дни заметно стали удлиняться, но чем длиннее день - тем дольше длится бой. А нас часто не хватало даже на половину боя. Штаб и службы полка остались в Христиновке, а мы в общей массе войск двигались в направлении Могилев-Подольского и далее к Днестру и Пруту - к нашей государственной границе.

Наша сводная батарея действовала в передовом отряде в составе танкового батальона. Когда подошли к станции Потащ, разведка доложила, что там разгружается боевая техника противника. Командир батальона в полукилометре от станции развернул его в одну линию и под прикрытием самоходов, с ходу атаковал вражеский железнодорожный

состав с боевой техникой. К этому времени гитлеровцы сгрузили не более десятка танков и штурмовых орудий. Без единого выстрела наши танки и самоходки ворвались на станцию. Началась паника. Немцы бросая оружие, разбежались во все стороны. Одни сразу поднимали руки вверх, другие, надеялись убежать и спрятаться в открытом поле?

"Тигры" и "фердинанды", пытавшиеся удрать, тоже далеко не ушли - застряли в грязи. Брошенные экипажами, они уже не представляли для нас никакой опасности. Через десять минут с эшелонном было покончено. Пленных построили в колонну и отправили в тыл.

Заправились топливом и перекусили здесь же, на станции. И снова вперед. Был получен приказ в бой не вступать и от противника не отрываться ни на шаг. Шли колонной. Если наталкивались на фашистов и они пытались оказать сопротивление, то передовые танки разворачивались в линию, делали два-три выстрела и гусеницами прокладывали дорогу остальным.

На подступах к реке Белая догнали большую колонну врага на марше. В ней было больше сотни автомашин, различная боевая техника. Не останавливаясь, танкисты повернули башни орудиями назад, мы подняли стволы вверх до упора и с полного хода врезались в хвост колонны. Тридцатьчетверки давили грузовики, сталкивали их в кювет, были слышны только тупые удары и скрежет металла. Вражеские пехотинцы разбежались, бросая оружие и амуницию. За нами на дороге остались груды раздавленных машин и толпы пленных, а впереди был Днестр. К нему передовые части советских войск вышли к исходу 18 марта.

Солнце опускалось за линию горизонта, его лучи красными бликами отражались в днестровской воде. Пехота сразу же начала переправляться на другой берег на подручных средствах. Артиллерию и танки перевезли на понтонах, захваченных у противника.

К этому времени в полку осталась только самоходка младшего лейтенанта А.Школьниковца. Командование приказало включить ее в состав одной из танковых частей, а майор Бобров с остатками личного состава должен был вернуться в Хрестиновку. Меня назначили офицером для связи при штабе 27-й армии.

Разместились мы в большом населенном пункте Рыжкановка. Стоял апрель, было тепло и солнечно. До войны мне не приходилось бывать на юге нашей страны, и красота пробуждающейся южной природы покорила меня. Нравилась и люди, простые и радушные. Они встретили и приняли нас как долгожданных гостей, искренне, от всего сердца.

Тылы где-то безнадежно отстали, и мы несколько дней жили на "бабушкином аттестате" - сельчане делились с нами всем, что у них было. Впрочем, и мы их потчевали чем могли - у нас сохранился небольшой запас трофейного продовольствия.

Население Рыжкановки было смешанным: одну половину составляли русские, другую - молдоване. Через неделю мы настолько освоились, что могли объясняться с местными жителями и на

молдавском языке. Я и сейчас помню отдельные слова. А девчата там такие!! Русские - статные, русоволосые; молдаванки - черноглазые красавицы. Вначале они держались настороженно, но потом лед отчуждения растаял.

События на фронте радовали всех. Войска 2-го Украинского перенесли боевые действия на территории Румынии. Где-то там, возле населенного пункта Шапти Бань, была подбита последняя самоходка нашего полка. Из штаба 27-й армии поступило распоряжение убыть в Малиновку для получения новой техники и доукомплектования: в полку осталось три командира самоходных установок и двенадцать человек из числа членов экипажей - наводчиков, заряжающих и механиков-водителей.

Погрузились в эшелон и покатали в тыл. В памяти ожили подробности пути на фронт. Но теперь все было по-другому: весь полк, вернее, что осталось от него, разместились в одной теплушке, еще и место осталось.

- "Рама"! закричал кто-то от двери. Раньше этот возглас подхватывали, и он перекидывался от вагона к вагону, а сейчас никто и не обратил особого внимания на двухфюзеляжный самолет-разведчик. Он кружил высоко в небе. Вокруг белели шапки разрывов зенитных снарядов, в вышине слышались глухие частые хлопки. А эшелон продолжал двигаться вперед.

Вспомнил о письме матери: "...Живем от письма до письма, потом по сводкам пытаемся определить, какие были бои в тех местах, о которых ты нам писал", читал я, ощущая материнскую тревогу в каждой строчке.

глава третья ОСОБЫЙ ЭКИПАЖ

В Малиновку прибыли утром. Сельчане уже знали о нашем приезде, и к поезду вышел и стар и мал. Казалось, все жители пришли на эту встречу. Но, выкрики, какие рыдания и слезы: "Где Василий, а где погиб Михаил"!! ... Еле увели со станции. Наконец мы с Иваном попали в объятия нашей хозяйки и ее детишек. Слезы, радостные восклицания, расспросы. Провожали нас до самого танкового лагеря, находившегося в двух километрах от Малиновки.

Командир полка приехал сюда накануне и уже ждал нас с приятными известиями. От него мы узнали, что всем офицерам присвоены очередные воинские звания. Я с удовольствием прикрепил к своей застиранной гимнастерке новенькие погоны с двумя маленькими звездочками.

На следующий день состоялось общее построение полка. Все подразделения были полностью укомплектованы боевой техникой и людьми. На плацу в двухшереножном строю замерли батареи, каждый экипаж стоял перед своей машиной. Как эти люди в новеньком обмундировании не были похожи на нас!

Майор Бобров построил членов экипажей, прибывших с фронта, перед новичками. Несколько минут мы молча смотрели друг на друга. Четыре месяца назад нас было столько же. Несмотря на потрепанное и выдавшие виды обмундирование, у всех нас было бодрое настроение и бравый вид. Мы гордились своими наградами. Хотелось сказать нашим новым боевым товарищам: не робейте, ребята, война есть война, скоро и вы окажетесь на фронте и сами поймете что к чему.

Прозвучала команда встать в строй своих батарей. На вторую батарею пришлось всего три фронтовика: командир батареи старший лейтенант Пыреков, сержант Соколов и я.

На этом построение закончилось. Все с облегчением вздохнули, услышав команду "Разойдись". Строй рассыпался, мы пошли знакомиться с новыми товарищами, искать земляков.

Буквально с первого дня пребывания в лагере все время уходило на учебу теоретические занятия сменялись стрельбами, работой с материальной частью. И так - с утра до вечера. В деревню нас не отпускали, а как хотелось там побывать, сходить к знакомым.

Однако такой случай все же представился. Нужно было обкатать самоходку командира полка, но штатный механик-водитель заболел. Майор Бобров приказал нашему комбату поручить это Ивану Соколову, как самому опытному механику водителю.

Поскольку за рычагами управления был Соколов, то по неписаному закону командовать его действиям должен быть я. Пользуясь случаем, старший лейтенант Пыреков тоже присоединился к нам. На самоходку уселся и командир 1-й батареи, так как командирская машина числилась в ее составе. На броне разместились и члены экипажа со своим командиром лейтенантом Шереметьевым. Никто залезать внутрь машины не захотел, расположились снаружи, держась за скобы и

поручни. У меня было самое удобное место. Я сел над люком механика-водителя, держась левой рукой за ствол пушки.

Погода была прекрасная, настроение - отличное. Мы шутили, с нетерпением поглядывая вперед. Иван уловил общее настроение и вел машину на большой скорости. Она буквально влетела на середину деревни. Я понял, что Иван хочет удивить сельчан и сейчас что-нибудь сотворит необычное. Так оно и случилось. Не успел я его удержать от этого, как машина резко развернулась и замерла... Мы с Пырековым с большим трудом удержались на броне, а остальных будто ветром сдувало. Упали они кто куда, отделавшись ссадинами и незначительными ушибами. Но лейтенант Шереметьеву не повезло - ему ленивцем переломило обе ноги. Наша вылазка в Малиновку сорвалась. Мы положили Шереметьева на машину и быстро вернулись в лагерь.

Нет необходимости писать о том, какими словами нас встретил командир полка. Такого разноса на моей памяти он никому еще не делал.

Вечером меня вызвали к нему. Шел и думал, что настал час за лихачество. Но все обернулось по-другому.

Зашел в штаб, доложил о прибытии.

- Садись, лейтенант, садись, - пригласил меня к столу Бобров. - Давно наблюдаю за тобой, Горелкин, и пришел к выводу, что без фокусов ты не можешь. А тут еще и Шереметьева вывел из строя... Да, глаз да глаз за тобой нужен. Вот и принимай мою машину, будешь командиром экипажа.

Такого оборота событий я не ожидал и даже несколько секунд не мог ничего ответить. В экипаже командирской машины были отчаянные ребята, острые на язык, отважные, им сам черт был не страшен. Все им было нипочем, в атаку ходили лихо, с открытыми люками, демонстрируя свое пренебрежение к опасности. Когда бывало туго и линия атакующих машин ломалась, они демонстративно вырывались вперед, увлекая за собой отстающих.

Славились они и умением петь, плясать и играть почти на всех музыкальных инструментах. Очевидно вспомнил, что меня прозвали "артистом", и еще поэтому решил взять на свою самоходку. Мне жаль было расставаться с Иваном Соколовым, и я попросил командира полка перевести и его в свой экипаж. Но майор Бобров даже слышать об этом не хотел.

- Соколова в свой экипаж не дам! Ты что, хочешь, чтобы он и меня покалечил? Все, разговор закончен. Свободен.

Так мы расстались с Иваном, и уже вместе воевать нам не довелось.

В начале июля наш самоходно-артиллерийский полк погрузили в эшелон и обеспечили "зеленую улицу" до самого Ковеля, где занимали исходные позиции войска 47-й армии, в составе которой нам предстояло действовать.

Мы ехали почти без остановок, да и авиация противника не беспокоила по пути следования. Мерно постукивали на стыках колеса, мимо пронеслись полуразрушенные селения, черные обгорелые трубы сиротливо возвышались над печальными пепелищами. И над всем этим,

до краев переполненным людским горем и страданиями белорусским краем, ярко светило солнце. Стояло лето. Мы как-то позабыли о нем, и вот теперь оно властно напоминало о себе теплым, бьющим в лицо ветром, запахом разнотравья, яркой зеленью листвы. Мы забыли, что зеленые ветки деревьев служат не только для маскировки, что под ними можно прятаться от знойных лучей солнца, можно просто лежать, бездумно вглядываясь сквозь их ажурную зелень в бездонную голубизну неба, на котором вечером появляются и слабо мерцают в остывающем воздухе далекие манящие звезды...

На самом же деле все было, конечно, не так: и небо только казалось мирным - в любой момент оттуда могли посыпаться бомбы, и ехали мы не в пассажирском вагоне, а в воинском эшелоне, на платформах которого тесно, одна к другой, стояли прикрытые брезентом самоходные установки, затянутые маскировочными сетями длинноствольные пушки, а зелеными ветками были замаскированы полевые кухни, грузовые и специальные автомашины. Поезд остановился на станции, забитой воинскими эшелонами с людьми и техникой, где царил обычное для прифронтового узла шумное оживление. Я спрыгнул на платформу и огляделся: между составами теснились солдаты и сержанты, бегали с котелками и фляжками, таскали ведра и бачки с варевом, обедали и плясали...

Я с трудом протолкался в шумный круг, где, распаленные шумным одобрением зрителей, обливаясь потом, соревновались в бойком переплясе четверо парней, подключился и к ним. Вокруг все азартно болели, хлопали, кричали, подбадривая своих и меня, гармошка заливалась, и я даже не услышал повторяемую громкими голосами команду: "По ва-го-нам!", и только какое-то движение за спиной заставило меня повернуть голову: набирая скорость, вдоль платформы шел наш эшелон... Я думаю, что даже теперь мой результат на той стометровке мог бы украсить не только всесоюзные соревнования. Не успел еще отдышаться, как командир полка отчитал меня за мою пляску...

И вот наконец прибыли на место. Наши войска готовились к прорыву обороны противника, построенной с подлинно немецкой аккуратностью: первая и вторая полоса обороны и каждая из трех позиций с развитой системой траншей, да еще и отсечные позиции. Общая же глубина составляла почти два десятка километров.

Времени на подготовку было мало, но командование полка делало все, чтобы командиры подразделений и машин смогли как можно полнее ознакомиться с обстановкой и местностью. Мы трижды выходили на рекогносцировку, излазили весь передний край, промерили и разметили пути выдвижения каждой машины. Сначала на миниатюр-полигоне, а затем и на местности разобрали варианты боевых действий в глубине обороны противника.

Наш полк и танковая бригада поддерживали стрелковые части, которые наносили главный удар на участке прорыва шириной в четыре километра. Исходные позиции для самоходок были в полутора

километрах от первой траншеи противника, а рубеж развертывания - в одном километре от нее.

Предстояло форсировать предварительно реку Турья и прорвать оборонительные рубежи немцев. Местность не благоприятствовала наступающим: почти до самой реки простиралась плоская равнина, берега же были заболочены, а там, за рекой, на высотах располагался враг. Было над чем поломать голову даже самому опытному командиру.

Нашим самоходкам предстояло двигаться в боевых порядках пехоты и подавлять уцелевшие после артиллерийской подготовки огневые точки противника. Затем, при действиях в глубине обороны, на нас возглавлялась задача по уничтожению контратакующих танков.

Наступлению предшествовала разведка боем, в которой участвовал один из батальонов дивизии. Поддерживаемый артиллерийским огнем и несколькими танками, батальон утром 18 июля стремительно атаковал позиции противника. Наступающие преодолели ничейную полосу, но, когда пехота и танки захватили первую траншею, были встречены массированным огнем. Поредевшие цепи батальона откатились на исходный рубеж. Через несколько минут загрохотала артиллерия. Клубы дыма и пыли встали над вражескими позициями. Огненный смерч бушевал около часа, а когда артиллеристы перенесли огонь в глубь обороны врага, в атаку пошли главные силы.

Наша самоходка с командиром полка двигалась в четырехстах метрах за боевыми порядками танков и самоходок, и мне хорошо было видно все поле боя.

Ударили уцелевшие орудия и минометы врага, и поле покрылось фонтанами разрывов снарядов и мин. С каждой минутой огонь усиливался, и мы стали нести ощутимые потери. В воздухе появились наши штурмовики и небольшими группами атаковали вражеские артиллерийские и минометные позиции.

Бой переместился в глубь обороны противника. Танки и САУ, взобравшись на высоты и раздавив и расстреляв находившиеся там расчеты пушек и пулеметов, перевалили на другую сторону и двинулись дальше.

Машинально взглянув на часы, я с изумлением заметил, что с момента начала атаки прошло уже несколько часов. Первый азарт боя схлынул, и можно было немного передохнуть. Из всего полка в строю осталось всего семь САУ, и только моя машина не имела повреждений. Остальные требовали ремонта.

Бой постепенно затихал, но по-прежнему остро пахло горящим железом, а порывы ветра несли терпкий запах порохового дыма. С юга, погрохатывая, накатывалась гроза, темно-фиолетовая туча, в глубине которой все время что-то ворчало и сверкало, неутомимо двигалась в нашу сторону, а мы молча стояли около моей САУ и смотрели на неподвижно лежащего на броне младшего лейтенанта Женю Лукьянова.

... Женю я вытащил минут сорок назад из горящей САУ уже бездыханным и, положив его на свою самоходку, вывез из боя. Остальные члены его экипажа получили тяжелые ранения и были

отправлены в госпиталь. И вот теперь мы провожали его в расположение штаба полка, в Смедынь.

Возбуждение боя прошло, в голову лезли какие-то глупые мысли, тупо ныл затылок. Луч солнца, вырвавшись из мрачной глубины тучи, ласково прикоснулся к Женину лицу, скользнул по комбинезону, из под которого виднелся край офицерского погона... Женька, Женька! Вот и отвоёвал ты свое, отжил, как говорится, а жизни как таковой, нормальной мирной жизни, в которой были бы друзья, девушки, любовь, дом, дети, жизни, на которую имеет право каждый человек, так и не увидел. Вот сейчас Женя еще здесь, и, хотя он уже неизмеримо далеко от нас, мы еще можем прикоснуться к нему, поправить свесившуюся, прядь волос... А через час-другой без гроба зароем его в землю, поставим фанерную пирамиду со звездой, и от человека останутся только анкетные данные - фамилия, имя, отчество на две даты через тире. Только будет жить память в сердцах его близких и товарищей, пока они сами живы...

Мы медленно ехали через боевые порядки танковой бригады. Танкисты, сняв танкошлемы, провожая нашу машину, отдавая последние почести боевому другу.

В тот день наши войска продвинулись вперед на тридцать километров, в прорыв были введены резервы. К 20 июля передовые подразделения вышли на западный Буг и, форсировав его в трех местах, вступили на территорию Польши.

- Полк отвели в тыл для пополнения и отдыха. На зорьке я вышел на опушку леса.

В кустарнике, ветки которого набухли от росы, еще густились сумерки. И было так тихо, что я слышал, как падают капли с листьев деревьев.

Экипаж спал под брезентом. Разбросав руки, похрапывал наводчик Щербань. Василий был самым высоким среди нас и отличался огромной физической силой. Меня удивляли его глаза: в минуту опасности они темнели, а когда Щербань пел песни или смеялся - становились на удивление голубыми. Сошлись мы с ним быстро, и могучий сибиряк взял надо мной своеобразное шефство: уступал место получше, защищал от зубоскалов.

Больше всех в экипаже обычно забот у механика-водителя. Вот и вчера вечером, когда мы укладывались спать, Николай Сокольников продолжал копаться в моторе, что-то регулировал, подтягивал, проверял, не подтекает ли где масло и бензин. На смуглом лице остались черные следы от смазки.

Живой и общительный характер Сокольникова быстро располагал к нему людей, и со стороны казалось, будто он всегда окружен друзьями. На самом деле большинство из них были только приятели. С ними он шутил, спорил, но для большинства самоходчиков он был уже "стариком".

Когда наш эшелон стоял на станции Коробочкино под Харьковом, Николай случайно встретился со своей родной сестрой Аней. Брат и

сестра были очень похожи друг на друга: темно-серые глаза, смуглая кожа, правильные черты лица. Мы порадовались за товарища, пригласили Аню в нашу теплушку. Пока эшелон стоял, брат и сестра все время были вместе. А когда нам дали зеленый свет, Аня долго шла за вагоном, в гимнастерке с сержантскими погонами, потом взмахнула рукой и расплакалась, уткнувшись лицом в ствол дерева. У меня в душе как будто что-то оборвалось, а наш общительный Николай весь остаток дня оставался молчаливым и только курил одну папиросу за другой.

О заряжающем сержанте Пономареве тоже можно сказать немало. Не один раз сидел в тюрьмах за воровство, и до сих пор помню его блатные песни. Алексей был невысоким, плотным, с большой, не по росту, головой, которая казалась еще квадратней от короткой стрижки. Лоб у Пономарева широкий, с глубокими морщинами, лицо загорелое, грубоватое и решительное, но с хитрецей. Балагур и весельчак, разбитной и даже нагловатый парень...

Через три дня, отдохнув и пополнившись двумя батареями САУ, мы догнали передовые подразделения 47-й армии, которой предстояло наступать на Седлец.

Противник отходил, оказывая незначительное сопротивление на промежуточных рубежах. Мне запомнился один бой у какой-то небольшой деревушки, где гитлеровцы в очередной раз попытались остановить наше продвижение вперед.

Стоял теплый летний день. Недавно прошел небольшой дождик, и земля, позолоченная лучами солнца, щедро испаряла влагу. Настораживала неестественная для прифронтовой полосы тишина.

- Командиры батарей и машин в голову колонны! - послышалась команда. И понеслось из уст в уста, от самоходки к самоходке, по радио в эфир не выходя: "Ко-ман-ди-ров!..Батарей! Машин!.. В го-ло-ву-у!"..

- Товарищи командиры! - Майор Бобров обвел всех взглядом. - Разведка доложила, что впереди, - он указал на карте небольшую рощу, - возле дороги отмечены свежестрытые окопы и обнаружено минное поле. Сбить противника, оседлавшего дорогу, приказано стрелковому батальону, который будут поддерживать две батареи нашего полка.

Вскоре к нам на позицию прибыл офицер для корректировки огня дивизиона "катюш". Тремя залпами "катюши" накрыли не только опорный пункт, но и минное поле. Черные столбы земли и дыма встали под вражескими позициями.

По сигналу красной ракеты пехота и самоходки устремились вперед. На пути движения нашей машины оказался склон высоты, перепаханный снарядами "катюш".

Что-то случилось с самоходкой, шедшей слева. Может, механик-водитель увидел препятствие, но только машина запнулась на какое-то мгновение и стало круто забираться вправо, пересекая нам дорогу. Ничего не оставалось, как тоже принять вправо и карабкаться прямо вверх по довольно крутому склону. Из-под гусениц фонтанами полетели комья земли. Пушка, подобно зенитке, задралась вверх. Самоходка лезла в гору напролом. Она вбивалась в землю, цепляясь за нее траками, словно они живыми. Надо было обязательно выползти, так как за нами шла пехота.

Это понимали все члены экипажа. Я мысленно подбадривал Сокольников, который как бы слился с машиной, чутко прислушиваясь к ее малейшему движению. Земля стала рыхлой, и скорость движения заметно упала. Вражеская батарея перенесла огонь на нас.

Очевидно, противник пристрелял местность, и мы стали для них удобной мишенью.

Снаряды падали все ближе и ближе, а один разорвался прямо по курсу движения всего в нескольких метрах. Самоходку обдало землей и осколками, на мгновение ослепило механика-водителя. Николай не смог вовремя среагировать, и машина одним боком завалилась в воронку, двигателя "зачихали", и мы почти остановились.

- Давай быстрее! - крикнул я Сокольникову, забыв о переговорном устройстве. Тот прибавил обороты, и мы буквально выпрыгнули на гребень высоты. Двигатели взревели и заглохли. Машина застыла на месте, задрав в небо ствол орудия. Что делать? Гребень явно пристрелян артиллерией противника, и если быстро не убраться отсюда, то нас подожгут как миленьких.

- Быстро назад! - скомандовал я.

Сокольников отпустил рычаги, и самоходка стала сползать вниз, к подножию высоты. Не помню, сколько прошло времени - наверняка считанные секунды, но когда мы остановились, у меня все еще мелко дрожали руки, а по спине струился холодный пот. У других членов экипажа вид был не лучше. Несколько минут мы сидели молча, потом Сокольников вздохнул, потянулся и стащив шлем, взерошил обеими руками волосы.

Чуть впереди раздавались взрывы гранат и автоматные очереди - это пехота вела ближний бой в окопах противника. Вскоре выстрелы прекратились, и наступила полная тишина. Было так тихо, что мы все вздрогнули от визга тормозов - на дороге стоял "виллис" командира полка, а сам майор Бобров бежал к нам, придерживая рукой полевую сумку.

- Сашка, Горелкин! Что случилось? Вы все живы?!

- Живы, товарищ майор. Живы! Вот только двигатель заporоли.

- Ладно, с двигателем разберемся потом, а пока ждите здесь, я пришлю тягач.

Нас отбуксировали в тыл. В мастерской разобрали двигатель и обнаружили, что в результате перегрузок срезалась шпонка, крепившая шестерню на распределительном валу. И, как водится, она в самый неподходящий момент прокрутилась и заклинила двигатель.

Машину поставили на ремонт, так как полк принимал пополнение и готовился к новым боям.

Ремонтники заменили моторную группу САУ, и она стала совсем как новая держала скорость по бездорожью до 50 километров в час. Мы радовались результату ремонта, поскольку от маневренности и скорости движения машины на поле боя зависела жизнь всего экипажа. Николай Сокольников был счастлив вдвойне и все время радостно улыбался, когда слышал похвалы его "боевому коню". Ведь для хорошего механика-водителя нет лучше музыки, чем звук ритмично работающего

двигателя. Да и мне стало спокойней, так как отлаженный двигатель гарантировал свободу маневра: достаточно малейшего движения рычагов, чтобы САУ смогла обогнуть воронку или уклониться от бомбы, отделившейся от пикирующего самолета.

Однако установленный двигатель необходимо было проверить на разных режимах работы, и командир полка решил направить нас в запасной армейский полк, куда прибыло пополнение и командование которого просило прислать самоходку для "обкатки" новичков.

Дело это столь нужное, что зачастую командование шло даже на то, что снимало машины с передовой.

Прибыли на место. Доложил командиру запасного полка - усатому подполковнику лет тридцати, который тут же поинтересовался, приходилось нам раньше заниматься таким делом или нет.

- Смотри, лейтенант, не передави мне людей, ведь мы все-таки пока еще в тылу, а не на передовой.

Я успокоил его, сказав, что приходилось "утюжить" фрицев на Украине, ну а уж своих "обкатаем" аккуратно. Бойцы с интересом разглядывали и САУ, и нас, и наши награды. Потом их построили и повели к траншеям, отрытым в два ряда, в каждую из которых можно было посадить по десять - двенадцать человек. Таким образом, прикинул я, мы за один заход сможем "проутюжить" человек триста. Начали с первого ряда. Вели себя солдаты по-разному: одни при приближении САУ отбегали по траншее, чтобы мы прошли в стороне, другие, напротив, сами спешили под самоходку, стараясь оказаться под днищем корпуса.

Первый заход прошел нормально, солдат только припорошило землей, поэтому очередная партия бойцов, занявших траншеи, вела себя посмелее. Скорость была небольшой, я открыл люк и стал наблюдать за пехотой.

При нашем приближении одни ложились на дно траншеи, другие метали в самоходку учебные гранаты; не забыли и то, чему их учили: пропускали самоходку над собой и бросали гранату ей вслед, в моторную группу. Мы прошли первый ряд траншей, повернули ко второму. Гранаты стали падать точнее, кто-то умудрился попасть в перископ механика водителя и разбил его. Коля Сокольников, заменяя перископ, сказал:

- Командир, так не годится, ведь они не поймут, как утюжат танки, наоборот, решат, что все ерунда. Надо посмотреть, как будут себя вести, когда скорость увеличим.

- Согласен, давай, - решил я.

Высадил экипаж из машины. Николай закрыл люк и стал на исходную. По моему сигналу самоходка рванулась с места и понеслась на первый ряд траншей. Попасть в нее теперь учебной гранатой оказалось сложнее - пехотинцы едва успевали присесть, а когда поднимались, чтобы поразить моторное отделение, машина была уже далеко. Из за страха солдат некоторых пришлось поднимать из траншей.

Наконец занятие было окончено, и командир полка подошел ко мне со словами:

- Спасибо, лейтенант. Скажи своему командиру, что с поставленной задачей справились отлично. Передай мою благодарность всему экипажу.

Под вечер мы вернулись в полк. До выхода на передовую, как нам сказали, было еще время. Бойцы соседней батареи нашли неподалеку озеро, и мы с удовольствием плескались в нем шумно, соревнуясь, кто дальше и глубже может проплыть и нырнуть. Мы, самоходчики, вообще-то, всем временам года предпочитали осень и весну. Летом внутри самоходки были такая жара и духота от пороховых газов и пыли, что после боя люди буквально валялись с ног. Зимой же дожимал холод. Ну а сейчас над истерзанной белорусской землей стояло сияющее лето. Ребята-белорусы говорили, что они еще не видели, чтобы столько дней подряд небо оставалось таким ясным, а солнце жгло так неистово. Дороги были белы и горячи, деревья, словно желая скрыть раны, нанесенные им войной, покрылись густой листвой, окружая темной каймой залитые солнцем поляны. Вечерами, когда не беспокоили самолеты противника, мы по-прежнему давали благодарным и не слишком взыскательным зрителям импровизированные концерты, пели и плясали, жалея лишь о том, что нет с нами постоянной участницы бывлых выступлений медсестры Вари, которую комполка отправил в тыл сопровождать раненых.

В каждой батарее был свой медперсонал - фельдшер или медсестра, и, вероятно, у каждого, прошедшего войну, была своя Варя, которая уже одним присутствием напоминала о другой, мирной жизни. Разные были Вари, но по прошествии многих лет память наделяет их всех самыми лучшими чертами, которые подсказывало нам чувство благодарности к этим девушкам в грубых солдатских шинелях. И тут нет ничего удивительного, ибо это - память сердца.

Но оговорюсь сразу: наша Варвара в самом деле была удивительно хороша. Впервые я увидел ее еще в апреле, когда мы после боев в составе 2-го Украинского фронта были отведены на переформирование в Малиновку. Варвара прибыла с новым пополнением. Мы стояли около штаба, когда с притормозившей полуторки спорхнула стайка девчат, одетых в новенькие шинели. Мое внимание сразу привлекла высокая стройная девушка, снисходительно поглядывавшая на расшумевшихся подруг. Даже грубая армейская шинель сидела на ней удивительно ладно; пояс, перехватывая тонкую талию, на стройных ногах блестели новые хромовые сапожки, и вся она была такая крепкая, ладная и красивая, так уверенно ступала на разбитой дороге, обходя глубокие лужи, что просто смотреть на то, как она идет, было радостно. Когда девчата подошли ближе, белокурая девушка подняла на меня глаза, и я буквально оцепенел. Какие это были глаза! Они поражали не только своей синевой, но и какой-то затаенной грустью. Девушка опустила длинные ресницы, лукаво усмехнулась, видимо довольная произведенным впечатлением, вместе с подругами поднялась на крыльцо и вошла в штаб. Дверь за нами уже давно захлопнулась, а мы все стояли и оторопело смотрели вслед.

Вскоре выяснилось, что девушек, окончивших курсы медсестер, прислали к нам в полк для пополнения. Варвара же волею начальства оказалась в нашей батарее. Все объяснялось довольно просто - наш экипаж командир полка подбирал специально: все пели, играли, а Алексей Пономарев вообще был танцор, как теперь говорят, "от бога". Вот и Варвара, которая хорошо пела и отлично играла на гитаре, была определена к нам. Вообще, наша "агитбригада" пользовалась большим успехом. Бывало, когда на привале или на исходных позициях мы устраивали концерты, на них приходила не только наша батарея, но и все, кто располагался поблизости. Здесь-то и показала себя Варя. Живая, веселая, она неплохо плясала, хорошо пела, аккомпанируя себе на гитаре. Особенно ей удавались цыганские романсы - тоскливые, хватающие за душу, и старинные русские песни. Пела, низко опустив голову, словно и не пела, а вела задушевный разговор. А потом, когда откладывала гитару, и вскидывала удивительные глаза, поднималась буря аплодисментов.

До сих пор не могу понять, как эта юная, очень красивая девушка в условиях, когда и мужчинам бывало невмоготу, могла заставить всех не только уважать себя, но и считаться с собой. Думаю, что это произошло потому, что Варвара была со всеми одинаково ласковой и предельно искренней. Никаких недомолвок и двусмысленностей она просто не переносила. Вставала и уходила, а иногда, пожав плечами говорила: "Вот, оказывается, вы какие, мальчики". Для нас это было наказанием. Мы все очень любили Варвару, а может быть, все были в нее влюблены, но никаких вольностей не допускали, да она и не потерпела бы этого. Для нас Варя стала символом той далекой мирной жизни, в которую каждый из нас мечтал вернуться. Часто, слушая Варино пение, я вспоминал свою "гражданскую" жизнь. Она казалась очень далекой и какой-то нереальной. Было много смеха, много знакомых ребят и девушек, не было только той, что принято называть "своей"... Я часто думал, что, если бы не война, ходил бы я провожать девушек, мечтал о подвиге, совершенном на глазах подруги, восхищенной моей смелостью. Теперь подвиги совершались ежедневно, правда, назывались они проще - "выполнением задания", а что смотреть на них оказалось некому, да и некогда. Иногда я пытался представить себе послевоенное время, которое казалось более нереальным, чем прошлое. Прошлое-то все-таки было, а будущее?! Все ведь могло закончиться в ближайшем бою. И все-таки я часто представлял себе, как иду по ярко освещенным московским улицам, ловя на себе восхищенные взгляды встречных девушек - фронтовик, орденоносец... Дальше моя фантазия почему-то не простиралась. Да еще мечта о целых горах мороженого в круглых вафельках... Свою тоску по мирной, счастливой жизни мы изливали в песнях. Я не могу точно определить теперь, какой голос был у Варвары, - для меня он просто был прекрасен, но очарованию ее пения поддавались все, даже командир полка.

Майор Бобров ревниво следил за тем, когда и по какому поводу приходила к нам Варя, хотя повода для ревности не было. В свободное время мы просто устраивали концерты или просто поговорить и попеть с

компанией друзей. Варя пела нам старинные романсы, которых она знала великое множество, пела и новые, рожденные в военное лихолетье. Они были разными, эти фронтовые песни, их создавали и знаменитые композиторы и поэты, и неизвестные авторы - самодеятельные, как сейчас говорят. Роднило их то, что были они предельно искренними. Может быть, поэтому я до сих пор с большим волнением слушаю песни военных лет. В них моя молодость, в них мои погибшие друзья, каждая из них, как страница биографии, наполнена событиями тех далеких незабываемых лет. Можно забыть многое, но фронтовое прошлое - никогда: оно живет с нами, с нами же и умирает...

Когда встречи затягивались, Варя оставалась ночевать у нас в батарее. Надо сказать, что на ночь, если не бомбили и не было артобстрела, каждый занимал свое "законное" место для сна: командир - в боевом отделении; механик-водитель - у себя, только он откидывал вертикальную спинку сиденья, а наводчик и заряжающий устраивались сверху на теплом моторном отделении под брезентом. Варя, если оставалась у нас, спала в боевом отделении. Комполка категорически запрещал ей бывать у нас. Меня он предупредил, что будет взыскивать за нарушение этого требования. Но отказать Вале было трудно. Бывало, заберется на самоходку, постучит каблуком по броне:

- Ребята, пустите переночевать?

Мы в ответ:

- Да ты что! Узнает батя - живьем съест, нельзя, иди к себе или проводим.

Обидится, сядет, притихнет, потом потихоньку начинает напевать что-нибудь грустное. Кончалось же все обычно тем, что кто-нибудь из экипажа, чаще всего самый сердобольный был Коля Сокольников, не выдерживал и начинал просить меня разрешить Вале остаться. Она быстренько залезала в боевое отделение и, свернувшись клубочком, устраивалась между мной и Сокольниковым. Вздохнет раз-другой - и засыпает. К утру становилось прохладнее, и кто-нибудь из ребят укрывал ее шинелью, а сам довольствовался брезентовым чехлом.

Майор Бобров некоторое время терпел, делая вид, что ничего не замечает. Но вскоре эти "кошки-мышки" ему надоело, и он призвал меня к ответу.

- Горелкин, Варвара ночует у тебя в экипаже?

- Случается, - признался я.

- А кто разрешил?

- Да мы пытались ее не пустить, а она не уходит...поздно... - еле выдавил я из себя.

- Да мы, да она!...сорвался Бобров. - Хватит! Надоело!

Толком ответить мне было нечего, и я молчал, ожидая решения.

Майор задумался, опустил лобастую голову. Потом резко встал и, не глядя на меня, сказал:

- Все, терпение мое кончилось. Скажи Скавронскому, что я направляю ее в четвертую батарею, пусть там и попляшет без моих "артистов". А Варвара передай, чтобы на глаза мне не попадалась!

"Приговор" был приведен в исполнение. Но Варя частенько, узнав, что бати поблизости нет, прибегала к нам и, смеясь и еще больше хорошея от смеха, говорила:

- Мальчики, а я к вам в "самоволку" пришла. Уж больно унылый народ в четвертой батарее...

Варя привыкла к нам и доверяла, а мы старались не нарушить это доверие, ведь девушкам было тяжелее, чем нам. Кроме того, мы, как командирский экипаж, дольше других оставались в составе полка. В линейных батареях личный состав менялся очень часто: неделя, максимум месяц - и все новенькие, а прежние экипажи или погибли, или в госпиталях. Таковы были жестокие законы войны.

Мы рады были Вариным визитам. Она приходила к нам такая милая, скромная, готовая каждому сделать что-то приятное. Я всегда думал, что у нее было какое-то большое горе, но спросить стеснялся: шла война, удивляться этому не приходилось, скорее, можно было удивляться тому такту, с которым держалась это удивительно красивая девушка, продолжая в условиях передовой оставаться самой собой. В своем внутреннем мире она никого не пускала, и даже когда ребята пытались узнать, как она жила "на гражданке", все вопросы пресекались фразой:

- Это так неинтересно, мальчики.

Командир полка знал, конечно, что Варвара продолжает приходить к нам в батарею, но меня больше "на допрос" не вызывал.

Уже после войны, изучая документы, я узнал, что после захвата плацдармов под Магнушевом и Пулавами 2-я танковая армия получила задание овладеть предместьем Варшавы - Прагой. Танкисты должны были удерживать ее до подхода частей и соединений 47-й армии и вместе с ними затем отрезать врагу пути отхода на запад.

Гитлеровское командование готовилось к тому, что войска 1-го Белорусского фронта будут наступать на Варшаву: к юго-востоку от города была сосредоточена мощная группировка вражеских войск в составе нескольких дивизий, среди которых преобладали танковые. Дальнейшее развитие событий показало, что противник надеялся контрударом в южном направлении разгромить левое крыло нашего фронта, сорвать форсирование Вислы и дальнейшее продвижение советских войск на Варшаву. В случае же провала этого плана были заранее подготовлены оборонительные позиции на подступах к Праге.

Особенно тяжелые бои разгорелись в районе Седльце и юго-западнее от него, что вынудило наше командование вводить в бой все новые резервы.

А тогда, получив новую задачу, мы спешили на помощь танкистам 2-й танковой армии и догнали ее передовые подразделения в двадцати километрах восточнее Варшавы. Обстановка складывалась так, что пришлось почти с ходу вступить в бой. Местность была на удивление открытой: ровное, без оврагов и высот, поле использовалось когда-то для артиллерийских стрельб. И вот здесь во встречном бою сошлось с обеих сторон более ста танков и самоходок.

Мне уже доводилось участвовать в боях, ходить не раз в атаку, но здесь, под Варшавой было такое, чего мне видеть не приходилось.

Все, что располагалось вокруг полигона, сожжено и разрушено, в воздухе стоял запах гари, обугленного дерева, горелого железа.

Авиация противника в этот раз особенно не свирепствовала - видно, уже не хватало сил и средств, чтобы парализовать с воздуха активность наших войск на всей полосе боевых действий.

Мы вышли в район полигона без потерь: с воздуха нас прикрывали истребители, а по пути следования было много лесистых оврагов и населенных пунктов, обеспечивавших скрытность передвижения боевых машин и тыловых служб.

Перед нами расстилалась равнина, покрытая редким кустарником. Была ясная погода, и лучи солнца буквально слепили нас. Едва самоходки развернулись, как попали под сильный огонь немецких танков и штурмовых орудий. Мы с ожесточением отвечали, но враг, получив через некоторое время подкрепление, перешел в атаку, для отражения которой полк развернулся фронтом вправо, и самоходки прорывали с места бить по гитлеровцам.

Вначале бой стал складываться в пользу противника. Его танки прорвались на наш фланг и подожгли несколько САУ. На поддержку правого фланга был брошен танковый батальон. Встретив сильный огонь, немцы остановились, начали отстреливаться из орудий, а потом отошли. Бой длился не более часа, однако за это время у нас было подбито и сожжено несколько самоходов, правда, и немцы понесли ощутимые потери.

В то время, когда полк отбивал атаку на правом фланге, фашистские танки навалились и на левый. Главный удар обрушился на первую батарею. Командир полка приказал второе батарею сменить позицию и помочь первой. К тому же поддержали танкисты, отразив попытки гитлеровцев сбить полк с занимаемых позиций. Трудный день подходил к концу, темнело. Огонь с обеих сторон прекратился как сам по себе. Из тыла подвезли обед, о котором в горячке боя все забыли, но, когда повар открыл крышку котла полевой кухни и на позиции поплыл запах горячих украинских щей, все почувствовали, как проголодались.

Под прикрытием темноты подошли бензовозы, и мы заправились топливом. Затем пополнили боекомплект, частично используя снаряды из поврежденных САУ. Вместе с ремонтниками устранили замеченные повреждения, потом сразу провалились в сон.

Встали задолго до рассвета. Со стороны противника доносился глухой шум двигателей - видно, противник подтягивал резервы.

Еще не начинало светать, а мы уже были готовы к бою. Поели быстро... Утро, как и вчера, было на редкость тихим и ясным. Ровно в семь тридцать противник без артиллерийской подготовки начал атаку.

Танки и штурмовые орудия шли двумя эшелонами, усиливая главный удар по центру позиции полка. Одновременно, стараясь отвлечь наше внимание от основного направления своих действий, противник двинул около десятка танков на правый фланг. Майор Бобров приказал расстрелять вражеские машины огнем с места. Когда танки и штурмовые

орудия подошли и на дистанцию прямого выстрела, прогремели первые залпы. Несколько вражеских машин были подбиты и сожжены, но остальные продолжали движение вперед.

Воспользовавшись моментом, им во фланг ударили наши тридцатьчетверки. По приказу командира полка мы тоже перешли в контратаку. Моя самоходка шла во второй линии, когда перед ней один за другим встали два фонтана от взрывов. По броне застучали осколки и комья земли. Алексей Пономарев вскрикнул и, прижав окровавленный руки к груди, медленно осел на днище боевого отделения. Я пролез к нему, наложил как мог повязку на большую рану на груди и занял его место. Напряжение боя возрастало. Справа снова прогремел взрыв, и, посмотрев туда, я увидел, что к позициям противника мчится пылающий факел. Из его багровой глубины вдруг метнулся человек, упал на землю и, извиваясь всем телом, прижимаясь к ней, завертелся волчком, гася горящий комбинезон. Потом он бросился бежать в направлении ближайшей САУ, стараясь догнать ее, но та двигалась слишком быстро. Мне трудно было определить, кто это и из какого экипажа. Самоходчик что-то кричал, я видел его раскрытый в крике рот. Но тут передовые фашистские танки поставили дымовую завесу, которую ветер понес в нашу сторону, и скоро почти невозможно было разглядеть что-либо в густом дыму. Пропал в нем и боец, столь успешно выпрыгнувший из горячей самоходки.

Майор Бобров дал команду прекратить движение. Воспользовавшись передышкой, мы отошли на исходные позиции и сдали Пономарева на пункт сбора раненых. Выглядел он плохо: лицо заострилось, на губах появилась розовая пена. Правда, сестричка, принявшая его, перебинтовав грудь, сказала:

- Ничего, у нас и не такие через месяц танцевать начинают.

Однако нам было очень не весело. Забегая вперед, скажу, что больше нам с Алексеем воевать не пришлось. А письма? Какие уж там письма, ведь мы наступали...

Вернемся, однако, к описанию того памятного боя.

Когда дымовая завеса рассеялась, стало видно, что схватка продолжается с прежним ожесточением. Противники упрямо сходились друг с другом в лоб, почти вплотную, и били из пушек в упор. Мне казалось, что разнять нас уже не сможет никакая сила. Местами бой напоминал свободную охоту. Бронированные машины гонялись одна за другой, сближаясь до расстояния верного выстрела, и не обращали внимания на других, порою путая, где свои, а где чужие.

В то время мне трудно было представить общую картину боя из-за его масштабности, да и самому приходилось глядеть в оба, чтобы не получить снаряд в борт или в лоб. Только через много лет, посмотрев фильм "Огненная дуга", посвященный битве под Курском, и смог оценить и ту схватку под Варшавой, в которой принимал участие.

Трое суток мы продолжали бой. Гитлеровцы не выдержали натиска и отошли. Командир полка приказал связаться с экипажами самоходок, которых горячка боя разбросала по всему полю. Почти шесть часов

просидел я за рацией, разыскивая своих товарищей и сообщая им место сбора. Победа досталась нам дорогой ценой...

Установилось относительное затишье. Люди устали так, что валились с ног и засыпали там, где были - на сиденьях механиков-водителей, в боевых отделениях. Война научила спать, как говорится, про запас. Вот и тогда, используя свободное время, экипажи спали. Грело солнце, высокая трава была мокрой от густой росы. Я снял сапоги и отдыхал, взяв на себя обязанности дежурного. Среди кустарника, спрятавшись в нем поглубже, дымила полевая кухня. Но усталость была сильнее самым соблазнительных запахов еды, которые разносил слабый ветерок.

Только к вечеру мы немного пришли в себя. Много позже стали известны некоторые сведения о том, с кем нам пришлось столкнуться во встречном бою. Противник использовал на этом направлении свежие силы - переброшенные из Румынии и Италии танковые дивизии и пехоту. Войска же нашего фронта до этого уже вели тяжелые наступательные бои и за полтора месяца понесли значительные потери в людях и технике. Поскольку фронт дополнительными резервами не располагал, наш прорыв на Прагу оказался невозможным, и обстановка стабилизировалась.

Пехота стала закапываться в землю, и складывалось впечатление, что фронт остановился надолго. Приказали и нам рыть капониры для машин, оборудовать землянки для экипажей. Не любил я эту работу: то ли молодость моя была тому виной - второго августа исполнялось девятнадцать лет, - то ли мой непоседливый характер. А тут еще различные комиссии и проверки начались - значит, драить технику, зубрить инструкции и наставления.

Танкистам и самоходчикам в обороне сидеть, знаю по себе, хуже некуда. Мы старались под любым предлогом улизнуть, избавиться от теоретических занятий и прочей никому не нужной, как мы считали, работы. Временами на передовой то здесь, то там вспыхивала перестрелка. Начиналась она обычно с того, что с той или другой стороны какой-нибудь пулеметчик напоминал противнику о своем существовании и начинал палить, заметив малейшее движение в первой траншее. С противоположной стороны ему тут же отвечали, затем в перестрелку могли втянуться минометы и орудия.

Иногда причиной перестрелки были разведчики, пытавшиеся проникнуть в тыл противника или прорваться к своим после выполнения задания.

Мы не принимали участия в этих стычках и перестрелках, а сидеть на месте без дела было просто невмоготу. Однажды, узнав о том, что на нашем участке решено провести разведку боем, я уговорил командира полка отпустить экипаж в эту вылазку.

Пошли в атаку без заряжающего, но мне было не впервой, заряжал с левой руки, выполняя его обязанности. Самоходки разместились в небольшом лесочке. Где-то далеко, как раскат грома, грохотал фронт. А у нас было тихо. Рано утром собрались возле самоходки командира батареи. Он сообщил:

- Приказано вместе со стрелковым батальоном провести разведку боем, на борт взять дополнительно снаряды. Самоходка Горелкина действует совместно с первой ротой, остальные машины распределяются следующим образом...

Подготовка была недолгой. В назначенное время батарея вышла на рубеж атаки, все машины замаскировали ветками, а для экипажей на всякий случай отрыли щели. Ждали сигнала.

И вот ракеты взлетели в воздух. Вздогнула земля - начался артиллерийский налет. После него вперед пошли пехота и наши самоходки. Хотя противник успел уже основательно зарыться в землю, мы довольно быстро преодолели нейтральную полосу и ворвались в первую траншею. Пехота начала очищать ее от гитлеровцев, а мы проскочили вперед метров на тридцать и остановились - необходимо было осмотреться и уточнить обстановку.

Выглянул наружу, услышал:

- Эй, танкист, подожди!

К машине подбежал наш пехотинец.

- Ты кто? - спросил у него. - Чего кричишь?

- Я связной командира роты, которую вы поддерживаете. Командир приказал передать, что разведчики засекли танки. Они выдвигаются в нашем направлении. И еще - на правом фланге дзот. Мы никак не можем его взять. Помогите.

- Давай садись на броню. Показывай дорогу.

Боец влез на самоходку, и мы с его помощью быстро нашли исходный рубеж. Связной побежал предупредить своих о том, что мы готовы открыть огонь.

Я взял бинокль и по пояс вылез из машины. Нужно было уточнить расстояние и место расположения дзота. В десяти метрах, в небольшом окопчике, я, к своему удивлению, увидел вражеского солдата. Он сидел скрючившись и испуганно смотрел в нашу сторону. Я схватил автомат и в несколько прыжков оказался возле окопа. Только тогда понял, что меня поразило в его облике: форма одежды говорила о том, что это не немец, а венгр.

Вспомнил, что разведчики уже не раз говорили о том, что перед нами стоит какая-то венгерская часть. В голове промелькнуло: как же с ним объясняться, как приказать следовать за собой? Хорошо, что для пленного самым понятным оказался жест автоматом - давай, мол, вперед, к самоходке. Он согласно закивал головой и полез в машину.

Постучал прикладом автомата по броне и предупредил ребят, что поймал пленного. Влез за ним в боевое отделение, показал, где тот должен был сидеть до конца боя.

Нам понадобилось всего несколько выстрелов, чтобы подавить дзот. Пленный все это время сидел, сжавшись в комок, при каждом выстреле вздрагивал и почему-то кричал "Гитлер капут!".

Противник, видимо, расценивал разведку боем как начало наступления крупных сил и двинул против нас большое количество танков. Бой разгорался. Впереди все грохотало. Скоро сквозь шум послышался какой-то металлический звук. Я сразу понял: танки...

На правом фланге пехота не успела закрепиться в траншее, и, видимо такой задачи не ставилось. Начался отход.

Пора было и нам возвращаться к своим, но почему-то молчала артиллерия. И тут только сообразил, что высота скрывает танки врага от артиллерийских наблюдателей. Выручили нас противотанкисты. Они выкатили свои пушки на прямую наводку и дали нам возможность отойти без потерь. Пленного мы сдали в штаб и вернулись в расположение полка.

День незаметно угасал. Противник, растревоженный нашей атакой, решил напомнить о себе, начав артобстрел. Снаряды падали недалеко от нас, и начальник штаба полка майор Бирюков решил уточнить, откуда ведется огонь. Дул порывистый западный ветер, наполнявший ровным глухим шумом светлый сосновый лес. Я любил этот неясный таинственный гул, мне казалось, что так должно шуметь море, которое я никогда не видел, но побывать на котором мечтал.

Начальник штаба взобрался на высотку, у основания которой в капонирах стояла наша самоходка, и стал в бинокль смотреть в сторону противника. Мы с командиром полка остались внизу, ожидая сообщения Бирюкова. Я обратил внимание, что плечо рослого Бирюкова теперь находится на уровне моего подбородка: значит, я основательно подрос за этот год.

Не успел мысленно порадоваться этому открытию, как сверху, в ветвях сосны, взорвался снаряд. Этот взрыв так внезапно нарушил тишину дня, что я со всего маху бросился в ровик, открытый нами возле самоходки. Сверху посыпались хвоя, мелкие ветки, по земле запрыгали осколки, и опять воцарилась тишина.

Я быстро вскочил, отряхнулся и тут увидел командира полка, лежавшего на земле. Бросился к нему. Бобров прохрипел: - Позови начальника штаба, - силился подняться, пальцы неловко подвернувшейся руки скользнули по земле, покрытой толстым слоем опавшей хвои. Не поднялся, так и замер, сжав пожелтевшие иглы. Я понял, что случилось непоправимое... Один крошечный осколок, кусочек тускло-серого металла от разорвавшегося снаряда, попал прямо в сердце майора Боброва, оборвав жизнь...

Мы хоронили командира ранним утром. Начинало светать. Густой туман стелился над землей, и деревья в нем казались больше, чем были на самом деле. Туман предвещал ясный день.

С вечера выкопали могилу на бугре около старой ветлы. Ее было видно издалека. Мы все, кто остались в полку, стояли, низко опустив головы. Пахло мокрой травой, полынью, свежеструганными досками. Я старался не смотреть на майора, но глаза помимо воли снова и снова возвращались к такому знакомому, а теперь уже чужому лицу... Все говорили тихо, словно стесняясь живого звука своего голоса. Пришел замполит, и мы расступились, пропуская его вперед.

- Товарищи! Бойцы и командиры! - голос майора Бабия прозвучал неожиданно громко, и майор, слегка смешавшись, продолжал чуть тише: - Сегодня мы хороним нашего товарища майора Боброва...

Слова едва доходили до моего сознания, хотя это были хорошие, справедливые слова и говорил их тоже хороший человек, но как ничтожно мало они значили по сравнению с тем, живым Бобровым, улыбку которого я видел еще вчера, еще вчера слышал его хрипловатый, надорванный голос.

Гулко застучали комья сырой земли, подводя окончательную черту, разделяющую живых и мертвых.

Раздался залп, другой, третий... Все было кончено. Почти не разговаривая, мы уходили с кладбища. Позади нас в прозрачных белых лентах поднимающегося тумана, в ярком равнодушном свете разгорающегося утра был отчетливо виден маленький фанерный обелиск с красной, как капля крови, звездочкой наверху - все, что осталось от майора Боброва, от его неумного сердца, широкой русской души, от его голоса и смеха, от его любви и ненависти.

Гибель командира тяжело переживал весь полк. Удручала сама ее нелепость. Одно дело смерть во время танкового боя, во время атаки, а тут ведь в обороне. Нам же было тяжело вдвойне - не уберегли.

глава четвертая В РОДНУЮ БАТАРЕЮ

На третьи сутки прибыл новый командир полка майор Коростий. Свое знакомство с личным составом он начал с нашей самоходки. Я доложил:

- Люди здоровы. Нет заряжающего. Машина в полном порядке - недавно сменили моторную группу.

- Хорошо, - сказал он, судя по вашим наградам, вы не новичок. Были в линейной батарее или все время при командире полка?

- Нет, - говорю, - воевал в составе второй батареи.

- Значит боевой опыт имеете. Отправляйтесь во вторую... Опытные командиры машин в строю нужны...

Так я вернулся под начало старшего лейтенанта Пырекова. Тот искренне обрадовался, что мы опять рядом, плечо к плечу, но тут же и пожалел меня:

- Ты же один у нас остался. Все командиры машин, с которыми начинал воевать в нашем полку, или ранены, или убиты. Да и ты уцелел ведь только потому, что последнее время ходил на командирской машине. А теперь... - Пыреков досадливо махнул рукой и отвернулся, очевидно, чтобы не видеть выражения моего лица. Я-то ведь понял, что он хотел сказать: "Жить тебе, дорогой друг, осталось до первого, ну, пусть до второго боя..."

Во второй половине августа к нам прибыло пополнение. По особым, неуловимым, но совершенно ясным каждому фронтовику приметам чувствовалось, что 47-я армия готовится к наступлению.

А пока суть да дело, мы горячо обсуждали события, происходящие на фронте. Всех особенно интересовал вопрос, почему, не дождавшись нашего наступления, восстала Варшава? Что могло толкнуть поляков на этот шаг? Что мы сделаем, чтобы помочь им? Ведь каждому, сколь бы мало он ни прибыл на фронте, было ясно, что варшавянам в их борьбе с гитлеровцами приходится очень туго. У политработников, естественно, прибавилось хлопот, но они терпеливо разясняли, что польское правительство, находящееся в Лондоне, меньше всего думает о варшавянах, что оно преследует свои, отнюдь не гуманные, а чисто политические цели: оно решило захватить Варшаву до вступления в нее советских войск и частей 1-й Польской армии, утвердить там свою власть, противопоставив ее временному демократическому правительству Польши.

Советское командование всячески пыталось установить контакт с руководителями варшавского восстания, для этого с парашютами были сброшены офицеры связи, но руководство их даже не приняло.

Уже впоследствии я узнал, что восстание в Варшаве получило такой размах и приняло такой характер, к которому не были готовы его организаторы. Порабощенные жители польской столицы почти все присоединились к восставшим, давая выход накопившейся за годы

оккупации ненависти к гитлеровским захватчикам. Казалось, волны народного гнева не оставят даже следа от фашистов, но гитлеровское командование быстро оправилось от неожиданности и бросило против восставших танки и эсэсовские части. Варшава буквально истекала кровью. Однако ни руководители восстания, ни польское эмигрантское правительство в Лондоне и не помышляли о координации своих действий с советскими войсками. И только тогда, когда все попытки англичан оказать помощь окончились провалом, последовало обращение к Советскому командованию и были даны необходимые сведения для установления контактов.

Я не могу более подробно рассказывать о всех перипетиях этой трагедии, так как не был ее участником и многого просто не знал в то время, но я был среди тех, кого направили на помощь восставшим.

По приказу Ставки 10 сентября 1944 года войска 1-го Белорусского фронта силами 47-й армии и дивизии Войска Польского, находившейся в ее оперативном подчинении, начали наступление с целью освобождения Праги.

Наша батарея должна была прикрывать передовой наблюдательный пункт командующего фронтом. Мою машину использовали для укрытия Маршала Советского Союза К.К.Рокоссовского, так как он лично наблюдал за начальной фазой атаки переднего края противника. Укрытие представляло собой глубокий капонир, в средней части которого в рост человека отрывалась траншея со ступеньками. Танк или самоходку загоняли туда так, чтобы траншея оказалась под днищем машины. Получалось хорошее укрытие не только от снарядов, но и от прямого попадания бомб малого калибра. А на подготовку его уходило всего-то час - полтора.

Но о том, что нам предстоит выполнять эту задачу, мы узнали чуть позже. Из штаба сообщили, что мы будем стоять в этом районе несколько дней...

Война напоминала о себе, не отпускала даже на короткое время. Проснулся от далекого артиллерийского гула. Собрались мы быстро - и в путь. К высоте прибыли около часа ночи. Саперы заканчивали работу. Николай Сокольников загнал самоходку в капонир и поставил ее над траншеей - все было сделано хорошо.

Вскоре прибыл капитан с группой бойцов, им было приказано обеспечить охрану. От них мы и узнали, что сюда на рекогносцировку должен приехать командующий фронтом.

В ожидании приезда Маршала Советского Союза К.К.Рокоссовского мы сидели в самоходке и вспоминали все, что слышали о нем от других: о внешности, интеллигентности, чуткости и внимании к солдатам и младшим командирам...

Послышался шум подъезжающих машин, из которых вышла группа генералов и офицеров. Было около пяти часов утра. Маршал сразу же направился на наблюдательный пункт. Мы стояли возле машины по стойке "смирно" и во все глаза смотрели на командующего. Высокий, статный, он выделялся среди всех и невольно приковывал к себе наши взгляды. Особое обаяние придавала его лицу улыбка.

Вдруг маршал остановился возле нас, поздоровался, наклонился ко мне и улыбаясь спросил:

- Ну что, танкист, укроешь? (Нас часто на фронте называли танкистами.)

- Так точно! Укроем, товарищ Маршал Советского Союза! - ответил я.

К.К.Рокоссовский и другие офицеры отошли от самоходки, занялись своими делами, а я все еще находился под впечатлением своего короткого разговора с прославленным полководцем.

Вернулись к себе в полк, когда по всем признакам уже было видно, что затишью пришел конец. Остались в резерве командира полка. Через наши головы била тяжелая артиллерия. Ей отвечала немецкая. Это так называемый тревожащий огонь велся всю ночь, до утра. Спали на открытом воздухе в узкой щели. Отсюда, снизу, взрывы снарядов казались еще ближе...

Наступление началось утром артиллерийской подготовкой, которая продолжалась около полутора часов. Затем подключилась авиация. Уже в первый день советские и польские воины прорвали оборону противника и стали развивать наступление в глубину. Нас вывели из резерва, и командир полка приказал занять в боевых порядках место четвертой батареи, которая действовала впереди, поддерживая пехоту. Это случилось неожиданно. Помню, мы только дозаявились, пополнили боекомплект и сели ужинать, когда меня вызвали к командиру батареи. Старший лейтенант Пыреков развернул карту и пригласил к ней поближе.

- Обстановка такова, - начал он, - наша четвертая батарея и рота автоматчиков ведут бой в районе станции Вавер (пригород Варшавы). От них уже несколько часов нет никаких сведений. Рации молчат, и только звуки боя с той стороны говорят о том, что экипажи живы.

Далее Пыреков сказал, что, возможно, самоходчиков гитлеровцы прижали к Висле, и те прорваться к нашим войскам самостоятельно не смогут. Самым выгодным было послать туда хотя бы роту автоматчиков и несколько танков, но таких сил не имелось. Командир полка приказал трем самоходками прорваться к батарее Гончарова и помочь ей.

- Ты, Саша, пойдешь первым, - сказал Пыреков. - Ты лучше ориентируешься на местности и решения принимаешь быстрее. Будь осторожен...

До станции Вавер решили двигаться колонной. Шоссе проходило параллельно железной дороге. Стояла темная ночь, временами сквозь облака проглядывала луна, освещая развалины домов и сады.

Ближе к станции, там, где шел ожесточенный бой, было довольно светло от пожаров: горели дома, разбитые машины и вагоны. Возле железнодорожного переезда предстояло свернуть налево, к Висле, где предположительно вела бой в окружении батарея нашего полка.

Мы спешили и двигались без остановок. Сзади погромыхивали гусеницы второй самоходки, а за ней в темноте с трудом можно было различить силуэт третьей машины.

Встречный ветер бросал в лицо запах дыма. Мы двигались по шоссе уже более получаса, а противника все не было. Это тревожило. Неужели нас принимают за своих, или же враг не может поверить, что русские сами лезут в капкан? Вспомнил слова Пырекова о том, что станция Вавер может быть уже занята нашими войсками. Может, именно поэтому нас направили на задание без предварительной разведки, да и казалось оно мне вначале не очень сложным.

В боевом отделении нас было пятеро. Командир полка приказал сержанту Владимиру Давыдову, одному из опытных полковых разведчиков, сопровождать нас. Еще перед выходом я предложил заряжающему Николаю Егорову остаться в расположении полка, мотивируя это тем, что пятерым в машине будет тесновато, да и Давыдов вполне может справиться с обязанностями заряжающего, если будет в этом необходимость. Но Егоров уговорил меня взять и его.

- Командир, я пойду с вами. Ну зачем мне здесь оставаться? Картошку и помидоры я уже на завтрак припас.

Ну что ж, вместе так вместе. И вот мы впятером на ночной дороге, освещаемой колеблющимся пламенем пожаров. С идущими сзади самоходками связь поддерживал по рации, а команды механику-водителю подавал через световое табло. Скорость движения временами была до сорока километров в час. Дистанция между машинами - тридцать-сорок метров.

До станции оставалось совсем немного, когда внезапно у железнодорожного переезда, где сходились две дороги, в воздух поднялось несколько светящихся шаров. Стало светло как днем, и я сразу заметил прямо перед собой у обочины дороги, метрах в пятидесяти, "пантеру". Ствол ее орудия глядел прямо на нас. Машинально дал механику-водителю сигнал левого поворота и крикнул охрипшим голосом, отталкивая от себя сержанта Давыдова, стоявшего вместе со мной на командирском сиденье:

- Бронебойным, заряжай!

Лязгнул затвор пушки. Два выстрела слились в один. Последней мелькнувшей мыслью было, что фашист стреляет мне в лицо. Я почувствовал страшный толчок и потерял сознание. Очнувшись, с удивлением обнаружил, что лежу в кювете. Пошевелил одной рукой, затем другой - действуют. Огляделся. На шоссе горела наша самоходка, но и "пантера" тоже пылала. Попытался отыскать остальные наши САУ. Не нашел. Куда они подевались? Попытался встать, но ноги почти не держали, в голове звон, мысли путались. Не мог сразу вспомнить, как и зачем я здесь оказался.

Грохнул взрыв, и плотная стена воздуха толкнула меня на землю - это взорвались в самоходке боеприпасы, а там была полная боеукладка. Ведь мы успели использовать только один бронебойный снаряд. Силой взрыва пушку вырвало из цапф и ствол развернуло так, что он торчал почти в зенит.

Смутно, как будто это было не со мной, припомнил, что меня после выстрела "пантеры" как будто выбросило из машины и падал я на что-то мягкое. Пламя в боевом отделении полыхало вовсю. Медленно

сообразил, что нужно спрятаться за какое-нибудь укрытие. Достал пистолет и стал отползать от своей машины за ограду, отделявшую шоссе от железной дороги. Вокруг гремели выстрелы, шел бой, но где свои, где чужие, сразу понять не мог. Прислушался. Где-то рядом хлопали выстрелы противотанковой пушки. Подполз ближе и увидел, что ведет огонь противник - мелькали в свете ракет их рогатые каски. Стреляли через железную дорогу. Я вздохнул с облегчением: значит - наши там, целы...

Еще раз внимательно осмотрел все возле горящей самоходки. Может, еще кто-нибудь из ребят спасся? Встать на ноги не мог, уж очень сильно меня потрянуло при падении. Нет, никого больше не было. И я пополз к своим. Метров через триста, а может, и больше, наткнулся на нашу тридцатьчетверку. Командир танка вылез до пояса из башни и ругал кого-то, наклонившись в противоположную от меня сторону. Сквозь грохот боя улавливал знакомые русские слова. Свои! Забрался с большим трудом на танк, и только тогда танкист меня заметил.

- Ты откуда взялся? С какой машины? Моего командира орудия не видел?

- Видишь два факела возле переезда? Один из них - мой.

- То-то я понять ничего не могу... Выхожу на рубеж развертывания, а тут уже бой идет. Где свои, где чужие - ничего не ясно. Отправил своего командира орудия на разведку. И где его черти носят?

Как выяснилось, я оказался в полосе наступления танкистов из 1-й польской дивизии. Командир танка был русский, а остальные члены экипажа - поляки. Рассказал я ему, что знал, а танкист подсказал, где я могу найти свой полк.

Хотелось бы отметить, что в годы войны в польской армии очень хорошо зарекомендовали себя советские воины-интернационалисты. Польские патриоты ценили их боевой опыт, накопленный в боях с гитлеровцами, уважали за личную смелость и отвагу. Находясь на временной службе в Войске Польском, наши бойцы и командиры во многом способствовали успеху польских частей и соединений во всех боях и сражениях.

Укрываясь за нашими танками, выбрался на дорогу, подобрал подходящую палку и медленно побрел в расположение полка. Было уже далеко за полночь. Вдруг у дороги замаячила чья-то фигура. Подошел ближе. Это оказался мой комбат Саша Пыреков.

Увидел меня, бросился навстречу.

- Саш, ты кого ждешь? - спрашиваю.

- Тебя жду или кого-нибудь из твоего экипажа.

- Почему нас? А где другие?

- Обе самоходки воспользовались заварухой у переезда и прорвались к Гончарову. Ты прикрыл их. Я был в штабе полка, когда они по радиации доложили, что у Гончарова осталась одна самоходка с поврежденной радиацией и небольшая группа автоматчиков. Капитан тяжело ранен. Утром будут прорываться к своим. - Все это старший лейтенант выпалил одним духом. - А где твой экипаж? Почему ты один?

Что я мог ему ответить, когда сам ничего толком вспомнить не мог?

- Ладно, - вздохнул Пыреков, - идем к командиру полка.

Майор Коростий встретил меня теми же вопросами. Доложил, что помнил, но, очевидно, не очень вразумительно все это говорил.

- Идите, Горелкин, - отпустил меня майор. - А вы, Пыреков, оставайтесь.

Так что же все-таки с моим экипажем? На что я упал? Как получилось, что у меня даже переломов нет? Эти и другие вопросы роем пронеслись в голове. Я мучительно искал на них ответы и не находил. Вскоре меня догнал Пыреков.

- Командир полка приказал разобраться и проверить, что случилось с вашей группой и с твоей самоходкой, - сказал он это прямо, без предисловий.

- У майора после твоего рассказа сложилось впечатление, что ты в суматохе ночного боя бросил и самоходку и экипаж, - одним духом выпалил комбат.

У меня даже дыхание перехватило:

- Да ты что?!

- Я тоже доложил майору, что ты не мог так поступить. Поэтому давай рассказывать, что у вас там произошло.

Стараясь не пропустить ничего, рассказал я комбату о том, как шли к поезду, как наткнулись на засаду и обменялись выстрелами с "пантерой", как очнулся на дороге.

- Да, - вздохнул Пыреков, - дело неясное. Ведь нам еще ночью доложили, что ты сгорел, взорвался и никто не спасся.

Утром польские воины перешли в атаку, отбросили гитлеровцев за железную дорогу и помогли группе капитана Гончарова прорваться к своим.

Когда была взята станция Вавер, мы с заместителем командира полка по технической части пошли к поезду, где оставалась моя сгоревшая машина. Нужно было на месте разобраться в случившемся и попытаться восстановить картину боя.

Впереди, за насыпью, еще шла перестрелка. Над нами пролетали одиночные снаряды и посвистывали шальные пули. Пригибаясь и прячась за железнодорожным полотном, подошли к самоходке с тылу. Все оставалось так, как и было ночью. Ствол пушки сиротливо смотрел прямо в небо, коробка была относительно целой, но общая картина - хуже не придумаешь.

Я влез в боевое отделение. Внутри все было перекошено взрывом боеукладки. И пусть даже кто-нибудь до взрыва еще и оставался в живых, то после него уже уцелеть не было ни малейшего шанса. Включил ручной фонарик и с большим трудом пролез вниз к механику-водителю. Посветил фонариком, и у меня, что называется, волосы на голове зашевелились: то, что осталось от Николая Сокольниковца, вряд ли можно было назвать человеческим телом. Внизу, на днище, обгорелые остатки сапог и обмундирования. А выше, совсем

отдельно, прикипел к спинке сиденья обгорелый комок с какими-то деталями от нагана.

Поспешно выбрался из машины и только на дороге перевел дыхание. Зампотех удивленно смотрел на меня:

- Что с вами, лейтенант Горелкин?

- Товарищ майор, в машине сгорел только механик-водитель. Остальных членов экипажа там нет.

Обошли вокруг самоходки еще раз.

- Что-то не пойму, - говорит зампотех, - куда попал снаряд? Где пробоина? Как будем списывать машину?

Говорил он это таким тоном, что в нем чувствовалось сомнение, а был ли этот выстрел на самом деле и стрелял ли я в кого-нибудь вообще?

- Товарищ майор, давайте посмотрим еще раз. Искать нужно в лобовой части. Ведь он в меня стрелял в упор, в лоб, как и я ему. Вон он стоит, сволочь. Пробоина должна быть спереди, а не в бортах.

- Да нет ничего, - сердито повысил голос зампотех, - нет!

- Как - нет?

Меня даже холодный пот прошиб. В бою себя никогда так плохо не чувствовал, как тогда, возле сгоревшей машины. Что могло быть для меня более страшным, чем гибель боевой машины и экипажа, которые нельзя объяснить?

Опять полез в самоходку. Стараясь не касаться останков Николая Сокольниковца, сел на днище и только тогда увидел дыру в нижнем броневом листе в нескольких сантиметрах от лючка для заводной рукоятки. Сам лючок был закрыт, а когда мы осматривали машину снаружи, то приняли пробоину за открытый лючок. Вражеский снаряд пробил лобовую броню в каких-то десяти сантиметрах от днища.

- Эх, - невольно вздохнул я, - если бы он прошел чуть ниже - мы бы остались живы все...

А так снаряд, пробив броню, разорвал Сокольниковца и угодил в соты боевой укладки. Что было потом, той ночью одиннадцатого сентября сорок четвертого года, я уже рассказал выше.

Составили мы акт о списании машины.

- Товарищ майор, - попросил я зампотеха, - разрешите похоронить Николая Сокольниковца. Не могу уйти и оставить его в машине...

- Пошли, Горелкин, в полк. Доложим командиру, а потом вернемся и похороним старшину со всеми почестями, да и бой к тому времени откатится дальше. Пошли.

- Что ж ты, Горелкин, сразу ничего толком не объяснил? Так ведь черт-те что можно было подумать, - как бы оправдываясь, сказал он и пригласил сесть.

- Да вот так и не смог, товарищ майор, - ответил я. - В такой ситуации, даже если холостым зарядом "плюнуть" с такого расстояния, да еще и ночью, что можно вспомнить? А нам вклепили бронебойным, да еще и боеукладка потом взорвалась. А много ли уцелело экипажей и машин после прямого попадания или после взрыва боеприпасов внутри боевого отделения.

Командир полка с сомнением покрутил головой.

- Да, лейтенант, что-то и я не припоминаю таких случаев... Ладно, иди отдыхай.

- Товарищ майор, разрешите похоронить Николая Сокольниковца, а то...

- Знаю, Саша, старшина был отличным механиком и хорошим товарищем. Я поговорю с замполитом, иди, не волнуйся.

Через некоторое время меня вызвал к себе заместитель командира полка по политической части майор Бабий.

- Пошли, Саша, похороним Николая. Захвати с собой пару лопат.

Заглянул к тыловикам, взял кусок фанеры и написал на нем имена и фамилии погибших товарищей: старшины Николая Сокольниковца, сержанта Василия Щербаня, сержанта Владимира Давыдова, рядового Николая Егорова. Поставил дату.

Возвращался к станции, а настроение было такое, что смотреть ни на что не хотелось...

Пришли на переезд. Забрался я в машину. С большим трудом отделил обгорелые останки механика-водителя от исковерканного взрывом металла и вытащил наружу. Вместе с замполитом, подменяли друг друга, быстро выкопали могилу.

- Сходи, лейтенант, посмотри кусок материи в каком-нибудь из ближних домов. Так хоронить нехорошо, нужно Сокольниковца укрыть чем-нибудь. Только осторожнее, вдруг там кто-нибудь из недобитых фрицев прячется...

Взял я автомат и побежал к домам. Перепрыгнул через кювет и как на стену наткнулся: возле дороги, в небольшой яме, лежали мои ребята - наводчик Щербань и заряжающий Егоров. У наводчика грудь была прошита пулеметной очередью. Василий Щербань лежал чуть впереди Егорова лицом вниз. Одна рука его была вытянута вперед, другая - подмята под туловище, возле которого темнело большое пятно крови. Во всей позе Щербаня была такая мертвая неподвижность, что исчезла последняя надежда на то, что он только ранен, а не убит. Бросился к Егорову, приподнял его и увидел сквозное попадание в голову. До моего сознания с большим трудом дошло наконец, что это мой экипаж, что это - Щербань и Егоров, а не кто-нибудь другой. В голове мелькали обрывки воспоминаний ночного боя. Когда меня выбросило из машины на дорогу и я, очнувшись, стал отползать за ограду, тут чуть не попал под пулеметный огонь из второго вражеского танка. Вспомнилось, что трассирующие пули пролетали в двух-трех метрах от меня, ударялись о полотно дороги и рикошетом летели в сторону. Меня прикрыл корпус подбитой нашей самоходки. Значит, фашист стрелял по моим товарищам, а не по мне.

Бегом возвратился к замполиту.

- Товарищ майор, нашел я своих ребят. Лежат вон там, в воронке... Но Давыдова с ними нет.

- Жаль ребят. Иди посмотри в соседних домах, может, найдешь Давыдова. Вдруг ранен, потерял сознание и не может дать о себе знать? А я вернусь в полк и приведу бойцов. Будем хоронить экипаж с почестями, как и положено, - распорядился замполит.

Прижимаясь к кирпичной стене дома, я дошел до угла, выглянул. Улица была пуста. Переждал немного и быстро перебежал ее. Ворота оказались незапертыми, и я вошел во двор. Всюду виднелись следы поспешного бегства хозяев. Давыдова здесь не было видно. В сарае кто-то завозился, я приготовил оружие и тихо потянул дверь на себя. Внутри шархнулись корова и теленок. Людей не оказалось.

Вошел в дом. Он тоже был покинут, но в пустых комнатах все осталось так, будто хозяева просто вышли и скоро должны вернуться. Пройдя через несколько комнат, я попал, очевидно в спальню. Окно было распахнуто, стекла выбиты, потолок и стены посечены осколками. В этой разоренной войной комнате я и взял то, что мне было нужно для похорон.

Вместе с замполитом пришла вся вторая батарея, вернее те, кто остался в живых. Пришли даже раненые. Мы еще и еще раз осмотрели весь близлежащий к взорвавшейся самоходке район, обошли разрушенные, покинутые дома. Давыдова нигде не было.

Ребят похоронили в братской могиле, поставили над ней мой самодельный щит, нарисовав над четырьмя фамилиями большую красную звезду. Замполит сказал короткую речь, прогремел трехкратный залп, и я остался один, без машины и без экипажа.

Когда мы вернулись в расположение полка, пришел в дом, определенный нам для постоя, снял шлемофон, сел за стол и задумался.

Мы были едины: жили одной жизнью, делили поровну опасность и кусок хлеба, спали под одним брезентом. У нас были общие помыслы и общая цель. Вот только судьбы оказались разными. Я вынул из планшета карту, отметил жирным кружком этот трижды проклятый перекресток, написал фамилии ребят. Ведь война никому не дает гарантий: если пронесло сегодня, то кто знает, что будет завтра?.. А близкие после войны могут захотеть приехать поклониться этой священной земле. Хотя так ли уж важно, где лежат тысячи наших парней? Важно то, за что они отдали свою жизнь.

Еще вчера был я командиром САУ, а сегодня - "безлошадный" лейтенант Саша Горелкин, услужливая память которого вновь и вновь "прокручивала" картину недавнего прошлого. И вспомнил я день, когда майор Бобров впервые представил меня экипажу "артистов", вспомнил, с каким нескрываемым любопытством разглядывали меня ребята, пытаюсь определить, что я за птица, вглядываясь в лицо, в лейтенантские погоны, в орден - результат почти полугодичного пребывания на фронте. Как старался я произвести впечатление опытного фронтового командира, но, хотя внешне был спокоен, руки у меня слегка дрожали.

Прошло лишь два месяца, а каким бесконечно далек казался тот день! Правда, это были два фронтовых месяца, которые по меркам мирного времени вполне могут быть соотнесены с двумя годами. За это время мы столько раз ходили в атаку, мерзли и глотали пыль в самоходке... И вот моего экипажа нет. Думаю, если бы я тогда мог заплакать, мне стало бы легче. Но слез не было, была тупая боль в сердце и всепоглощающая мысль, что больше я их никогда не увижу...

Командир полка оставил меня во второй батарее. Я, оставаясь "безлошадным", подменял выбывших или заболевших командиров машин, выполнял обязанности офицера связи, дежурил по штабу. Да и мало ли можно найти работу в полку для офицера?

Прошло две или три недели с той, столь памятной, ночи. Я возвратился в полк из штаба армии, куда отвозил какой-то пакет, и тут сообщили, что мной интересовался повар из польского госпиталя, хотел передать привет от сержанта Владимира Давыдова.

Тогда-то я и узнал, что Давыдова в тяжелом состоянии подобрали в кювете солдаты польской дивизии и отправили в свой госпиталь. С ним в одной палате лежал танкист из экипажа того танка, на который я наткнулся, пробираясь к своим. От Давыдова повар узнал некоторые подробности, которые сержант просил рассказать мне. Оказалось, что я свалился прямо на него, когда нас выбросило из самоходки. Теперь стало понятно, почему я так "мягко" приземлился. Слегка контуженный, Давыдов выбрался из-под меня, увидел, что я не подаю признаков жизни, и стал отползать к кювету, где и был ранен.

После войны я неоднократно пытался изменить надпись на могиле товарищей, писал в Польшу, но оказалось, что сделать ничего нельзя - ребята перезахоронили на Варшавском кладбище.

Тогда же, в сентябре 1944 года, бои приняли на редкость ожесточенный характер. Гитлеровское командование бросило против нас большое количество танков и пехоты, но остановить наступательный порыв советских и польских воинов не смогло. 14 сентября наши войска полностью освободили Прагу и стали готовиться к освобождению Варшавы. Нас сменили части 1-й Польской армии, им было представлено право форсировать Вислу и выбить оккупантов из польской столицы.

Польским воинам предстояло захватить плацдарм на другом берегу реки и установить непосредственный контакт с повстанцами. К 19 сентября в Варшаву было переправлено несколько батальонов пехоты, но руководители восстания, как стало известно потом, выполняя приказ буржуазного польского правительства из Лондона, отвели свои отряды с береговой черты и никакой помощи десантникам не оказали. Более того, что отдали приказ своим отрядам прекратить сопротивление в городе и сложить оружие. Восстание потерпело поражение.

Польские пехотинцы, прижатые к берегу превосходящими силами противника, оказывали героическое сопротивление, но долго держаться не смогли и почти все пали смертью храбрых. Продолжать наступление и повторить попытку переправиться через Вислу еще раз у советских и польских войск уже не было сил и средств. Поэтому у Варшавы активные боевые действия прекратились. Наши войска перешли к обороне и начали подготовку к новой наступательной операции.

Нас с противником разделяла река. Иногда, играя, всплескивала крупная рыба, и не надо было обладать большим воображением, чтобы понять, как здесь было хорошо до войны.

Полк стоял в небольшом селении Зеленка. Шла обычная позиционная война: артиллерийские обстрелы - по расписанию, поиски разведчиков, налеты вражеской авиации.

Штаб полка разместился в старом, запущенном саду. Там стоял стойкий запах яблок, перезревших, с глухими шлепками падающих с деревьев. Ветер гонял по дорожкам пожелтевшие листья. Бойцы сгребали их в кучи и жгли. Тонкие пряди голубого дыма скользили между ветвями вверх, растворяясь в осеннем воздухе. Мне он сразу показался каким-то странным, и только спустя некоторое время я понял, почему. Это был мирный дым, дым семейного очага и теплого хлеба, дым густого парного молока и тихой вечерней беседы за покрытым белой скатертью столом, освещенным висячей лампой, возле которой вьются бледные ночные бабочки. Я отвык от такого дыма. Этот дым напоминал о чем-то полузабытом и далеком. Но о чем? И вдруг я вспомнил о печеной картошке. Мы ездили всем курсом в подмосковный совхоз на уборке картофеля. Намаевшись за день, вечером разводили небольшой костерок и пекли картошку. Тлели подернутые синеватым пеплом угли. Мы переворачивали палочкой черные потрескивающие клубни, выхватывали их из костра, перебрасывая с руки на руку, и, обжигаясь, ели, подсаливая серой, крупной солью.

Я так ясно представил себе эту картину, что даже рассмеялся: просто не верилось, что все это было со мной,- такой далекой и нереальной казалась мне моя прошлая жизнь.

глава пятая "ВАМ НУЖНО УЧИТЬСЯ"

В начале октября я в очередной раз вернулся с пакетом из штаба армии, поставил мотоцикл под большим кустом боярышника, росшего возле крыльца штаба, сдал документы и отправился отдыхать. Под вечер зашел к начальнику штаба, который заменял в то время командира полка.

- Садись, Горелкин, в ногах правды нет, - сказал он, внимательно взглянув на меня, и, затаившись папиросой, стал что-то искать в груде лежавших на столе бумаг.

- Ага, вот она, - сказал он удовлетворенно и, усмехаясь, продолжал: Знаешь, что ты сегодня из штаба привез, Горелкин, нет? Судьбу свою привез, вот что.

- В штабе армии решили дать мне новую самоходку? - пошутил я.

- Холодно, Саша, холодно. Есть приказ, - посерьезнев, продолжал он, отправить двух командиров на учебу в Высшую офицерскую школу самоходной артиллерии. Ну как? Поедешь учиться?

Я просто ушам не поверил. Враг за рекой, скоро наступление, а мне предлагают ехать в тыл на учебу! Начальник штаба заметил мои колебания.

- Ступай, Саша, подумай. Да не тни с решением. Найди Виноградова, и вместе приходите в штаб.

Я разыскал Ивана, который тоже остался без САУ и временно исполнял обязанности нештатного адъютанта командира полка, рассказал ему о предложении начальника штаба.

- Поехали на курсы, - начал он меня агитировать, - вернемся через три месяца командирами батарей. Война, может быть, еще не закончится. Чего волноваться? Поедем вместе добивать врага в его логове. Соглашайся, Саша, поедем учиться.

Вечером меня вызвали в штаб. На столе коптила керосиновая лампа, под потолком плавали клубы табачного дыма. За столом вместе с начальником штаба сидел майор Бабий. Оба усиленно дымили папиросами, лица были серьезными. Видно, мой приход прервал не очень приятный разговор.

- Заходи, Горелкин, садись. Сейчас подойдет лейтенант Виноградов, и поговорим, - указал мне на лавку у стены начальника штаба.

Вошел Иван Виноградов, сел со мной рядом. Начальник штаба загасил папиросу, сказал:

- Командование решило, товарищи лейтенанты, направить вас на учебу в город Балашов.

Мы с Иваном сидели молча, ждали продолжения.

- Других бы послали, но фортуна на вашей стороне, так как все остальные командиры машин при деле. Завидую вам, по-человечески завидую. Учиться будете... Знания, если и не на войне, то и в мирное

время пригодятся. Коли надумаете остаться в армии, то вам и карты в руки.

Бабий пожелал нам счастливого пути и успешной учебы.

- Идите, товарищи офицеры, а я распоряджусь, чтобы документы вам подготовили сегодня же. А завтра, - сказал в заключение начальник штаба, - чтобы духу вашего здесь не было. - Обняв нас, он отвернулся, взмахом руки разрешая выйти.

Мы с Иваном медленно брели по улице, все еще не веря в то, что произошло. Я никак не мог разобраться в своих чувствах. Не очень хотелось покидать полк и друзей, к которым уже привык за эти месяцы совместной службы. Но я явственно ощущал, что уже отделен от прежней жизни какой-то невидимой гранью. А после получения документов грань, зримо прочерченная уставом между начальником и подчиненным, тоже как-то исчезла. Начальник штаба был уже за этой гранью, и я по-иному увидел этого человека.

Нет, грань официальных отношений, не допускающих даже намека на панибратство, все же оставалась. Иначе, не будь ее, прежде чем уехать, я крепко бы обнял и расцеловал и начальника штаба, и каждого, с кем делил хлеб и соль в эти дни. Обнял и расцеловав просто так, по-мужски, за службу, за дружбу, за долгие фронтовые километры, за все то, непередаваемое и нежное, от чего начинало резать, пощипывать в глазах. И почему мы стыдимся на людях выражать свои добрые чувства и не всегда стесняемся дурных?

Прощально грустное настроение прошло только на следующий день, когда рано утром 5 октября мы с Иваном поймали попутную машину и, трясясь на ухабах, начали отсчитывать другие, короткие, "тыловые" километры на восток. Война оставалась все дальше и дальше. Лежа на полке и глядя в окно на мелькавший пейзаж, вспомнил такой уже далекий июнь 1941 года.

Начало войны, первые ее месяцы, запомнились тем, что мы начали учебу только в октябре. Потом я стал студентом второго курса Люберецкого техникума, куда пришлось перевестись, так как ездить в Москву было очень трудно транспорт работал с большим перебоем, и, хотя фронт от Москвы откатывался все дальше и дальше на запад, война требовала новых огромных материальных затрат и людских резервов.

В нашей группе в техникуме к ноябрю 1942 года осталось всего девять человек - семь девочек и два парня. А в один из ненастных ноябрьских дней пришли повестки и нам с Георгием Соловьевым, которые уведомляли, что необходимо явиться на призывной пункт для прохождения медицинской комиссии.

Шли туда ранним утром. Ветер уныло свистел в голых сучьях берез, стыла земля у жесткого частокола ельника, похрустывал под ногами первый сахаристый ледок, когда мы пересекали пустое картофельное поле с торчавшей кое-где почерневшей ботвой. Помню, что настроение у нас было приподнятое - мы во весь голос распевали очень популярную довоенную песню, слегка перефразируя ее сообразно обстоятельствам: "Парень кудрявый, статный и бравый, что ж ты покидаешь нас?.." Мне очень хотелось, чтобы слова песни

соответствовали моему облику и сложившемуся стереотипу настоящего защитника Родины. К сожалению, даже тогда я ясно отдавал себе отчет о своем полном несоответствии и ему, и словам песни: было во мне 156 сантиметров роста и весу 44 килограмма!

Георгия медкомиссия признала не годным к военной службе, а меня было решено призвать.

И вот в начале января 1943 года я получил повестку, согласно которой Горелкин Александр Григорьевич должен был 11 января прибыть на сборный пункт военкомата.

Увидев повестку, мать побледнела так, что даже голубые глаза у нее стали белыми. Она всеми силами пыталась удержаться от слез, а они все бежали и бежали по ее сразу запавшим щекам, и она стряхивала их рукой, отворачивалась, чтобы я не видел, что она плачет...

- Сынок, - сделав поистине героическое усилие, сказала мать почти спокойным голосом, - ты уж пригласи всех своих на вечер. Посидим, проводим тебя как следует.

Я согласно кивнул. Говорить не хотелось, в носу как-то защекоotalo, и при взгляде на мать все те громкие и правильные слова, которые я хотел произнести, слова, которые я хотел произнести, слава богу, застряли у меня в горле. Мама стояла такая потерянная, такая постаревшая, с четко обозначившимися морщинками и предательскими белыми нитями в волосах, что я впервые отчетливо осознал, куда я еду, понял, что провожу, быть может, последние часы в родительском доме, что возврата в эту жизнь, где я был "маленьким", "солнышком" своей мамы, уже не будет. Я крепко прижался к ней, обнял, спрятал лицо у нее на груди и почувствовал, как мама дрожит. Но когда я оторвался от нее, глаза ее были сухими. Она даже пыталась успокоить меня:

- Иди, Сашок, не волнуйся, все будет хорошо. Сегодня проводим тебя, а когда вернешься - настоящий пир устроим, верно?

Я во все глаза смотрел на маму. Откуда же у нее берутся силы? В тот день я впервые удивился великому материнскому, женскому мужеству. Я и теперь преклоняюсь перед ним. Выскочил из дома, стремглав пустился по улице. Сворачивая за угол, оглянулся: мама стояла в дверном проеме, неотрывно глядя мне вслед. Губы ее беззвучно шевелились, шепча слова извечного материнского напутствия.

Такой я запомнил свою мать - стоявшей на пороге нашего дома в сером клетчатом платке, скользнувшем к ее ногам. Именно здесь, у дома, а не на платформе, когда я сидел в насквозь промерзшую электричку и отчаянно царапал замерзшее стекло, чтобы взглянуть на провожавших меня близких и друзей.

Тоненько всхлипнув гудком, электричка, медленно набирая скорость, повезла меня в совсем иную, незнакомую военную жизнь, ставшую моей судьбой.

Служить я начал в запасном воздушно-десантном полку. Зачислили в батарею управления радистом-телефонистом. По физическим данным я не подходил в десантные войска, но время выдалось тяжелое, смекалки мне было не занимать, сноровка и физическая выносливость тоже оказались на высоте, и это, вероятно,

определило мое назначение. Начались учебные будни. Теоретические занятия чередовались с практикой, к которой вскоре прибавились и прыжки с парашютом. Первые прыжки мы совершали с привязанного аэростата, а потом и с самолета. Именно тогда я начал постигать истину, что лишних знаний и навыков не бывает. Детское увлечение футболом выработало у меня не только хорошую реакцию, но и выносливость, воспитало характер. До войны у нас в поселке в футбол играли все. Футбольным полем становилась любая площадка. Взрослые и дети с увлечением гоняли мяч, стремясь придерживаться футбольных правил. Правда, знали мы их не очень хорошо, хотя и проводили на поле все свободное время. Мячей почти не было. Стоили они дорого, и их берегли для "официальных" встреч, а тренировались с самодельными. Наша команда регулярно встречалась с командами других поселков. О встречах договаривались заранее, и я не помню случая, чтобы они не состоялись. А ведь на большинство из них команда отправлялась пешком за 5 - 10 километров, сопровождая болельщиками и болельщицами, не пропускавшими ни одной игры. Мне едва исполнилось двенадцать лет, когда приняли в сборную поселка. Ребята в команде подобрались очень дружные, многие были старше примерно на три-четыре года. Но я играл цепко, а приемы отбора мяча отработал так, что и через много лет, когда предоставлялась возможность выйти на футбольное поле, ноги сами выполняли их.

В феврале у нас начались ежедневные занятия по десантированию. За день уставали так, что к вечеру уже почти не оставалось сил, чтобы добраться до казармы. Еще когда мы готовились к прыжкам с аэростата, командир батареи капитан В.Востоков напоминал старшине:

- Не разрешайте Горелкину прыгать без дополнительного груза, иначе ветром его унесет так далеко, что к ужину не успеет вернуться.

Старшина старательно помогал мне прилаживать за спиной парашют, сам пристегивал все четыре лямки и круглой пряжке на груди. Потом прилаживал рюкзак с песком и просил инструктора присматривать за мной в воздухе. Меня украшали различным снаряжением, словно новогоднюю елку.

Тренировочные прыжки с аэростата прошли нормально. Приступили к прыжкам с самолета. Помню, как ребята помогли дойти и влезть в кабину. Инструктор еще раз напомнил, что зеленый сигнал - это разрешение на прыжок. Потом он крикнет: "Пошел!" - и опустит руку. Если все будут прыгать точно по команде, то приземлятся самое большое в десяти-двадцати метрах от места, которое отмечено на поле аэродрома.

Парашютисты заняли места вдоль бортов кабины. Летчик проверил мотор. Самолет содрогался от напряжения, но оставался на месте, удерживаемый колодками. Затем газ сбросили, и мотор заработал на малых оборотах. Летчик доложил на вышку, что готов вырубивать для взлета.

Тормозные колодки убрали, мотор снова взревел, и самолет медленно двинулся по рулежной дорожке к дальнему концу взлетной полосы. Там он развернулся и стал ждать разрешения с вышки.

Меня попросили пересесть ближе к двери, и через нее я увидел всю взлетную полосу, простиравшуюся километра на два прямо перед нами. Но вот машина со всевозрастающей скоростью устремилась вперед. Промелькнула быстро удаляющаяся взлетная полоса, как-то сразу оставшаяся далеко внизу, самолет метр за метром набирал высоту.

Мы были в воздухе. Я откинулся на парашют и попытался разобраться в охвативших меня чувствах, но не успел. Самолет развернулся, над кабиной вспыхнула маленькая сигнальная лампочка: пора! Я застегнул под подбородком ремешок шлема, а инструктор тем временем стал открывать дверь люка. Держась рукой за стенку кабины, я добрался до двери, пристегнул карабин вытяжной стропы парашюта к тросу, проходившему по всей длине самолета.

Инструктор положил руку на мое плечо и не отрываясь смотрел на светящуюся панель в ожидании сигнала. Меня же охватил какой-то непонятный страх. Я сделал глубокий вдох, стараясь подавить волнение. Хорошо практиковаться в прыжках с аэростата - там у меня было ощущение прыжка с парашютной вышки в парке отдыха. Но сейчас - другое дело. "Хорошо, - подумал я, - что выпускающий имеет большой опыт. Попросить его вытолкнуть меня пинком, если вдруг стану колебаться?.. Так будет лучше. Сейчас важно не ударить лицом в грязь. Стыдно будет перед ребятами..."

- Пошел! - крикнул выпускающий, сняв руку с моего плеча.

Я стиснул зубы и выбросился из самолета, закрыв глаза и задержав дыхание. Поток воздуха отбросило под хвост самолета. Секунды три, показавшиеся необычайно длинными, меня как пушинку несло по ветру, пока вдруг резкий рывок не подсказал, что купол раскрылся. Страх прошел. Но тут, к своему ужасу, я почувствовал, что верчусь на перекрутившихся стропках. Ухватился руками за обе главные, чтобы, как только они раскрутятся, развести их в стороны и не дать закрутиться в обратную сторону. Земля стремительно приближалась, а стропы раскручивались медленно...

Готовясь к приземлению, я слегка согнул ноги в коленях. Вот уже и последнее переплетение расходитя. Быстро развел стропы. Почти в тот же миг ноги коснулись земли, порывом ветра отнесло купол в сторону, Меня завалило на спину и потащило по земле.

Перед глазамиплыли огненные круги - земля встретила не очень ласково: ноги с силой ударились о нее, я не смог сгруппироваться из-за того, что занялся стропами. С трудом расстегнул пряжку на груди, и все четыре лямки упали.

Лежа на спине, подтянул одну ногу коленом к подбородку, затем другую. Переломов не было. Правда, чувствовалась боль в позвоночнике. Встал, свернул парашют и побрел к вышке. На поле один за другим приземлились мои товарищи. Некоторые из них попадали в такой же переплет, что и я. Побаливала левая нога, но я был доволен собой - прыгнул, не испугался. Остальное - пустяки!

Вечером вызвал командир батареи.

- Ноги-то у вас целы, Горелкин? - начал он разговор с вопроса. - Видел сегодня, как ты неудачно приземлился. - Да, - отвечаю, - целы.

А у самого в голове разные мысли мелькают: "Неужели капитан хочет меня отчислить и я не попаду на фронт?"

Востоков достал из папки какой-то лист бумаги, положил его перед собой.

- Претензий к тебе у меня нет. Боец ты старательный. Вот только подрасти тебе надо и окрепнуть. Служба у нас тяжелая, а дела на фронте складываются так, что скоро нас туда направят. Куда уж тебе там расти? Садись, хочу поговорить о другом.

Я сел, силясь понять, куда клонит командир батареи.

- На фронт ты еще успеешь попасть, война длинная, на всех хватит, упредил он мои возражения. - Я получил приказ направить двух грамотных и толковых ребят в офицерское артиллерийское училище. У тебя в семье есть кадровые военные?

- Нет, кадровых не было, - ответил я. - Не решит ли капитан, что я хочу остаться в тылу?

- А ты не желаешь поехать в училище? - вдруг спросил Востоков.

Я растерялся, сразу не нашел что сказать.

- Ну что? Поедешь? Будешь первым офицером из Горелкиных, - улыбаясь сказал капитан и добавил с теплой усмешкой: - Да и кормят в училище получше, даже компот дают...

Шел март 1943 года, в разгаре была война, а нас с Павлом Скворцовым отправили в тыл, на учебу во 2-е Киевское училище самоходной артиллерии. В канцелярии вручили проездные документы и пожелали счастливого пути.

Утром следующего дня мы были на вокзале. Состав подали после двенадцати. Мы были на перроне, промокли, ооченели и были голодны. От завтрака же остались лишь одни воспоминания. Быстро заняли два места на полке и подкрепились сухим пайком. А поезд постукивал на стыках. С правой стороны тянулась скучная степь с высохшей травой и плоским горизонтом. Кое-где на буграх, прогретых весенним солнцем, зеленели озимые хлеба. Слева же от железнодорожной линии катила свои воды Волга. Но вот дорога повернула на юг, и река осталась далеко позади.

Время тянулось невыносимо долго. Однако всему приходит конец, и вот уже перед нами замелькали пригороды Саратова - конечного пункта путешествия. Училище, эвакуированное из Киева, находилось в поселке Разбойщина. Здесь предстояло осваивать новую, неведомую нам технику. В то время о самоходной артиллерии знали мало. Да и сейчас, что греха таить, даже в кругу военных иногда задают вопросы о том, зачем нужны были самоходки, да еще в таком массовом количестве? Существовали же, мол, прекрасные танки КВ и Т-34. Потому, прежде чем начать рассказ о своей учебе, позволю себе сделать небольшой экскурс в историю.

Предшественниками самоходных артиллерийских установок (САУ) были орудия на колесных и полугусеничных автомобилях. В России они появились еще в 1915 году.

Возникновение же и развитие самоходной артиллерии и танков. САУ - это боевая машина на гусеничном ходу, полностью или частично бронированная, обладающая высокой маневренностью и мощным артиллерийским вооружением.

Самоходно-артиллерийские установки появились на вооружении армий позже танков и предназначались для уничтожения живой силы и боевой техники противника с открытых и закрытых огневых позиций. Правда, скажу откровенно, лично мне за годы Великой Отечественной войны ни разу не довелось вести огонь с закрытых огневых позиций, да и от других слышать об этом не приходилось. Но в этом, как мне кажется, решающую роль сыграло то, что воевал я на средних САУ, которые в большинстве случаев использовались для сопровождения пехоты в бою и для борьбы с танками противника.

Основным назначением САУ (в иностранных армиях их называли штурмовые орудия) была борьба с танками и другими бронеемкими объектами. Броневая защита и огневая мощь САУ и штурмовых орудий непрерывно повышались на протяжении военных лет.

Советские конструкторы в годы Великой Отечественной войны применили наиболее простое и эффективное решение проблемы создания самоходно-артиллерийских установок, разрешая их на базе танков в неподвижной боевой рубке. Ее корпус был больше боевого отделения танка, на шасси которого создавалась САУ, и это позволяло устанавливать более мощное вооружение.

Легкие и средние САУ предназначались для непосредственной поддержки пехоты, а тяжелые - для поддержки и усиления боевых действий танковых частей и подразделений.

В конце 1942 года в нашей стране началось производство самоходно-артиллерийских установок, имевших на вооружении орудия 76, 122 и 152 миллиметров. А к июлю 1943 года в Красной Армии уже появилось и средство борьбы с новыми танками вермахта "тигр", "пантера" и штурмовыми орудиями "фердинанд", поступившими на вооружение в преддверии летней кампании на советско-германском фронте.

На "тиграх" и "фердинандах" были установлены 88-миллиметровые пушки с дальностью прямого выстрела по танку 1200 метров. На наших же Т-34 и КВ основной была 76-миллиметровая пушка, имевшая дальность прямого выстрела 800 метров. Снаряд этой пушки уступал по весу, начальной скорости полета, а следовательно, и по пробивной способности. Поэтому основная тяжесть борьбы с новыми бронированными машинами гитлеровской армии легла на плечи полевой артиллерии и самоходчиков, воевавших на САУ, вооруженных 85- и 152-миллиметровыми орудиями.

Когда же на базу танка Т-34 поставили прекрасную пушку калибра 85, а затем и 100 миллиметров, то эти САУ вошли в число лучших в мире (ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ).

Для комплектования самоходно-артиллерийских частей и подразделений потребовались специально подготовленные кадры, и в стране была создана сеть соответствующих военно-учебных заведений.

В одно из них и получили направления мы с Павлом Скворцовым. Оба успешно сдали вступительные экзамены и прибыли на мандатную комиссию.

Меня вызвали в число первых. Вошел, доложил о своем прибытии. Глаза невольно задержались на председателе комиссии начальнике училища генерале А.П.Гундорине, который выделялся среди других блеском тогда еще не очень привычных золотых погон. Начальник училища встал, вышел из-за стола и подошел ко мне. Передо мной был человек среднего роста и приметной внешности: большая круглая голова на крепкой шее, коротко подстриженные волосы с густой проседью. Седина придавала значительность его моложавому лицу. Я замер в оцепенении: надо же, совсем рядом стоял живой генерал, первый генерал в моей жизни. Я невольно подтянулся и даже попытался встать на цыпочки, чтобы казаться выше ростом.

Генерал Гундорин наклонился ко мне и вполголоса, чтобы не слышали другие, спросил:

- Ты, сынок, какого года рождения? Не двадцать девятого?

Что-то мне не понравилось в этом вопросе, то ли интонация, то ли выражение лица генерала, когда он задавал этот вопрос, но решил держаться до конца. Набрал побольше воздуха в легкие и четко ответил:

- Никак нет, товарищ генерал, я родился в тысяча девятьсот двадцать пятом году. До прибытия в училище служил в десантных войсках, в армии призван из техникума.

- Да ну? - удивился Гундорин. - А пороху-то хватит учиться?

Я стал торопливо выкладывать все то, о чем передумал. Генерал смотрел на меня с видимым любопытством, благожелательно поддакивал, слушая заверения в том, что я буду хорошо учиться.

- Я вырасту, товарищ генерал, - поспешил заверить я, стремясь упредить и предотвратить, как мне показалось, приказ о моем отчислении. - Еще мой дед говорил, что...

- Ладно, Горелкин, - прервал мою тираду генерал Гундорин, - иди, будешь учиться у нас.

Не чувствуя под собой ног, я четко повернулся кругом и вышел в коридор. Пашу Скворцова вызвали после меня, и он тоже был зачислен.

Я дождался его в коридоре, и мы радостно обнялись, поздравляя друг друга. Вдруг дверь открылась, и вышел генерал Гундорин. Мы замолчали, вытянувшись.

- Ну, сынок, - обратился он ко мне, - расскажи-ка подробнее, что тебе говорил дед?

Ребята удивленно зашумели, а я с готовностью принялся рассказывать о своем дедушке Алексее Николаевиче Горелкине, простом рязанском крестьянине. В 1904 году его призвали в армию.

Высокорослый, русоголовый богатырский дед сразу приглянулся начальству, и его зачислили в охрану генерала Куропаткина. Я увлекся воспоминаниями, а память подсказывала все новые и новые подробности.

- Дед говорил, товарищ генерал, что мы, как и дед, Горелкины, все обязательно вырастаем и даже перегоняем после 18 лет - потом в росте своих сверстников.

В одном из сражений на полях Маньчжурии в 1905 году дед попал в плен и вернулся домой только в 1908 году...

Появился дежурный офицер, с разрешения генерала, скомандовал:

- Выходи строиться!

Генерал Гундорин придержал меня за плечо:

- Расти, солдат, учись, а мы постараемся и кормить вас тут получше.

Двухшереножный строй замер по команде "Смирно!". Начальник учебного отдела зачитал приказ о зачислении в училище и представил нам командиров. Мы с Пашей Скворцовым попали во 2-й дивизион. Начались учебные будни. Мы усердно маршировали по строевому плацу, штудировали уставы, чистили оружие, изучали материальную часть и осваивали искусство артиллерийской стрельбы. Учебная программа была рассчитана на шесть месяцев. Предметов оказалось много, и занятия проходили ежедневно по десяти часов, да еще два часа отводилось на самоподготовку.

Среди курсантов были разные по способности ребята. Одним азы артиллерийской науки давались легко, другие мучились, трудно усваивая материал. Таким помогали как могли.

Особенно запомнились первые выходы в поле. Вначале мы отрывали окопы полного профиля, стараясь до сантиметра соблюсти все нормативы. Грунт местами был как камень: пока отроешь окоп, пузыри на ладонях не только вскочат, но и полопаются.

Помню, как однажды во время занятий в аудиторию вошла группа офицеров во главе с начальником училища.

- Трудно, сынки, понимаю. Но сейчас трудно всем. Нужно выдержать, - сказал генерал, а потом вдруг поинтересовался: - А как учится курсант Горелкин?

Старший лейтенант Ежов, командир взвода, доложил:

- Курсант Горелкин усваивает программу в полном объеме.

В недалеком прошлом училище готовило командиров для артиллерийских систем на механической тяге. Преподаватели прекрасно знали свой предмет. Артиллерийской стрельбе нас учили мастера своего дела - старшие лейтенанты Федотов и Цыганов. Много у них переняли - методисты они были отличные. Много лет спустя, проводя разбор учений, я ловил себя на том, что в чем-то копировал их.

Старший лейтенант Ежов, командир взвода курсантов, преподавал тактику. Среднего роста, быстрый в движениях, он самозабвенно любил свое дело. Военная форма на нем сидела как влитая. Ежов считал, что человек, посвятивший жизнь службе в армии, взявший на себе почетную обязанность защитника Родины, должен досконально изучить военное

дело, быть физически крепким и выносливым. А каждый командир, часто повторял он нам, это еще и воспитатель своих подчиненных, который должен быть для них примером во всем.

Ежов не тратил учебное время, которого и так было мало, на поучения и нотации. Во время занятий он мог двумя-тремя словами, не прерывая хода учебного процесса, дать оценку знаниям того или иного курсанта.

- Курсант Горелкин, - обращался ко мне Ежов, когда кто-нибудь из нас не мог правильно ответить на вопрос, - проставьте за этот ответ "плохо" два раза (я вел журнал учета занятий, и мне поручалось проставлять оценки, когда преподаватель был занят показом или работал на технике).

Мы учились всему: заправлять койки, заниматься строевой подготовкой, скоблили пол в казарме, мели двор училища, несли караульную службу. Все это мы ухитрялись делать без ущерба для занятий по спецдисциплинам.

Если бы мы попали на фронт, не получив этой закалки, то еще неизвестно, как бы мы могли выдерживать то, что нас там ожидало. Я не припомню случая, что бы когда-то из нас приходилось заставлять учиться. Чаще бывало наоборот: дежурный офицер, приходивший проверять самоподготовку, в приказном порядке вынужден был отправлять нас спать, поскольку нагрузки, моральные и физические, были очень велики и начальник училища категорически запретил заниматься по ночам. Поэтому зубрили правила стрельбы, до автоматизма отрабатывали действия на материальной части и с артиллерийскими приборами. А сколько было пролито пота на вождении!

Дело это в училище явилось новым, самоходно-артиллерийских установок не имелось еще в достаточном количестве, и мы осваивали искусство вождения на легких танках Т-60 и Т-70. Мне больше нравился Т-60, так как управлять им было легче. Горизонтальная рукоятка управления располагалась на уровне механика водителя, нажмешь на нее - и танк поворачивается направо, потянешь на себя - машина делает левый поворот.

Управлять же танком Т-70 мне оказалось труднее: на нем было классическое танковое управление - два вертикальных рычага. Уставал я на нем сильно и вечером буквально валялся от усталости. Сон был настоящим спасением и лучшим средством для восстановления сил. Нет ничего крепче солдатского сна, но и нет его спокойнее. После учебного дня лежал на койке, как в невесомости. И вот уже словно наливаются свинцом веки, ты куда-то катишься, связанный усталостью по рукам и ногам...

По субботам курсантов водили в баню. Туда и оттуда мы возвращались с песней. Над строем высоко взлетал голос запевалы, ему отвечал лихой припев в исполнении сотни молодых голосов. К этому времени появилось много хороших военных песен, и распевали их, не жалея голосов. Песня заставляла подтянуться, тверже чеканя шаг, расправить усталые плечи, поднять головы. Я считался одним из лучших

запевал, унаследовав, очевидно, присущую всей нашей семье музыкальность и любовь к песне. А песни военных лет - это целая эпоха в нашей музыкальной культуре. Песни воевали. Они грустили и веселились, они звали в бой. Это были песни простые и величественные, как прост и велик народ, создавший их. Это были свободные песни свободного народа, защищавшего свое Отечество. Поэтому и назвали их песнями Великой Отечественной войны.

За время пребывания в училище я, как и другие, сначала с удивлением, а затем с удовлетворением понял, какое большое значение в армии имеет порядок. Мы овладевали одной из самых почетных профессий - профессией защитника Родины, мы хотели стать кадровыми военными, то есть и после окончания войны остаться в строю. Это ко многому обязывало. Надо отдать должное: в училище делалось все, чтобы укрепить в нас сознание ответственности, чувства долга, воспитать дисциплинированность. Через некоторое время уже не казалось странным, что наш ровесник в звании сержанта имеет над нами больше власти, чем даже родители...

На первомаяском торжественном собрании мы с Павлом сидели в президиуме. Этой чести нас удостоили за отличные успехи в учебе и активную общественную деятельность - оба были секретарями комсомольских организаций своих подразделений.

Сидели мы рядом с генералом Гундориным, и я изредка поглядывал на него, вспоминая нашу первую беседу с ним. Начальник училища заметил это и в перерыве позвал нас к себе.

Похвалил нас и улыбнулся. Видно, уж очень не вязались в его воображении наши мальчишеские фигуры с генеральской формой. Но для некоторых из нас слова Гундорина оказались пророческими: курсант первого дивизиона Владимир Стрельников стал генерал-полковником, дослужились до генеральских званий курсант четвертого дивизиона Владимир Бугорков и автор этих строк.

Но в то время никто из нас в самых смелых мечтах не мог представить себе ничего подобного. В октябре программа обучения была завершена, я на "отлично" сдал все экзамены, а 6 ноября во второй половине дня старшина выдал каждому новенькие офицерские погоны. "Младший лейтенант Горелкин готов для дальнейшего прохождения службы", - шуточно доложил я ему, когда прикрепил погоны к гимнастерке. Блеск звездочек и золотых погон несколько померк, когда нам вместо долгожданных сапог опять выдали обмотки и ботинки.

Выпуск был назначен на 7 ноября. С утра мы наглаживали обмундирование, начищали ботинки, стараясь придать им парадный блеск. И вот строй выпускников замер на плацу.

- Ровняйся! - разнеслась команда, - Смир-р-но!

Командовал начальник курса. Он, кивнув руку к козырьку, зашагал навстречу начальника училища.

- Товарищ генерал, выпускной курс по случаю окончания учебы построен.

Генерал Гундорин вышел на середину строя, поздоровался.

Мы ответили громогласно и четко.

Затем начальник училища обошел строй, широко ступая, тепло пожимая руки выпускникам, затем направился к небольшой трибуне в центре плаца.

А потом начальник училища произнес короткую речь, и мы, перестроившись в колонну по четыре, прошли мимо трибуны торжественным маршем.

Вместо выпускного вечера у нас был праздничный ужин. На следующий день, прощания и все прочие дела. В военную пору после выпуска отпуск не полагался. Назначения мы получили на фронт. Все до одного. Весь выпуск...

Командир батареи лейтенант Пыреков представил меня и ушел к другой самоходке.

Было совершенно неизвестно, как держать себя, дальше и что говорить...

Так началось знакомство с людьми, о которых я уже рассказывал в первых главах и с которыми принял свой первый бой с врагом.

Я хорошо помню то тревожное и радостное чувство, которое охватило меня, когда кто-то из экипажа обратился ко мне с коротким словом "командир". Все случилось как-то незаметно. То, что вчера казалось сложным и непреодолимым, стало получаться само собой.

И вот уже позади суровые испытания, тяжелые бои, погибли мои ребята. Я ехал учиться, снова учиться, не зная, когда понадобятся мои знания и опыт и доведется ли еще раз встретиться с врагом.

... Мои воспоминания прервал Иван Виноградов, молча сидевший все это время на нижней полке.

- Саша, слезай, поужинаем.

К нам присоединились другие пассажиры, ехавшие в одном с нами купе. Ужин затянулся, все вспоминали бои, своих товарищей, рассказывали о родных и близких.

Утром прибыли в Брест. Дальше ехали в пассажирском вагоне, который после теплушек и тесноты боевого отделения самоходки показался нам просторным и комфортабельным, несмотря на то что был переполнен.

Иван Виноградов был старше на семь лет, и потому относился ко мне, как к младшему брату. Родные его остались в блокадном Ленинграде, и он ничего не знал о их судьбе. Часто еще в полку, наблюдая, как Виноградов слушает радио, когда упоминался его родной город и говорилось о больших разрушениях, о последствиях блокады, я замечал, что Ивана мертвело лицо, а кулаки он сжимал так, что белели суставы.

Теперь, в дороге, Иван считал своим долгом заботиться обо мне и, пока мы ехали, ухитрился подогнать мне по росту офицерское обмундирование, обменял мои кирзовые сапоги на яловые и даже приобрел у кого-то офицерский ремень со звездой, который я храню по сей день. На мои благодарности и попытки ограничить его бурную

деятельность Виноградов отвечал, что ему приятно "делать из меня настоящего офицера".

Время в пути тянулось удивительно медленно, но от которых начинало шемить сердце, мое нетерпение достигло предела. Пригороды Москвы проплывали за окнами вагона, а я стоял и не обращал внимания на суетливые сборы попутчиков.

Наконец мимо окон медленно поплыла платформа, поезд остановился. Было 7 октября 1944 года.

Город жил нормальной трудовой жизнью, вот только сразу бросилось в глаза, что военных на улицах гораздо больше, чем до войны. Но нам это казалось вполне естественным. Мы шли по столице, не чужая под собой ног. Вид у нас был самый фронтовой: на голове танковые шлемы, новенькие английские шинели без знаков различия, присланные в дар советских воинам английской королевой. Мы понимали, что нарушали правила ношения формы, и зашли в Центральный военный универмаг. Купили там погоны, звездочки, эмблемы, а прикрепить их решили уже у меня дома.

Без приключений добрались до станции метро "Комсомольская", чтобы попасть на Казанский вокзал, так как ехать нужно было в Томилино. А в вестибюле метро - патруль. До сих пор нам удавалось не попадаться на глаза, а здесь, увы, он нас и задержал. Что делать? Попытались мы уговорить старшего патруля, показали покупки, обещали устранить недостатки. Все оказалось напрасно. У нас забрали удостоверения личности и привели в комендатуру, которая находилась здесь же, в здании станции метро, на втором этаже. Офицеры, сержанты, рядовые толпились у столов, горячо доказывая что-то коменданту и его помощникам.

- Да, Саша, комендантская служба в Москве работает четко, - сказал Иван, снимая шлем и кладя его на стойку, делившую комнату на две части. Надо что-то придумать.

- Есть шанс застрять здесь минимум на сутки, - отозвался я. - А что можно сделать?

Кто-то на задержанных задел рукой шлем и сбросил его на стол помощника коменданта. Наши документы, как я заметил, старший патруль отдал именно ему. Коменданта отвлекли, и он отошел в другой конец комнаты. Я шепнул Ивану:

- Закрой начальника и отвлеки его, если повернется к нам, а я попробую уговорить его помощника.

Виноградов быстро сориентировался в обстановке и вплотную подошел к столу. Я встал за его спиной.

Шлем и документы лежали с краю. Я наклонился к помощнику коменданта и доверительно попросил:

- Разрешите обратиться?

Помощник поднял голову от бумаг и посмотрел на меня:

- В чем дело?

- Разрешите забрать шлем, упал случайно на ваш стол...

- Да, возьмите, - разрешил он мне. - Что еще?

- Мы едем в Томилино, но не знаем, где нужно делать отметку - у вас или там? - А сам пододвигаю помощнику наши документы и даже пытаюсь помочь ему раскрыть одно из удостоверений.

- Надолго прибыли к нам?

- Мы здесь проездом. Хочу навестить родителей, а завтра поедем дальше.

- Нет, в таком случае никаких отметок не нужно. Забирайте свои документы. Счастливого пути!

Стараясь не привлекать внимания, мы быстро вышли и почти бегом направились на Казанский вокзал. Электрички отправлялись довольно часто, и скоро мы уже шли по усыпанной опавшими листьями дороге. В воздухе пахло дымком и тем родным запахом, который помнился в детстве. Я подхватил падавший лист, смял его, поднес к лицу, и меня вдруг охватило внезапное чувство легкости, радости, какое бывало раньше, когда еще с вечера в доме готовились к встрече праздника или чьего-то дня рождения.

Да, через несколько минут меня ожидало то, о чем думал на фронте, а может быть, и с того момента, когда уезжал в армию и за окном вагона проплыли последние домики нашего поселка.

У крыльца дома дед Алексей - ему в ту пору уже было семьдесят лет - колот дрова. У меня защипало в носу, ноги стали какими-то ватными, чего со мной не бывало даже в бою. Ухватился рукой за калитку и громко, чтобы было слышно в доме, окликнул его:

- Здравствуй, бабушка!

- Здравия желаю! - ответил он, а сам продолжал колоть дрова. Не узнал меня дед!

В это время на крыльцо выбежала мать. Она услышала наш разговор и узнала мой голос.

- Дед, да это же Шурик вернулся! - И бросилась ко мне.

Подошел и дед. Он так и не поверил сразу, что это я. Пришлось снять шлем.

- Да, мать, - голос у деда даже пресекается начал от волнения, - разве можно его признать в темноте-то... Вон ведь какой вымахал, почти с меня!

Действительно, за то время, что не был дома, подрос почти до 180 сантиметров.

Гости собрались как-то незаметно. Наперебой расспрашивали о своих родных и близких, с которыми, по их мнению, я мог повстречаться на фронте. Потом разговор перекинулся на военную тему: интересовались боями, наградами. Спрашивали, когда закончится война, почему мы оказались в тылу, куда нас посылают?

Дед, гордый и довольный, сидел между мной и Иваном. Время от времени он в который раз начинал рассказывать то одному соседу, то другому, что внук с своим другом едут с фронта учиться в Высшую артиллерийскую школу...

В комнате было шумно и весело. Думаю, все радовались за мать, за родственников, за меня, за то, что с фронта возвращаются и живыми и невредимыми. Застолье продолжалось до позднего вечера. Потом, когда

гости разошлись, мать приготовила нам постели и опять всплакнула, вспомнив, что мне скоро уезжать.

Я прижался лицом к подушкам, зарылся в них с головой. Как знать, доведется ли еще когда-нибудь спать на этой кровати?

Ночью в комнату пришла мать. Она думала, что не разбудила меня, и я притворился спящим. Разговаривать, сидеть без сна было бы слишком тяжело, но она сидела почти до самого утра. Наконец я не выдержал и сделал вид, что проснулся.

- Иди спать, мама, скоро уже вставать.

- Выспаться я и потом успею, - ответил она.

- Мне ведь сейчас не на фронт, - пытался успокоить я. - Сначала месяцев пять пробудем на курсах, а после учебы я, может быть загляну к вам.

Мать помолчала. Затем спросила:

- Тебе было очень страшно?

- Нет мама.

- Вот что я хотела еще сказать тебе: будь поосторожнее там на фронте...

- Да, мама, я буду осторожен. А теперь иди спать, мама.

Я встал, укутал ее плечи платком, проводил до комнаты. "Ах, мама, мама, как это непостижимо, что мы должны расстаться!"...

В Балашов, в Высшую офицерскую школу, съехались командиры самоходок с разных фронтов. В ней готовили командиров батарей для самоходной артиллерии. Программа обучения была рассчитана на три месяца, и ежедневно предусматривалось восемь часов занятий, да еще три - самоподготовки. Основное внимание уделялось тактике ведения боя, вопросам организации взаимодействия с танковыми и стрелковыми подразделениями, стрельбе прямой наводкой и с закрытых огневых позиций.

Учебные будни закрутили и отодвинули на второй план все личные переживания. Первое время я еще вспоминал, как мама, прощаясь со мной, сдерживала слезы. Только губы у нее дрожали и срывался голос. Когда Иван простился с провожавшими, подхватил мой вещмешок и вошел в вагон, мама обняла меня, прижалась поседевшей головой к моему плечу и замерла, глотая слезы. Выполняя обещание, я старался писать ей как можно чаще, но потом повседневные заботы притупили горечь разлуки, и жизнь потекла по привычной колее.

Народ на курсе подобрался боевой, фронтовики с большим опытом составляли большинство. Мы много спорили о месте и роли командира батареи в бою, особенно при совместных действиях с танками. Дело в том, что командиру батареи места в самоходке не было. Экипаж, как известно, состоял из четырех человек.

Как же командовал своим подразделением командир батареи? В бою, желая сохранить нити управления в своих руках, он подменял одного из командиров машин или же перебирался на танк командира поддерживаемого батальона и через его рацию поддерживал связь со своими экипажами. Я хорошо помнил, как наш комбат Саша Пыреков во

время атаки за 200-300 метров до переднего края противника переходил на командирский танк, а за себя, на всякий случай, оставлял меня или другого командира самоходки. В глубине обороны, что было довольно частым явлением, командир батареи терял возможность управлять боем подразделения и за него это делал тот, кто оставался за комбата.

Все встало на свои места, когда командование учло опыт боев, предложения фронтовиков, сделав командира батареи по штату и командиром первой машины. Кроме того, была введена в батареях должность заместителя командира по технической части. Теперь командир батареи во время атаки находился в середине боевого порядка своего подразделения, слева и справа от него - по две машины. Управление - по радио и личным примером по команде: "Делай, как я!" Радио, конечно, средство хорошее, но пример командира, идущего впереди, - наиболее действенное средство в бою.

глава шестая И СНОВА НА ФРОНТ

В начале февраля 1945 года, после успешного окончания курсов, меня направили в Москву в офицерский резерв. Жили мы недалеко от станции метро "Сокол". Здесь я встретился с лейтенантом Альмухаметовым из нашего полка. От него узнал, что за это время дважды батареи пополнялись техникой и людьми, но мой первый механик-водитель Иван Соколов был жив и воевал под началом нового командира.

Я, как и многие фронтовики, очень хотел вернуться в свою часть. Но командование перешло к новой форме командования резервных частей и подразделений самоходной артиллерии: фронт получал из резерва полностью укомплектованную батарею, и я мог попасть на передовую только в составе нового подразделения.

Недолго пробыл я в резерве. Ежедневно группы офицеров отправлялись на Урал, в Горький и другие города для получения техники. В составе одной из них прибыл я в Горький. Военная судьба опять в третий раз привела меня в этот старинный русский город на берегу великой Волги.

Принял я батарею и вместе с ней, совершив марш по железной дороге в Бобруйск, прибыл в учебный центр. Здесь в Белоруссии, в центре, проходило сколачивание экипажей и батарей, отработывались различные варианты боевых действий самоходок по поддержке танков и пехоты. Особое внимание уделялось отражению контратак танков противника при действиях в глубине обороны. Нас готовили к Берлинской операции, сосредотачивались мощные резервы.

В последних числах марта получили приказ об отправке на фронт. Мы должны были влиться в один из самоходно-артиллерийских полков 65-й армии.

Выгрузились в Данциге (ныне Гданьск), нашли свою часть и, не успев передохнуть, вместе с другими войсками 2-го Белорусского фронта начали перегруппировку на штеттин-ростокское направление. Нам предстояло преодолеть более 350 километров и принять участие в Берлинской операции.

Освобожденная родная земля осталась далеко позади. Мы шли по земле польского народа, которому советские воины принесли освобождение от фашистского рабства. Впереди лежала фашистская Германия, страна, откуда к нам пришла война и куда она возвращалась.

В огромном потоке стрелковых, танковых, артиллерийских, инженерных частей и подразделений двигался 922-й самоходно-артиллерийский полк. Самоходчикам приходилось нелегко. Они постоянно находились на холоде, порой без сна и отдыха, часто не было времени даже съесть котелок супа или каши.

Батарея вошла в небольшой городок. Где-то в глубине улиц вспыхивала и затихала стрельба. Пришлось сделать короткий привал,

чтобы разобраться в обстановке и дать передышку механикам-водителям. Улица была завалена битым кирпичом, домашними вещами, с уцелевших балконов свисали белые флаги. На перекрестке стояла немецкая легковая машина с распахнутыми дверцами и откинутым верхом. Вокруг валялось множество различных вещей, как будто кто-то специально разбросал их по мостовой.

Послали вперед разведку. Через некоторое время она вернулась. В городе противника не оказалось, лишь постреливали фольксштурмовцы. Несколько выстрелов из пушки быстро рассеяли этих вояк.

Нас окружало безмолвие чужого мира. На улицах стоял запах гари. Людей сковала такая сильная усталость, что не было ни малейшего желания двигаться. Сидели молча. Серые, исхудалые лица моих товарищей изредка освещались редкими языками пламени, вырывающимися из окон горевшего неподалеку дома.

Приходилось напрягать всю волю, чтобы продолжать движение вперед. Вырвались из тесноты городских улиц и остановились на покрытом асфальтом шоссе. Гусеницы перестали скрежетать и лязгать по булыжнику. Тихо. Справа и слева от дороги - сады, в них небольшие домики. Вдали взлетали ракеты, в их свете слабо блестели оконные стекла. Внезапно из-за поворота выскочила легковая машина и остановилась возле моей самоходки.

- Вторая батарея? - услышал я знакомый голос командира полка.

- Вторая, - ответил я, радуясь, что все-таки догнал полк.

- Горелкин, подойди ко мне. Задача изменилась... Ну-ка, возьми карту.

Когда я приготовил планшетку, командир полка продолжил:

- Войска нашей армии к тринадцатому апреля вышли на исходный рубеж Альтдам, Фердинандштайн. Будем действовать вместе с танковым полком.

От противника нас отделяла река, которая на этом участке образовывала два широких рукава - Ост-Одер и Вест-Одер, между ними - затопленная водой пойма. Предстояло преодолеть сплошную полосу воды шириной до пяти километров. Низменная пойма практически была непроходима.

- Будем действовать вдоль дамб и дорог, - подтвердил мою догадку командир полка. - Правда, учтите: противник установил вдоль автострады на нашем участке мощные железобетонные укрепления и держит под огнем всю пойму.

15 апреля пехота приступила к ликвидации этой системы опорных пунктов, и к исходу 18 числа передовые подразделения почти вплотную подошли к оборонительным рубежам врага. От них отделял только Вест-Одер, то есть 400-500 метров.

Утром 19 апреля под прикрытием тумана и дымов, специально пущенных для маскировки переправ, танки и самоходки начали переправляться через Вест-Одер. Пойму реки прошли благополучно. Гитлеровская авиация пыталась атаковать, но прицельному бомбометанию мешали дымы. От артиллерийского огня нас прикрывала дамба.

После залпа реактивных установок батальоны первого эшелона начали форсировать реку. Мы поддерживали пехоту огнем. К 8.30 утра были захвачены первые плацдармы на западном берегу Вест-Одера. На одном из них сражались несколько батарей из нашего полка. Противник контратаковал крупными силами. Командование спешно перебрасывало подкрепление на западный берег. Я получил приказ переправиться на один из плацдармов, где сложилось очень тяжелое положение. Только 20 апреля враг предпринял до двадцати контратак, пытаясь сбросить наши войска в реку. Паромная переправа находилась под постоянным артиллерийским обстрелом врага. Над рекой висел легкий туман. Саперы пытались поставить дымовую завесу, но дым до нас не дошел - не было ветра. Мы начали переправляться. С обеих сторон наплавного моста стояло по два танка с тросами, чтобы можно было вытащить самоходку из реки, если мост будет разрушен. Я был на первой машине. Первые две, соблюдая дистанцию в десять метров и скорость до десяти километров в час, медленно двинулись на другой берег. Артиллерия врага усилила огонь.

Снаряды поднимали фонтаны воды возле моста, рвались на берегу, но начальник переправы приказал продолжать движение. На середине реки мост раскачивался так сильно, что самоходки чудом удержались на нем и не скатились по скользкому настилу в воду.

Когда первая самоходка выбралась на берег, на мост вышла третья, за ней четвертая. Но едва первые две машины перебрались через реку, в понтоны попало несколько снарядов. САУ, оставшиеся на мосту, стали медленно погружаться в воду. Но до берега оставалось не более десяти - двенадцати метров, я приказал расчетам покинуть самоходки и добираться вплавь.

Глубина реки в этом месте была не больше трех метров, и было видно, что первая самоходка затонула носом вперед, а вторая завалилась набок. Танкисты сразу же подали тросы, и через десять минут первая машина была на берегу. Со второй пришлось повозиться дольше. Сначала ее боком подтащили к берегу. Потом один из бойцов нырнул и зацепил трос; с первой попытки удалось поставить самоходку на гусеницы, и только после этого ее вытащили на берег.

Окончив переправу, я разыскал командира полка и доложил о прибытии. Здесь же, в траншее, выкопанной на берегу реки, командир полка полковник Соколов поставил батарее боевую задачу.

- Занимай, Горелкин, позиции в боевых порядках второй батареи и к утру введи в строй затонувшие машины. В полку осталось всего семь машин, а противник жмет так, что передохнуть некогда.

Всю ночь расчеты готовили машины к бою, сменили смазку в двигателях, и к утру батарея в полном составе была готова к бою. Рассвет удивил непривычной тишиной.

На фронте обостряются многие чувства. Человек начинает острее реагировать на опасность. Могу с полной уверенностью сказать, что большинство фронтовиков настроенно относились к внезапной

тишине на передовой. В такие паузы они еще глубже зарывались в землю, еще тщательнее готовили оружие и боеприпасы.

С утра 21 апреля напряженность достигла предела. Враг то и дело открывал стрельбу. Противник расходовал боеприпасы щедро - это говорило о многом. Доходили слухи, что и слева и справа к плацдарму подходили все новые и новые его части. С правого фланга все ожесточеннее становилась стрельба это шли бои за город Штеттин (ныне Щецин).

В 9 часов утра на наши позиции обрушился огненный смерч, а когда он передвинулся на второй эшелон, вражеские танки и пехота пошли на наш передний край. Они накатывались несколькими волнами. Уповая, видно, на губительную силу артиллерийского огня, враг не надеялся встретить сильное сопротивление с нашей стороны. Но советские войны стояли насмерть. Только 21 апреля мы отразили двадцать четыре атаки врага.

Сколько таких плацдармов пришлось захватывать, и каждый раз противник пытался сбросить нас в реку, а мы делали все, чтобы удержаться на берегу.

Все знали, что война скоро кончится, но от этого ожесточенность боев только возрастала. Фашисты чувствовали приближение краха, но продолжали гнать в бой стариков и детей - фольксштурм.

В первые часы боя над плацдармом висели вражеские бомбардировщики. Самоходки с расчетами были укрыты в капониры и могли вести огонь с места. Потом бомбардировщики улетели, и на наши позиции навалилась очередная волна атакующих.

В одной из атак вражеские танки почти вплотную подошли к нашим позициям. Дал команду по радио расчетам батареи открыть огонь по танкам. Их серые корпуса мелькали в клубах разрывов, полукругом охватывая оборонявшихся. Против моей машины один из танков вдруг неуклюже стал разворачиваться на месте, это мой наводчик вlepил в гусеницу танка из самоходки - бронебойным!

- Командир, гусеницу у него перебило! радостно вскрикнул Серегин. Экипажи не нужно было торопить. Люди работали на пределе своих возможностей...

Появились первые пленные. от них узнали, что против нас брошены танковые и пехотные части СС, морская пехота и полицейские подразделения. На вторые сутки напор врага стал ослабевать. Уменьшилось не только число атак, но и силы, которые в них участвовали. Так, 23 апреля уже было всего восемь атак силой рота - батальон с двумя - четырьмя танками, тогда как 21 апреля в отдельных атаках участвовало до двух тысяч вражеских солдат и офицеров при поддержке до 40 танков и штурмовых орудий.

В эти дни мы почти без перерыва участвовали в отражении атак противника. Нас атаквали отборные части. Гитлеровские солдаты и офицеры дрались с ожесточением обреченных. Потом их сменили полки фольксштурма, но их участие в боях привело лишь к многочисленным потерям. Противник явно выдыхался, 25 апреля наши войска сами перешли в наступление. К исходу дня создались благоприятные условия

штурма Штеттина. Однако на рассвете к командиру дивизии, готовившейся к захвату города, прибыла делегация горожан во главе с бургомистром. Гарнизон сдавался на милость победителя без боя.

Части и соединения 65-й армии продолжали успешно продвигаться на запад, освобождая город Деммин, Барт. К 1 мая противник откатился к Росток, но и этот город уже к концу дня был занят нашими войсками. Война стремительно приближалась к концу. Все чувствовали это, раненые не хотели покидать передовую, а из медсанбатов и госпиталей всеми правдами и неправдами спешили вернуться в свои части выздоравливающие и легко раненные.

Пострадал и я от "возвращенцев". В один из апрельских дней - было это в самом конце месяца - меня вдруг срочно вызвал к себе командир полка.

- Ты извини меня, Горелкин, - встретил этими словами полковник Соколов, но придется тебе сдать батарею ее прежнему командиру. Вернулся из госпиталя командир второй батареи, а он у нас в полку единственный Герой Советского Союза. Сам понимаешь, что я не могу ему отказать в возможности окончить войну вместе с этими бойцами.

- Понимаю, товарищ полковник. - А у самого настроение такое, что и не придумаешь. Не сегодня завтра победа, а я вроде бы уже и лишний.

- Да, лейтенант, сам понимаю, как тебе тяжело, а в полку тебе оставаться - еще тяжелее. Отправлю-ка я тебя в штаб армии, им там проще будет найти должность.

В штабе 65-й армии назначение получил быстро и бросился догонять 3-й гвардейский танковый корпус генерала А.П. Панфилова. Слава о боевых действиях танкистов гремела по всему 2-му Белорусскому фронту. Танки корпуса стремительно продвигались к Висмару.

Ну, думаю, повезло наконец и мне. Ни за что не уйду из корпуса. Начальник отдела кадров, вручая мне предписание, посоветовал поторапливаться и не опоздать к окончанию войны.

- Смотри, лейтенант, постарайся догнать передовые части корпуса до подхода его к Висмару, а то и повоевать не удастся.

- Догоню, обязательно догоню, - заверил я.

И догнал. Уже 29 апреля в отделе кадров корпуса я получил назначение в самоходно-артиллерийский полк, на вооружении которого были САУ-100. На таких самоходках мне раньше воевать не приходилось. 100-миллиметровая пушка была установлена на шасси танка Т-34, а дальность прямого выстрела по танку составляла 1500 метров. Сила!

Прибыл в полк к исходу того же дня и сразу же получил приказ принять батарею. Его командир полка был ранен под Данцигом.

Рядом располагалась первая батарея нашего полка. Я очень обрадовался, узнав, что ею командует старший лейтенант Васильев, с которым вместе учились на курсах в Балашове.

- Друга встретил? - спросил командир полка. Это хорошо, легче будет осваиваться в новом коллективе. А сейчас принимайте горячее и

боезапас. Завтра с утра в бой. Ваши первая и вторая батареи в составе передового отряда танковой бригады пойдут на Висмар.

Командир полка попрощался с нами и ушел в штаб. Через некоторое время туда вызвали командиров батарей и самоходок. Начальник штаба провел короткое совещание об особенностях ведения боя в городских условиях, вручил нам памятки, ответил на вопросы, и мы разошлись по своим подразделениям. Настроение у меня было отличное. Я - командир батареи САУ-100. О таких самоходках мы могли раньше только мечтать.

Рано утром 2 мая двинулись вперед. Наши батареи шли за танковым батальоном. На каждой машине за боевым отделением сидел десант из семи - десяти автоматчиков. Противник сопротивления почти не оказывал.

Мы действовали в отрыве от стрелковых частей, которые не успевали за стремительным продвижением танков и самоходок.

К реке Висмар вышли в 20 часов 30 минут 2.5.1945 года. На противоположном берегу в окопах суетилась пехота. Нам что-то кричали, размахивали руками. Что такое? Оказалось, что это передовые подразделения 2-й английской армии. Союзники! Ура! Война подходила к концу!

Минули годы. Сколько событий, встреч было за период моей послевоенной службы! Все они по-своему близки и дороги. Но нет ярче и дороже воспоминаний, чем воспоминания о боевых друзьях и особенно о тех, кому не довелось дойти до славного дня Победы. Я и сейчас вижу их, помню до малейшей черточки лицо каждого: они смеются и хмурятся, а в ушах звучат голоса: "Ну как ты, командир?" "Я стараюсь, - мысленно отвечаю я им, - стараюсь, несмотря на прожитые годы, не слишком отстать от вас и от того юного лейтенанта, который во что бы то ни стало хотел жить по суровым фронтовым законам мужской дружбы, чести и доброты".

ЭХО ВОЙНЫ
КНИГА ВТОРАЯ

Цель второй книги - "Эхо войны", рассказать читателю о жизни советского народа на всем пути его более чем семидесятилетнего существования, защитить старшее поколение от несправедливой оценки их деятельности в этот период, показать значимость Вооруженных Сил в решении всех задач строительства Отчизны.

Последняя глава книги - "Офицерская честь", посвящена 100-летию со дня рождения писателя А.Н.Степанова (1992 год). На ярких примерах его романа "Порт-Артур" ведется сравнение военной службы офицерского состава старой Русской армии и офицеров советского периода, показывается патриотизм, благородство, доброта и высокий профессионализм этих людей.

Глава первая ЭХО ВОЙНЫ

Написать воспоминания о большом жизненном пути, пройденном в наших Вооруженных Силах, я думал давно. Непосредственно участвуя в военных событиях 1943-1945 годов, у меня было что рассказать с позиции младшего лейтенанта - командира самоходной артиллерийской установки. Не писал ранее по двум причинам, первая: считал, что был недостоин высказываться раньше тех участников Великой Отечественной войны, которые прошли все ее тяготы от начала и до конца; вторая причина: большие заботы по службе. Командовать длительное время приходилось батареей, полком, соединением; это занимало все время, поэтому воспоминаниями делился в беседах с товарищами по службе, на встречах с молодыми воинами, на политических занятиях.

В 1983 году, накануне 40-летних событий военного 1944 года, в которых я принимал участие, мне удалось написать об отдельных эпизодах из моей жизни, уделив главное внимание событиям времен Великой Отечественной войны. Никаких записок, тем более каких-либо дневников в военные годы я не вел, да и не мог вести, поскольку после неудачного боя, когда машина сгорала, кроме танкошлема и пистолета у меня часто больше ничего не оставалось. Да и жили мы одним днем, одной атакой, дожить до Победы было чем-то сверхъестественным. Дожить, когда экипажи выбывали и менялись через один три хороших боя!

Поэтому все, что мною было написано, воспроизведено по памяти. А в памяти оставались события, которые запомнились на всю жизнь, а для самоходчиков и танкистов особенно, когда и сколько он раз горел, кого из товарищей потерял при этом. Такие моменты воскрешаются настолько ярко, что их ощущаешь, как будто это было вчера, а не более сорока лет тому назад. В памяти остались, какое было время суток, погода, окружающая местность, даже такое - росла это рожь или пшеница или какие были наличники на окнах домов.

Другое - вспоминалось с трудом. Поэтому, когда мною были сделаны записи и они были показаны литераторам - мне вынесли суровый приговор, который закрывал мне доступ к опубликованию моих воспоминаний. Всем, кто читал и слушал меня, я пытался объяснить, что мною были описаны подлинные события и все диалоги показаны так, в такой форме, как я их помнил, как это было. Смотрел я на них и чувствовал, что не убедительно говорю им это. Нет, что-то не то! А мне так хотелось, чтобы на читателя и гражданского, и военного дохнуло пороховой гарью прошедшей страшной войны.

После первой неудачи на литературном поприще я учел критические замечания и с помощью редакции книга под названием "САМОХОДКИ, ВПЕРЕД!" была написана и опубликована в 1988 году.

Для того, чтобы документально подтвердить изложенные в книге боевые эпизоды, в 1983 г. военная редколлегия мне предложила подтвердить документально через Центральный архив Министерства

обороны, изложенные мною события. 19 июня мы с полковником Комаровым Федором Ивановичем, секретарем партийной комиссии, посетили архив.

Мои волнения начались задолго до того, как я получил дорогие мне документы 1892 Самоходного артиллерийского полка. Накануне ночью меня терзали сомнения, а вдруг таких документов нет, или в них я не найду своей фамилии и т.д. и т.п.

Работники архива отнеслись к нам с большим вниманием. Полковнику Комарову, он писал книгу о своем брате-летчике, погибшем в Великой Отечественной войне, они быстро принесли запрошенные им дела по авиации, а мне в течение часа все никак не приносили. Работницы читального зала архива переживали за меня, я успел им рассказать свой боевой путь в годы войны, мои волнения передались и им. Они несколько раз звонили в хранилище, из которого должны были принести документы, а этими звонками только затягивали поиск, так как нужно было отвечать на телефонные звонки.

Наконец Александра, так звали молодую работницу, принесла документы и сходу начала высказывать обиду по поводу нашей нетерпеливости. Я принес ей свои извинения, получил все, что она потребовала. Документов было всего пятнадцать, тоненькие папочки, выдавшие и дождь и снег, прошедших с нами по дорогам войны. Они все уместились в небольшом чемодане. Прижал я их к себе, голос у меня дрогнул, Александре я сказал: "Знали бы вы, дорогая моя тетка, какие замечательные люди были в нашем полку, вы бы не стали обижаться на нашу нетерпеливость. На что она ответила: А полк то ваш даже не гвардейский!" Ничего на это я ей сказать не мог. Разве в коротком ответе, молодому человеку не выдавшему ужасов войны, можно было объяснить всю преданность людей, воевавших и отдавших свою жизнь за счастье поколений, за свою Родину. В те минуты тогда я смотрел на эту красивую, хорошую девушку и у меня все больше созревало решение написать книгу о прошедшей войне. Молодежь должна больше знать о тех, кто сражался в долгие годы Великой Отечественной войны, кто своими жизнями обеспечил счастливую жизнь тех, кто сейчас живет на земле нашей Родины. Должны знать и старые и малые, как мы на этих легких СУ-76: "Прощай, Родина" шли против тяжелых, бронированных чудовищ "тигров, фердинандов и пантер" и побеждали их в бою, какой дорогой ценой эти победы нам доставались, сколько замечательных парней не дожили до дня Победы.

... Ком в горле... спросил, где можно работать с документами полка? Федор Иванович Комаров, тут я его наконец увидел, указал мне место за столом с хорошим освещением у окна.

С чего начать? Хочется, как можно быстрее узнать о всех. Несколько минут брал то одно дело, то другое, никак не могу сосредоточиться. Наконец взял книгу приказов 1943-1944 годов. Из приказов узнаю, что 1892 САП принял нас из 1-го запасного танкового полка, после боев на 4-ом Украинском фронте. Я же ранее думал, что наш полк нового формирования, так как не только из боевых экипажей, а даже из управления полка ни личного состава, ни техники, ничего не

осталось. Да! Видно в 1943 году полк пережил тяжелые сражения за освобождение южных областей нашей Родины. Здесь же из приказа № 88 от 24.11.43 г. - узнаю: "С сего числа приступил к командованию полком на основании предписания Командующего БТ и МВ 4-го Украинского фронта ... командир полка гвардии майор Бобров."

Далее ... Приказ № 11 от 8.1.1944 г. село Малиновка:

"С сего числа зачислить в списки части и на все виды довольствия

Мл.лейтенанта Чернышева Анатолия Илларионовича

Лейтенанта Пырекова Александра Алексеевича

Ст.лейтенанта Гончарова Константина Ивановича

Мл.лейтенанта Косолапкина Федора Яковлевича

Мл.лейтенанта Горелкина Александра Григорьевича

Рядового Алексева В.И.

Сержанта Коротких Л.Ф.

Ст.сержанта Соколова И.Ю.

Сержанта Девятова А.В.

Мл.лейтенанта Ляпина Владимира Ивановича"

Вот, в основном, все те, кто участвует в боях и проходят на страницах книги "САМОХОДКИ, ВПЕРЕД!" в первых боевых эпизодах в период с января по май 1944 года от Киева до Ясс в Румынии.

Через две страницы книги приказов вижу...

"Приказ № 14 от 11.1.1944 г.... п.2. На основании распоряжения Костеревского танкового лагеря считать с сего числа, введенных в строй части, 21 СУ-76... Машины закрепить:... п.6. СУ-76 № 312249 - командир мл.лейтенант Горелкин А.Г., механик-водитель ст.сержант Соколов, наводчик сержант Коротких, заряжающий рядовой Алексеев."

Полк убыл на фронт, где в составе 27 армии 2 Украинского фронта участвовал в боях на Правобережной Украине. В феврале 1944 года бои по окружению и уничтожению Корсунь-Шевченковской группировки гитлеровцев приняли наиболее ожесточенный характер. Наш полк нес большие потери в живой силе и технике.

И вот я нахожу: " Приказ по 1892 САП. 2 февраля 1944 г. № 32. Действующая армия. п. 1. Погибших в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, за освобождение хутора Гута-Селещанская Киевской области ... сержанта Коротких, красноармейца Алексева исключить из списков части. Слава героям! Смерть немецким оккупантам." Похоронили дорогих нам товарищей, но это были только первые потери из прежнего формирования полка. К концу апреля 1944 года из боевых экипажей осталось около трех десятков человек и одна единственная самоходка.

Нашел я и первые приказы по награждению.

Приказ Бронетанковым и Механизированным войскам 27 армии 2 Украинского фронта. 22 февраля 1944 г. № 01. Действующая армия:

"От имени Президиума Верховного Совета СССР - за образцовое выполнение задания командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленную при этом доблесть и мужество... Награждаю... орденом "Отечественная война 11 степени":

3. Младшего лейтенанта Горелкина Александра Григорьевича;
7. Младшего лейтенанта Кускова Николая Ивановича.”

В начале мая месяца 1944 года передали мы единственную, оставшуюся от тяжелых боев, самоходную артиллерийскую установку и полк убыл за новым пополнением и техникой в то же село Малиновку Харьковской области.

Полк получил новые боевые САУ и пополнился более чем на половину личным составом. Снова я нахожу приказ о закреплении боевых машин за экипажами:

"Приказ № 78. 30.05.1944 года лагерь Малиновка. п.1.

Закрепить: " п.1. СУ-76 № 403385 - командир младший лейтенант Горелкин А.Г., механик-водитель старший сержант Сокольников, наводчик младший сержант Щербань, заряжающий сержант Пономарев.”

Прорыв обороны под городом Ковель, участие полка в операции под кодовым названием "Багратион".

Обратил я внимание на приказ № 97. В этом приказе указано, что 19 июля погиб командир самоходного орудия у местечка Смедынь младший лейтенант Лукьянов Евгений Владимирович. Нахлынула волна воспоминаний, невольно забилось учащенно сердце, как наяву увидел тот страшный бой и день.

День 19 июля 1944 года был очень жарким. После форсирования реки Турья и прорыва первой полосы обороны противника шли упорные бои в глубине его обороны по отражению танковых контратак. К 16 часам температура воздуха за тридцать градусов, в висках стучало, разболелась голова от полученной ранее контузии и сильной жары, хоть волком вой. Уже дважды пополнялись снарядами, израсходовали более 150 и, в основном, бронебойных. Вижу справа и впереди меня метрах в трехстах, в боевом порядке 1-ой батареи горит самоходка. Спросил разрешения у командира полка оказать помощь экипажу и через несколько минут был у горячей машины, командиром которой был младший лейтенант Лукьянов.... Евгения я вытащил из разбитой и горевшей САУ уже без признаков жизни, положили его на свою самоходку сверху на моторное отделение, оказали помощь остальным членам его экипажа, получившим тяжелые ранения. Путь от подбитой машины Лукьянова до местечка Смедынь врезался в память мою на всю жизнь. Моя машина была ему катафалком, торжественно на малой скорости везли мы его через боевые порядки танковой бригады и нашего полка. Командиры танков и САУ открывали люки, снимали танкошлемы и, опустив головы, провожали его в последний путь. С юга накатывалась гроза, темно-фиолетовая туча двигалась в нашу сторону, пошел проливной дождь...

27 июля запомнился бой в глубине обороны противника в сорока километрах за Ковелем:

"Приказ № 98 - погиб младший лейтенант Чернышев Анатолий Илларионович".

Анатолия Чернышева мы однажды уже считали погибшим в боях на Правобережной Украине. В суматохе боя его, тяжело раненого, подобрали санитары из пехотного полка и отправили в медсанбат, он

тогда выжил и снова вернулся в полк. И вот смерть его нашла во второй раз!.....

"Приказ № 47 армии 019/н от 29.07.1944 г. От имени Президиума Верховного Совета СССР наградить: орденом "Отечественная война 1 степени" младшего лейтенанта Чернышева Анатолия Илларионовича (ПОСМЕРТНО)."

Тяжелый был боевой путь к Варшаве, на подступах к ней мы потеряли командира полка майора Боброва.

"Приказ 1892 Уманскому САП 26.08.1944 г. № 110. Действующая армия. В боях за свободу и независимость Родины в районе высоты 107.3 западнее Окунева 1 километр Варшавского воеводства, в 21.30 25.08.44 г. погиб смертью храбрых, на боевом посту, от разрыва вражеского снаряда, командир полка гвардии майор Бобров Григорий Глебович. Похоронен в 19.30 26.08.44 г. на площади города Минск Мозовецкий Варшавского воеводства, с отданием воинских почестей. Вечная слава гвардии майору Боброву. Смерть немецким захватчикам. Начальник штаба полка майор Бирюков."

Вот так не стало нашего "Бати", осиротел его боевой экипаж артистов. Однако недолго после смерти командира полка прожили мои боевые друзья. Предстояли тяжелые бои за Варшаву и ее предместья - крепость Прага-Варшавская.

Сердце жжалось, спазмы сдавили горло, когда я стал читать ...

"Приказ № 120. 15 сентября. Действующая армия п.1. "В боях за освобождение крепости Прага, героически сражаясь с немецкими захватчиками погибли смертью храбрых:

Наводчик самоходного орудия мл.сержант Щербань В.Н.

Заряжающий сержант Егоров В.К.

Механик-водитель самоходной установки старшина Сокольников В.Н..... Погибли 11.09.1944 г. Погребены - станция Вавер. Вечная слава героям павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины. Смерть немецким захватчикам! п.3. В боях за овладение крепости Прага от огня противника сгорели три самоходки СУ-76: № 403385 Самоходные установки списать из списков полка, как боевые потери. Основание: акты комиссии."

Посмотрел я приказы и дальше, когда меня направили на учебу и меня уже не было в боевых рядах моего родного полка.

В январе 1945 года полк заслужил наименование Варшавского был награжден орденом Красного Знамени, стал называться: 1892 КРАСНОЗНАМЕННЫЙ УМАНЬСКО-ВАРШАВСКИЙ САМОХОДНЫЙ АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ПОЛК. Что ж во всех его заслугах была и доля моего участия. Как же не права была молодая работница архива Александра, сказав, что мой дорогой полк не знаменит. Да, пожалуй, не в этом суть. Все, кто сражался в грозные годы Великой Отечественной войны знамениты. Родина будет вечно помнить их!

Думал я, что где-нибудь в документах найду известие о своем первом механике-водителе старшине Соколове И.Ю., а увидел?!

"Приказ № 0134 от 12.10.44г. Действующая армия. В боях за овладение высотой 95.2, мужественно сражаясь с немецко-фашистскими захватчиками погибли смертью храбрых: 1. Наводчик самоходного орудия сержант Пономарев Алексей Абрамович..."

Эх! Алеша, Алеша! Всего пять дней видел ты свет после моего убийства из полка. Плясун и балагур, душа нашего экипажа артистов, не суждено было тебе с нами быть у железнодорожной станции Вавер в том роковом бою (Пономарев тогда был в госпитале и его заменял сержант Егоров), а 10 октября нашла все же тебя смерть-костлявая.

Больше я был не в силах в тот день работать над документами в архиве, тяжелый груз воспоминаний давил на меня в течение нескольких дней. За всех их павших в жестоких боях мы, счастливые избранные оставшиеся в живых, в ответе за сохранение мира на земле и за то, чтобы настоящее и будущее поколение наиболее полно представляло себе о жестоком испытании, выпавшем на их отцов и дедов.

Главою "Эхо войны" я начинаю новую свою книгу, которая является продолжением моей книги "САМОХОДКИ, ВПЕРЕД!", вышедшей в 1988 году. В этой главе на боевых документах, которые велись в годы войны, я хотел бы показать читателям, что все то, что написано в ней не вымысел автора, а жестокая действительность.

Глава вторая ОФИЦЕРСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ

Пришло 9 мая 1945 года - "День Победы! Желанный день народов всего мира". Вместе с радостью победы ко мне пришли очередные кадровые заботы. Вернулся из госпиталя командир батареи и опять я сдал должность командира батареи САУ-100 и был направлен в отдел кадров 3-го Гвардейского танкового корпуса.

- Ни одной свободной должности командира батареи САУ, встретил меня этой фразой кадровик. - Командиром танковой роты вас тоже не назначишь - нет вакансий. Могу предложить должность командира батареи 76 мм дивизионных пушек. Пойдете? У нас во 2-й мотострелковой бригаде в артдивизионе батареями старшины командуют.

- Нет, - говорю,- не пойду. Как я к ним с танковыми эмблемами заявлюсь?

- А вы их снимите и прикрепите артиллерийские.

- Нет, снимать не буду. Ни за что!

- Тогда придется Вас отправить в штаб армии. Других должностей у нас нет.

Стою перед ним, а в голове мелькают какие-то обрывки мыслей. Почему-то подумал, что меня могут вообще уволить - войне-то конец, а я уже не представлял себя вне армии.

- Ладно,- говорю,- согласен. Буду артиллеристом.

Мотострелковая бригада располагалась близ города Штаргард. Я быстро добрался на попутках и сразу же пошел к начальнику артиллерии майору Маслову. Представился ему, подаю документы.

Майор от души возмутился:

- Это что ж творится на белом свете? Зачем мне танкист? Вчера прибыл пехотинец, а сегодня - ты. Хватит, мне балласт не нужен. Ты хоть представление об артиллерийской стрельбе с закрытой огневой позиции имеешь? Знаешь, что это такое?

- Знаю.

- И глазомерную подготовку данных?

- За минуту и без записи.

- А сокращенную?

Вот тут-то я майора Маслова и покорила. Говорю ему:

- Да я с собой все время вожу угломерный артиллерийский круг и треугольник.

Майор сразу даже и не поверил.

- А не врешь? Покажи!

Достал я их из полевой сумки, показал ему.

- Ладно, клади назад. Беру тебя в артиллерию, но эмблемы придется заменить.

- Товарищ майор, - взмолился я, - разрешите еще походить с танковыми эмблемами. Это память о моих погибших товарищах, где я был командиром машины.

- Что, прикипел к танкам?

- Как не прикипеть. Четыре машины сгорели за это время, двенадцать человек из собственной "корзинки" похоронил.

- Сочувствую, Горелкин, носи пока. Пока, но потом - замени обязательно, иначе тебя наши артиллеристы не поймут.

Так я навсегда распрощался с самоходками, а в танковых частях прослужил еще долгие десять лет. Когда я прибыл в расположение дивизиона, и, не мешкая, разыскал его командира капитана Василия Петриченко, он мне понравился сразу. Этот внешне невозмутимый украинец был до войны преподавателем в средней школе и сохранил многие привычки, свойственные лучшим представителям своей профессии: выдержку, дружелюбие, внимание к собеседнику. В штабе бригады и в отделе кадров корпуса видно хорошо знали характер капитана и поэтому направили к нему не только меня, но и того младшего лейтенанта пехотинца, о котором мне говорил майор Маслов.

Я принял первую батарею. Ею временно командовал командир огневого взвода старшина Лапочкин Николай Иванович. Ему было двадцать семь лет, он до войны окончил полковую артиллерийскую школу и всю войну прослужил в артиллерии от ее начала и до конца.

Дело свое он знал отлично и пользовался уважением всего личного состава батареи. Когда во время боя под Ной-Бранденбургом при отражении контратаки танков противника погиб ее командир капитан Бельский, то Лапочкин - командир огневого взвода, взял командование на себя и успешно справился с этим.

Уже в первые дни службы на новом месте я понял, сколь разница она от самоходной артиллерии. Там я командовал вначале экипажем самоходки из четырех человек, потом, когда принял батарею, их стало двадцать два. В наземной артиллерии под моим началом оказалось более пятидесяти человек, да и организационная служба и структура была совсем иной. Многие артиллеристы огневики прослужили в дивизионе всю войну и ни разу не были ранены, некоторые из них даже не видели атаки танков и пехоты, находясь от передовой за несколько километров. И по возрасту мои подчиненные годились в отцы, кое-кто и в деды своему командиру.

Сказать по-правде, я вначале даже оробел перед тем объемом работы, который лег на мои плечи. Здесь весь мой прежний опыт мог пригодиться лишь отчасти. В свое время были у меня и строптивные подчиненные, случалось и непослушание, и издевочки, дружеские подковырки. Вот и здесь приготовился встретить что-либо подобное. Но то, как меня встретил старшина Лапочкин, командир взвода управления старшина Истомин, да и все младшие командиры, как старались помочь, тактично подсказать верное решение той или иной проблемы или подстраховать, не подрывая моего авторитета - меня приятно поразило и помогло быстрее освоиться на новом месте. Не следует также забывать, что командиру-то батареи еще не исполнилось и двадцати лет!

В самоходной артиллерии командир имел все под рукой и в случае необходимости мог личным примером увлечь подчиненных за собой, то в наземной артиллерии командир батареи управлял огнем, как правило, с наблюдательного пункта, в отрыве от огневых взводов.

Капитан Петриченко прекрасно знал с какими трудностями мне предстояло встретиться и, как мне казалось, согласовывал все действия старшин и сержантов батареи и опекал меня, помогая выполнять весь огромный объем работы командира. Пройдя за сорок три года службы в наших Вооруженных Силах большой путь на командирских должностях, я, наверное, не выскажу что-либо нового, если скажу, что основой становления командира являются должности командира роты (батареи) и командира полка.

Я командовал батареей в конце последних дней войны и переход к мирной жизни давался нелегко. Началась демобилизация, ее дух проник в умы солдат и офицеров. Благодаря помощи сержантов и старшин нам удалось наладить доброкачественную боевую подготовку. Мои помощники личным примером и образцовым выполнением своих обязанностей вели за собой подчиненных, а ведь старшина Лапочкин и многие другие младшие командиры уже находились на срочной службе по семь-восемь лет. Я до сих пор испытываю к ним чувство глубокой признательности за помощь и поддержку, сыгравшими большую роль в моем становлении, как командира-артиллериста.

Артиллерию называли: "Богом войны". И у этого "Бога" в подразделениях главный управляющий - командир батареи. Ни в каких других родах войск, в таком звене управления огнем, нет такой определенности, как в наземной артиллерии. Традиционно сложилось положение, при котором команды командира батареи передаются точно, четко, без искажений и телефонист, дублируя его команду старшему офицеру батареи на огневую позицию, старается выдержать даже паузы и интонацию командира.

Помнится один парадоксальный случай. Шла итоговая проверка, которую возглавлял командующий нашей механизированной армии. Выполнялись боевые батарейные артиллерийские стрельбы. Первым стрелял командир гаубичной батареи старший лейтенант Кузнецов.

Как положено, комбат командует: "Стрелять батареею",- телефонист с наблюдательного пункта (НП) передает на огневую позицию (ОП),- "Стрелять батареею". Телефонист на ОП повторяет команду для старшего офицера батареи, не отнимая от уха телефонной трубки. Телефонист на НП убеждается, что данная команда командира батареи на ОП принята правильно и дает (говорит), как подтверждение,- "Да".

Командующий присутствовал при этом и слушал, как шло управление.

Далее, командир батареи после слова "Да" телефониста на НП и, только тогда, может произнести следующую фразу команды:

- "По пехоте",- телефонист на НП повторяет,- "По пехоте".

На ОП принимают команду.

Телефонист на НП (после подтверждения) говорит,- "Да".

И так далее...

На пятом "Да" генерал не выдержал, резко повернулся к телефонисту со словами:

- Если ты еще раз "Дакнешь", то я тебя выставлю из окопа!

... Немая сцена, как в "Ревизоре" у Гоголя...

Впервые, может за много лет, командир батареи был остановлен и прекратил стрельбу. В артиллерии, испокон веков, есть правило: не мешало бы и в других родах войск перенять его, если стреляющий при управлении огнем не нарушает правила техники безопасности, то его никто не имеет право остановить! Это обеспечивает порядок, безошибочность, четкость управления огнем с закрытых огневых позиций. К тому же неумелых командиров батарей, как правило, не оставляют на такой должности. Бывает так, вроде бы офицер всем хорош: и организатор, и умелый исполнитель; если не стрелок, то не быть ему командиром батареи, "спишут", найдут другую должность.

...Так вот немая сцена была минуты три, потом командующий артиллерией дивизии полковник Щерба подошел к генералу и потихоньку сказал ему: "Товарищ командующий, так в артиллерии положено, телефонист не нарушает правил, изложенных в наставлении по боевой работе". Тот и сам уже понял, что был не прав.

Стрельбу продолжили. У меня же в сознании остался неприятный осадок. Для себя на всю жизнь извлек урок: "Там, где ты присутствуешь, а тем более руководишь проверкой, должны быть специалисты в области знаний выше чем проверяемые, в том числе и старший руководитель".

Долго, более тридцати лет, мне приходилось заниматься боевыми артиллерийскими и ракетными стрельбами, но я с большой симпатией отношусь к наземникам-артиллеристам. Какое разнообразие в управлении огнем, какое вдохновение и азарт!

Представьте себе стрельбу на рикошетах. Не теннисным мячом на корте, а выпущенным снарядом, который должен сделать подскок при ударе о землю в расположении противника, да так, чтобы разорваться на определенной высоте и поразить цель. А до цели с наблюдательного пункта бывает до трех километров. Ну-ка, попробуй? Получил "клевки" (разрыв на земле, а не на высоте) задача не выполнена...

Или стрельба с большим смещением, когда батарея относительно цели и наблюдательного пункта расположена так, комбат команды подает такие, что несведущий человек присутствующий при этом будет удивляться: "Чего он тут такие команды подает, у него перелет, казалось бы на ОП нужно подавать команду на изменение прицела, а он командует поправку в углемер, и наоборот!". И невдомек ему, что все, что он видит с наблюдательного пункта, из-за большого угла смещения, для батареи на огневой позиции будет все не так, а все наоборот.

Да мало ли подобных стрельб артиллеристам приходится решать. Освоить артиллерийскую стрельбу с закрытых ОП - это большое искусство. Вот этим мне пришлось заняться, за десять лет неплохо освоил. А сначала думал, как танкист, вот стрельба прямой наводкой, вот это да! Тут тебе мишень или цель бывает и подвижная, да еще с облическим движением (движение под углом к стреляющему, когда одновременно изменяются и дальность и угол относительно траектории стрельбы), и внезапно появляющаяся, что приходится делать поворот всем корпусом самоходки, так как не хватает угла поворота орудия. Да пусть простят меня мои собратья по войне самоходчики и танкисты, но

стрельба у наземников артиллеристов и сложнее и интереснее. Из опыта знаю, что подготовить специалистов для стрельбы прямой наводкой проще. Нужно только подобрать для этого людей, обладающих, в первую очередь, крепкими нервами и выдержкой.

Примером тому приведу вот такой случай, на первый взгляд, казалось бы, не имеющий дела к рассматриваемому вопросу. В сентябре 1983 года мне посчастливилось отдохнуть в Сухумском военном санатории. Прекрасный санаторий, отличная погода "Бархатный сезон", приподнятое настроение, а то бывало все отдыхал или ранней весной или в ноябре-декабре...

В первый день отдыха вечером пошли осматривать с женой новый многоэтажный медицинский корпус, который при прошлых посещениях не был построен и мы его не видели. Смотрим, у здания стоят игровые автоматы: морской бой и охотники. Особенно много играющих и болельщиков собралось вокруг "перископа подводной лодки". Люди все военные - казалось бы стрелять должны уметь. Так нет, один, второй, третий - из десяти пусков один-три попадания. Болельщики нервничают, им в смотровые окна видны ошибки торпедной атаки (след торпеды проходит или впереди макета корабля, или сзади его). Кричат и я в том числе: "Возьми упреждение!"- или, - "Пускай по большому кораблю", "Пирата" пропускай" и так далее. Народу сходится все больше и больше. Жена моя Валентина меня подзуживает: "Покажи им как бывшие танкисты умеют стрелять!"... А мне и неудобно отказаться от участия, и сомнение берет, не пробовал, опозорюсь?! Многие присутствовавшие о моей прошлой военной профессии в годы войны знали... Не решился!

Вдруг к нам подходит молодая, симпатичная женщина и говорит:

- Эх вы, вояки, я вчера из десяти-восемь раз торпедировала, а вы всего один-три! Самое главное,- говорит она,- не надо между пусками торпед от перископа отрываться и будут попадания... Меня как током пронзило насквозь, думаю откуда у этой неискушенной в военном деле, стрельбе прямой наводкой по движущейся цели, молодой женщины такая хватка и сообразительность. Откуда ей знать, что мы специально в ходе войны просили, чтобы на окуляр прицела сделали бы нам резиновые обоймы, чтобы наводчики в ходе стрельбы при откате орудия не повредили глаза.

- Давайте я вам покажу как надо стрелять,- сказала она. Кроме меня, пожалуй, окружающие не имели практики в стрельбе прямой наводкой по подвижной наземной или морской цели. Мне же было ясно, что если уж она додумалась до методики стрельбы и ее уже ощутила в деле, то и выполнит свою угрозу - все уступили ей место у перископа, прямо скажем, с большим недоверием...

И пошла потеха: первую торпеду она промазала, не попала и второй, но зато все последующие положила в подрыв. Гордо оторвалась от перископа:

- Ну, что? Мы дружно все ей стали аплодировать. Один из окружающих нас мужчин, ударив себя в грудь, в шутку сказал: "А я ее муж!". Все дружно засмеялись. А она:

- Ну вот что муж, если я второй серией положу все десять из десяти - понесешь меня домой на руках? Ему неудобно было отказать, сказал: "Понесу" (это на седьмой-то этаж)... Поскольку она в первой серии уже правильно определила момент пуска, то с первой же торпеды имела попадание в цель, и потом все восемь подряд... Посмотрели мы на мужа. Парень не крепкого сложения, а девица весом - за восемьдесят. Ну, думаю, тяжело тебе придется выполнять обещанное... И тут у нашей героини сдали нервы.

Она оторвалась от перископа, повернулась к мужу, крикнула: "Ну, берегись!". Прильнула к окуляру... и не попала последней торпедой. Она нарушила свою же выработанную методику стрельбы, оторвалась от перископа. Но все же девять из десяти! Что это, счастливая случайность? Нет, это человек, умеющий быстро, в ходе стрельбы проводить анализ и находить правильное решение...

Для стрельбы прямой наводкой нужно находить именно такого склада людей, как эта женщина. В последующем таких способных к анализу и самоконтролю наводчиков или операторов в течение короткого времени (до недели) можно научить сложным видам стрельб, таких, как я уже упомянул: при облическом движении цели, целей меняющих курс и скорость, внезапно появляющихся и других.

Мы часто ломаем голову, думаем, как организовать боевую подготовку; разрабатываем методики, в соревновании ищем пути наилучшего решения, наглядности, сравнимости результатов и, в конечном счете - личной заинтересованности обучаемых в движении вперед к лучшему конечному результату.

Игровые автоматы тому пример. Если они стоят на улице, где случайные прохожие, разные по возрасту, положению, взглядам, к таким игрушкам никто не подходит. Поставить те же действующие макеты в других условиях, в коллективе, где работают люди примерно с равным положением в обществе. Люди знающие друг друга, безразлично мужчины это или женщины, если они вместе, успех заинтересованности у автоматов или каких-либо других аттракционов будет обеспечен. Не нужно будет организаторов, зазывал, а если к тому же не будет никаких инструкций по применению, то даже лучше. Человек из-за врожденного любопытства, инстинкта - сам додумается, что к чему. Конечно, все это нужно делать в пределах разумного и не давать возможности испортить устройство. Так что некоторые детские игрушки, забавы - должны приводить к интересным и полезным для дела размышлениям. Надо сказать, что в восьмидесятых годах наша промышленность в этой области сделало многое. Стало появляться все больше и больше подобных изделий, заставляющих думать, находить пути решения задач.

В познании премудрости артиллерийской стрельбы мне помогали командир дивизиона капитан Петриченко и его заместитель капитан Корсунь. Я в свои двадцать лет не имел ни опыта, ни знаний, хотя бы основ, психологии и педагогики, без помощи старших командиров мог бы не только наделать массу ошибок, но потерять интерес к военной службе. В послевоенное время офицерский состав негласно делился на две категории: кадровые, окончившие военные училища до войны, не

кадровые, вроде меня, учившиеся в годы войны по сокращенной программе за шесть-восемь месяцев, таким образом получившие офицерские звания. Кадровые офицеры были для нас образцом во всем. Даже по внешнему виду их можно было сразу определить: чисто и опрятно одеты, обмундирование подогнано по росту. Мне особенно нравилось их умение работать с подчиненными: без крика, наказания и ругани. Я во всем старался перенять у них все лучшее.

Май 1945 года мне памятен еще и тем, что в конце месяца командование бригады разрешило группе военнослужащих побывать в поверженном Берлине. Город предстал перед нами в том виде, каким он был в последние дни штурма. Еще дымились развалины, по большинству улиц нельзя было проехать на транспорте. Мы пешком добрались до Брандербургских ворот, а потом и к Рейхстагу, неподалеку сфотографировались с американским офицером в Трептов-парке. Восторг и гордость охватывали меня. Ведь и я внес свой вклад в разгром гитлеровской Германии, и я принимал участие в Берлинском сражении. Нам очень хотелось расписаться на стенах Рейхстага, но нас предупредили, что этот период уже прошел и что мы не имеем права это сделать. Пришлось ограничиться покупкой открыток с видами Берлина, которые на ступеньках продавал старик-немец.

В Штарграде, под Берлином мы пробыли почти полгода. Жизнь в нашей стране постепенно налаживалась, мы перешли к плановой боевой подготовке.

Пришла очередь увольнять в запас рядовой и офицерский состав старших возрастов. В подразделениях сокращение личного состава привело и к изменению организационной структуры. Роты и батареи стали называться кадрированными взводами, в которых иногда оставалось всего два офицера: командир и его заместитель, и ни одного солдата или сержанта.

Вся тяжесть службы ложилась на плечи этих офицеров. Им приходилось обслуживать технику и оружие, нести караульную службу и даже стоять на посту. Со всеми делами справлялись, никакого уныния не было. К этому добавлялись учения, боевые стрельбы и другие виды боевой учебы. Работать приходилось много, но мы все же ухитрились и ходить на танцы, да и на свидания с девушками находили время. Помогала фронтовая закалка.

При увольнении в запас молодых офицеров старшие начальники увольняли в первую очередь тех, кто окончил училища по сокращенной программе во время войны или ускоренные офицерские курсы. Однако, если была возможность оставить таких офицеров в кадрах армии, то командование шло на это. Правда, в большинстве случаев приходилось соглашаться на понижение в должности и в звании по штатной категории.

Не миновала и меня эта участь: из начальника штаба дивизиона я стал командиром кадрированного взвода связи. Пришлось вспомнить то, чему меня учили в начале моей солдатской службы: радист-телефонист. Но и дела артиллерийские забывать нельзя было: выполнять

дивизионные и батарейные стрельбы. Так что обязанности начальника штаба дивизиона остались на моих плечах.

Как-то во время учений мы выполняли на полигоне Нойхаммер очередные боевые батарейные стрельбы. Стрельба велась из 76-мм дивизионных пушек штатным унитарным снарядом. Стрельбы принимал командующий артиллерией корпуса генерал-майор артиллерии Белов Н.П. Меня назначили стреляющим. Я занял место в окопе на наблюдательном пункте, генерал Белов на вышке, надо мной. После войны мы не особенно придерживались выполнению правил техники безопасности и не обращали внимания на то, чтобы траектория полета снаряда проходила в стороне от наблюдательного пункта. Когда батарея (огневая позиция) оказывается в створе с наблюдательным пунктом и целью, проще производить пристрелку. Подготовил я исходные данные, смотрю смещения нет, доложил руководителю стрельбы, что стрельба будет проходить в условиях, когда снаряды будут лететь через наблюдательный пункт.. Генерал Белов с вышки мне говорит: "Ну что ж, Горелкин, тебе повезло, быстрее проведешь пристрелку, меньше израсходуешь снарядов". Начал пристрелку, все шло согласно Правилам стрельбы: второй снаряд вывел на линию наблюдения, захватил и ополовинил вилку, получил накрывающую группу, обеспечил ее и перешел на поражение. Снарядов после войны оставалось много, их нужно было расстреливать, поэтому стреляли на поражение полным расходом. По моей команде: "Четыре снаряда, беглый, огонь!" - батарея выпустила 16 снарядов. Из шестнадцати - восемь снарядов разорвались вокруг наблюдательного пункта. Остановить стрельбу мне не удалось. Руководитель стрельбы скатился с вышки по ступеням вниз на землю, ругаясь на чем свет стоит. Никто, к счастью, не получил ни царапины. Стали разбираться, что же произошло? Оказалось - половина снарядов были с уменьшенными зарядами, а маркировка на гильзах была стерта, расчеты все их приняли как заряды полные, поэтому и получился такой результат. Старший офицер батареи не дал команды на проверку простукиванием по гильзам (звук при простукивании деревянным предметом полного и уменьшенного заряда разный). После этих стрельб я на всю жизнь запомнил и усвоил как стреляющий и руководитель стрельб: во-первых - строго следить за тем, чтобы плоскость стрельбы проходила в стороне от наблюдательного пункта; во вторых - внимательно проверять снаряды (ракеты) перед их использованием.

В 1946 году я впервые поехал в отпуск, домой в Подмоскowie. Со мною вместе отправили солдата из нашего дивизиона, который за бои на Сандамирском плацдарме получил звание Героя Советского Союза.

Солдат молодой, 1926 года рождения. В том бою он был заряжающим противотанкового орудия. Отражая многочисленные контратаки танков противника, орудийные расчеты и сами несли большие потери. Оставшись один, боец продолжал уничтожать танки, выполняя обязанности и наводчика и заряжающего. Мы узнали более подробно о его подвиге, только тогда, когда пришла выписка из Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя.

Настолько это был скромный, ничем с виду непримечательный чувашский паренек.

Его поездка в Москву для получения звезды Героя Советского Союза и ордена Ленина совпала с моим отпуском. Мы с ним из Германии, через всю Польшу поехали в Москву. В начале пути в вагонах было много народу. Под утро на одной из станций в нашем вагоне появился бродячий музыкант-скрипач, увидел, что едут военные русские, стал играть вальсы: "Амурские волны", "На сопках Манчжурии" и потом штраусовские... Июнь месяц, только восходит солнце и его лучи проникают через окна вагона, на лавочке в купе нас только двое, тишина и льется чарующая музыка... Мы наградили музыканта продуктами и "злотыми", старик расплакался, на ломаном русском языке рассказал нам о своей горемычной жизни в фашистской неволе, потом взял себя в руки и еще нам играл до очередной станции около часа.

На последней польской станции перед Брестом, нам предстояло сделать пересадку. На поезд в Россию делали посадку со всех эшелонов и пассажирских поездов, шло массовое увольнение в запас наших военнослужащих.

Все вагоны были забиты до отказа, куда мы с Героем не сунемся - нас не пускают. Подходим к последнему купе, последнего вагона (каждое купе имело свой выход на платформу), в нем едут летчики. Уселись на парашютные мешки гогочут, рады, что так хорошо устроились. Я было и не хотел их просить, думаю все равно не пустят, к нам - "пехтуре", как они нас часто пренебрежительно называли, они относились с превосходством. Дальше идти все равно было некуда. Стал я к ним присматриваться. Один из летчиков со старшинскими погонами спал головой к выходу. Мне была видна его вихрастая, рыжая шевелюра. Да это же Сашка Буробин, мой двоюродный брат, подумал я, окликнул его,- Буробин?! Вижу летчики перестали смеяться, это придало мне уверенность, что не ошибся. Расступились охранники, загораживающие вход в купе. Добрался до него, схватил за волосы, потянул, вижу он, конечно он! Саша никак не очнется от сна, трясет головой, стряхивая сонный дурман. Потом опомнился, вскочил, схватил меня в охапку, здоровенный был детина, и закружил... Присутствующие сразу потеснились, нас приняли, как самых дорогих гостей. Все Сашины друзья и он сам были демобилизованы из армии и ехали по домам, многие из них были призваны еще до войны и дома не были около десяти лет. В дороге русский человек быстро сходится с попутчиками, а у нас собралась компания молодых ребят, которые прошли через горнило такой беспощадной войны. Поэтому мы быстро перезнакомились и чувствовали себя, как в родном полку.

Нашим воспоминаниям казалось не будет конца. Сашу я не видел восемь лет. Родители и близкие в своих письмах сообщали о нем, как и о других членах наших многочисленных родственников, но это были лишь отрывочные сведения.

Распросили друг друга о всех, кто погиб, насчитали, что половина наших родственников погибли на войне. Потом разговор перешел невольно на домашние дела. Наши попутчики живо откликнулись на

новую тему, стали задавать вопросы и перед нашими глазами вновь встало и босоное детство и все родные и близкие.

История фамилии Буробиных - по своему интересна. В 1914 году по мобилизации на Первую империалистическую войну, в одну из частей прибыли два новобранца-однофамильца: Захаровы Иваны Максимовичи. Причем оба очень похожие друг на друга. Писарь в штабе части разрешил эту проблему довольно-таки оригинально: "Чтобы мне вас не перебуробать (не перепутать) - будь один из вас Буробин", выбор пал на нашего деда. Так в деревне Свистово на Рязанщине накануне революции появилась новая, никому ранее неизвестная фамилия Буробины.

Саша напомнил мне, как мамин брат Василий Буробин вмешался в мою жизнь. А дело было так. Родился я 2 августа 1925 года, а этот день на Руси отмечался в то время, как большой церковный праздник - так называемый "Ильин день". Поэтому поп при крещении настаивал, чтобы меня нарекли Ильей, но мой крестный отец, никак не хотел с этим согласиться: "Вот еще - Илья пророк на печке промок" и упросил священника назвать меня Александром. Радостный пришел Василий Иванович из церкви, сказав: "Шурика я вам принес", так и звали меня Шуриком до призыва в армию.

В семье Горелкиных были: бабушка Малявкина Вера Ефимовна, дед Алексей Николаевич, братья: Василий, Иван, Григорий (мой отец), Николай, Михаил и одна единственная сестра, надежда и опора на долгие годы всего семейства Горелкиных, до пятого поколения включительно - Александра.

Александра Алексеевна родилась 19 марта 1909 года. Все невзгоды деревенской предреволюционной поры и становление Советской власти она испытала подростком и в годы своей юности. Воспитанная в религиозной семье и атмосфере большого влияния церковного культа, веру в бога она пронесла через всю свою жизнь. Понимая современную антирелигиозную обстановку в советском периоде жизни, она не принуждала и не настаивала на веру, окружающих родственников. Однако, она самостоятельно это делает за них (заочно), чтобы, с ее точки зрения, сберечь близких и дорогих ей родных от бед и невзгод и "гнева божьего".

Заботы с раннего детства о братьях младших, а потом и о племянниках, определили неустроенность у нее своей собственной жизни, своей "судьбы" она не нашла. Так и осталась незамужней, хотя в молодости была очень представительной и красивой. В пятьдесят лет ей можно было дать не более тридцати. Как все в роду Горелкиных долго оставалась бодрой, подтянутой, в полную силу работоспособной, деятельным человеком. В 13 лет уехала из деревни к брату Ивану в Москву работать в подсобном хозяйстве на Воробьевых горах. Здесь однажды ее увидел Михаил Иванович Калинин (Председатель Верховного Совета СССР), заговорил с ней и порекомендовал пойти работать на строящийся 1-ый Государственный подшипниковый завод. Александра воспользовалась этим предложением. Сначала работала разнорабочей, образно говоря, с первого кола завода создавала его, и

потом более тридцати лет без перерыва отработала на нем шлифовщицей и наладчиком станков.

Все четыре года в Великую Отечественную войну не покидала сутками завод, работая подряд две-три смены. Не раз награждалась правительственными наградами, которые ей вручали в Кремле. И только недостаток в образовании: три и то неполных класса, не позволили ей занять руководящую должность на производстве. С уходом на пенсию она продолжает, как ветеран, воспитывать рабочую молодежь, гордится своим родным заводом, тяжело переживает временные неудачи на производстве.

О заботе Александры Алексеевны о родителях и младшем брате Михаиле можно было бы написать не один роман. Гордость за династию Горелкиных она пронесит, как святое знамя. Даже старших братьев Василия, Ивана, Григория, имевших большие пороки в характере, поведении, в злоупотреблении спиртным, она по-своему защищает. Что значит по-своему? Она находит в образе их жизни действительно имевшие место положительные моменты, такое, как доброта, исключительное трудолюбие и мастерство "на все руки", забота о семье и т.д. И когда, кто-нибудь не сведущий начнет нападать на старших братьев за их, мягко говоря, неприличное поведение, тетя Шура так повернет разговор, используя положительное из их жизни, что собеседник сдается и соглашается со всем, что она говорит.

Любовь к матери - Вере Ефимовне, прожившей 87 лет и отцу Алексею Николаевичу, который и умер у нее на руках в 90 лет, может являться образцом между детьми и родителями. По-моему, ради заботы о родителях, она и не создавала своей семьи. Каждое воскресенье бывало она с полными сумками продуктов из Москвы приезжала к нам в Томилино, где жили родители, по пути заходила с гостинцами к нам, "вздергивала" за безобразия, которые натворил за неделю наш родитель, а ее брат Григорий Алексеевич.

Решала все задачи по дому, что накопилось у стариков, и, закончив воскресный "отдых", часов в десять вечера опять на обратном пути заходила к нам, проверяла, как братец Григорий себя ведет, и в назидание на следующую неделю даст ему разнос, с оговоркой, что если он будет бузить, то она тут же приедет. Как ни странно, наш неугомонный родитель только одну ее и слушал. Нашу братву (сыновей Григорьевых) она очень любила и мы ей отвечаем взаимностью. Ко мне у нее зародилась беспредельная любовь с тех пор, когда я, двухлетний, рос под ее надзором и она была для меня второй матерью. Не имея своих детей, тетя Шура перенесла все материнское, всю неограниченную доброту своей души на наше семейство, и кажется, несколько ревновала меня к моей родной матери Евдокии Ивановне. Во всяком случае, вместе с ней в нашем доме она чувствовала себя неуютно, как-то не при деле и быстро уезжала.

Однажды я был невольным свидетелем, как она на кладбище, где похоронены бабушка с дедушкой, мой отец, а теперь и мать, "разговаривала" с давно усопшими. Подойдя к ограде могил (они все в

одной ограде), она останавливалась, с улыбкой обращалась к крестам и говорила:

- Здравствуйте мои дорогие Вера Ефимовна, Алексей Николаевич, здравствуй братец Григорий. Поклон вам я принесла от ваших деток и внучат. Все они живы, здоровы, помнят о вас. Потом встала на колени, перекрестилась. Пошептала какие-то молитвы.

Обратилась к летящим птицам со словами:

- Милые вы мои, гостинчик я вам принесла, поклоните, помяните моих родственников, передайте им привет от нас...

Рассыпала принесенный корм. Птицы слетелись, начали клевать, тетя Шура занялась уборкой могил внутри ограды. Прибрав и закрыв калитку, снова кланялась, крестилась и, помавав рукой, ушла.

И так не реже одного раза в месяц, в любое время года, в любую погоду.

Ленину дочь Саньку (мою внучку), а ее правнучатую племянницу любит самозабвенно, к тому ж ведь Александра! Все ей прощает и главное внимание у нее сосредоточено на ней. Нас всех тоже настраивает в этом направлении. Как бы не перестаралась?! Эта бестия здорово понимает и может все воспитание выйти "боком".

Дед Алексей и бабушка Вера очень резко отличались друг от друга по внешним данным. Вера Ефимовна, в отличие от русоволового, рослого деда, была среднего роста, черные, как смоль, густые черные волосы до пояса (плакала, когда расчесывала, приходилось вырезать пряди), глаза темно-карие, прямой нос, правильные черты лица. Внешне их дети поделились почти поровну: Иван, Николай и дочь Александра в деда: Василий, Григорий и Михаил в бабуку.

Семья Горелкиных была большая - четырнадцать человек: дети, снохи, внуки. Дом был из двух больших комнат: горницы, где пол был деревянным и даже с деревянной кроватью и кухня с большой русской печью и полатями, большим столом и широкими лавками вдоль стен. На чистой половине (горнице) никто не жил, на кухне были земляные полы, утрамбованные, как асфальт. Постели были из свежей соломы, самотканой накидки и подушек. Она стелилась на земляной пол. Для младенцев к потолку подвешивались люльки. Утром солома собиралась и ее использовали на топку русской печи для приготовления пищи и отопления.

Главой всего семейства был дед Алексей Николаевич. Распределением еды занимался он. На всю ораву ставился на стол чугунок или две большие миски со щами или кашей, дед ударом ложки давал команду на принятие пищи, не затрагивая кусочков мяса, которые были на дне. Дед наблюдал, как опорожнялся котел и двумя ударами ложкой разрешал брать мясо. Тишина за столом строго соблюдалась, нарушители наказывались, и лишь стук ложек нарушал торжественный покой. Сахар был редкостью, на всех давалось по маленькому кусочку, добавкой одаривал только дед. Уже годовалым, восседая у матери на коленях во время чаепития, я забирался на стол, чтобы получить добавочный сахар, и на четвереньках по столу, сказав: "Хочу к папаше", (так все звали деда и взрослые и дети) отправлялся к деду.

Большой семье было тесно жить в одном доме и в 1927 году моя мать с отцом уехали в Москву. Найти работу было трудно - НЭП был в полном расцвете, и отец вынужден был приобщиться к частным заработкам, купил лошадь и стал ломовым извозчиком. Но опыта у него было мало, да матерые ломовики его обкрадывали, делали порчу лошади и нехитрой утвари или перевозимому товару. Приобщился к выпивке.

Мать, видя, что отец катится по наклонной - вниз, предприняла меры, чтобы спасти его от окончательного падения. При содействии своего брата Григория Ивановича устроила его рабочим в знаменитое железнодорожное депо Москва-Сортировочная. Отец воспрянул духом и уже в 55 лет от роду уходил на пенсию помощником машиниста, чем очень гордился, однако пристрастие к спиртному осталось у него до конца жизни.

Мать моя постоянной работы не имела и ходила на биржу труда. Чаще доставалась временная работа по продаже с лотка различных кондитерских изделий, папирос и табака. Меня оставить было не с кем, мама меня брала с собой, часто местом торговли у нас было Садовое кольцо у Красных ворот.

Намучившись со мной около года меня родители отправили к деду с бабушкой Горелкиным в деревню. К этому времени с ними остались только свои дети Николай, Александра и Михаил, а из внуков один я. Я очень любил Михаила, он всего на пять лет был старше меня и был моим защитником во всем многие годы. В раннюю пору моего детства они заменили мне родителей. Я настолько привык к деревне, что, когда меня привозили в Москву, никак не хотел оставаться у родителей жить. Мать, очень ласковая, внимательная, подходила и так и сяк, а я привередничал, ставил ей условия, заранее зная, что выполнить их, здесь в Москве, будет трудно. Например: "Вот если наваришь цейя цугун кайтошки (целый чугунок картошки), тогда останусь!" И руками показывал большой чугунок или что-нибудь подобное. Пожив неделю-другую, забирался в угол комнаты и начинал петь жалобные песни: "Как родная меня мать провозжала, тут и вся моя семья набежала..." - из камня слезы и то покатятся. Мать поплачет, попытается раз-другой отговорить, но потом раскается, скажет: "Ну, что мне с тобою делать, отпущу снова тебя в Поярково!". Жалобная песня сразу сменялась частушками, которых я знал множество, да еще с пляской под "Елецкого": "Я пляшу, они не топают - подшиты сапоги, гуляю ночь, они не охают - родители мои"...

В Свистово к Буробиным ездить не любил и тем более оставаться там. Изменить Поярково я никак не мог, очень любил уж Горелкиных, хотя дядя Вася Буробин, мой крестный, был очень добр ко мне и жили материально они лучше, был и большой сад, а в Пояркове одни ветлы.

Тетя Шура, в то время, по возрасту, была уже невестой. Вечерами я допоздна ждал ее возвращения с гулянья. Спать не ложился, а когда она приходила, то упрекал за то, что ее так долго не было, забирался к ней на колени и только тогда засыпал.

А с Михаилом проводил все время. Под его самодельную деревянную балалайку, без струн (под язык) я мог плясать часами, без усталости. А когда подросли, то вместе ходили ловить в речке Ярополке

уклейку на муху. Налавливали по 50-100 штук уклеек и голавликов, приносили бабушке, та говорила: "Вот молодцы, всех накормили", разве это не гордость, этого забыть нельзя.

В 1930 году меня родители забрали в Подмоскowie. К этому времени отец работал кочегаром на товарных поездах дальнего следования, мать - поваром в рабочей столовой. Жили на частной квартире у зажиточных крестьян Ворыхановых, которые в 1931 году были раскулачены и сосланы в Сибирь. В доме стал сельский Совет, а мы так и остались в пристройке дома. Деньги за квартиру стали платить сельскому Совету. От места работы матери до поселка, где мы жили было пять километров. Родители попробовали меня отдать в детский сад, но я в нем пробыл только одну неделю. Привыкнув к вольной, без распорядка дня жизни, стал хандрить, даже заболел, просить мать, чтобы разрешила больше туда не ходить. Сказал, что буду оставаться один дома, пока родители будут на работе.

Жили мы маленькой семьей очень дружно. Кроме нас троих, у нас часто жила одинокая девушка Антонина Добрынина, которая вместе с матерью работала в столовой. Она несколько заикалась, поэтому слова старалась говорить нараспев и очень хорошо пела песни. Пожалуй, любовь к песне, да и правильно петь научила меня она, хотя и мать моя обладала тоже хорошим голосом. Все Буробины были отменными певцами. Саша Буробин, с которым я так неожиданно встретился на Польской железнодорожной станции, когда ехал в отпуск, имел сильный и красивый голос. Длительное время потом он пел в "Хоре имени Пятницкого"...

А тогда, в июне 1946 года мы с ним и его друзьями-летчиками прибыли в Брест. В Бресте до отхода поезда было порядочно времени и мы пошли на городской базар. Купили малосольных огурцов, идем жуем на ходу. Впереди нас шли две молодые, симпатичные женщины, в тапочках-шлепанцах. Саша остатком огурца запустил под ноги впереди идущим и попал прямо под пятку одной из них. Женщина, наступила на холодное и мокрое, испугавшись, ойкнула! Откуда ни возьмись патруль, да к тому же эта особа оказалась женой коменданта города Бреста. Сашина выходка была квалифицирована, как мелкое хулиганство. Его забрали в комендатуру и посадили на трое суток на гаубтвахту. Как ни уговаривали коменданта, он был неумолим. Так мы, встретившись в Польше через восемь лет после войны, у себя на Родине снова расстались и я один приехал домой.

Своим родственникам я рассказал, какой с Сашей произошел курьезный случай, так, они мне сначала даже не поверили.

Отпуска у каждого работающего или служащего человека светлое, радостное событие. А у нас военных, да после долгой войны, это что-то особенное. У меня, офицера молодого и не женатого, кроме отдыха, было в мыслях и решить проблему устройства семейной жизни. Хотелось найти подругу такую, чтобы она тебе нравилась, была хороша собой. Угадать, что все тяготы армейской, кочевой жизни она безропотно выдержит долгие годы. Да все не перечислить, что она должна делать, что уметь. У жен военных, которые живут в отдаленных

гарнизонах, во всех уголках нашей страны и за рубежом, вырабатывается особый характер: преданность не только своему мужу, но всему армейскому укладу, образу жизни в этой среде. С уверенностью можно сказать, что, если вы встретитесь с женой военного человека, у которой за плечами не один десяток лет прожитых вместе в супружеской жизни, то у нее и мысли, чаяния, привычки вести разговор - все сводится к тому, как там у нас в гарнизоне, какие заботы и, что скоро начнутся проверки, а уж боевые стрельбы - это праздник, из праздников. Встречают, возвращающихся с полигона мужей, семьями от мала до велика, нарядно одетыми, светящимися гордыми лицами, разделяющими радость победы.

В этот раз отпуск пролетел очень быстро, ведь это был первый отпуск после войны, да и вообще-то у меня был первый трудовой отпуск, мне еще не исполнилось двадцати одного года. Вернулся в часть и опять начались армейские будни.

Решать проблему поиска суженой пришлось почти четыре года спустя, когда наш бывший танковый корпус из Германии передислоцировали в Белоруссию. Мне все чаще и чаще приходила мысль устроить свою личную жизнь, обзавестись семьей. К этому времени у нас уже были примеры хороших, дружных семей. Четыре года, срок для военных семей вполне достаточный, чтобы увидеть, как они дальше пойдут вместе, или не выдержат, разойдутся их пути-дороги.

Образцовой осталась в моей памяти семья капитана Матвиенко Василия Дмитриевича. Когда мы еще находились в Германии, командир гаубичной батареи капитан Матвиенко женился на нашей репатрированной девушке. Надежда, так ее звали, была пятнадцатилетней угнана из Киева в неметчину. Познав все муки унижения и рабской неволи, она долго не могла отвыкнуть от тупой покорности, а потом расцвела, как маков цвет. Красивая была пара.

Я часто свое свободное время проводил с ними, вместе ходили в кино, на танцы. Я все больше и больше поражался способностям Нади приспосабливаться к условиям армейской жизни и всем ее невзгодам. Всегда приветлива и мила, когда долго с ней не видишься, то ощущаешь какую-то пустоту и тоску, увидишь, достаточно одного взгляда, приветствия или слова с ее стороны и печаль, как рукой снимет. Завидовал я Василию, думал, вот такую бы девушку встретить, как его Надежда.

В 1980 году у нас были учебные сборы в городе Киеве, мне удалось навестить эту удивительную, дружную семью. Василий в 1960 году был уволен в запас, они обосновались в Киеве, оба продолжали еще работать. Встреча была очень радостной, они так были рады, что я уже генерал, что у меня тоже, как и у них, большая семья, есть внуки. Воспоминаниям не было конца.

Мы, молодые офицеры, в отпуск уходили в самое плохое время года: февраль, март. Мы сами просили об этом. наших начальников это устраивало, а нас тем более, так как в такую пору могли отпустить вместе нас закадычных дружков, всех из одной части: капитана Николая Ларичкина - командира разведроты, лейтенанта Юрия Михайлова - танкиста, меня - артиллериста.

В моде, в ту пору, была фронтовая песня, которую мы пели при любом удобном случае, считая, что эта песня о нас:

Про разведку сказать можно много,
Но разведка сама говорит.
У разведчика жизнь словно магний,
Быстро вспыхнет и вмиг прогорит.

А пехота бедняжка все стонет,
День и ночь под обстрелом лежит.
На работе вся потом зальется,
На посту все зубами стучит.

Огневик, тем немножко полегче,
Меньше шанс на тот свет угадать,
Но, бомбежки, посты и учеба,
Так не будем друзья обсуждать.

У связистов забот слишком много,
Нитку рвет, то граната, снаряд.
Сколько в той паутине проклятой
Позапуталось наших ребят.

А трудяге саперу-минеру,
Суждено ошибаться лишь раз,
Не узнает коварства "сюрприза",
Разорвет на частички фугас.

Атак до трех живут танкисты,
Возя с собой железный гроб.
Горит подолгу факел дымный,
Над их могилой четырех.

Судьбу танкистов разделяют
И самоходчики подчас.
Могилой братской называют,
Их самоходку в скорбный час.

Припев: Жизнь на фронте назвал бы я адом,
Прогорит, остается зола,
А золу разнесет быстро ветер,
Эх! Зачем меня мать родила?!

Песня, казалось бы, пессимистична, но в ней довольно метко отводилось каждому роду войск, каждой военной профессии определенное место. Причем, пел каждый свое (по очереди), представляя свое отношение и к службе и к жизни. Припев все дружно подхватывали и никак не вязалось в нашем лихом исполнении слова о загробной судьбе.

Отпуска наша тройца проводила коллективно, все дни были распределены. Первые и последние дни посвящались встречам с многочисленными родственниками. Все остальное время: посещение театров, музеев и кино. Очень любили оперетту. На весь месяц заранее

покупали билеты. Материально мы были обеспечены хорошо. Когда были за границей, то все денежное довольствие в течение года шло на сберегательную книжку. Да еще длительное время получали дополнительно: гвардейские, противотанковые. Поэтому в деньгах нужды не имели, но и безрассудно их не расходовали...

Отпуск в 1948 году подходил к концу. 23 февраля, в День Советской Армии, мы с Лидой Вититновой, моей знакомой и большим другом были на катке в Центральном Парке. В десять часов вечера я с ней расстался и поехал домой в Томилино. Вспомнил, что давно не был у своего товарища по техникуму Юры Соловьева, думаю, дай зайду, время-то еще не позднее. Сошел с электрички в Люберцах, пошел к нему на Зубаревскую улицу. Подхожу к дому - окна все ярко освещены, слышна песня, поют много молодых людей.

Что за событие, вроде бы у Юры все родственники гражданские, чтобы так праздновать "День Советской Армии!"

Звоню, не открывают, стал стучать в окно... Выходит Юра, говорит:

- Вот, ты Сашка, какой молодец, собрал весь СКБ (специальное конструкторское бюро) завода ради вашего праздника, а военного ни одного нет... Как ты кстати.

Я многих знал из СКБ. Он комплектовался, в основном, выпускниками нашего техникума, а с некоторыми из них я учился до ухода на фронт, поэтому повидаться с ними было для меня большой радостью. Многие из них я не видел более шести лет.

Захожу, веселье в полном разгаре, но мое появление заметили сразу. Все бросились ко мне с приветствиями и поздравлениями по случаю праздника. Искренняя радость была у всех.

Стал я присматриваться и тут увидел свою суженую!

Спрашиваю Юру:

- Кто такая, вроде бы не из наших (техникумовских)?

- Нет,- говорит, - наша Валечка Устинская, в тот год 1943, когда ты на фронт уходил, она в наш техникум переводом на второй курс пришла... Два года работает в СКБ инженером-конструктором. Что, хороша?!

Вижу, что понравилась, но знаешь, Саша, у нее поклонников много, вряд ли что у тебя выйдет!

Сам смотрит на меня лукаво.

- Ну, что ж танкист, неужели отступишься?

- Знакомь!

- А как же Лида Вититнова?- говорит он.

- Чего душу выматываешь, Лида - друг, все поймет,- отвечаю ему.

А Валентина смотрит на нас, догадалась видно, что мы о ней говорим - улыбается.

Послевоенное время голодное, нет тебе еще заграничных нарядов, дорогих костюмов. А у Валентины зарплаты инженера-конструктора с трудом хватает на питание, однако же одета с таким вкусом, такая милая - валиком прическа, маленький ротик, ясность взгляда и улыбка.

Подожли, познакомились...

Потом призналась, что я ей тогда тоже сразу очень понравился.

Долго ли, коротко, собираемся ехать домой. И не быть бы свершившейся судьбе, если бы не последняя электричка. Ох! Уж эти последние, так они были мне на руку. Дело в том, что Валентина жила в Красково, на одну остановку дальше моего Томилино, а все ухажеры Люберецкие. Им, если ее провожать с последней электричкой, обратно нужно по морозцу десять километров ночью топтать пешком, так как обратно поезда в это позднее время уже не ходят. Мне же на возвращение три километра, для влюбленного пустяк, два-три раза милой образ вспомнишь и вот тебе уж калитка родного дома.

Провожали нас на станцию Люберцы всей компанией. Алеша Давыдов, он в то время более других у Валентины расположение имел, не прощается с ней и порывается ехать. Валентина его уговаривает:

- Алеша, не надо, холодно, мороз сильный, завтра на работу нужно рано вставать.

А он видно чувствует, что может закатиться его звезда, все порывается ехать. Тогда Юра Соловьев (он был старшим группы в СКБ) в шутку говорит:

- Алексей, я тебе, как твой начальник приказываю: оставайся, Саша не даст Валентину в обиду, тем более им по пути.

Алексею ничего не оставалось делать, как оставаться...

Мы поехали. Электричка до Краскова идет всего десять минут. Но за эти короткие минуты было столько высказано, переговорено и понято, что, кажется, и за год этого сделать невозможно. А 26 февраля, через три дня после нашего знакомства, мне нужно было уезжать - кончался отпуск.

Провожали нас с Белорусского вокзала. Проводы были веселые, с импровизированным концертом, две гитары. Кумиром всех и заводилой был Саша Буробин, он к тому времени прочно обосновался в хоре имени Пятницкого. Песни и пляски, все в пристойной форме, пьяных не терпели и не брали с собой на вокзал.

Валентина тоже приехала на проводы и здесь она впервые увидела всех моих друзей - танкистов и родных. Но предстояла разлука на год. Валя обещала писать и вначале письма приходили регулярно, но потом все реже и реже. В январе 1949 года совсем перестали приходиться от нее весточки. Пишу своему доброму другу Юре Соловьеву. В чем дело, почему Валентина не отвечает? Не хотел он меня расстраивать, но все же написал:

- Напрасно, дружок, на нее рассчитываешь, наша Валечка не скучает, у нее сейчас такой парень! Миша Бычков. Знаменитый спортсмен. Чемпион Европы по хоккею. Да ты его знаешь, он наш люберецкий.

Да, я его знал. Парень был волевой, видный и Валентину очень любил.

Думаю, нужно делать от ворот поворот.

В 1949 году в отпуск поехали, как и в прежние годы - зимой. 17 февраля поздно вечером возвращался я из театра домой. Обычно садился в последний вагон электрички, а тут задумался, прошел дальше, оказался

у третьего. Зашел, постоял в тамбуре, заглянул вагон пустой, лишь в середине сидит одна парочка. Парень сидит лицом ко мне, пригляделся - это Миша Бычков, нетрудно было догадаться о том, что спиной ко мне сидит Валентина.

Дрогнуло сердце, нахлынули воспоминания. Отпуск на исходе, а мы с ней так и не встретились, думал, все кончено, зачем мешать. У них видно серьезные намерения, а я что, сегодня здесь, а на завтра - опять в дальние края.

Но! Последний ведь поезд, значит Михаил сойдет в Люберцах?! Не рискнет ехать провожать. Он же не знает о моем присутствии, да и она тоже.

Прохожу в вагон и сажусь на лавочку спиной к спине с Михаилом. Они увлечены разговором, не обратили на меня никакого внимания. Едем, а вот и Люберцы. Они прощаются, Михаил выходит. Мне на размышления остается десять минут.

Поезд трогается, я встаю и перехожу к Валентине:

- Здравствуй, Валечка!- поднимает голову, удивление на лице и даже испуг, как будто я ее застал на месте преступления. Потом нашлась, приветливо, как ни в чем не бывало улыбнулась, начала длинный разговор: давно ли в отпуске, почему не давал знать о приезде, рассчитывая от меня отделаться, зная, что через семь минут мне выходить в Томилине. Ну, думаю, не тут то было. Снова испытывать судьбу не буду. Еду провожать в Красково. Дорога знакомая, но как мало времени на объяснения... Стоять на морозе не хочет, прогуливаться тоже.

Прощаемся, а у меня были на следующий день в театр на "Сильву" билеты. Быстро предложил:

- Валя, пойдем завтра в театр?

Долгое раздумье. Видно тяжело было сделать этот решительный шаг, этот поворот в жизни. Потом, наконец, тихо сказала:

- Хорошо, завтра встретимся, если удобно, то на станции в Люберцах, я приду сразу после работы...

Сухо попрощалась, повернулась и, не оглядываясь, пошла домой.

Прихожу домой, несмотря на поздний час, мама меня ждет:

- Ну, что ж, сынок, так поздно или новую невесту нашел,- смеется, - а я ей вполне серьезно отвечаю:

- Мама, 26 февраля готовь свадьбу!- мать оторопела, перестала смеяться.

- Да ты что, в уме? Только неделя осталась, на ком же ты жениться собираешься, на Лиде Вититновой?

- На Валентине!

- Это на какой же Валентине, вроде бы таких имен у тебя не было?

- На той, которая в прошлом году на вокзале на проводах была.

- А..., помню, на лицо приятная. Но ты хоть знаешь ее, небось только на лицо и смотрел?

- Нет, не только на лицо, а и на руки.

- Как на руки?

- Да так, у нее при всей ее внешней красоте - руки труженицы, сразу видно по дому сама все делает, да и на ногтях маникюра нет.

- Ну, а кто у нее мать, отец, есть ли еще какие родственники?
- Братьев и сестер родных много, она двенадцатая в семье, а матери и отца нет - сирота, живет у старшей сестры в Краскове, та в аптеке работает заведующей.

Вижу мать начинает успокаиваться.

- Ну, коль руки разглядел, то видно это дело серьезное. А то все думала, что ты шутишь. Что ты о ней еще скажешь? Хоть познакомил бы с сестрой?

- Погоди, я сам у них дома не бывал, никого не знаю.

- Хорош жених, нечего сказать, а Валентина то согласие на свадьбу дала?

Тут я маму совсем огорошил!

- А я ей еще предложение не делал!

- Как же так, да ты в своем ли уме? А ежели откажет?

- Нет, не откажет,- говорю, а самого безусловно сомнения берут.

Потом вспомнил в каком раздумье она была, когда я ее приглашал в театр и как, наконец, согласилась на встречу, подумал: нет не откажет, нужно только не давать ей передышки до самой свадьбы, занять все свободное время, каждый вечер, чтоб не встретишься с Мишей Бычковым.

18 февраля, с утра, поехал к своим друзьям - танкистам держать фронтовой совет и известить о свадьбе. Их мнения разделились. Юра Михайлов выразил восторг и дал высокую оценку моей избраннице, а Коля Ларичкин, старший из нас и по годам и по званию, призывал меня не торопиться, поскольку я еще предложения Валентине не делал. Наконец, сошлись в едином мнении, всем встретиться в театре, но перед этим, предварительно я с Валентиной должен был заехать к Николаю домой, чтобы показать родственникам свою невесту.

Валентина испытание выдержала, всем понравилась, в том числе и родной сестре Лиды Вититновой - Зинаиде, которую в тайне от меня пригласили мои друзья в театр. Смотрины удались...

На следующий день договариваюсь с Валею о встрече, а она мне говорит, что завтра можно, а послезавтра нельзя, она занята: идет в Большой театр на "Лебединое озеро". Билеты достали девочки-подружки через профсоюз, всего три и лишнего нет, и достать невозможно, но ведет себя при этом, как то странно...

Думаю, знаю я эти фокусы, знаю "какие подружки", опять Миша Бычков перехватил - перебежал дорогу.

На другой день встретился с Валентиной и стал просить ее отказаться от поездки в Большой театр, мол у меня в другие театры билеты есть, а она мне ответила:

- Я так ждала, мечтала. В Большой театр так трудно попасть, ты уж извини, завтра побудь без меня, вон сколько с вами хороших девушек в театре оперетты было!

Эта подковырка еще больше усилила мои подозрения.

Расстались...

Приехал я домой. У нас в ту пору жил мой двоюродный брат Толя Буробин, он учился в Московском Авиационном техникуме. Он знал уже о намечавшейся свадьбе. Спрашивает, как идут у меня дела?

Я же ему без предисловий говорю, что дела со свадьбой идут хуже некуда, что завтра нужно обязательно попасть на спектакль в Большой театр. Он же мне совершенно спокойно ответил:

- Будут билеты. Надеюсь деньги есть, не покупишься?

Хотел его огреть чем-нибудь тяжелым за такие слова, но он в это время так добродушно улыбнулся, что злость на него у меня сразу прошла, как рукой сняло.

Всю ночь не спал, вертелся, как на иголках. С утра подгонял время, скорее бы шесть часов вечера. А потом, вдруг, не сумею достать билеты?

Погода к вечеру сквернейшая: мокрый снег с дождем. Настроение под стать погоде. Заняли позицию у колонн театра. Видим - прошла Валентина с подружками Тосей и Верой. Долго не могли достать билеты и, наконец, уже перед самым началом спектакля Толя раздобыл в центральную ложу бельэтажа, мне потом в жизни не удавалось достать такие великолепные места...

Уселись, осмотрелся. Начался спектакль. У нас же с Анатолием спектакль свой: разоблачить Валентину. Он ее разыскал первый:

- Вон она слева, на третьем ярусе, на первом ряду сидит, а рядом девчата, больше никого.

Увидел я их, немного от сердца отлегло, не обманула.

Весь первый акт на сцену почти и не смотрел. В антракте вижу - девушки сидят на месте. Толя пошел в буфет, я же, на третий ярус. Устроился по соседству и так ехидно спрашиваю:

- Ну, что, девочки, хорошо устроились? Как спектакль?

Во взгляде Вали я увидел: "Ну вот, а ты не верил!", Тося и Вера чувствовали себя неуверенно. До сих пор вспоминая нашу ту встречу, считают себя виноватыми передо мной.

На следующий день, 21 февраля, программа была уже расписана. Мы провожали моих друзей в часть, так как у них отпуск кончился раньше моего на несколько дней. Юра Михайлов, узнав, что "проверка" прошла успешно, потихоньку сказал мне:

- Саша, приедете с Валентиной в наш гарнизон - будет угол, где вам жить, не будь я твоим другом!

А Валя то еще и не знала, что готовится свадьба, предложение мною не было сделано!...

Этот "угол" вспомнил Юра через тридцать лет в своем тосте, когда поздравлял новую "генеральшу":

- Здорово, когда жене военного выпадает счастье генеральшей стать, и особенно дорого, что с будущим генералом прошла армейскую жизнь от лейтенанта, "от угла", который я с таким трудом им раздобыл в начале их семейной жизни, в двадцати пяти комнатной казарме!

Но в тот вечер, проводив друзей, мы с Валей поехали с вокзала домой. Осталось пять дней до свадьбы. В Люберцах зашли в Горсовет. Позднее время, внизу в вестибюле никого, лишь где-то вдали дежурная

сидит. Уселась и я, наконец, сделал Валентине предложение. Она согласилась, однако была очень удивлена, что уже назначена свадьба на 26 февраля. Просила подождать годик, что не готова к свадьбе, да и сестра Мария Андреевна ничего не знает. Я же ей сказал, что по другому быть не может, что первого марта я должен уезжать в часть, кончался отпуск...

С той поры минуло много лет. Все эти годы мы были вместе. Кочевали по многим военным гарнизонам и "точкам" необъятной нашей Родины. Я иногда спрашиваю Валентину, не тяжела ли была для нее моя армейская служба? А быть офицерской женой и "кочевать" из одного военного городка в другой не надоело?

- Привыкла, - отвечает, - да к тому же жизнь в армейских условиях интересней, нагляднее видны плоды своего труда, больше в армии хороших настоящих людей, меньше мещанства. Даже детей военнотружеников в школе, на улице можно отличить от остальных, причем во всем: по взаимной поддержке и выручке, дисциплинированности и организованности.

Жизнь будет интересней, если не только сам офицер, но и все его семейство будет жить делами подразделения, части, делиться со всеми радостями и заботами. Особенно сложно выполнять роль "жены-командирши" гарнизона. С одной стороны она должна быть заводилой во всех делах, знать внутренние дела военного городка, с другой - не выпячивать себя, не использовать служебное положение мужа для своих корыстных целей, не вмешиваться в те сферы, где начинается власть командира.

Но для нас все это было еще впереди. Предстояло пережить трудности быта в тесной четырехметровой комнатухе, в таких комнатках жили офицеры семьями и считали себя обеспеченными жильем лучше, чем те, кто снимал комнаты у частников в деревнях за три-четыре километра от части. Нам предстояло вместе готовиться к экзаменам в вечерней школе, где я получал аттестат зрелости, чтобы можно было поступить в академию. А разве можно забыть свою первую отдельную квартиру, которую мы получили только через одиннадцать лет совместной жизни, когда я уже был подполковником - начальником штаба полка. Как росли и учились дети, которым пришлось за это время сменить несколько школ. Всякое было за эти годы, но ни я, ни моя жена не жалею о них, мы жили интересно, как все, не требуя каких-либо льгот и поблажек.

В 1949 году меня назначили на должность начальника разведки артиллерийского полка. Начальник разведки - "Бог непланового огня". От его умения выдать правильные координаты цели (центра участка подавления) зависит успех артиллерийского наступления.

И обычно, "сбои" в артиллерийской стрельбе бывают именно на "неплановых" огнях. Вот тут-то и сказывается мастерство артиллерийских разведчиков. В нашу пору для засечки целей и определения таким образом их координат использовались стереотрубы.

Пункты сопряженного наблюдения (СНД), для получения более точных координат цели, разносились далеко друг от друга, обеспечивая

тем самым большой угол засечки. И вот в чем заключалось мастерство: нужно было выдать целеуказание с основного СНД боковому так, чтобы там разведчик правильно понял цель, которую ему назначили для засечки. А с бокового - цель видна совсем не так, как ты ее видишь с основного, а время идет, просрочил его - не выполнил задачу. Кроме того, начальник разведки должен мгновенно понять, что боковой СНД неправильно дает данные засечки и без дальногомера (в ту пору их у нас еще не было) суметь определить наиболее точно координаты цели...

Танкистов стали обучать стрельбе с закрытых огневых позиций (ОП), чтобы увеличить плотность огня в артиллерийской подготовке. Вот тут-то снова пришлось мне использовать прежние свои знания самоходчика. Командующий артиллерией дивизии полковник Щерба Д.К. поручил мне вести обучение танкистов этому искусству. Танк - не самоходное орудие, у него нет приспособлений и приборов для стрельбы с закрытых ОП, поэтому нам пришлось самим делать нехитрые приспособления и дорабатывать наставления по боевой работе и правилам стрельбы.

Танкисты с большой неохотой вначале занимались этим, считая ее (стрельбу с закрытых огневых позиций) уделом классической артиллерии. У них, командиров танковых рот, никак не укладывалось, как это так вести стрельбу, не видя непосредственно цели в прицел, а нужно наводить в какую-то вежу или другую точку наводки, совершенно, казалось бы, не имеющую к стрельбе никакого отношения.

Командир танковой дивизии генерал-майор Исаакян И.М., бывший кавалерист, сам пришел к нам в штаб артиллерии, где я был начальником разведки, озабоченной новой задачей, поставленной перед танкистами. Полковник Щерба собрал лучших артиллеристов и предложил командиру дивизии сначала провести показную, ротную танковую стрельбу с закрытых ОП. Генерал Исаакян усомнился, справедливо указав, что мы сами, своими артиллерийскими системами, состоящими у нас на вооружении, батарейные стрельбы, в таком количестве орудий, никогда не стреляли. Рота танков - это же больше дивизиона, больше четырех батарей. Спрашивается, как провести пристрелку, как "сострелять веер", особенно сосредоточенный, когда все снаряды должны попасть в одну "точку"?

Было над чем задуматься?

Полковник Щерба заверил командира дивизии, что артиллеристы справятся с этой задачей и проведут показательные стрельбы поучительно для командиров танковых рот. Собрал он нас на совет. Самое главное было определить, кого поставить стреляющим? От его умения зависело все. Все присутствующие в штабе артиллерии дивизии устремили взоры на меня, мол, капитан Горелкин больше всех родня танкистам, бывший самоходчик - ему и карты в руки....

Подготовка к стрельбе велась с использованием вкладного ствола от 45 мм пушки, а на показную стрельбу вышли штатным снарядом - 100 мм калибра.

Начал я пристрелку.

Первый снаряд, разорвавшийся далеко в стороне от цели (цель была точечная - ДЗОТ), вызвала восторг у танкистов - приверженцев стрельбы прямой наводкой, и стремившихся обычно с первого снаряда поразить цель. В мой адрес стали отпускать колкие шутки. Командующий артиллерией на них прикрикнул: "Подождите, посмотрите, что дальше будет!"

А дальше: второй снаряд разорвался на линии наблюдения так, что ДЗОТ был закрыт разрывом, как стреляющий, я понял, что можно взять цель сразу в "Узкую вилку" и начать обеспечивать ее пределы: "Два снаряда, беглый, огонь!"

Два разрыва за целью. Дзот четко стал виден на их фоне.

Обеспечиваю ближний предел - два четких минуса!

Половиню прицел. И! "Ротой один снаряд - Огонь!"

"Заговорили" пушки всех танков сразу, одновременно, залпом!

Через несколько секунд фонтаны взрывов в районе цели, у ДЗОТа снаряды пробили накат, повалил дым, полетели куски бревен!

Показная стрельба удалась. Командир дивизии провел разбор стрельбы, наметил программу и методику подготовки танкистов. Мне была объявлена благодарность и вручен ценный подарок: часы-секундомер. Много потом мне приходилось проводить и выполнять боевые артиллерийские и ракетные стрельбы в качестве стреляющего, за которые получал более дорогие ценные подарки, но эти часы-секундомер я бережно храню, ведь он получен мною за танковую стрельбу, за танки, к которым всем сердцем прирос на всю жизнь!

Согласно разработанному плану, мы помогли танкистам и в создании учебно-материальной базы. Был сделан артиллерийский миниатюр-полигон, который был очень хорош для практического обучения и для наблюдения во время стрельбы, и в целом, для решения комплексных задач различных видов стрельб.

В военных журналах в то время появились описания полигонов-пантографов. Преимущество нового миниатюр-полигона состояло в том, что отпала нужда в большом количестве реек для введения корректуры в угломер и прицел. У пантографа была одна рейка, на которую выдавались все данные корректуры, поданные стреляющим. Такой полигон мы у себя построили и усовершенствовали. Рейку пантографа расположили снизу под настилом, на котором была изображена местность и макеты целей. Сам настил сделали из редкой ткани, на него положили опилки, угольный порошок и немного земли. К ползуну рейки, который отображал каждое положение выданных координат для стрельбы, по резиновой трубочке подвели сжатый воздух от баллона для запуска танков, через редуктор.

По команде стреляющего - "Огонь!" - руководитель, через несколько секунд, соответствующих полету снаряда, нажимал кнопку пуска воздуха. Воздух пробивал снизу-вверх настил и грунт, взметывался вверх фонтанчиком разрыва. Впечатление разрыва снаряда было настолько достоверным, что при наблюдении в оптический прибор, картина была потрясающей. Когда полигон построили, командир дивизии снова собрал всех командиров танковых рот, батальонов и

полков. Мы сначала провели для них показательную стрельбу, а потом дали им возможность попробовать самим свои силы. Сначала офицеры неохотно брались за выполнение задачи, а потом страсти разгорелись, наглядность стрельбы на миниатюр-полигоне настолько увлекла их, что занятия пришлось проводить дополнительно к плану. В течение месяца построили такие полигоны во всех частях нашего соединения. Занятия на миниатюр-полигонах включили в планы боевой подготовки. Сравнительно быстро танкисты освоили сложные виды артиллерийских стрельб с закрытых огневых позиций. Причем для проведения занятий не требовалась сложная, дорогостоящая техника и боеприпасы.

Наш опыт подготовки танкистов по сложным видам программы боевой подготовки распространили и в других соединениях и частях Белорусского военного округа.

Глава третья В АКАДЕМИЯХ

Время шло, страна залечивала раны, нанесенные страшной войной. Восстанавливались города и промышленные предприятия. Создавались новые отрасли промышленности. Повышалось качество и росло количество нового вооружения и техники для Советской Армии. КПСС и правительство взяли курс на то, чтобы Вооруженные Силы имели все необходимое для надежной защиты Страны, как в организационном, так и в техническом оснащении.

Оружие массового поражения, инфракрасная техника, электроника, межконтинентальные ракеты, подводные атомоходы стали реальностью и должны были поступать не сегодня, так завтра на вооружение армии и флота.

Я прекрасно понимал все это. Понимал также и то, что моих знаний будет недостаточно не только для освоения новой боевой техники, но и для обучения подчиненных.

Конечно, были и тогда молодые офицеры, которые после успешного завершения войны, чувствовали себя мастерами, считали, что им уже нечему и незачем учиться. Оставшись со старым багажом знаний, они вскоре перестали соответствовать возросшим требованиям и вынуждены были уйти в запас.

Я, как и большинство молодых офицеров, рожденных войной, понимал, что для продолжения военной службы, для дальнейшего служебного роста необходимо было высшее военное образование. А как его получить, если за плечами и полного общего среднего образования нет. Ведь я, как и преобладающее большинство моих сверстников, семнадцатилетним ушел на фронт с предпоследнего курса техникума. А учиться я хотел. Мои колебания и сомнения разрешил полковник Дмитрий Корнеевич Щерба. Он прибыл в нашу танковую дивизию уже после войны на должность командующего артиллерией дивизии. Раньше его служба не была связана непосредственно с выполнением артиллерийского обеспечения танковых соединений и частей. Это был кадровый офицер. Артиллерийское училище он закончил в 1934 году. Дело свое он знал в совершенстве и сравнительно быстро вошел в новую для него должность - командующего артиллерией. С его приходом в дивизию, меня, после окончания курсов офицеров разведки при академии Генерального штаба, назначили в штаб артиллерии начальником разведки. Для нас, офицеров штаба, он был образцом во всем: в делах служебных и в житейских. Подметив, что у нас нет навыков в отработке боевых и текущих документов, в работе с топографической картой, он доказал, что офицер штаба должен уметь делать своими руками, самостоятельно без помощников все: отрабатывать рабочие схемы и демонстрационные, подготавливать боевые приказы и распоряжения, вести рабочую карту и даже печатать на машинке. В свою очередь, не стесняясь своего высокого положения, полковник Щерба учился у нас, офицеров, которые многие годы, на различных должностях прослужили в танковых частях и соединениях.

Тонкий психолог и знаток человеческих душ, он знал, кому, какую работу можно было поручить, кто лучше с ней справится. Допустим проект приказа или распоряжение с подробным анализом и выкладками обоснования, он поручал начальнику штаба подполковнику Кормильцину или его заместителю майору Михайлову, приказ короткий, чтоб до печенок дошло, или разгромный - мне, начальнику разведки - капитану Горелкину.

Бывало на тактических учениях, при планировании артиллерийского наступления, если он видел, что мы "зашиваемся" с разработкой боевых документов обычно говорил:

Вот что, товарищи офицеры, приказ на отработку я беру на себя, а с остальными документами - к утру посмотрим, помогу, если что!

Хотя полковник Щерба и не имел высшего образования военного(до войны не успел, а после войны уже не подходил по возрасту для обучения в академии), он прекрасно понимал, что нам, молодым офицерам, нужно учиться, чтобы идти в ногу со временем и "засадил", троих из четырех офицеров штаба за учебники. Начальник штаба подполковник Кормильцин уже заочно учился в академии имени Фрунзе, я и Михайлов - в вечерней общеобразовательной школе при Доме офицеров.

Я представляю, как ему было трудно, ведь мы учились, а дела в штабе как были, так и оставались, их нужно было выполнять. Вот и получалось, "запрягайся", товарищ полковник, сам, бери на свои плечи дополнительную работу за своих студентов. Все вытерпел, ни разу не упрекнул, лишь Вениамина Михайлова частенько "пробирал" за неуспеваемость в школе - тому никак не давался иностранный язык. А когда Дмитрий Корнеевич узнал, что я заканчиваю школу с медалью, решил заняться со мной подготовкой к вступительным экзаменам в академию по военным дисциплинам:

- Ну, Горелкин (по имени никого не называл, очевидно по довоенной офицерской привычке), в тебе я вижу свое продолжение: мой сын пока под стол пешком ходит, что из него получится - не знаю, а в тебе я уверен, ты осилишь любую академию, любой академический курс, давай - дерзай: в Артиллерийскую Радиотехническую, там есть факультет наземной артиллерийской разведки - твой профиль - только учти: поступать надо с первого захода!

Вот и приходилось тратить мне потом на подготовку к вступительным экзаменам не только редкие свободные дни, но и вечера, даже частенько и ночи.

Думаю, что я оправдал его надежды. Выдержал тяжелые вступительные экзамены: конкурс - восемь человек на место. Причем сдавать пришлось дважды: первый раз, как медалист, я проходил собеседование, к сожалению, по сути это было не собеседование, а издевательство над взрослым человеком, второй раз, на общих основаниях. А издевательство выражалось вот в чем: несмотря на то, что я был фронтовиком, гвардии майором, нас приравнивали к мальчишкам-десятиклассникам выпуска начала пятидесятых годов, которым все равно было куда поступать, лишь бы сдать и успокоить папу с мамой: хоть в

артиллерийскую, хоть в ветеринарную академию. Многие из них потом, не выдержав трудностей учебы, пачками вылетали из академии за неуспеваемость и за плохую дисциплину, к ней они не были готовы.

А у приемной комиссии, вероятно, ко всему был один подход: безупречные знания. Конкурс по баллу и уже при наличии одинакового балла, члены комиссии смотрели на анкетные данные.

Усадили меня для собеседования за длинный Т-образный стол в его основание, а напротив и вокруг меня сидело человек семнадцать специалистов, военных и гражданских, во главе с председателем приемной комиссии. Собеседование (хотя односторонний допрос вряд ли можно назвать этим словом) проходило в нервной обстановке. Сначала я отвечал по математике: отвечал хорошо, ни в чем не запутался, но, видимо, я им чем то не приглянулся, до сих пор не знаю почему? - Решили погонять по физике. Основные положения я знал хорошо, но меня дополнительно стали спрашивать об основах радиотехники - и не просто ее принципах, а почти все основные положения, то есть фактически материал первого курса академии. "Подловили" меня однако, как часто бывает, на сравнительно легком: на законе Джоуля-Ленца. Посоветовавшись для приличия с членами комиссии, председатель сказал:

- Товарищ майор, Вам придется сдавать экзамены на общих основаниях.

Тут меня взорвало, я не сдержался:

- Товарищ полковник,- говорю,- издеваться над собой не позволю, мало того, что допрашивали более часа, надо спрашивать еще, а если считаете неподготовленным - отчисляйте!

Он молчит. Я спросил:

- Разрешите идти?

Опять молчание. Развернулся я кругом и прочь из аудитории... Следом за мной вышел начальник нашего подготовительного курса и начал меня успокаивать:

- Вы, товарищ Горелкин, подготовлены хорошо, должны быть приняты, и справитесь, конечно, с нашим сложным и напряженным академическим курсом.

- Так в чем же дело?- спрашиваю я его, а сам еле сдерживаюсь, чтобы не наругать, душа танкиста так и просится в лобовую атаку, без всякого обходного маневра.

Полковник, видя мое возбуждение, разоткровенничался (душевный и хороший он был человек):

- Понимаешь в чем беда - уж очень много медалистов - уже шестнадцать прошли, ты семнадцатый, а без экзаменов приняли только одного, да и только потому, что он порученец командующего. Вас же за этот месяц, что вы были на наших сборах, мы изучили, все преподаватели поставили вам "кресты", то есть вы человек способный.

Я начал успокаиваться, стою думаю: поставил бы я вам всем кресты с перекладиной посередине, только и забот у вас об успеваемости, а что за человек стоит за этой двойкой или пятеркой - Вам не к чему!

А ведь человек столько лет строил планы, надеялся, мечтал и так упорно работал. И из-за кем-то запланированного провала на собеседовании я должен отказаться от всего этого?! Нет, ни за что! Я вспомнил вечернюю школу, как меня в нее не принимали сначала в десятый класс, так как ранее я учился в техникуме. Вспомнил занятия по ночам, какого упорства и напряжения стоило окончить школу с медалью. Вспомнил жену, как она помогала мне, сидела зубрила вместе со мной, подхлестывала мое самолюбие, подбадривала. Как она гордилась моими успехами в школе. Признать свое поражение, это значит предать ее, самого близкого, самого родного мне человека, предать ее веру в меня.

Что бы там ни стало, я прорвусь через бюрократические (в лучшем случае) порядки и поступлю в академию. Все это мгновенно пронеслось у меня в голове и полковнику - начальнику подготовительного курса я просто и тихо сказал:

- Совестно мне к своим друзьям танкистам побитым возвращаться. Они меня знают и школу нашу вечернюю знают, и как я упорно занимался, помогал товарищам по математике, как шел на медаль. Они подумают, что ж за комиссия в этой академии?... Я уверен в своих знаниях и буду сдавать экзамены, и обязательно поступлю.

Полковник как-то по-новому посмотрел на меня и пожелал удачи.

Вот так и пришлось сдавать второй раз. Памятуя о том дерзком ответе на собеседовании, преподаватели дотошно проверяли меня по всем предметам, труднее всего пришлось по физике и на этот раз. Даже на мандатной комиссии ее председатель счел нужным сказать:

- Вы, товарищ Горелкин, все экзамены сдали успешно, кроме физики, по ней же Вы получили неудовлетворительную оценку!

И все, больше ни слова. Очевидно хотел еще раз ущемить мое самолюбие. Но я сдержался и в полемику с ним не вступил, стоял с опущенной головой, нервы были напряжены до предела. Вышел с мандатной комиссии не солоно хлебавши. Ну, что ж подумал, придется все-таки ехать домой ...

Собрали нашу группу для объявления результатов решения мандатной комиссии. Сначала зачитали список отчисленных, потом с зачислением условно (это тех, кто получил одну двойку не по основным предметам, с последующей пересдачей в первом семестре обучения). Ни в одном, из двух зачитанных списков, моей фамилии не было. Подошел я к начальнику факультета, обратился к нему с вопросом: "Как дальше мне поступить?" Он мне говорит, что я принят в академию! "А как же по физике?" - Спрашиваю. А он мне отвечает: "А у вас удовлетворительная оценка - балл 2,7.." Ну, думаю, запутались вы тут с этими баллами так, что и сами не поймете, где хорошо, а где плохо...

И так моя мечта и желание моего наставника полковника Щербы о поступлении в академию сбылась, я с огромной радостью сообщил ему об этом...

Писал я ему и в 1976 году, когда мне присвоили звание генерал-майора, он был в это время уже в отставке и тяжело болел, дни его были сочтены. Он был очень рад моим успехам в службе и в письме последнем, предсмертном признался, что хотел бы видеть своего сына

Анатолия - продолжателем семейной традиции, офицером, образованным специалистом высокого класса. Эта мечта его так же сбылась (уже после смерти): майор Анатолий Дмитриевич Щерба в 1983 году успешно окончил Радиотехническую академию (ту, в которой когда-то учился и я, куда так упорно готовил меня Дмитрий Корнеевич). Анатолия назначили на высокую должность. Как-то увидел я его и как будто вернулся назад - лет так на тридцать: те же черты лица, та же осанка, походка, голос, то же все, что у отца, только Анатолий ростом чуть выше...

Да, время неумолимо, оно уносит от нас не только молодость, но и друзей, и когда мы с грустью и затаенной гордостью смотрим на свою смену, детей и внуков своих, то бываем по-настоящему счастливы, если наша смена достойна своих отцов и дедов, если они становятся не только продолжателями, но и носителями семейных традиций, семейной чести. Именно поэтому полковник Щерба был по-настоящему счастливым человеком.

Сбылась моя мечта: получить высшее образование. Как в наши молодые годы стремились к этому офицеры фронтового поколения!

Все, буквально все, кто остался в кадрах армии, готовились к поступлению в ВУЗы военные или гражданские, очные и заочные. Но многим из-за необходимости обеспечения боевой готовности подразделений и частей, многочисленных зональных отборов и конкурсов, не давали возможности сделать это. Были и такие офицеры, которые по несколько раз добивались разрешения сдавать экзамены, но успеха не имели. В середине пятидесятых годов большинство из них были уволены в запас в связи с сокращением личного состава Вооруженных Сил, а жаль - это были прекрасные военные кадры. Я имею возможность и право сравнивать отношение к службе, стремление к учебе, самостоятельному решению задач, переносу больших физических нагрузок тех фронтовых офицеров, которые были уволены - с нынешним поколением и, увы, многие параметры показывают в пользу первых. Боевой опыт трудно восполнить какими бы ни было максимально приближенными формами боевой подготовки...

Артиллерийская Радиотехническая академия была, пожалуй, одним из самых популярных военно-технических ВУЗов. Все новинки науки и техники, все передовое изучалось здесь. Академия имела опытные высококвалифицированные кадры, отличную учебно-материальную базу.

Уровень подготовки слушателей нашего курса был неоднороден: было много бывших фронтовиков, людей, успевших позабыть за трудные окопные годы то, что когда-то учили в школе. Но они были упорны и трудолюбивы, они истосковались по учебе, хотя фактически начинали учиться заново, почти с нуля. А учиться было трудно. Учебная программа была рассчитана на знания, которые, по идее должна была дать слушателям школа, только вот школу все наши слушатели кончали в разное время. Приходилось много заниматься самостоятельно, нам нужны были твердые знания. Это желание породило настоящий энтузиазм в освоении всего нового, передового в науке, энтузиазм в ту

пору трудную, был просто необходим. Те, кто не сумел мобилизовать все свои силы, не сумели преодолеть длительный, учебный марафон в шесть лет - бывало отчислялись даже с последних курсов.

Очень многое, конечно, зависело и от преподавателей, от их понимания неоднородности слушателей, где рядом сидели вчерашний школьник и фронтовик. От их умения перестроиться, от их терпения и понимания наших трудностей. Кое-кто из них терялся, нервничал, сбивался на школярство, но к счастью большая часть профессорско-преподавательского состава представляли высокообразованные, интеллигентные люди, всей душой стремящиеся помочь нам. Они старались ясно и конкретно освещать сложные вопросы, давали консультации и вели факультативы, не считаясь с собственным временем, а ведь у каждого были семьи. Такие преподаватели пользовались у нас большим уважением и любовью, которую мы сохранили на многие годы.

Учебный процесс в академии был четко спланирован, отработан долгими годами ее существования.

В академии практиковались чтение слушателям докладов (иногда публичных) на отдельные технические и военные темы (по избранной специальности), обязательно связанные с наиболее современными и прогрессивными точками зрения. Это расширяло круг наших интересов и знаний, освещало ряд вопросов, не предусмотренных учебной программой, помогало четко формулировать мысли, приучало к выступлениям перед большой аудиторией слушателей, иногда весьма критически настроенной, что несомненно было полезно будущим командирам и военным инженерам. Немаловажное значение для нас имела и практика в войсках. После окончания очередного курса мы выезжали на месяц-два в части, где каждый назначался на определенную должность, с точно обозначенными обязанностями, и нес за них полную ответственность. Каждому слушателю давалось задание из тематики военно-научной работы, по которой он должен был подготовить реферат или разработать методику по отработке наиболее сложных тем боевой подготовки в войсках. Так, мною, в 1959 году на стажировке была подготовлена методическая разработка: "Ориентирование зенитно-ракетного комплекса в различных условиях обстановки", которая долгое время использовалась в подразделениях и частях войск ПВО.

В академии мне пришлось изменить и своей прежней военной профессии офицера Бронетанковых и Механизированных войск. Факультет наземной артиллерийской разведки был ликвидирован и я решил перейти на факультет зенитно-ракетных войск. Дело было новое, перспективное. С большим усердием, но недолго мы проучились в Радиотехнической академии. Весной 1957 года была создана новая академия ПВО. Отбор на зенитно-ракетный факультет производил начальник факультета генерал Михайлов. В новую командную академию перешла вся наша группа, многие офицеры (в основном фронтовики) из других факультетов также изъявили желание на переход.

Создание этого высшего, командного военно-учебного заведения было продиктовано веянием времени. В Войска ПВО страны стали

поступать на вооружение сложнейшие зенитно-ракетные комплексы, которые по своей эффективности в десятки раз превосходили зенитную артиллерию, на смену которой они поступали. Командные пункты и пункты наведения истребительной авиации оснащались аппаратурой автоматизированного управления. Радиотехнические войска получали новые, более совершенные радиолокационные станции, объединенные единой системой управления.

Жизнь требовала массовой подготовки высококвалифицированных военных кадров для использования новой техники, ее применения и обучения личного состава. Мы без промедления приступили к занятиям. После Радиотехнической Академии учиться здесь было значительно легче и интереснее. Нас поразила, царящая в Академии атмосфера дружелюбия: преподаватели не только спецдисциплин, но и общеобразовательных предметов относились к нам, как равным, даже больше, как к будущим коллегам, иногда обращались к нам за советом по методике изложения сложных тем подготовки. Безусловно, слушатели в командной академии были более однородны по своему составу и в больших званиях: в основном майор, подполковник, до Академии они занимали высокие должности и к учебе относились с большим усердием. Сказать, что к нам предъявляли заниженные требования - нельзя. Одна Елена Ивановна Иванова - преподаватель по высшей математике, чего стоила. Многих из нас заставила она изменить отношение к своему предмету. Она умела преподнести материал так, что все мы в конце, концов поняли всю прелесть и гармонию математической логики, ее строгую закономерность. Она сумела внушить нам, что высшая математика не самоцель, а инструмент освоения любой другой науки и предмета. Как поистине увлеченный человек, она умела увлечь и нас, зарядив своей неистребимой любовью к функциональным рядам и интегралам. Звучал звонок, а нам - замороженным, не хотелось с ней расставаться. Большой группой мы и на перерыве продолжали полемику по затронутой ей теме...

После таких занятий, знания, конечно, у нас были прочные. Именно математика помогла нам в овладении другими прикладными дисциплинами и спецкурсами.

Зенитно-ракетный комплекс, автоматизированные системы управления мы знали в совершенстве: могли работать за всех лиц боевого расчета, производить регламентные работы и настройку аппаратуры. А уж в ракетной стрельбе, знании Правил стрельбы, Объяснительной записки к ним, мы, кажется, превзошли самих преподавателей. Поймать нас на неправильном выполнении задачи или ее обосновании, было просто невозможно.

Иногда, подводя мысленно итоги долгой службы в Вооруженных Силах, я думаю: "Что вынес из академии? И сам себе отвечаю очень многое". Моя жизнь сложилась так, что я не мог получить систематического среднего образования, однако все эти годы я тянулся к знаниям, хотел расширить свой кругозор. Возможность получить военное академическое образование прямо соответствовало моему

желанию с наибольшей отдачей посвятить жизнь служению Родине. Быть настоящим ее защитником.

Когда я себя спрашиваю, что дало мне больше: фронтовая практика или академическая теория, я не могу однозначно ответить на этот вопрос. И то и другое органично переплелись, дополнив друг друга, слилось воедино и уже трудно разобрать: подсказывает мне решение фронтовой опыт или точный академический расчет.

Уже в стенах академии, сопоставляя увиденное на фронте с услышанным на лекции, я еще раз убеждался, что ведение боевых действий, это и наука и искусство, причем искусство сложное, требующее не только серьезных знаний, но и их творческого применения. И как каждое искусство, делящее своих создателей на истинных творцов и творческих исполнителей, не терпит бездумных руководителей.

Я считаю, что академия дала мне серьезную военно-теоретическую подготовку, расширила кругозор, научила пользоваться справочной литературой на любом уровне. А в наш век, век все ускоряющегося технического прогресса, это просто необходимо. Особенно пригодились знания и навыки, полученные в академии, позднее, в период моей службы в Московском округе ПВО. Снова и снова вспоминаю я с благодарностью родную академию: те знания, что я получил в ее стенах, сослужили мне добрую службу, иногда я, не задумываясь, пользовался ими, иногда отталкиваясь от них, поступал по другому, но уже взвесив все обстоятельства.

Время меняет людей, меняются зенитно-ракетные комплексы и автоматизированные системы, приходит на вооружение новая, более грозная и совершенная техника, такая, о которой в суровые годы войны мы не могли даже и мечтать, а с ее приходом меняется и боевое применение и методы решения тактических задач. Но прочные основы знаний, полученных мною в академии, помогли мне в период долгой службы в Войсках ПВО разбираться в поставленных задачах.

Должен добавить, что академия дала мне не только твердые теоретические знания и знание техники на уровне военного инженера, из ее стен я вынес уверенность в гибельности рутины, в необходимости творческого применения полученных знаний, неприятия всякого рода шаблонов.

Спасибо тебе, родная академия, спасибо за все! Мы, твои первые выпускники, не подвели своих преподавателей и руководителей. За большие заслуги в подготовке офицерских кадров и вклад в развитие военной науки Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 декабря 1981 года, Военная командная академия противовоздушной обороны имени Маршала Советского Союза Жукова Г.К. награждена орденом Красного знамени.

Питомцы академии, занимая различные командно-штабные должности в управлениях, соединениях, частях и подразделениях ПВО, с честью выполняют важнейшую задачу обеспечения постоянной боевой готовности, несут боевое дежурство по охране мирного неба Отчизны. Тысячи положительных отзывов, получаемых командованием академии

из воинских частей, где проходят службу ее выпускники, свидетельствуют о том, что они вносят огромный вклад в дело дальнейшего совершенствования противовоздушной обороны, боевой подготовки, обучения и воспитания личного состава Войск ПВО.

Значительное количество выпускников стали генералами, являются командирами соединений, частей, учеными; сами обучают и воспитывают слушателей и курсантов в стенах многих военных академий и высших училищ Министерства обороны.

За достижение высоких показателей в боевой учебе, освоении новой боевой техники, успешное выполнение заданий, сотни выпускников удостоены правительственных наград.

С первых дней самостоятельной работы в частях выпускники академии показывают высокую профессиональную подготовку, глубокие военно-теоретические и практические знания. Умело строят работу по обучению и воспитанию подчиненных. О качестве подготовки слушателей свидетельствует продвижение их по службе после окончания академии. Большинство выпускников за сравнительно короткое время прошли должности командиров подразделений, частей, соединений, начальников родов войск и офицеров штабов.

Мои однокурсники служили в сложных условиях Заполярья, выполняли интернациональный долг по оказанию помощи дружественным армиям. Возглавляли Высшие военные учебные заведения. Семь однокашников стали генералами: генерал-полковник Дмитриев В.С.; генерал-майоры: Абрамов Н.В., Вундер В.Ю, Горелкин А.Г., Рылеев Г.Ф., Тихонов В.В., Цаликов Д.Н.

При распределении выпускников после окончания академии не обошлось без курьезов. Меня, как краснодипломника, вызвали одним из первых с правом выбора (по положению) места назначения. Кадровики мне предложили должность начальника штаба зенитно-ракетного полка в Московском округе ПВО. Казалось бы вот повезло, чего же лучше желать, совсем близко к родному дому. Однако это меня не устраивало. Хотел получить только командную должность, кроме того, и это, пожалуй, самое главное: зенитно-ракетный комплекс, на который меня назначали, был мне совершенно не знаком. Изложил я свои просьбы и доводы, кадровики пошли навстречу и предложили заместителем командира зенитно-ракетного полка в Заполярье. Я с удовольствием согласился.

Однако, сразу возникла проблема: куда деваться семье (жене с двумя ребятами)? Туда, куда меня назначали, с семьями ехать было нельзя!

- Ну, что, подполковник, задумался?- спрашивает меня председатель комиссии.

- Да вот какие заботы меня одолевают,- отвечаю,- предложите место, чтобы вместе с семьей быть, согласен буду ехать, хоть на край света.

- Езжайте в Подмоскowie, жалеть не будете. Подготовка у вас хорошая, сумеете все освоить быстро, да и с жильем - никаких проблем, сразу получите квартиру.

Последний довод был немаловажный, надоело за долгие годы учебы в академиях мотаться по чужим углам.

Размышления были окончены, решение принято. Так, я был назначен в одну из частей Московского округа ПВО, вместе со мной в этот округ получили назначение и мои друзья: Дмитрий Зорин, Степан Одегов, Юрий Осипов.

Глава четвертая РАКЕТЫ В ПОСТОЯННОЙ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ

В июле 1960 года я прибыл в соединение, которым командовал Герой Советского Союза генерал-майор артиллерии Ковтунов Г.Н.

В кабинете генерала я встретился с командиром полка, к которому и назначался начальником штаба. Подполковник Коваленко был вызван в штаб соединения по весьма щекотливому вопросу и был очень расстроен, так, что первая наша встреча была не к месту и некстати. Короче говоря, ему было не до меня. Разговор с командиром соединения для него был не очень приятным (на командира полка была написана жалоба). Я попал уже на завершение неприятной аудиенции. Генерал Ковтунов был очень недоволен тем, и справедливо, что командир полка подполковник Коваленко сам не мог решить какие-то вопросы.

Я доложил командиру соединения о своем прибытии для дальнейшего прохождения службы и был им сразу же представлен подполковнику Коваленко. Виталий Владимирович сухо поздоровался со мной и предложил вместе ехать в часть.

Сели в "Победу", поехали с ветерком. Командир полка сидел сзади меня и вел негромкий разговор с женой одного из офицеров части, которая и написала на него жалобу.

Бывает же такой тип женщин, что им пожаловаться на человека, тем более на руководителя большого коллектива, поставить его в неловкое положение, все равно, что на концерт сходить, им это доставляет удовольствие. Так я понял из их разговора. Наша попутчица вела беседу оживленно, я бы даже сказал - весело, с вдохновением. Виталий Владимирович человек находчивый, за словом в карман тоже не лез и никак не показывал обиду на собеседницу. И, если бы я не знал сути этой беседы: жалобу, то можно было подумать, что это встретились самые лучшие друзья, которые возвращаются с какой-то приятной встречи и очень довольны друг другом.

А командир полка, через год, когда я уходил на должность командира соседней зенитно-ракетной части, признался: веду банальный разговор с этой особой, а сам думаю, плохо встретил нового начальника штаба, своего первого заместителя, наверное обиделся на меня, как сел в машину, не шелохнется, а офицер видно ничего - фронтовой. Приедем в часть, нужно будет поправить дело.

Подполковник Коваленко был редкого дарования командир. Он и заместителей подобрал таких, которые знали свое дело в совершенстве, как и он, тонко чувствовавших пульс жизни части. Даже в отсутствии командира, тот из заместителей, который оставался за него (у нас в полку по штату не было первого заместителя - общего), делал все так, как это бы делал сам Коваленко. Он сумел сплотить офицерский коллектив для решения задач боевого дежурства, выполнения планов боевой подготовки, воспитания личного состава. Между заместителями была атмосфера дружбы, взаимопонимания и помощи.

Виталий Владимирович был очень внимателен ко мне. С приездом в военный городок Коваленко еще больше расположил меня к себе

своим вниманием: сразу же решил квартирный вопрос, дав комнату в гостинице, сам ознакомил с обязанностями начальника штаба, показал работу незнакомого для меня зенитно-ракетного комплекса. На командном пункте подготовил учебную задачу и сам за стреляющего выполнил ее, причем отстрелял так виртуозно, что казалось он видит экраны наведения даже затылком. Я внимательно следил за работой всего расчета командного пункта, поговорил и обменялся мнением с личным составом группы контроля, производившей оценку стрельбы. Мне, выдавшему виды различных стрельб и зенитно-ракетных, и артиллерийских систем, можно сказать, знатоку стрельбы, пришлось в тот раз признаться, что я был ошеломлен таким блестящим выполнением задачи. Я подумал, наверное, так не смогу никогда научиться виртуозно командовать и управлять боем полка. В этом я чистосердечно и признался. Мои признания пришлись по душе командиру. Он удовлетворенно хлопнул меня по плечу. Затем дал команду расчету перейти в готовность постоянного боевого дежурства, а мне попросту сказал:

- Ничего страшного, я уверен, что через полгода и ты будешь стрелять как я, а потом, может и лучше. Видел, как ты смотрел за действиями офицера наведения, да и при разборе отработанной задачи сделал дельные замечания группе контроля и понял: из начальника штаба будет стрелок.

Для себя я сделал и другой, может самый существенный урок и это доказал подполковник Коваленко своей блестящей стрельбой: в таком комплексе, который мне нужно было осваивать, успех в выполнении задачи более чем на половину зависит от стреляющего, командира полка.

Прошло с той поры не один десяток лет, но всегда помню свое первое ракетное крещение на командном пункте, не учебного, а боевого комплекса, который в любую минуту опасности, готов выполнить боевую задачу по уничтожению реального воздушного противника. Многие я перенял от своего командира полка и старался следовать его рекомендациям и методике подготовки ракетчиков. Во многом потом это мне удавалось.

И еще одно признание запомнилось мне на всю жизнь. Прошло всего несколько дней, как я начал выполнять обязанности начальника штаба полка. Я еще не был допущен к самостоятельному несению боевого дежурства, а проходил только стажировку в дежурной смене. Как-то рано утром, с разрешения командира полка, в воскресенье, пошел в лес с женой за грибами. 1960 год был такой грибной, что за час можно было до сотни "белых" набрать, не удаляясь далеко от военного городка. Собираем грибы и, вдруг, загудела "Боевая тревога". Бросаю все и бегом на командный пункт. Прибежал, а мне сообщили, что командир части решил проверить боевую готовность дежурной смены, поэтому и была включена сирена.

Подполковник Коваленко увидел меня и сказал:

- Александр Григорьевич, я же вас отпустил, зачем прибежал?

А у самого глаза от удовольствия светятся. Уж больно по душе пришлась ему моя забота о деле, о боевой готовности части. И если бы у

него были сомнения в моей преданности своему делу, то тут они рассеялись совсем. Виталий Владимирович в последующем полностью доверял мне самые сложные дела и никогда не проверял, знал, что все будет выполнено наилучшим образом. Я чувствовал это, высоко ценил его доверие, желание было, как можно лучше выполнять свои обязанности, поддерживая постоянную боевую готовность.

У Виталия Владимировича и его супруги Надежды Афанасьевны была большая и дружная семья: дочь и три сына. Сыновья все пошли по стопам отца, стали офицерами-ракетчиками. С какой нежностью и любовью он о них говорил, особенно о младших, годовалых-двойняшках. Звал он их по своему: Сашка и Валет (Валерий). Когда им не было и двух лет, он придумывал для них различные военные игры, которые воспитывали смелость, быстроту реакции, физическую закалку. Ребята выросли на загляденье.

Очень не хотелось мне было уходить из этого, сплоченного коллектива, но впереди была самостоятельная работа на должности командира зенитно-ракетного полка, к которой, благодаря Коваленко, я был вполне подготовлен. Мой наставник первые годы моего командования часто ко мне заезжал, расспрашивал обо всем. Дела в полку, которым я командовал он знал не хуже меня, советовал и помогал в решении тех проблем, с которыми я не мог справиться сам, особенно с укреплением воинской дисциплины. Его приездам был всегда рад, они для меня были праздниками.

Войска Противовоздушной обороны отличаются от остальных войск тем, что в мирное время для Отчизны, они всегда на передовой. Постоянное боевое дежурство подразделений, частей и соединений накладывает свой отпечаток на всю деятельность офицеров и всего личного состава. Вся подготовительная работа: тренировки и прием зачетов на право войти в состав дежурной смены, воспитательные мероприятия, направлены на разъяснение личному составу их особого положения и места при выполнении боевой задачи.

Это является основой жизни и деятельности таких частей. Поддержание техники в исправном состоянии, сокращение сроков приведения ее в боевую готовность, чтоб упредить возможного воздушного противника, повышение живучести элементов боевого порядка, высокая выучка личного состава, вот на что было устремлена вся наша деятельность.

Воспитательная работа с личным составом тоже по-своему организуется на боевом дежурстве, для этого в дежурные подразделения назначаются штатные и нештатные пропагандисты, у них отдельные планы, увязанные с общей жизнью и деятельностью подразделения и всей части, но и отражающие свою специфику: поддержать, сохранить постоянную боевую готовность в любое время суток, при любой погоде и времени года, эффективно использовать силу своего грозного оружия. Необходимо было привить всему личному составу дежурных подразделений, что они несут личную полную ответственность перед страной за состояние боевой готовности, на том участке дежурства, куда

он, номер расчета, отдан боевым приказом. Нарушение несения боевого дежурства определялось, как не выполнение приказа в военное время, с вытекающими отсюда последствиями.

Большие заботы у командира и его заместителей по материальному обеспечению дежурных подразделений. Им выделяется самое лучшее в оборудовании помещений, обеспечивается усиленное питание; то есть все направлено на то, чтобы личный состав выполнял боевую задачу, чувствуя особое свое положение: стоять на передовом рубеже, защищая воздушное пространство нашей Родины.

Соревнования в подразделениях и частях организуется также целенаправленно, особое место занимают состязания стартовых расчетов по переводу ракет из различных положений в боевое, офицеров и операторов наведения, и ручного сопровождения (РС) - в согласованной работе по захвату и сопровождению целей. Лучших операторов и других номеров боевого расчета знают не только в своих частях, их знают во всем округе ПВО.

Самые лучшие результаты достигаются при подготовке личного состава непосредственно на рабочем месте, на боевой аппаратуре. Здесь очень важно, как и у спортсменов высокой квалификации, знание и освоение всех приборов, дателей, с которыми он соприкасается, те, что использует при боевой работе. Даже сиденье оператора, на котором он сидит и то должно быть индивидуальным, подогнанным им самим для себя. Все это имеет решающее значение на точность и быстроту работы, и, в конечном результате - эффективности выполнения боевой задачи.

Обучение на боевых комплексах ведется на завершающем этапе обучения и проверке расчетов на допуск к несению боевого дежурства. В ходе же постоянных тренировок и на первоначальном обучении, в силу сбережения ресурса дорогостоящей боевой аппаратуры и техники, экономии электроэнергии, широко используются тренажеры.

Создать тренажер, а тем более комплексную тренажерную аппаратуру, объединенную в единый комплекс, для решения всех задач подразделения и части, дело сложное и ответственное. Все начальники это понимают до Главномандующего Войсками ПВО включительно и постоянно направляют работу рационализаторов и природных умельцев на решение этой ответственной задачи. Для распространения и внедрение лучших образцов устраиваются выставки. Лучшие рационализаторы отмечаются дипломами, награждаются ценными подарками. Многие имеют медали ВДНХ. В 1985 году, наши умельцы, под руководством талантливого изобретателя подполковника Варшавчика Ю.Л. сделали чудо тренажерный комплекс, который был признан всеми ракетчиками в ПВО. Использование новой тренажерной аппаратуры на учебно-тренировочных полигонах (УТП) позволили нам значительно сократить первоначальное обучение номеров боевого расчета, производить комплексное слаживание, выполнять сложные виды тренировок по малоразмерным и маневрирующим целям, целям в широком диапазоне применяющих различные помехи и другие цели.

И все же венцом подготовки, готовности полка выполнить боевую задачу, являются боевые зенитно-ракетные стрельбы на полигоне.

Работая вместе с подполковником Коваленко, я внимательно следил за тем, как он организовывал выезд части на полигон. Виталий Владимирович давал не только распоряжения, но и лично контролировал, как шли дела у операторов и стартовиков, заглядывал к водителям, бывал и на продовольственном складе. Опыт подсказывал, что перед отъездом нельзя упустить ни малейшую мелочь. В дороге и на полигоне все пригодится. Мне он подсказал заранее составить список всего необходимого и нашел время проверить все ли было в него внесено.

Командирам дивизионов было приказано проверить для каждой пусковой установки, каждой боевой кабины не только наличие инструмента (ЗИПа), но даже двойного комплекта запасных лампочек, переносок, различного рода смазок, моющих средств и всего, что необходимо для жизни воинского подразделения и ведения боевых действий, проведения боевых стрельб. Вместе с ним я побывал в каждом подразделении и не переставал удивляться тому, с какой дотошностью командир части проверяет их готовность к выезду на полигон.

Время выезда на полигон в планах боевой подготовки не определялось, с целью поддержания постоянной готовности к выполнению этой ответственной задачи, поэтому приходилось постоянно держать их в напряжении, тем самым мы повышали и постоянную боевую готовность части в целом.

Для меня это была первая подготовка к боевым стрельбам на новом месте службы. Ожидание, внезапность выезда, вызывало какую-то нервозность и Коваленко заметил это:

- Не волнуйся, начальник штаба,- обратился он ко мне - на тебя подчиненные смотрят. Я тоже переживаю. А как же! Но надо уметь владеть собой. У нас еще в дороге будет время и мы еще раз все пересмотрим, отработаем все вопросы, в том числе, и по которым стреляющие опрашиваются на полигоне. Электроника любит знания и точность.

Наконец поступил приказ о выезде на полигон. Застучали колеса, ехать нужно было не одни сутки. С каким трепетом и радостью я пережил пребывание в теплушке, вспомнив войну и фронтовую молодость. Когда наступала ночь и все хлопоты походной жизни несколько уменьшались, мне снился то полет ракет, а то и фронтовая танковая атака.

На полигон прибыли утром. Эшелон с техникой и личным составом остановился на степном полустанке. И здесь командир полка оставался верен своим принципам: вручил командирам подразделений тактическую вводную на совершении марша в позиционный район.

На марше отрабатывались вводные по уничтожению диверсионных групп, преодолению участков заражения, рассредоточению и укрытию личного состава и техники, и другие мероприятия. Солдаты, сержанты и офицеры работали увлеченно, значительно перекрывая нормативы.

Вся работа на полигоне похожа на действия хорошо подготовленной, большой по численности, команды. Человеку, не

занятому этой вихревой, азартной работой, а только наблюдающему или проверяющему боевую работу, трудно устоять на месте, невольно хочется помочь не словом, так делом, даже на лице отражается успех или неудача...

Третий этап, непосредственная стрельба на фоне тактических учений, мною в последующем повествовании еще не раз будет описана. О боевых ракетных стрельбах можно написать много, так как конечный результат всей подготовки ракетчиков определяется в конечном итоге боевыми пусками ракет. За эти годы, много раз, на различных должностях приходилось мне выполнять на тактических учениях с боевой стрельбой и обязанности стреляющего, и руководителя стрельб. Хочу отметить, что все категории ракетчиков проводят многочисленные тренировки и очень серьезно готовятся к этому испытанию, поскольку это является основой поддержания высокой боевой готовности зенитно-ракетных частей и подразделений. Однако, никакой предварительной подготовкой, никакими даже самыми лучшими тренажерами невозможно создать ту психологическую обстановку, то нервное напряжение всего боевого расчета, которая бывает на боевых стрельбах, тогда, когда в полете бывает реальная, боевая ракета.

Пока инструкторский состав замышляет, как похитрее создать мишенную обстановку, расчет не находится на своих местах по боевому расписанию, они находятся в укрытии. Все сосредоточены, обдумывают каждый свое: различные возможные отказы техники, как устранить неисправность, какой использовать ЗИП, а то, всплывает вдруг в сознании совершенно мирная деревенская речка с ее зелеными берегами... Руководители групп дают последние наставления.

Последние минуты до сигнала: "Готовность номер один!" Говорить и отвечать на вопросы не хочется и, обычно, то, что говорят старшие начальники до сознания исполнителей не доходит (и так все ясно, все еще раньше отработано до автоматизма).

Сигнал готовности воспринимается, как неожиданный раскат грома, редко кто из присутствующих не вздрагивает при этом.

После сигнала спадает нервное напряжение, расчет занимает места по расписанию. Начинается включение аппаратуры. Отовсюду идут доклады. Все докладывают согласно "Наставлению по боевой работе" и этот ритмичный, согласно отсчету времени "шум" имеет определенное значение для оценки состояния подготавливаемого комплекса к стрельбе.

Знающему руководителю и стреляющему достаточно слышать, что докладывают по громкоговорящей связи, чтобы определить все ли идет нормально, и как может отразиться на готовность к стрельбе, доложенная та или другая неисправность.

Контроль функционирования идет, а на планшетах и экранах радиолокационной разведки появились воздушные цели "противника". Вот они подходят к рубежу постановки задач...

Накал боя нарастает. Количество информации увеличивается, голосов более десятка, всех нужно услышать, на все надо своевременно

ответить и выполнить распоряжения. В спокойном, четком и уверенном "хоре" видно мастерство дирижера и слаженность боевого расчета.

Когда готовишь разбор тактического учения с боевой стрельбой и прослушиваешь записанную пленку, все этапы проведенных мероприятий и работа расчета становятся ясной: видны все промахи, неточности, ошибки.

Но контроль функционирования, это только, так сказать, разминка...

Вот уже все доложили, что все звенья комплекса боеготовы. Все табло на панелях аппаратуры горят зеленым цветом, Лишь кнопки "Пуск", как сигнал опасности - красным, но и этот "красный" тоже вселяет спокойствие: ракеты исправны, к боевому пуску готовы.

Цели коварны, особенно с малой отражающей поверхностью и цели, прикрытые помехами. Здесь все зависит от подготовленности офицера наведения и операторов кабины боевого управления.

Хороший офицер наведения пользуется большим уважением и я, скажу даже, славой. Для нас - ракетчиков, это тоже, что летчик на истребителе-перехватчике.

В моей памяти остались два классных наведенца, разных поколений офицеров, разных зенитно-ракетных систем.

Первый. Старший лейтенант Голубев Александр Андреевич. Родом из Горьковской области, человек с завидной выдержкой и стойкий при возникновении различных ситуаций боя. За его спиной, ты, стреляющий, чувствуешь себя уверенно, надежно: Саша не подведет!

Дважды мы с ним сдавали трудный экзамен на боевых стрельбах и оба раза на отлично по всем составляющим.

Голубев стал одним из первых "мастеров" боевой квалификации в Московском округе ПВО. Окончил Радиотехническую академию. Более двадцати лет мы вместе с ним работали бок о бок. Он был начальником штаба полка, потом командиром. Полковник Голубев Александр Андреевич прошел через основные должности ракетчика, а все же, главное, он был офицером наведения, где собирается все воедино и знания, и воля к победе. Я ему по хорошему завидую, мне неведомо чувства наведенца при боевых пусках. При выполнении учебно-боевой задачи мне для защиты классной квалификации "мастер" приходилось выполнять обязанности офицера наведения на многих системах, но это совсем не то, что при реальном пуске и полете боевой ракеты. У нас были случаи, когда офицер наведения, растерявшись, жал до посинения на крышку закрытой кнопки пуска и до одурения орал, что пуск не проходит. Бывали случаи и более курьезные, когда за пять секунд до подхода ракеты к цели наведенец "давал возврат" следящей системе наведения и ракета не выполняла задачу.

Второй. Лейтенант Грищенко Евгений Алексеевич. Родившись в семье военного летчика, он с детства мечтал о этой профессии. С отцом-майором Грищенко Алексеем Васильевичем он и вырос "на взлетной полосе" далеко на востоке нашей Родины. Десятый класс заканчивал на побережье Черного моря, где взлетная полоса подходила вплотную к урезу воды. Воспитанный матерью, Варварой Павловной, в духе

глубочайшего уважения к трудной профессии летчика, он с детских лет "летал" в мыслях вместе с отцом, особенно тогда, когда мать говорила: "Тихо, деточки, помолчите, Женя и Мариночка, слышите ревут двигатели самолета, это папа взлетает! Посидим тихонечко пока он летает, послушаем небо"... А потом, через некоторое время, примерно зная о характере полетного задания отца, слышать гул приближающегося истребителя: вот он выходит на привод, начинает снижение, а вот и коснулся взлетной полосы. Всего, конечно, не видно из окна первого этажа дома, но по смолкающему шуму двигателей, все ясно, все хорошо, благополучно, можно теперь и пошуметь и порезвиться.

Евгений поступил в школу верховой езды, все же ближе к небу. Уважение к прекрасным арабским скакунам, чувство наездника закаляли характер и хоть до полетов, как он думал, еще далековато, можно и на лошадях вполне ощутить и полет и падение. Однажды с тренировки пришел с разбитым лицом после неудачного полета на землю...

А вот дальше, сплошные разочарования...

В летное училище его не приняли, не прошел по зрению, да и другие параметры были не в норме для летчика. Хотел было вообще не связывать свою судьбу с офицерской профессией, но военные друзья родителей посоветовали поступать в зенитно-ракетное училище. Такое училище тоже давало крылья, только этими крыльями нужно было управлять с земли.

Парнишка впечатлительный, он не сразу воспринял правильно армейскую службу, были и разочарования избранной профессией, когда на первом курсе училища получал взыскания от сержантов-командиров отделений за различные упущения, по его мнению незаслуженные.

Лейтенантские золотые погоны он надел без особого вдохновения, больше радовалась за сына его мать Варвара Павловна.

Но! в одном, самом главном, он проявил настойчивость и характер: "Хочу быть офицером наведения!" - И нигде нибудь - а на самом современном комплексе. Старшие, более опытные товарищи отговаривали и, что большие трудности тебя ожидают, можешь не справиться.

- Все перенесу, приложу все силы, выдержу испытание,-говорил он,- дайте такую возможность!... Дали...

Евгений Грищенко прошел через все испытания, которые обычно сопутствуют внедрению новой техники и становлению молодого офицера наведения. Был лучшим наведенцем в соединении, в последующем его назначили на высокую должность, на которой он с большой ответственностью продолжал учить молодых офицеров и операторов, входящих в состав расчета кабины боевого управления.

КОМАНДИРЫ ЗЕНИТНО-РАКЕТНЫХ

Советская армия была школой патриотического возмужания и воспитания подлинного, не на словах, а на деле интернационализма. В ее рядах были представители всех национальностей страны. И родившиеся в ней узы воинской дружбы людей связали многих из них на всю жизнь.

Ярким примером значения армейского коллектива по патриотическому и интернациональному воспитанию молодого человека нашего общества была война в Афганистане. Те военнослужащие, которые прошли это суровое испытание, после увольнения в запас, независимо от национальной принадлежности, где бы они не работали на необъятной нашей Родине - не забывают о друзьях, продолжают дружбу, скрепленную боем и кровью.

Междоусобные распри, свидетелями которых мы были в 1988 году в Армении и Азербайджане - удалось частично погасить при помощи тех бывших военнослужащих, которые были в Афганистане, с трепетом и болью переживавших разнуданные действия отщепенцев-экстремистов. Представители всех национальностей собрались в "горящей зоне", чтобы разъяснить, на деле доказать, как можно дружить и по-братски любить друг-друга.

Суметь максимально использовать возможности армейского коллектива для сплочения личного состава - это тоже составляет постоянную заботу командиров и начальников.

Понятно, что сложность решаемых задач, стоящих перед ними, объективно выдвигает на одно из первых мест вопрос об улучшении форм и методов, самого стиля их деятельности.

Формы работы не могут быть застывшими, окостеневшими. Они нуждаются в постоянном развитии. Я считаю, что думающий воспитатель всегда должен критически проанализировать существующие формы работы, в известном смысле провести их переоценку.

В пору моего становления, как командира-воспитателя большого воинского коллектива, мне очень пригодился тот опыт, которым поделился с нами командир части нашего соединения подполковник Стрельников Владимир Константинович. Речь идет о работе с письмами, которые он лично писал родителям военнослужащих и получал от них ответ. Владимир Константинович говорил, что продолжение воспитания военнослужащего, это семья, школа, армия - цель единого направления работы. Нужно, чтобы это только не превратилось в казенщину, а носило творческий характер. Подполковник Стрельников всегда отличался творческим поиском, новаторством, идущими от реальной жизни. У него был и свой стиль руководства, который он постоянно совершенствовал, был ярким противником проведения различного рода "мероприятий", которые в ряде случаев носили заведомо показной характер. Руководимые им командиры и начальники лучше других сумели соединить отдельные звенья воспитательной работы в единое целое, и в результате их часть неоднократно бывала передовой в нашем соединении и в Московском округе ПВО. Талантливый командир части - ничего другого не скажешь. Он один из первых был награжден боевым орденом Красной Звезды.

Я многое перенял от Стрельникова, особенно методы работы по достижению высокой боевой готовности, умение нацелить весь коллектив на получение звания отличной части. Обобщение и распространения опыта работы передовых частей, было важнейшей заботой командования нашего соединения. Генералы Ковтунов Г.Н.,

Воробьев М.И., Деревягин Н.П., командовавшие нашим соединением в первой половине шестидесятых годов, умели использовать эти резервы и вывести соединение в число передовых в округе. Большую Роль в этих успехах сыграл и политический отдел, который возглавляли генералы Кравец Н.Д. и Долганов А.А.

Вспоминая пору своего становления, я хотел бы еще раз подчеркнуть, что умный, талантливый командир-единоначальник всегда будет замечен старшими командирами и теми, от кого зависит вершить их военную судьбу. Напрасно сетуют некоторые офицеры на невезение и на то, что их не замечают. Подтверждением тому является воинская служба того же подполковника Стрельникова Владимира Константиновича, с которого я брал пример. Знакомство и дружба с ним была у меня с давних пор. Мы вместе с ним учились в суровые годы Великой Отечественной войны в Киевском училище Самоходной артиллерии. Он прошел сложную армейскую службу от командира взвода до Командующего армией, да к тому же, не пропустил многие должности штабного офицера...

В 1982 году я встретился со своим старинным другом, начальником Радиотехнической академии, генерал-полковником Стрельниковым Владимиром Константиновичем, и на правах старой нашей дружбы изложил ему свою точку зрения на везение и невезение в службе, да и заодно высказал свои соображения по организации учебного процесса в академии, в которой когда-то начинал я получать высшее военное образование, и не со всеми формами и методами обучения был согласен.

Владимир Константинович, в ту пору был уже кандидатом военных наук, полностью согласился с моими суждениями по поводу "военной карьеры" и привел ряд примеров на судьбах наших хорошо знакомых неудачников.

А по поводу учебного процесса в Радиотехнической академии выразился так:

- Вот уже год, как я присматривался к учебному процессу. Все, что ты мне рассказал, сходится и с моими выводами. Кое-что мне удалось изменить. Например: начальники кафедр с экзаменационными билетами приходят ко мне на утверждение, а я установил такой порядок, чтобы они, в качестве экзаменуемых, ответили бы мне на некоторые, на какие я укажу, поставленные вопросы в билетах? Сначала они очень возражали против такой постановки утверждения, теперь - привыкли. В результате вопросы, выносимые на экзамены, стали они продумывать со всех сторон...

Прошло несколько лет, как я вступил в должность командира зенитно-ракетного полка. Теперь самому приходилось решать многие вопросы, порой такие, что приходилось привлекать не только знания, но и весь свой жизненный опыт. Но, когда в 1964 году, ко мне обратился корреспондент газеты "Красная Звезда" с просьбой дать материал на страницы газеты, я был озадачен так, что не сразу нашелся, что ему и ответить? Корреспондент заметил мое замешательство и сказал, что мою кандидатуру, как командира части, рекомендовали в политическом

управлении Московского округа ПВО. Мне было приятно, что не из одного десятка командиров частей в округе выбор пал на меня. Но! Когда мне сказали тему: "Партийность советского командира", то наотрез стал отказываться, что мол не справлюсь с этой ответственной задачей, она мне не по плечу, занятость и т.д. Корреспондент был настойчив и обещал помочь, так как в политуправлении округа видно серьезно взвесили и рассмотрели кандидатов для подготовки статьи на такую важную тему и решения менять не будут... Уговорил... Статья: "Партийность советского командира" была опубликована на страницах газеты "Красная Звезда" 14 октября 1964 года. В этой статье были изложены рассуждения и мысли, которые и были положены за основу раздела повествования о командирах зенитно-ракетных частей.

Командовать зенитно-ракетной частью дело не простое, кроме постоянной боевой готовности, остальных всех прочих командирских дел, присущих всем родам войск - у командира зенитно-ракетной части личная ответственность за выполнение боевой задачи, как стреляющего, как номера боевого расчета...

СТРЕЛЯЮЩИЕ

В различных комплексах и системах роль стреляющего в управлении боем не одинакова, но при выполнении боевой задачи и на боевых стрельбах их объединяет одно: не допустить личной ошибки, которая потом окажется роковой, и большой труд, коллектива, которым ты руководишь, из-за тебя, не выполнит поставленную задачу. Причем это будет видно всем, каждому номеру расчета: и офицеру, и рядовому оператору; командир "завалил" стрельбу! Как это можно пережить! И большой труд твоего воинского коллектива, с которым ты делишь и горести и радости, люди, которых ты призывал на отличное выполнение задачи, ее не выполнили из-за тебя!

Как сложна работа стреляющего, на том сложнейшем зенитно-ракетном комплексе, которым я командовал, хотелось бы показать на некоторых фрагментах боевой работы командного пункта во время выполнения одной из задач.

Если представить, что вы находитесь на командном пункте, и учение только началось.

Прошел контроль функционирования всех систем - все к бою готовы.

Появились на экранах радиолокационной разведки отметки от целей. Поскольку целей для стреляющего больше, чем для офицеров наведения, то продолжительность напряженного момента от начала "захвата" и до "уничтожения" целей для стреляющего возрастает...

И вот на планшетах(экранах) цель уже в зоне обнаружения огневых комплексов, а отметок от целей все нет и нет?! Наконец то они появились...

Начинается "захват", но, что это? Никак "захват" не получается? Вроде бы совмещение операторы сделали правильно, а "непослушную"

цель все никак не удается передать на автоматическое сопровождение (АС)... Но вот, наконец, цель "захвачена": "Есть АС" - доложили операторы, да и стреляющему командиру это видно по характеру отметки от цели на экране контроля... Стало легче, половина дела сделана! Теперь не было бы срыва с сопровождения? А если "срыв"? Готовы-ли операторы ручного сопровождения (РС) "подхватить" и вести уничтожение цели при ручном способе управления?!...Все идет нормально! "Срыва" пока нет. Вот и граница "Зоны пуска"... Сигнализация готовности к пуску ракет показывает нормальную работу системы управления стартом, но, вдруг, на табло сигнализации от одной из ракет, назначенной для стрельбы, загорается сигнал: "Срыв с подготовки!" - сразу в голове мысль: "Что там, неисправность? Откуда взять замену?" - Время уходит, цель уже в ближней половине "Зоны пуска". Наконец-то поступил доклад о том, что причина отказа найдена и устранена... Все в порядке!

Пуск!

-Ну, голубушка, ну "оторвись" (ракета), уйди с пусковой установки!... Ага, послушалась... П о ш л а !

Сразу стало легче дышать. Офицер наведения докладывает:

- Есть "захват" ракеты, полет нормальный....

Ох, уж этот ее полет! Образно говоря, можно сказать, что с каждым полетом ракеты улетает несколько лет жизни!.. Заканчивается наведение ракеты на цель, сейчас будет встреча и подрыв ее у цели...Но, опять, что же это такое? При допустимом промахе нет подрыва ракеты у цели, не сработал радиовзрыватель? Значит цель не уничтожена? Можно ли успеть "добавить" и произвести пуск резервной ракеты? Как там, цель еще в зоне пуска? Или уже поздно и "садись на КР" (коэффициент реализации), когда будут стрельбу оценивать по промахам, со снижением оценки за выполнение задачи... И быть тебе битым "именинником" на всех разборах и ракетно-стрелковых конференциях!...

Однажды я был руководителем стрельбы. Стрелял полк, имевший в нашем соединении славу "Непромокаемого", то есть полк, который всегда, при любой неблагоприятной обстановке, успешно решал задачи боевых стрельб. Стреляющий, командир полка, считался лучшим не только в нашем соединении. Я не называю его фамилии, чтобы зря не обидеть человека. Этот случай, о котором мне хочется рассказать, у него был единственным, когда он оплошал. И я его привожу, как пример, который показывает всю напряженность, всю ответственность командира, когда нервная система не выдерживает нагрузки и человек теряется, допускает ошибки. Пусть меня простит, Борис Алексеевич. Я преклоняюсь перед его мастерством, и будь я на его месте в той трудной учебной-зачетной стрельбе, у меня бы могло получиться хуже. Дело в том, что руководитель стрельбы менее скован, чем стреляющий, поскольку он сам не управляет боем и не подает никаких команд. Только в критической обстановке, когда нарушается техника безопасности или ракета выходит из сектора полигона, он или технический руководитель вмешиваются в действия боевого расчета. Поэтому руководителю значительно проще следить за обстановкой и замечать ошибки других.

В тот день, о котором идет речь, зачетная-учебная стрельба велась с условием полного расхода ракет согласно Правилам стрельбы. Расчет командного пункта приступил к пускам ракет. Когда ракеты были уже в полете, сначала отметки от них на экранах были, а потом от одной отметка пропала. По условиям стрельбы нужно было сделать дополнительный пуск ракеты. Борис Алексеевич, замороженный отметкой на экране от первой ракеты, не заметил срыва с сопровождающей другой и не давал команду на добавление, хотя офицер наведения доложил все своевременно! Настал критический момент, когда еще несколько секунд и цель выйдет из "Зоны пуска"...

Левой рукой Борис Алексеевич опирался на пульт управления, а взгляд его был прикован к экранам...Задача была учебной и оценку стрельбы проводил я, поэтому, чтобы выручить стреляющего, не выдержал: положил свою руку на его и крепко сжал, чтобы привлечь внимание. Он повернул голову и стал смотреть на меня непонимающим взглядом? Тогда я тихо, чтобы никто не слышал, сказал:

- У второй срыв с ответа, добавь срочно!

Наконец, его взгляд стал осознанным и он успел в самый последний момент исправить допущенную ошибку...

В приведенном примере была учебная задача, без боевых пусков ракет. Представьте себе, а что же бывает, когда боевые пуски?... Вот ракета после старта "нырнула" вниз и вышла на траекторию метода наведения, идет на сближение с целью, а вот и долгожданный подрыв и падение мишени... Какое блаженство испытывает боевой расчет после отбоя готовности номер один, особенно тогда, когда получена высокая оценка за стрельбу. Первые минуты все, покинув рабочие места, стараются уединиться, даже полежать на земле. Потом, вдруг, все начинают объединяться в группы и начинают говорить, обсуждать, часто, не слушая друг-друга!... Это нужно видеть!...

Я понимаю, что мною рассказанное, может быть истолковано, как глумление над человеком: ракета-голубушка, а она уничтожает противника, технику и жизни людей!... Но, здесь не следует забывать, что это ракета Войск ПВО. Мы - ракетчики, как и другие рода войск ПВО, самые гуманные и только оборонительные силы наших Вооруженных Сил. И, если будем уничтожать врага, то лишь для того, чтобы сохранить миллионы мирных людей на земле!

Чтобы рассказ об офицерах-ракетчиках был полнее, хотелось бы вспомнить тех командиров и инженеров, которые несут нелегкую службу в сложных климатических и природных условиях: о ракетчиках на полигонах. С Владимиром Васильевичем Захаровым я познакомился в 1964 году, когда был командиром полка и выполнял боевые стрельбы на полигоне. Майор Захаров руководил группой инструкторов командного пункта. Мне, как командиру-стреляющему, главным образом пришлось работать с ним: ему сдавал зачеты, расспрашивал об особенностях предстоящей боевой работы, о характерных неисправностях, которые могут возникнуть во время работы полигонного комплекса. Какие особенности были на стрельбе предыдущей части, что нового введено в методику подготовки боевых расчетов командного пункта.

Меня поразило в майоре Захарове его доброжелательность, уважение к ракетчикам, приехавшим "из войск", как они нас называли. Взаимопонимание у нас с ним было полнейшим по всем вопросам. Он очень умело руководил работой подчиненных ему инструкторов при подготовке командного пункта к стрельбе и проведении предстрельбовых регламентных работ. Отлично зная свое дело, строго спрашивал с проверяемых и его оценка, которую он выставлял, была справедливой и заслуженной. В свою очередь, Владимир Васильевич, дотошно расспрашивал нас о нашей нелегкой службе. Как поддерживаем постоянную боевую готовность, как воспитываем подчиненных. Накопив большой опыт работы на полигоне, он заочно окончил академию ПВО и перешел служить к нам в наше объединение. Служил на ответственных командных, штабных и инженерных должностях. Долгое время мы вместе с генерал-майором Захаровым служили вместе на руководящей работе в объединении, об одном он все же сожалел, что мало ему приходилось заниматься работой, к которой он прикипел душой, когда был на полигоне в учебном центре.

Новый 1984 год мне пришлось встретить на дальнем полигоне на востоке нашей страны. Провожая меня в эту дальнюю и долгую командировку, жена ворчала и все приговаривала:

- Когда же ты старый угомонишься, уже через год шестьдесят, а сам напросился на такое дело, где и молодому-то трудно.

- Ничего,- отвечал я ей,- и мне и тебе это не впервой, Родину-матушку на востоке посмотрю, новую нашу ракетную братву узнаю!

И не ошибся... С подполковником Коломийцем Феликсом Алексеевичем мы встретились на служебном совещании, где предстояло обсудить вопросы по испытанию нового зенитно-ракетного комплекса в зимних условиях Заполярья. На совещании рассматривался очень важный вопрос безопасности боевой стрельбы. Отвечал за безопасность подполковник Коломиец - представитель полигона. Один из наших офицеров задал ему вопрос об обеспечении безопасности стрельб. Коломиец поднялся и совершенно по-домашнему сказал:

- Голуба моя, вы выполните соответствующие инструкции, а уж в остальном - моя забота.

Я вел это совещание, как председатель Государственной комиссии, и был возмущен таким ответом, уж очень это выглядело по-граждански. Поэтому резко предложил подполковнику объяснить все более подробно. Феликс Алексеевич изложил затронутую тему с таким знанием дела и обоснованием, что других вопросов больше не последовало. После совещания мы с ним встретились. Я, чтобы поближе познакомиться с подполковником Коломийцем, решил с официального тона перейти на дружеский и, между прочим спросил:

- Давно под "Богом" ходишь, Феликс Алексеевич?

- Более пяти лет,- последовал ответ.

"Ходить под Богом" у ракетчиков принято говорить о людях, выполняющих наиболее опасную работу в период боевых пусков ракет. В том нет секрета, что даже при соблюдении всех правил техники

безопасности, бывают случаи, когда полет ракет совершается не по заданной программе, в силу внезапно возникших на борту ракеты или в системе наведения каких-то неисправностей. Предвидя это, все должны быть в готовности уйти в укрытие.

Да, "Бог войны" иногда приносит и неприятности людям, участвующим на боевых стрельбах! Феликс Алексеевич так описывал свои переживания в подобных случаях:

- Она летит, а ноги так и подкашиваются, становятся ватными, особенно, когда ракета или мишень выходит за сектор стрельбы.

Необходимость принимать единственно верное решение при боевых пусках, мгновенно реагировать на сложившуюся обстановку, все это отложило свой отпечаток и на характер Коломийца. Чем больше в последующем я общался с ним, тем все больше и больше крепла во мне уверенность в том, что встретился еще с одним настоящим ракетчиком на своем долгом армейском пути. Мне стала ясна и его манера вести мирный, гражданский разговор: вроде как "Голуба моя", чтобы собеседнику вселить уверенность в благополучном исходе предстоящей опасной работы: все предусмотрено, все проверено...

Время сейчас другое. Научно-техническая революция затронула и наши ракетные комплексы, но кабина боевого управления как была, так и осталась центром управления огнем. От слаженности боевого расчета, от уровня личной подготовки каждого его члена целиком зависит успех выполнения боевой задачи. Чем больше участвует в работе людей, чем больше взаимных связей и зависимости в выполнении тех или иных операций, тем больше приходится прилагать усилий и тратить больше времени на подготовку личного состава.

Как-то я с группой офицеров проверял на полигоне работу молодого расчета одного из зенитно-ракетных дивизионов Московского округа ПВО. В таком составе расчет пункта боевого управления работал менее года. Но боевые стрельбы уже выполняли и успешно. Все офицеры имели высшее инженерное образование, а операторы прошли специальную подготовку на этом комплексе. Вся предварительная подготовка была ими сделана в полном объеме. Казалось бы, у нас руководителей, не было причин сомневаться в успешном решении поставленных задач. Но им предстояло выполнить необычную боевую ракетную стрельбу: не в границах зоны пуска, а на определенную заданную дальность... Для сравнения, скажем, это все равно, что для охотника попасть белке в глаз. Но охотнику проще, у него зрительная видимость цели и стреляет же он один, и все зависит от самого охотника. А здесь боевой расчет: один дает целеуказание, другие "захватывают" цель - время идет... Да и пуск нужно сделать в определенное время, и ни секундой больше или меньше.

Сколько здесь неожиданностей: не удается сделать совмещение, перейти на автоматическое сопровождение и т.д. В начале у расчета на тренировках никак не получалось обстреливать цели с переменной скоростью, да к тому же еще на фоне местных предметов, потом были и другие трудности. С каким упорством личный состав расчета устранил эти недостатки, сколько времени провел на рабочих местах, знают

только они, да график роста их мастерства, который велся нами каждый день. И вот настало время, когда нам нужно было аттестовать расчет на допуск к такой сложной стрельбе. Все инструкторы дали "добро". Тем более, что в течение последней недели перед стрельбой расчет укладывался по времени в отличный норматив и даже перекрывал его, не допустив ни одной ошибки.

Во время выполнения боевой задачи, все равно, все очень волновались! Но вышло все блестяще, как и должно быть, после тщательной подготовки: боевую стрельбу выполнили на отлично!

Говорят, что успех - это соединение таланта и упорства, инициативности и большого труда. А по отношению к военнослужащим, я бы добавил, и ратного подвига.

Современная воинская служба, дело нелегкое. Она требует неустанного труда, систематической тренировки, волевой закалки, психологической выдержки и постоянной собранности, особенно в таких родах войск, как Зенитно-ракетные!

1966 год. Уже более пяти лет я командовал зенитно-ракетным полком. Работа очень тяжелая, нервная напряженность в период итоговой проверки, сделали свое коварное дело: сказалась фронтальная черепно-мозговая травма, которую я получил в результате прямого попадания снаряда в боевое отделение в феврале 1944 года во встречном бою с "тиграми". Она-то и уложила меня в госпиталь.

Я рухнул у порога своего кабинета на глазах дежурного по части и потерял сознание на длительное время. Врачи вернули меня к жизни, но положение было слишком тяжелым... Окно палаты выходило в сад, были видны только деревья и клочок неба. Лежал я в постели, принимал лекарства, гнал от себя от себя непрощенные мысли, но окончательно избавиться от них не мог! Неужели из-за этой проклятой травмы мне придется расстаться с армией? Нет, не мог я обрубить вот так все, что связывало меня с ней! Донимало и одиночество. В госпитале нашего соединения установили за мной постоянное наблюдение и приказали никого в палату не допускать...

Как-то утром, часов в десять, вдруг, заходит в мою палату генерал Маломуж! С Владимиром Григорьевичем год назад мы вместе служили. Я командир части, он мой начальник. Казалось бы, взаимоотношения должны быть чисто служебные, да и уже целый год прошел, как он не был моим начальником. В прошлом он нас проверял, готовил к боевым стрельбам, ругал за упущения, наказывал в дисциплинарном порядке за упущения и не раз - какой это командир, если его не наказывали за пять с лишним лет командования частью.

В общем, для генерала Маломужа, я был одинаков, как и все подчиненные ему командиры частей, ничем от них особо не выделялся. А вот случилась с бывшим подчиненным беда, Владимир Григорьевич сразу же приехал навестить, и это было не только простое товарищеское посещение. Он предложил мне новую должность с повышением, в соединении, котором он командовал: быть руководителем боевой

подготовки. Услышал я это и даже слезы на глаза выступили... Генерала Маломуж всполошился:

- Ну вот, меня предупредили, что к тебе нельзя, что к тебе не пускают ни жену, ни Деревягина с Долгановым (командира соединения и начальника политического отдела), а я уговорил начальника госпиталя, пообещал, что не буду тебя волновать. Прости, брат, если что не так!

С трудом из себя выдал:

- Что вы, товарищ генерал, это я от радости! Вы возвращаете меня к жизни, буду рад продолжать службу под вашим руководством.

Он дал мне крылья. Появилась цель в жизни и дело быстро пошло на поправку. Через месяц, когда меня уже выписывали из госпиталя, Владимир Григорьевич снова навестил меня и сообщил, что меня уже назначили на ту должность, о которой он говорил при первой нашей встрече...

Ну, как, дорогие мои, приходилось ли вам испытывать такую радость, чувство признательности и благодарности, которую испытал я, находясь в сложном положении из-за болезни. Приходилось ли вам работать с такими заботливыми и внимательными начальниками и руководителями, как генерал Маломуж Владимир Григорьевич?

Служба на высокой должности была мне по душе и интересной. К такой работе я был уже теоретически и практически подготовлен. Руководить боевой подготовкой, готовить высококвалифицированные кадры ракетчиков, было моей давнишней мечтой. Да и моя прошлая служба в танковой дивизии была связана с обучением личного состава военной профессии... На другой работе, пожалуй, у меня получилось бы хуже...

В октябре 1969 года меня неожиданно вызвали в Главный штаб ПВО. Предстояло ехать в командировку, в Чехословакию по случаю празднования юбилея одной из зенитно-ракетных частей Чехословацкой армии. Я был назначен старшим небольшой группы. Сборы были недолгими, запаслись сувенирами и подарками и в путь дорогу.

Встреча была дружеской, теплой. Взаимопонимание находили во всем, особенно в несении боевого дежурства, в организации боевой подготовки, в подготовке и проведении боевых стрельб. Для нас были и определенные новинки в организации жизни, быта подразделений, материальном обеспечении дежурных подразделений.

Оказалось, что с командиром части, подполковником Вацлавом Штолбой, мы были старыми знакомыми еще по учебе в академии ПВО. Я был ведущим игроком по волейболу в академии, а уж такие лица всем запоминаются надолго. И, Вацлав, несмотря на то, что прошло много лет, меня сразу узнал.

О подполковнике Штолбе вспоминаю всегда с теплотой и признательностью. Горячий порыв, целеустремленность. Умелый воспитатель подчиненных. Настоящий ракетчик. Жаль, что встретиться с ним больше не пришлось. Расстались мы большими друзьями. Долго обменивались письмами...

Вернувшись из Чехословакии опять ушел с головой в работу по совершенствованию методов обучения личного состава, дальнейшему

развитию учебно-материальной базы. В памяти остались прекрасные руководители, мои старшие начальники: командир соединения генерал-майор Вураки Андрей Федорович; его заместители - генералы Кравец Н.Д., Ткаченко Г.Н., Костин А.Я., Лапшев И.Т., полковники - Унтеров И.Ф., Митин М.И.

В 1970 году меня назначили на должность заместителя командира нашего соединения, которым командовал в ту пору генерал-лейтенант Ткаченко Глеб Николаевич.

Многих хороших, даже очень хороших и любимых мною своих начальников и сослуживцев я уже упоминал в своих воспоминаниях. Однако о генерале Ткаченко Г.Н. можно было бы писать и писать...

Прошел офицером артиллеристом наземной артиллерии всю войну, познав и горечь отступления и радость движения вперед, на запад к Победе! Награжден за боевые отличия многими орденами и медалями...

Прослужили мы с ним вместе, в одном соединении одиннадцать лет, причем я у него был все время в помощниках. Таких организаторов, не до службы с ним, ни после моего ухода из соединения на высшую должность - мне встречать не приходилось.

За одиннадцать лет ни разу не повысил голоса; если и сделает замечание или упрек, в нашем деле всякие ошибки бывают и большие и малые, такова жизнь, так он это делает так тактично и тонко, что тебе хоть сквозь землю провалиться за свою оплошность. В управлении и штабе соединения всегда была деловая обстановка. Офицеры в отделах и службах управления знали, что нужно делать, никогда не было горячки и штурмовщины. Добивались мы хороших успехов в боевой подготовке, в несении боевого дежурства, в боевой готовности. В боевых стрельбах занимали обычно первые места. Во всем этом у нас был свой "почерк", своя методика, которая позволяла нам удерживать в течение многих лет передовые места в объединении и Войсках ПВО Страны.

Командиры частей чувствовали себя уверенно, на "ковер" к генералу шли без боязни, но выходили иногда мокрыми от пота, коль по делу получали нагоняй...

ПОДМОСКОВНЫЕ ПОЖАРЫ

Чем только не приходилось заниматься за долгую службу в армии: командовать подразделениями, частью и соединением, быть заместителем Командующего армией, руководить боевой подготовкой; вести разработку и совершенствовать боевую технику; участвовать неоднократно в уборке урожая сельскохозяйственных продуктов; принимать непосредственное участие в ликвидации последствий стихийного бедствия... Я испытываю чувство большой гордости и морального удовлетворения в том, что на мою долю выпала столь разнообразная деятельность и со всеми поставленными задачами большими и малыми успешно справлялся...

Армейская жизнь шла своим чередом и надо же "Горячий 1972 год". Теплое лето сначала радовало, хорошо отогрелись косточки, фронтовые раны меньше стали беспокоить, но к августу жара стала невыносимой: в тени 40 градусов. Стали гореть подмосковные леса. Сначала местное население и штатные пожарные команды справлялись с отдельными очагами пожаров. А когда по сводкам прогноза погоды стали все чаще объявлять: "В Подмосковье - дымная мгла",- стало ясно, что пожары дело серьезное, и необходимы большие силы и средства пожаротушения и еще большие усилия, чтобы справиться с таким стихийным бедствием.

Начали подключать к тушению пожаров и воинские подразделения.

В пять часов утра 10 августа разбудил меня телефонный звонок! Дежурный по управлению соединения доложил, что получено распоряжение из старшего штаба на выделение группы военнослужащих из двухсот человек для тушения пожаров в район города Павлов-Посада (это от нас около ста километров). Мешкать было некогда, время было в обрез! Отдал распоряжение дежурному от каких частей выделить людей, кого назначит старшими команд, как осуществить контроль выхода и движения в назначенный район. Сам позвонил генералу Ткаченко. Он утвердил, отданные мной распоряжения, назначил время и место нашей встречи. Прибыл я в штаб. Донесений о движении подразделений по маршруту с контрольных пунктов пока еще не поступало, как потом выяснилось - в результате пожаров была нарушена телефонная связь. Обсудили с генералом Ткаченко создавшуюся обстановку: личный состав вышел внезапно, по тревоге, люди не успели даже позавтракать. Где они теперь в этих горящих лесах? Почему нет никаких известий? Надолго ли был отправлен личный состав?

Срочно нужно было организовать управление, выяснить обстановку, снабжение всем необходимым и питание личного состава! Мы понимали, что тушением пожаров придется заниматься не один день. Я предложил командиру мне руководить непосредственно личным составом, отправленным в район Павлов-Посада, и убыть туда немедленно! Разобраться с пожарной обстановкой, доложить, используя любые средства связи, вплоть до посылки нарочного, и действовать дальше, исходя из сложившейся обстановки. Генерал Ткаченко согласился со мной и сказал:

Дело сложное, нужен опытный руководитель, возьмите с собой офицера-сапера и радиостанцию с радистом, постарайтесь к четырнадцати часам доложить, где наши люди и что там происходит. Собрал команду для следования в район пожаров, позвонил жене на работу, сказал, чтобы не ждала меня к обеду. Забежал домой, сунул в портфель буханку черного хлеба, килограмма два помидоров и в путь... И не появлялся дома в течение двух месяцев...

Подъехали к Павлов-Посаду, а навстречу нам генерал Деревягин. Остановил нас и, не разобравшись, что к чему, принялся меня отчитывать:

- Что ты здесь делаешь? Где ваши люди? Почему их нет в Куровской?

Пытаюсь объяснить ему, уточнить обстановку? Куда там, еще больше накаляется! Наконец от него узнаю, что наши подразделения направлены на тушение пожаров в район города Куровского. Прошло два часа, как они начали движение, по расставанию-следовало, что они должны быть там, однако сведений о их прибытии в штаб не поступали. Генерал Деревягин немного успокоился и вкратце, по пути на Куровское, объяснил мне общую обстановку в восточных районах Московской и Владимирской областях. Сообщил также, что создан штаб руководства во главе с Первым заместителем Командующего Войсками Московского округа ПВО генерал-лейтенантом Виноградовым В.П., а его, генерал-майора Деревягина, назначили к нему заместителем. Генерала Деревягина я знал давно, с тех пор, как я был командиром полка в соединении, которым он командовал. Прямолинейный, бескомпромиссный характер, с железной волей и одновременно отходчивый, добрейшей души человек. В нашем Округе его называли "Генерал прорыва": там, где сложная обстановка, где нужно решить задачу наверняка и быстро - туда назначали генерала Деревягина...

Меня он очень уважал и аттестацию в 1965 году, как на командира части, написал самую лучшую из всех аттестаций, которые были в моем личном деле. Поэтому его "Горячие" слова, высказанные в мой адрес при встрече, и его "разнос" можно мне было извинить. Я не обиделся, тем более обстановка была близкой к фронтовой...

Поехали на Куровскую по прямой дороге, через огонь. Верховой огонь в хвойном лесу, с густым мелколесьем, пожалуй, самый опасный для его преодоления. Не доезжая пяти километров до окраины города Куровское, мы встретились именно с такими пожарами.

По дороге, через горящую зону, не потушив, было не проскочить. К большой нашей радости, здесь мы встретили одно из наших подразделений численностью около ста человек. Орудя лопатами и топорами, без других, за неимением, средств тушения, они медленно, но упорно продвигались к лесничеству, что на окраине города. Мы присоединились к ним и стали вместе выполнять поставленную задачу... Срок донесения командиру соединения (14 часов) подошел, мне нужно было докладывать. Я надеялся на радиосвязь, но из-за большого расстояния, да - через горящие леса, связаться мы не смогли. Отправил майора Корчагина, своего заместителя, на машине до ближайшей части, чтобы доложить обстановку и попросить у генерала Ткаченко ускорить отправку полевых кухонь с пищей, сухих пайков питания, как резерв; люди в этот день еще ничего не ели. Попросил у него и наш путепрокладчик (БАТ) на гусеничном ходу, на шасси, как у танка Т-34. Пробились мы к лесничеству только к восьми часам вечера. Туда же, к этому времени, сосредоточились и другие наши подразделения, которые прошли по основной дороге, через Орехово-Зуево. От генерала Ткаченко прибыло все, что я просил, наконец-то удалось накормить людей, перенесших большую физическую нагрузку, преодолевая зоны пожаров.

Генерал Деревягин назначил меня старшим по управлению всеми группами и командами, которые к этому времени сосредоточились в этом районе. Всего набралось около десяти тысяч человек, а техники - почти никакой! Беспечность местного населения была удивительной. В субботу подъехали к одному из поселков у железнодорожной станции Куровская... А там веселое, пляски: свадьба в полном разгаре, а огонь по сухому торфянику со стороны урочища "Волчья грива" (название-то какое, нарочно не придумаешь) был уже в метрах двухстах от поселка. В домах никого, лишь пожилые женщины, с вытасненными из домов холодильниками, домашними "не хитрыми" вещами и другой утварью сидят, пригорюнившись на железнодорожных путях, а кровавое зарево от пожаров и заходящего солнца, освещает всю эту жуткую картину необузданного веселья и беспечности! С большим трудом, к пяти часам утра удалось утихомирить, гулявших на свадьбе, и привлечь их к защите от огня собственного жилища. Огонь к этому времени подступил непосредственно к поселку, горели уже деревянные заборы. И в этой вакханалии пожарной обстановки самыми стойкими и самоотверженными защитниками (из гражданского населения) оказались женщины средних лет и ребята-подростки.

Следующая ночь с 10 на 11 августа 1972 года была самая напряженная и переломная в борьбе с огнем. Накануне, мне удалось установить связь со штабом руководства в городе Орехово-Зуево и доложить тревожную обстановку. Доклад мой принимал генерал Деревягин. Началось с того, что он запросил: сколько в нашей зоне очагов пожаров?

- Один,- доложил я.

- Вот, молодец,- похвалил меня Деревягин,- Ты, что двенадцать уже погасил? (По данным штаба руководства в нашем районе числилось на это время тринадцать очагов).

- Да, нет,- говорю я ему,- все тринадцать очагов слились в один. Не горит только больница, да пустырь возле лесничества, на нем я и нахожусь!

- А ты, Горелкин, не паникуй и не преувеличивай! - возмутился Деревягин.

- Да какая тут паника,- отвечаю,- огонь подступил к нефтебазе и "Взрывпрому", инженерной техники никакой нет, пожарных машин явно не хватает. Со стороны урочища "Волчья грива", где высохшее торфяное болото, до минерального слоя (песка) четыре-пять метров, копаем вручную, много ли так сделаешь? На местное население надежды плохие... Давайте помощь!

- Справляйся своими силами! Ты думаешь у нас здесь лучше, чем там у тебя?!...

На этом разговор наш и закончился.

К 16 часам обстановка в районе железнодорожного вокзала стала настолько угрожающей, что стало ясно: спасти нефтебазу, "Взрывпром" и саму железнодорожную станцию Куровскую наличными средствами пожаротушения и теми силами, которые были в нашем распоряжении, будет невозможно. В лесах у деревни Анциферово горели

сорокаметровые хвойные леса, шел верховой огонь, шум стоял, как в аэродинамической трубе. Там был единственный путепрокладчик (БАТ), который прислал в мое распоряжение генерал Ткаченко для тушения пожаров, единственная моя надежда! Дал команду, чтобы путепрокладчик немедленно прибыл ко мне в Куровское...

Генерал Деревягин, видимо, по моему докладу и тревожному голосу понял, что обстановка у нас действительно очень сложная и, ничего мне не сообщив, выслал в мое распоряжение свой последний, мощный резерв - две школы сержантского состава (пятьсот человек) во главе с начальниками школ. Личный состав резерва прибыл в 18 часов.

Отдал распоряжение начальникам школ:

- Одному - отсечь огонь от "Взрывпрома",- другому,- защитить нефтебазу у железнодорожной станции.

Появилась надежда на спасение и самой железнодорожной станции Куровской. С личным составом сержантских школ прибыл и генерал Деревягин. Заехал ко мне на пустырь, проверил, как я распределил свои силы и средства и его резерв. В 20 часов он уехал на нефтебазу. Стало смеркаться. Жара невыносимая, дышать нечем, от дыма и гари некуда деться, личный состав вынужден был одеть противогазы...

В 22 часа в лесничество прибыли местные руководители города и попросили меня принять общее руководство по спасению объектов. Мне оставалось только согласиться, раздумывать и спрашивать разрешения не было времени, да и телефонной связи с другими населенными пунктами и штабом руководства в Орехово-Зуеве не было, генерал Деревягин был на нефтебазе. Я принял управление. По-другому, как военный человек, я поступить не мог. Не мог я оставить в беде город, хотя и понимал, какая ответственность ложится на мои плечи...

В 23 часа подъехал генерал Деревягин и сказал:

- Вот что, Александр Григорьевич,- в тяжелую минуту даже по имени-отчеству назвал, что раньше никогда не делал,- дела плохие: уже горит ограждение на нефтебазе и других объектах. Огонь идет в глубине торфа и остановить его никак не удастся. Оставь за себя майора Корчагина и давай поедем в наиболее опасные места: ты на БАТе на "Взрывпром", а я снова на нефтебазу. Если уж сгорим, то вместе с нашими людьми, совесть не будет мучить, и, с горькой усмешкой, сказал,- да и ответственность перед народом мы искупим своей жизнью. Значит сделали все возможное до конца!

Деревягин уехал на нефтебазу. Я подошел к путепрокладчику БАТу и сказал механику-водителю ефрейтору Козыреву:

- Заводи! От тебя, Козырев, теперь зависит быть городу Куровскому живым или нет!

Если бы нефтебазу спасти не удалось, то огненная река залила бы часть города, а взрыв на "Взрывпроме" довершил бы уничтожение остальной его части, в том числе и крупного железнодорожного узла

Объекты друг от друга находились на расстоянии примерно четырех километров. Нужно было преодолеть полтора километра сплошного огня. Пришлось облить себя и Козырева водой. Взяли

несколько канистр с водой и на БАТ. Двинулись на "Взрывпром" впереди БАТ, за ним две поливочные машины. Проскочили два километра, пробили дорогу через горящий завал...

Обстановка на территории склада была, как на фронте в обороне: горели сторожевые вышки и ограждение, люди на четвереньках или согнувшись в три погибли - продолжали копать торф, пробиваясь к слою песка. Начальник связи армии полковник Гончаренко Евгений Михайлович сложил ящики со взрывчаткой друг на друга, чтобы было повыше, установил на них радиостанцию и сам, за радиста, поддерживал связь с нашим штабом на пустыре. Всю территорию на объекте заволокло дымом. Особенности торфяных пожаров таковы, что внешне кажется: огня-то нет! А на самом деле, все прогорело насквозь, на глубину залегания торфа, до пяти метров. Неосторожный шаг в сторону и провалишься в огненную бездну...

БАТом стали помогать копать ров, чтобы преградить путь огню. К 3 часам утра стало ясно - "Взрывпром" спасен! За самоотверженные действия механик-водитель Козарев, один из первых, был награжден медалью "За отвагу на пожаре".

К 4 часам подвезли людям горячую пищу, правда многим было не до нее. Часть личного состава спали на местах, где их застала команда временного прекращения работы. Нечеловеческий труд, который ими был вложен, чтобы преградить путь огню, измотал их силы. Но дело было сделано. Здесь стихия была побеждена!...

Только потом вспомнил о генерале Деревягине. Что с ним? Как там дела на нефтебазе? Смотрю в ее сторону, пламени нефтепродуктов не видно. Сел на БАТ и уже по пробитой нами дороге поехал на нефтебазу. И там люди победили огонь!

От местных железнодорожников я услышал рассказ, потом уже ставшей легендой, как генерал Деревягин привел пожарный поезд на нефтебазу. Сразу даже не поверил, настолько это было оригинально, не стандартно, но в духе "Генерала прорыва".

Когда генерал Деревягин в 23 часа, после поездки ко мне на пустырь, снова возвращался на нефтебазу, то на подъездных путях он обнаружил поезд, полностью заправленный водой и готовый к пожаротушению. Он к машинисту:

- Чего здесь стоишь, не едешь тушить огонь на нефтебазу?

- Распоряжения не получал, вот и стою,- говорит.

- Так я отдаю тебе приказ: немедленно следовать и приступить к тушению пожара на нефтебазе!

- Вы мне не указ, я должен получить от своего начальства распоряжение...

- А твое начальство в Москве и связи с ним конечно нет?!

- Да, в настоящее время связи нет.

- Так и будешь стоять здесь пока все Куровское не сгорит?!

- Буду стоять!

- А ты, помощник машиниста, тоже собираешься гореть на месте?

И гражданская совесть твоя будет чиста?!

- Нет, я за то, чтобы ехать тушить огонь и как можно быстрее.

- Тогда - "Вперед" и я с вами на паровозе!

Помощник стал за управление, Деревягин перебрался в кабину машиниста. Пожарный поезд пошел в огонь на объект и во время. Без его участия нефтебаза бы сгорела...

И так, главные объекты города были в безопасности. Подъезжаю на БАТе к воротам нефтебазы... Вижу мирную идиллию, как после большого и трудного боя на фронте: генералы Деревягин и Гришанцов (Член Военного Совета армии) сидят в сторожевой будке и едят кашу из армейских котелков! Увидели меня обрадовались, обнялись. Они с нетерпением ждали известий и с опаской посматривали в сторону "Взрывпрома"? А вдруг, не сдержали там огонь? Почему так долго нет известий? Может там и доложить уже некому?!

Доложил: "Все в порядке, жить можно!"

В семь утра наступило блаженное затишье...

А в 10 часов... Начались проверки и комиссии. Да какие! На самом высоком уровне! Первым прилетел на вертолете Первый заместитель Министра обороны генерал-армии Соколов С.Л. Я доложил ему обстановку по каждому объекту. В целом он остался доволен нашей деятельностью. Однако, отчитал за то, что я небрежно вел оперативную карту с очагами пожаров и превысил власть, забрав весь транспорт города Куровского в свое распоряжение...

В 13 часов... Прилетел второй вертолет с Командующим Войсками Московского военного округа генерал-полковником Говоровым В.Л., сопровождавшим правительственную комиссию. В душе я был рад, что они не прилетели накануне, когда везде все горело. Тогда, после моего доклада, последствия для меня были бы плачевными!

Когда в 1983 году я встретился с товарищем Конопотом, который был в составе той правительственной комиссии, и мы вспомнили о пожарах в Подмоскovie в 1972 году, то Василий Иванович мне сказал:

- Помню, помню, как вы нас в Анциферово привезли, где верховой огонь шел на высоте 30-40 метров. Впечатление было страшное, но, когда мы увидели, какая высокая организация у вас в борьбе с огнем, то убедились, что огонь будет побежден... Подумал я тогда: "Если бы вы могли тогда видеть, что было у нас прошлой ночью!"

В период тушения пожаров произошла у меня одна интересная встреча с далеким прошлым, отголоском времен Великой Отечественной войны... Для тушения пожаров была создана организация по управлению большим количеством войск и гражданского населения, привлеченным для ликвидации последствий стихийного бедствия, были созданы управления и штабы. Начальником Восточной Зоны был генерал-лейтенант Виноградов В.П., а заместителем по тылу у него - полковник Бугорков.

Обстановка в нашем районе и после спасения города Куровского продолжала оставаться сложной. Генерал Виноградов, обычно ночью, когда огонь немного утихал, собирал начальников районов по пожаротушению на совещание. Заслушивал доклады о состоянии дел, перераспределял инженерную технику и людские резервы, ставил новые задачи.

12 августа, в два часа ночи я по его вызову приехал на ГАЗ-69 в Орехово-Зуево, в райисполком. Дорога от Куровского до Орехово-Зуево была в огне, но нам с водителем Сашей Губиным все же удалось проскочить.

Когда я вошел в здание райисполкома, меня встретил полковник Бугорков со словами:

- Александр Григорьевич, Ты как здесь оказался?

- На совещание прибыл из Куровской.

- Да ведь эта дорога вся в огне!

- Мне не впервой, есть опыт,- отвечаю ему.

- Да по такой дороге может проскочить только танкист!

- А я танкист и есть, точнее самоходчик.

- Да ну! Я же тоже самоходчик!

Вот так встреча! Выяснилось, что в ноябре 1943 года мы одновременно выпускались из Самоходного артиллерийского училища... Вспомнили и " О боях-пожарищах, о друзьях-товарищах"...

Еще раз оглядев его, я сказал: "Ну меня, допустим, узнать все же можно было - артиллерийские эмблемы ношу, а ты как в летной форме оказался?" Он засмеялся и ответил: "Про летчиков, вроде меня, в деревнях девчата такие песни поют":

Полюбила летчика, думала - летает,

Я пришла на аэродром, а он подметает!

- Я же самоходчик, танкового племени!...

Окончательно с огнем мы справились лишь в сентябре 1972 года.

БИТВА ЗА ХЛЕБ

Другую сторону, еще более несвойственную для деятельности личного состава Вооруженных Сил я рассматриваю в этой главе: участие войск в решении продовольственной программы Страны.

Гражданские кликуши, обвиняющие армию во всех смертных грехах, многие из которых представляют, что булки хлебные на деревьях растут, считают, что армия, это - дармоеды и нахлебники на шею трудового народа!

Во-первых, армия выполняет функцию защиты государства и многие ее части и подразделения несут охрану Государственной границы и несут постоянную боевую готовность и только за это можно было бы не относить ее к разряду тунеядцев!

Но не об этом речь. Другую - мирную сторону я хотел бы показать, и это будет во-вторых.

Имея подсобные хозяйства, армия, примерно на одну треть, а в передовых частях - наполовину, обеспечивает свои потребности мясом,

значительную часть армейские хозяйства дают к солдатскому столу овощей, фруктов и ягод. Сколько сена они сдают государству с боевых позиций, полей и полигонов! По всей вероятности неискушенный читатель не знает об этом...

А оказание помощи государству в уборке урожая?

Мне дважды в 1971 и в 1974 годах приходилось возглавлять Оперативные группы по уборке зерна во многих областях Союзных республик, поэтому приобрел определенный сельскохозяйственный опыт, могу на глаз определить урожайность поля с точностью до трех-пяти центнеров с гектара. Мои старшие товарищи и друзья: генералы Ткаченко Г.Н., Гуде В.А., Базанов В.Г и другие, которые в различные годы были начальниками Оперативных групп, наверное подтвердят все, а может быть и более убедительно, что уборка урожая подобна битве на фронте, только гражданском, со своими тактическими и даже оперативными задачами.

Командование Вооруженных Сил, вплоть до Министра Обороны с исключительным вниманием и добросовестностью выполняют указание Правительства и просьбу тружеников села.

Непосредственная подготовка к уборке урожая начинается за один-два месяца до выезда на места уборки. Имея большой опыт руководить коллективом людей, дисциплинированность и ответственность военных, позволяют выполнить задачу в установленные сроки с минимальными потерями. Наши труженики колхозов и совхозов необъятной Родины не в состоянии решить эту задачу самостоятельно ни в прошлом, пока и в настоящее время (к сожалению). Главная причина: отсутствие достаточного количества техники и подготовленных механизаторов.

Надо видеть, с какой радостью и любовью люди деревень и поселков встречают воинов, прибывших на уборку урожая! Такое отношение можно лишь сравнивать с освобождением оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны. Они-то, труженики села, знают, что такое помощь армии и понимают, как дорог хлеб, который нужно убрать в сжатые сроки: за две-три недели, иначе пропадет такой нелегкий труд по его выращиванию.

О размахе и напряженности личного состава автомобильных подразделений в период уборки я и поведу свой рассказ, заранее извиняясь за показ множества расчетных данных и выкладок, иначе нельзя понять, на мой взгляд, всего грандиозного труда для получения по стране "Двухсот миллионного тонн каравая".

Период массовой уборки начинается с конца мая в южных областях страны и заканчивается в октябре в восточных областях России. В 1971 году Оперативная группа в составе семи автомобильных батальонов (3500 автомашин) вела уборку зерновых, перемещаясь с запада на восток по мере созревания хлебов своим ходом и маршем по железной дороге. Таким образом, автомобильные подразделения за четыре месяца проделали переезд с погрузкой и разгрузкой на железной дороге три тысячи километров, выполняя задачу в дождь и даже в снег (в октябре) по дорогам и без них, на жаре до пятидесяти градусов и пыли, из-за которой в пяти метрах не видно впереди идущей машины. Район

уборки для Оперативной группы представлял площадь с радиусом 200-300 километров. В Оперативной группе для организации работ и оперативного управления был прикомандирован вертолет на всех этапах уборки урожая, это позволяло срочно вмешиваться в разрешении конфликтных ситуации между местными руководителями и командирами автомобильных подразделений. Чаще это бывало в конце нашей работы, когда коэффициент технической готовности (КТГ) из-за большой напряженности (машины были в работе ежесуточно по 22 часа и лишь час или два, имели перерыв) становился ниже 85%, предусмотренного распоряжением Правительства... Реагировать необходимо было немедленно: выделять из резерва, используя автомашины обслуживающие жизнедеятельность подразделений; перераспределять автотранспорт; вызывать помощь с запасными частями, вплоть до доставки их самолетами. В течение суток такие неурядицы обычно решались. Рабочий день начальника Оперативной группы начинался (а по сути дела он еще и не оканчивался) с четырех часов утра, заслушиванием по телефону или радиосвязи командиров автомобильных батальонов о состоянии дел за сутки и готовности выполнить задачу на предстоящий день и ночь, да-да и ночь, так как водители находились за рулем по четырнадцать и более часов в сутки, продельвая ежедневно путь до пятисот километров, а там, где были вторые смены, работа приостанавливалась только в три часа ночи, после чего два часа на техническое обслуживание машин и снова в битву за хлеб.

Каждому командиру на доклад предусматривалось определенное время и не более десяти минут. Первым докладывал командир восточного батальона, и так, все семь комбатов поочередно, двигаясь по времени на запад, за один час, давали возможность оценить обстановку на хлебной ниве, принять меры по оказанию помощи воинам-автомобилистам. В случае, если командир не выходил на связь, а это случалось только по причине неисправности технических средств связи, других никаких причин не признавалось, я немедленно вылетал в это подразделение... И так в течение всего периода уборки, отдыхать, если только можно называть это отдыхом, приходилось в пути к новому месту уборки.

И в заключение на эту тему позволю читателя затруднить еще одним расчетом в цифрах, показывающих самоотверженный труд воинов-водителей.

Автомобильные взвода (главные труженики на уборке), были укомплектованы машинами грузоподъемностью не более двух тонн. Среднее "плечо подвоза" (перевозка груза в один конец) составляла пятьдесят километров. Таким образом предусматривалось, что водитель за смену перевезет четыре-шесть тонн, находясь в рейсе восемь часов, а за период массовой уборки (в среднем три месяца), он должен был перевезти около пятисот тонн. Это был план! Как видно, план был рассчитан на напряженную работу, при котором ежедневно, в течение нескольких месяцев водитель должен был делать по двести километров... Передовиками были водители, которые за этот срок перевыполнили

норму в два раза, перевозя за период массовой уборки одну тысячу тонн и более, а на машинах с большей грузоподъемностью: две тысячи тонн.

Автомобильный батальон (500 автомашин) считался победителям и награждался, если он за период массовой уборки перевозил 500 и более тысяч тонн зерна, не считая перевезенных других сельскохозяйственных продуктов.

Я показал результаты тех воинов автомобилистов, которыми я руководил в 1971 году, мы тогда заняли в соревновании среди Оперативных групп по Российской Федерации призовое место. В 1974 году результаты у нас были лучше, но я знаю, что многие решали и решают эту важную народную задачу по оказанию помощи труженикам села лучше нас.

Ну, как, дорогой читатель, сумел я вас убедить, что воины и в решении продовольственной программы не стоят в стороне?

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕНИЯ

Системам вооружения, как и людям, свойственны периоды рождения, становления и зрелости. Их долголетие в немалой степени зависит от того, на сколько они соответствуют требованиям времени, то есть с каким жизненным запасом спроектировали их конструкторы. Важно и то, какими инженерными силами ведется сопровождение системы на ее жизненном пути, так как во время ее эксплуатации в войсках может возникнуть необходимость в модернизации - дальнейшем совершенствовании вооружения. Это должно соответствовать уровню развития военной техники и возможностям вероятного противника. Выполнение этих функций поручается отдельным специалистам - разработчикам системы.

Нашей системе ЗРВ исключительно повезло: у нее были талантливые создатели, заложившие в нее большие "жизненные возможности". Долголетию этой системы в немалой степени способствовала сопровождающая ее групп конструкторов головного конструкторского бюро, обеспечившая непрерывное совершенствование системы...

Об одном из конструкторов я и хочу рассказать.

Чтобы эффективно вести борьбу с постоянно совершенствующимися средствами нападения воздушного противника, в семидесятых годах была проведена очередная модернизация нашей системы ЗРВ. Была назначена Государственная комиссия председателем которой был я.

На первом организационном заседании и состоялось мое знакомство с конструктором головного КБ. Я и до того был наслышан о нем, как талантливом инженере-конструкторе. Но интересно было увидеть и узнать не только конструктора, но и человека, о котором так почтительно отзывались наши войсковые инженеры. Это была Гридина Ольга Александровна...

При первом же знакомстве я проникся к ней чувством глубокого уважения. Ее отличали целеустремленность и беспредельная вера в свое детище. К созданию системы, о которой идет речь, она была причастна с первых дней ее разработки. После принятия системы, на заре ее рождения, Государственной комиссией и после освоения ее в войсках, она могла бы применить свой опыт для разработки новых систем вооружения - техники завтрашнего дня. Ни для кого не секрет, что разработка нового вооружения более престижна по сравнению с доработками уже созданной системы. Но для нее не это было главным, для таких, преданных своему делу людей, делом жизни стала забота о том, чтобы жизнь первенца была долговечной и полнокровной.

В ходе работы комиссии мне представилась возможность убедиться в том, насколько справедлива молва в наших воинских частях о этом конструкторе. Государственные испытания с самого начала проходили сложно: дело в том, что КБ головного завода решило провести доводку системы, зависив возможности выделенных для этой цели специалистов. В результате этого, предложенные ими технические решения не обеспечили полного объема требований, предъявляемых к системе. В основном это относилось к точностным характеристикам новых режимов, обеспечивающих борьбу с перспективными средствами воздушного нападения противника. Комиссии пришлось поставить вопрос о приостановке государственных испытаний до устранения недостатков.

Главный конструктор КБ информировал членов комиссии, что не видит технических решений, позволяющих осуществить поставленные задачи и согласился с прекращением испытаний, а это означало, что модернизация системы откладывалась бы года на два. Ситуация была сложной. Необходимо было найти выход. Ждать два-три года мы не могли, просто не имели права. Я обратился к Ольге Александровне за советом и она оригинально, с другим талантливым конструктором - Белибок Любовью Федоровной, решила эту сложную задачу, обосновав возможность проведения оптимизации контура управления системы для всех вновь введенных режимов работы комплекса. Они сделали все необходимые расчеты и в кратчайшие сроки (менее месяца) представили комиссии. Надо ли говорить с какой радостью мы приняли их предложение.

Вся запланированная работа на Государственных испытаниях была проведена в установленные сроки. Результаты ее были положительными, стоявшие перед нами задачи были выполнены. О том, сколько бессонных ночей им, нашим конструкторам - Ольге Александровне и Любови Федоровне, пришлось провести, чего им это стоило, знают только они.

Система, после модернизации, еще долго служила нам верой и правдой, а мы с большой благодарностью вспоминали ее создателей.

Мне припомнился такой факт. когда усовершенствованная система поступила в наши части, то пришлось срочно переучиваться не только командирам, инженерам, но и всему личному составу. Невольно

сравнивал этот период с тем, когда в Войсках ПВО Страны на смену ствольной зенитной артиллерии пришли зенитно-ракетные комплексы. Тогда перед командирами всех степеней, да и перед инженерно-техническим составом встал вопрос об учебе и переучивании. Многие из них в то время вообще не имели военного высшего-специального образования. Обслуживать и использовать сложную военную технику, которая была у нас на вооружении, мог только высоко образованный и подготовленный личный состав. Вот и пришлось всем не только учиться самим, но и одновременно учить своих подчиненных. Напряженная боевая учеба шла на стартовых позициях и радиотехнических центрах, в классах и на тренажерах.

Личному составу самому приходилось разрабатывать и готовить наглядные пособия и тренажеры. Постигать секреты боевого мастерства и нести боевое дежурство. Хочется с особой теплотой сказать несколько слов об офицерах, с которыми пришлось служить в тот трудный период. Ведь на заре развития и становления зенитно-ракетных войск большинство командиров частей по своему образованию не были ракетчиками. Нелегко было полковникам Осипову П.В., Некрасову Б.В., Федорову В.В., Кособокову С.И., Курбакову В.И., Фомину Н.И., Шуваеву А.И. и другим осваивать новую, сложную технику. Но они учились и работали с таким увлечением, проявляли такое упорство и настойчивость, что удивляли и нас, имевших высшую специальную подготовку, своих преподавателей и инструкторов. Занятия иногда длились по двенадцать часов в день. Помню, особенно сложно было понять им работу зенитно-ракетного комплекса в условиях активных и пассивных помех. Приходилось в популярной форме объяснять и теорию распространения электромагнитных волн и "Эффект Доплера" и многое другое. В то время, даже от рядового ракетчика требовалось не простое механическое заучивание своих обязанностей и приемов в работе, а глубокое понимание физических процессов, взаимодействия многочисленных узлов и блоков, хорошо знать радиоэлектронику. Другая категория офицерского состава решила, пожалуй, основную задачу в "Технической революции" на заре освоения и боевого использования зенитно-ракетных комплексов и систем. Без них, тем, о ком я только-что писал, не по плечу было бы справиться с громадой всего, что нужно было знать и применять в боевом использовании...

- Это инженеры радиотехнической специальности, которые на первых порах не только возглавляли инженерные службы, но и вынуждены были командовать зенитно-ракетными частями, так как способных к этой важной должности офицеров было мало. С большим уважением вспоминаю таких инженеров-командиров, генералов: Воробьева М.И., Базанова В.Г., Захарова В.В., Павшенко В.П., Алисова Б.А., Фомина Н.И., Шаталова Н.А.; полковников: Унтерова И.Ф., Короткова П.П., Сироткина Н.А., Волкова В.А., Курдеса В.Г., Чмовжа В.В., Григорьева В.А.

Совместная работа настолько сдружила нас, что со многими офицерами я продолжаю поддерживать самые тесные связи, не только в передаче приобретенного опыта работы, но и в другое время наших

встреч. В семидесятых годах уже было легче решать задачи по укомплектованию всех категорий ракетчиков - до командира полка включительно. На смену фронтовикам пришли молодые высокообразованные офицеры, да и среди военнослужащих срочной службы стали преобладать специалисты с высшим и средним образованием. Поэтому период теоретической подготовки стал сводиться к минимуму и основной упор стали делать на практические занятия.

Мне более двадцати пяти лет пришлось служить в частях и соединениях Московского округа ПВО и я храню в душе признательность генералам и офицерам за то, что они не только поддерживали и помогали друг другу, но и работали инициативно и самоотверженно.

Я счастлив и горжусь, что военная служба свела меня вместе с генералами: Перескоковым А.Г., Салегиним С.С., Антоновым Е.М., Кавун И.А., Ситниковым И.А., Вураки А.Ф., Ткаченко Г.Н., Костиним А.Я., Гунбиным А.Л., Кравец Н.Ф., Звоновым В.И., Хатылевым П.Ф.; полковниками: Прокофьевым М.Н., Пахомовым В.В., Тимошенко А.П., Кузнецовым П.А., Бессоновым Н.В., Гуткиным А.М., Комаровым Ф.И. Евтушенко В.А., Zubовым С.Л., Щербаковым М.И., Бачуриным А.Г..

Глубоко признателен всем моим друзьям и сослуживцам по боевой подготовке-офицерам: Куянову А.И., Голубеву А.А., Михееву П.В., Помазанову В.П., Онопченко В.А., Меркулову В.С., Куракину В.П., Черникову В.А., Овсянникову Е.Ф., Медведеву В.В., Ватагину В.К., Голубеву В.А., Возному В.М.

Каждое имя вызывает в памяти вереницу воспоминаний, а вспоминая, невольно еще и еще раз переживаешь пройденное. В памяти многое сохранилось так ярко, что как бы заново окунаешься в те события...

По профессии я - военный. Сорок три года служил в Советской Армии, столько же лет был членом Коммунистической партии Советского Союза, в которую вступил в суровые годы Великой Отечественной Войны...

Заканчивая свой рассказ о моей службе в Сухопутных Войсках и Московском округе ПВО, не могу не вспомнить с благодарностью моих старших руководителей Генерал-полковников Черкашина Н.Ф., и Шпакова Н.П.

Как не вспомнить о своих встречах с Главкомандующими Войсками ПВО Страны разных лет: Маршалом Советского Союза Батицким П.Ф. и Главным Маршалом авиации Колдуновым А.И. Оба они сыграли решающую роль в моем становлении, как командира-ракетчика, в моей нелегкой военной жизни.

Всего о них не расскажешь. О таких полководцах следует писать отдельные книги, это они заслужили...

С Павлом Федоровичем Батицким судьба военная нас свела в начале пятидесятых годов, когда он был Командующим Механизированной армии, а я, начальником разведки, в танковой дивизии - ему подчиненной. Все, кто его знал, наверное согласятся со

мой: Батицкий П.Ф. был талантливым военачальником, может быть иногда резким и жестким, умеющим отстоять свою аргументированную точку зрения у старших выскопоставленных начальников, с высоким профессионализмом доказать несостоятельность некоторых выводов и предложений, которые потом оказывались утопией, как это оказалось в 1976 году, когда не стало единой ПВО Страны...

Александр Иванович Колдунов в годы Отечественной войны совершил 412 боевых вылетов, провел 96 воздушных боев, в которых лично сбил 46 самолетов противника. Две Звезды Героя Советского Союза достойно венчают ратный подвиг Александра Ивановича. Главный Маршал авиации Колдунов А.И. окончил военно-воздушную академию и академию Генерального штаба. Командовал авиационным полком, соединением, авиацией округа. Занимал должность заместителя Командующего Бакинским округом ПВО. В Москву прибыл в 1970 году и несколько лет командовал Войсками Московского округа ПВО, став затем Главнокомандующим Войсками ПВО - Заместителем Министра обороны СССР.

В течение многих лет Начальником Политического управления Войск ПВО, членом Военного Совета, был генерал-полковник Бобылев Сергей Андреевич. У меня остались самые лучшие воспоминания о его руководстве партийно-политической работой в Войсках.

Спокойный, уравновешенный характер, умелый воспитатель. В 1978 году я дважды проходил Военный Совет Главкома для утверждения Членом Военного Совета армии и всегда он находил время перед заседанием или после Совета провести обстоятельную беседу со мной о стиле и методах работы, о высочайшей ответственности, как представителя ЦК КПСС...

В 1987 году полет немецкого пилота Руста с посадкой в Москве, нанес большой удар по престижу Войск Противовоздушной Обороны. Мы, генералы и офицеры, не снимаем с себя ответственности за допущенные ошибки в организации ПВО...Я был уволен уже по болезни в 1985 году и то несколько суток не мог ни спать, ни есть, переживая случившееся. Особенно больно было за то, что еще в середине семидесятых годов Главком ПВО предпринимал все для того, чтобы не допустить подобного безнаказанного пролета, однако правительство с ним не согласилось...

Поэтому "Урок" должен быть не только нам - Войскам ПВО?!

Глава пятая ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ - НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Генерал Рылеев Г.Ф.... С Геннадием Федоровичем Рылеевым мы знакомы с давних пор - с 1956 года. Вместе с ним учились в Радиотехнической академии и академии ПВО, так сказать были однокашниками. До академии он прошел суровую школу для военного человека. Участвовал в Великой Отечественной войне рядовым артиллеристом, потом артиллерийское училище и службу в Воздушно-десантных войсках. Как говорят в народе: "Знает почему фунт лиха". На нашем курсе зенитно-ракетного факультета Калининской академии был партийным вожаком. Академию закончил с красным дипломом.

После окончания академии в 1960 году, по распределению направили его служить за Полярный круг "На точку" - командиром зенитно-ракетного дивизиона...

Много лет он прошагал по нелегким командирским ступеням военной службы и все там, на севере, - стал генерал-майором...

Мы, ракетчики ПВО, очень горды за свою военную профессию, понимаем, что в боевой готовности и защите мирного неба нашей Родины занимаем ведущее место. При встречах мы часами можем рассказывать о службе, особенностях боевого дежурства, о боевых стрельбах и совершенствовании боевой техники. Геннадий Федорович, обладая большой способностью рассказчика, доставлял мне удовольствие в качестве собеседника. Наша дружба продолжается много лет, хотя наши пути-дороги разошлись в разные стороны с 1960 года, встречи были редкими, но теплыми и дружескими: на отдыхе в санаториях или на подведении итогов учебного года в Главном штабе Войск ПВО. Поэтому, когда мы с ним были в рядах Вооруженных Сил больше вели беседу о днях, проведенных в академиях, о судьбе военной, наших товарищах-однокашниках, а о трудностях армейских, о жизни семей в отдаленных гарнизонах и "Точках" вести разговор не приходилось, просто не хватало времени при коротких встречах... Годы, сложная военная служба - берут свое. Стали появляться и болезни, о которых в молодости и понятия не имели, а за напряженностью ратных дел и не обращали на них внимания, пока дело не доходило до госпитализации. Так генерал Рылеев и тянул, пока в 1987 году не попал под "нож хирурга" в госпитале имени Бурденко. Казалось бы, все прошло нормально, как говорят пронесло, ан нет, в октябре 1988 года пришлось снова обратиться за медицинской помощью...

19 ноября, в День ракетных войск и артиллерии, я навестил своего друга в госпитале. Встрече были очень рады. У него дело шло на поправку. Вручил ему свою книгу "Самоходки, вперед!" Поделился планами на будущее, сказал, что собираюсь писать вторую книгу, уже не о временах Великой Отечественной войны, а о наших делах, о послевоенном периоде, боевом дежурстве в зенитно-ракетных войсках ПВО. Что очень хочется показать гражданским людям нелегкую жизнь жен и семей офицерского состава и по-своему интересную, иногда и романтику военных гарнизонов, и особенно жизнь на "Точках".

Геннадий Федорович был рад, что я хочу поднять интересную и сокровенную тему жизни военных и их семей, сказал: "Вот что, Саня, расскажу я тебе быль, которая мне запомнилась на всю жизнь. Можно сказать потрясла меня, человека видевшего всякое на большом жизненном пути. Что греха таить, гражданские люди, не знают каково живется женам и семьям военных, все им представляется в розовых красках и сплошном благополучии. А что у военного, обремененного семьей, после тридцати лет службы подчас даже своего угла не бывает их не удивляет... Да ладно, я не о том, а о самоотверженности наших жен тебе расскажу".

Рассказ первый:

- Задержался я на службе, командовал в ту пору зенитно-ракетным дивизионом. Дивизион нес боевое дежурство, я с группой контроля проверял боевую готовность. Что-то не удовлетворяло меня в работе расчета кабины боевого управления, поэтому мы с группой офицеров остались для проведения дополнительной тренировки и по домам отправились лишь за полночь. Подхожу домой, в окна темно, ну думаю, наверное все спят. Дергаю за ручку двери, чувствую, что дверь закрыта на замок. Открываю своим ключом, зажигаю свет - жены дома нет! Что за наваждение, куда Катерина могла деваться?! Позвонить соседям среди ночи неудобно, да и что подумать могут? Пойду искать, не могла же она далеко уйти, площадь же территории всего "пятак"! Направился к солдатской столовой. Снег, пурга метет, в десяти метрах ничего не видно... За столовой у нас была теплица и склады, вижу, как в сказке: теплица светится всеми огнями, раздается музыка. Захожу в теплицу, смотрю, на куче картошки сидит моя жена, а вокруг нее вся женская половина нашего маленького гарнизона. На всю мощь играет радиолы душе-раздирающее танго, а все женщины заняты переборкой картофеля... Вот-те на! Спрашиваю, что же вам дня что ли нет? А одна бойкая такая отвечает: "Товарищ майор, за Полярным кругом в эту пору, что день, что ночь - не поймешь, день там, где электричество горит, где светло. К тому же, вы хозяйственников упрекали, что они погноили картошку. Вот мы и воспользовались случаем, когда вас нет и наши мужья с вами, уложили детей спать и в овощехранилище. Ответ за нарушение распорядка дня, а вернее - ночи, пусть несет ваша жена Екатерина Григорьевна, она все это и придумала!" Дружный хохот заглушил радиолу! Что скажешь? Смотрю и офицеры все собрались в овощехранилище, не застав своих драгоценнейших дома. "Перерыв в работе!" - скомандовал я. Нашли свободное место при входе в хранилище, примерно пять на пять метров, пригласили наших жен на танцы. Хорошо, что и за музыкой не пришлось идти...

Рассказ второй:

- Командовал я уже бригадой. Дивизионы "разбросаны" сам знаешь как, опять же ночь, темно, хоть глаз выколи, но уже под утро около шести. Еду на газике, оборудованном по-нашему, по-полярному, одет во все меховое, все равно холодно, зябко. Дорога проходит по снежному туннелю, двум машинам встречным с трудом разехаться. Фары включены на дальний свет. Вижу, метрах в пятидесяти маячит

человеческая фигура. Подъезжаем ближе. Стоит, а вернее пританцовывает от холода, женщина на дороге. Машет рукой. Останавливаемся... "Куда Вам? - спрашиваю. - В совхоз "Пушное", - отвечает. Проворно садится на заднее сиденье. Спрашиваю, что вас заставило в такую раннюю пору добираться до "Пушного", туда же двадцать пять километров? Отвечает: "Больше, пожалуй за тридцать! Так каждый день. Я работаю учительницей в школе. Живу здесь на "Точке". Позывной телефонной станции "Пылинка". Вот Я с этой "Пылинки" на "Пушное" попутным транспортом езжу. Хорошо, что у нас на севере святой закон для водителей: человек на дороге, обязательно возьми! И берут, никогда не отказывают. Приходится одеваться очень тепло, редко, когда приходится в "легковой" ездить, чаще на грузовиках, а бывает и на открытых - без тента. Но все равно, на каких машинах не еду, а к восьми утра (за час до начала уроков) я бываю в школе." И давно так, - спрашиваю: "Уже три года, - отвечает, - как старшей дочери исполнилось одиннадцать, за няньку стала оставаться, так и пошла на работу, а у нас на "Пылинке" такой работы нет, боюсь квалификацию потерять, На "Пушном" школа средняя. Веселая жизнь, "кручусь, как белка в колесе", а по-другому Я не могу"...

Третий рассказ:

Последний тебе, Саня, рассказ о наших Заполярных подругах поведаю. Меня он потряс больше, чем два предыдущих... Дело было весной. Не думай, что там все зима, да зима? Круглые сутки светло, солнышко стало пригревать, а все равно всегда в шинели, чуть солнца нет и холодно. Так я воротом шинели натер себе шею так, что образовался фурункул. Из дома выезжал в пять-шесть утра и неудобно было в санчасти по пустякам людей беспокоить. И так несколько дней подряд. Досаждать эта болячка стала здорово. Приезжаю в один из зенитно-ракетных дивизионов. Выхожу из машины, скособочив голову, чтобы не коснуться воротником шинели. Командир дивизиона это заметил и предложил мне зайти к медицинской сестре сделать перевязку... Знаешь, видывал красавиц, но, чтоб такую, да у нас на крайнем севере! Или весна тому причина, однако я был поражен. Смотрю на нее и не могу наглядеться, невольно кособочиться перестал, не сказочная ли это принцесса? Надень на нее корону, а остальное все подходит: белый халат снежной чистоты, тоненькая, как былинка и особенно пальчики на руках тонюсенькие, тонюсенькие. Сделала она мне перевязку, только тогда я ее спросил: "Да, как же вы такая красавица к нам на эту "Точку" попали? Вам не медсестрой, а балериной быть, отбоя от поклонников не было бы?" - "Все в прошлом, - говорит она, - была я балериной в театре оперы и балета в Киеве. Были и поклонники!" - И игриво так меня спрашивает: "А мужа моего - офицера наведения знаете? Куда киевским поклонникам до него! Влюбилась... Да за ним хоть на край света, правда мы не так далеко от него и находимся. Уже три года с ним здесь и ничего, не жалею, а работать везде можно, хотя бы медсестрой..."

- Что ты скажешь, Александр Григорьевич, на это? Ведь бывает же такая любовь, что может принять такие пожертвования... Ну, что уморил тебя своими рассказами. Хотелось расспросить о твоей жизни. Знаю только о твоей службе: генералом стал, это говорит само за себя, немногие наши однокашники по академии так прошли службу, как мы с тобой. Но, все же не могу не рассказать еще об одном случае, из разряда курьезных. Такое может быть только на Севере! Вот послушай. Ночной на квартиру звонок.

Сам знаешь, по пустякам командиру бригады среди ночи звонить не будут!...Звонит командир дивизиона и сбивчиво докладывает: "Товарищ полковник, четыре белых медведя обложили наружную уборную и не выпускают из нее солдат. Разрешите их отстрелять!"

-Что ты,- ему говорю,- под Трибунал хочешь пойти за такие дела! Ты их взрывпакетами! Есть они у тебя? "Есть,- радостно отвечает,- сейчас я их пугну!" Всю ночь он их отпугивал, а они все никак не уходили с позиции, а один медвежонок так привязался к солдатам, что стал "своим", несколько месяцев был в "товарищах", как номер боевого расчета перед построением на ужин или обед заявлялся полакомиться глушечным молоком...

- Многие можно тебе еще рассказать про нашу Заполярную жизнь... Недаром в народе говорят: "Жизнь прожить - не поле перейти". Но продолжение, какнибудь в другой раз. Рассказывай о себе. В Подмосковье-то наверное получше нашего? Вам там в театры московские можно было ездить? Сам смеется, знает, что я, как и он, в боевой готовности все 25 лет находился, какие там развлечения!

Начал я свой рассказ издалека:

- В нашей семье я был долго одним ребенком (двенадцать лет). Вначале трудности у родителей с устройством на работу, потом долгие годы без собственного угла. С кем оставить малого ребенка? Эти проблемы в тридцатых годах в городах и пригородах имели определенное значение для состава семьи. С детьми более двух, сложно было найти даже у частников комнатуху. Когда же в 1935 году матери удалось получить участок для постройки собственного дома, для этого ей пришлось оставить работу в столовой и пойти в колхоз местный, под названием "Заре навстречу". Он был в нашем поселке Хлыстово, где мы жили. Это было условием для получения земельного участка, иначе получить было невозможно. После постройки дома обзавелись коровой, звали ее "Чужайка". Корова была высокоудойной, костромской породы, черная с белым. Была она у нас более семи лет, и была кормилицей не только для нашей семьи, так как давала доход порядка 1500 рублей (в старых ценах), но и для местных жителей. Желающих купить молоко было очень много, мать разносила (или приходили на дом) молоко определенным семьям, отдавая предпочтение тем, у кого были малые дети. Расчет производился один - два раза в месяц, в получку. Мама умерла 18 ноября 1983 года, от инфаркта. Это случилось в четыре часа утра накануне, помощь оказали вовремя. В больнице ей сделали все необходимое, боли сняли, а в час дня лечащий врач стал ее осматривать, она оживленно беседовала, говорила, какой она счастливый человек,

какие у нее хорошие сыновья, невестки, внуки и правнуки... Потом посмотрела на врача, улыбнулась, ойкнула и скончалась... Эта возвышенная одухотворенность, так и осталась на ее лице. В гробу она лежала молодая, красивая, значительно моложе своих 79 лет. Провожать ее в последний путь пришли не только родственники, но и многие знакомые, и те, кого она когда то выкормила "Чужайкиным" молоком...

- В 1937 году, 4 сентября родился брат, назвали его Алексеем (в честь деда Алексея Николаевича). Основной нянькой был ему я. Мне уже было двенадцать лет. Обязанности няньки мне были не в тягость. Мальчишка очень был привязан ко мне, а я его всем сердцем любил. Алешка был ребенком неплаксивым и некрикливым. Начал говорить поздно, когда ему было около двух лет, слыша, как все взрослые меня зовут Шуриком, попытался и он сначала звать так же. Но, не выговаривая "ш" и "р" - у него получалось "Фуик". Это вызывало улыбки и смех окружающих. Алеша своим детским чутьем понимал, что говорит, что-то не очень хорошее, перестал вообще меня называть по имени... Потом самостоятельно однажды меня назвал Саняткой, посмотрел на мать? Та поняла, что он ищет выход, подбодрила Алешу и сама тоже меня так стала звать.

- Вот видишь Гена (генерал Рылеев) не только вы с Димой Зориным в академии меня звали Саней, а мой средний брат Алексей... А помнишь, как бывало на жарких волейбольных встречах кричали всем вторым факультетом: "Саня, обходи блок - бей!" И Саня бил! Обходя двойные блоки, а то и через них...

- Да, помню Саня, как вы с Вадимом Кузнецовым и Димой Зориным были грозой для других команд не только академических, но и всего города Калинина. Вы были нашими кумирами,- сказал Геннадий Федорович,- наверное у тебя это с детства было заложено?

Расскажи:

- Конечно с детства,- отвечаю ему,- только тогда волейбол был не в моде, да и сложности с оборудованием площадки и инвентарем: где взять сетку, мяч не из тряпок, а чтобы отскакивал и прыгал. Без настоящего мяча, какая это игра в волейбол?! Вот футбол, дело другое - здесь даже пустая консервная банка и та может заменить мяч... Парнишка я был непоседливый: футбол, другие игры с ребятами - все это продолжалось с прежней, если не с большей активностью после того, как я стал Алешинной "нянькой". А куда же девать Алешку, когда так нужно поиграть и поразвлечься? Так с собой, с одного года. Заверну его в стеганое одеяльце, чтоб потеплее и "дую" во все концы, прихватив бутылочку молочка. Даже в такую подвижную игру, как "казаки и разбойники", когда в течение нескольких часов приходится набегать километров десять, причем не только бегать, но и ползти, прятаться и догонять "разбойников" или убежать от "казаков"; Алеша был все время со мной. Ко всему этому, страстная любовь к рыбной ловле - не покидала меня и тогда, когда Алеша уже был на моих руках... Однажды, ему было чуть больше годика, ходил он еще плохо, мы с Володей Глазуновым, моим сверстником и соседом, в конце сентября, отправились ловить рыбу на так называемый "мужской" пруд. Володя был такой же фанатик-

рыболов, как и я. "мужским" этот пруд назывался потому, что купаться в нем отваживались только взрослые парни и мужчины. Пруд пользовался худой славой. Когда-то он соединялся с рекой Пехоркой, а потом стал ее старицей. Там была в двадцатых годах мельница. Мельницы уже давно не стало, а настил деревянный остался на глубине более пятнадцати метров. И, кто не нырнет с берега, где ближе был настил, а ныряльщики были мужчины, они бесследно исчезали.

Трупы не всплывали, поскольку попадали под настил... Первое время не могли догадаться даже вызванные для розыска утонувших водолазы. Потом, когда поняли, как все это происходит, стали снова купаться, несмотря на опасность попасть под настил. Это было испытанием на смелость и отвагу и требовало от нас определенного мужества. Мы, мальчишки подростки, безусловно купались только на этом пруду, показывая этим свою зрелость и отвагу... На противоположной стороне реки Пехорки был другой пруд: "воробью поколено", глубиной метра два посередине, не более. Купались там только женщины да малые дети. Этот пруд так и назывался: "женский". Мальчишки лет с десяти уже считали позорным для себя купаться на этом пруду. Хотя и с большим страхом, как только обучались мало-мальски держаться на воде, переходили купаться на "мужской" пруд и это было по-своему для них боевым крещением. Первый вход новичка в воду на этом пруду было для всех ребят поселка большим событием. Все собирались на берегу в полной готовности подстраховать и, если нужно, оказать помощь. Новичок, обычно бросался, очертя голову, с берега в воду, а берега были крутыми, бултыхался, и как мог, плыл к берегу. Вода даже в июле месяце в "мужском" пруду была очень холодной, не более 17-18 градусов. Рыбы в пруду было много. Очень хорошо ловились крупные окуни и щучки, особенно в сентябре месяце... И вот мы раненько с Володей Глазуновым, забрав Алешку, отправились на рыбалку. Усадил я его на одеяльце метрах в семи от берега, сам стал ловить рядом, ничего не клюет. Перебрался на глубину к настилу под водой, пошли поклевки. Одного окуня вытащил, второго. Увлёкся и не заметил, как ребенок на четвереньках подполз к обрыву и - бултых!... Володя увидел тоже только в момент падения, кричит: "Шурик - Алешка!" Увидел я расходящиеся круги и с места, где ловил, нырнул плашмя, чтобы не попасть под настил и поплыл к месту падения. Вижу Володя бежит по берегу туда же, а по берегу более пятидесяти метров. Проплыл я метров пятнадцать и с ходу перевернувшись нырнул на дно. Вода прозрачная...Схватил я его, а он уже и пузыри не пускает. Вытащил, стали мы его откачивать...Вода полилась изо рта, заморгал глазами, стал дышать. Завернул я его в одеяло и бегом домой.

Дома полдня над ним просидел. К приходу матери с работы на обед домой Алешка ползал и смеялся, как ни в чем не бывало. Подполз к маме и все пытался ей объяснить: "Куп-куп, да куп-куп", а она меня спрашивает: "Чего это он?" - Да так,- отвечаю,- на рыбалке с ним были,- больше ничего ей не сказал, боялся, что она со мной его одного не оставит. Но знаешь, Гена, рыбак из него получился что надо, настоящий, куда больший фанатик, чем его старший брат, да и человек, что надо!

- Перед началом войны, 22 апреля 1941 года родился мой третий брат - Валентин. Тяжелую военную судьбину пришлось нам с мамой пережить и испытать, имея двух малышей: одному около четырех лет, другому несколько месяцев... Отец - железнодорожник был на казарменном положении - жил и работал в депо Москва-Сортировочная. На мать и братьев продовольственных карточек не давали, потому что колхозникам они не были положены, а из колхоза продуктов почти ничего не получали. Только моя служебная карточка, на которую получали 500 граммов хлеба, да другие скудные продукты и были нашим официальным достатком на семью из четырех человек. Одно спасение от голода, корова "Чужайка", а потом от нее, такая же красавица и умница "Чайка"! Однако в октябре 1941 года совсем стало плохо: на мою карточку ничего получить было невозможно, нужно было ездить в Москву, а поезда не ходили. Немцы были в ста километрах от Москвы, а потом и еще ближе... Что делать? Мама мне говорит: "Поеду в глубинку менять что-либо из вещей,- а какие там вещи? - Может быть, картошки привезу?" Из колхоза осенью мы ничего не получили, а запасов от урожая 1940 года уже не осталось. Возьми мою гармошку,- говорю я ей,- может быть кто и возьмет." Хорошая была гармошка, так называемая "Киселевская" - русского строя, вся в перламутре... Более десяти дней мамы не было. Я уже думал один я остался с детворой... И вот она появилась! Да на машине с восемью мешками картошки! Ты, Геннадий Федорович, никогда не ел из крахмальной муки от мерзлой картошки оладьи? - Пальчики оближешь, кажется, нет ничего на свете вкуснее!... Ожили мы. Привезенного мамой, на всю суровую зиму хватило, да кое-что и обменять сумели на другие продукты. А за гармошку мама выменяла шесть мешков картошки, как она нас выручила! Во второй половине октября 1941 года бомбежки стали невыносимы. Все ночи, а ночи были холодные, мы проводили в перекрытой траншее, туда же были перенесены теплые вещи и продукты. Там же мы оборудовали спальные места, поставили печку-буржуйку. Падение бомб было близким, ближайšie - двести метров, а в трехстах метрах от нашего дома, за колхозным сараем упала полутонная бомба, так от ее взрыва мы с Машей Гордеевой, двоюродной маминой сестрой, были отброшены к противоположной стороне траншеи. Мы с Машей стояли у входа в траншею и смотрели на дом, чтобы сбрасывать зажигательные бомбы, в случае попадания их на крышу. Жить ребятам в траншее, в такое время года было опасным для их здоровья, и мама, посоветовавшись со мной, решила с малышами уехать в дальнюю деревню Мотяково, которая была расположена в глубоком лесу и далеко от промышленных центров, подвергавшимся постоянным налетам немецких бомбардировщиков. Я же остался, чтобы охранять дом... Мама взяла лошадь в колхозе, погрузила теплые вещи на телегу, продукты, усадила ребятшек, привязала корову и поехала к знакомым в Мотяково. В дороге их постигла неудача. На крутой горе от деревни Машково к Марусино лошадь "понесла". "Чужайка" не сдержала ее, оборвалась веревка, мама пыталась остановит, но не удержала на руках младшего брата Валентина (ему в ту пору было семь месяцев) и он упал на дорогу,

словав правую руку... В тот же день они вернулись домой, чтобы в медицинском пункте оказать помощь малышке, наложили гипс, но неудачно: перелом сросся, но рука у него не стала разгибаться на полную прямую и так и осталась навсегда... Пережили мы и осаду Москвы в ноябре 1941 года. Страшно было, когда до половины дня 17-го, не было никаких известий и рады были появившимся вечером первых электричек с людьми из Москвы с сообщением, что наша Столица сдерживает натиск немецких полчищ... Пережили и голодную зиму 1942 года, наученные горьким опытом зимы 41-го; весной использовали любой клочок близлежащей земли и посадили картошку. Осенью 42-го, нас студентов техникума, отправили копать картошку в научно-исследовательский картофельный институт, который располагался в поселке Коренево, это в пяти километрах от нашего дома. Руководство института за нашу работу позволяло нам ежедневно брать по пять килограммов картошки. У меня была вельветовая курточка с пояском, и я набирал за пазуху эту бесценную картошку, и после работы, поздно вечером, бежал к матери домой. Как она была рада этому гостинцу. Картофель был сортовой, как сейчас помню, назывался он так: "Эби-Кур" и "Красная роза", чистый, крупный, одним словом - элита. Мама срезала верхушку с глазками на посадку, остальную часть использовала в пищу.

Долгие годы и после войны эти сорта картофеля, началом которых была принесенная мною картошка, оставались в нашем хозяйстве, как память о пережитых тяжелых военных годах... В начале января 1943 года я был призван в армию и ушел на фронт. Мать продолжала работать в колхозе, а отец так и был на казарменном положении, помощником машиниста на товарных поездах дальнего следования... Братья подрастали. Алексей принял эстафету труженика от меня и стал опорой матери, взвалив на свои хрупкие, мальчишеские плечи непосильный труд и стал незаменимым помощником у нее. Подрастая, все хозяйские заботы по дому легли на него. Корм для коровы, особенно комбикорм и отруби, без чего корова не даст молока, купить было делом нелегким. Нужно было ехать на электричке в Москву, найти, где их продают. Потом отстоять большую очередь и, купив более двадцати килограммов, на своих мальчишеских плечах нести мешок до железнодорожной станции, а потом от станции Томилино домой два километра. Непосильная ноша сделала свое коварное дело. Ноги стали распухать, появился тромбоз... Характер у Алексея золотой. Моя Валентина Андреевна так о нем говорит: "Все вы братья Горелкины хорошие ребята, слов нет, но лучше всех из вас - Алексей". У них взаимная привязанность и уважение с давних пор, он сейчас и зовет ее: "Мамочка моя". Еще в далекие пятидесятые годы, когда ему было тринадцать лет, он приезжал к нам в Белоруссию, где я служил в танковой дивизии. Мама, зная, что у нас трудности с продуктами, нагружала в дорогу мукой, крупами. А дорога дальняя. Нужно было делать пересадку в Орше. К нам поезд приходил один раз в сутки, поздно вечером. В часть от железнодорожной станции Заслоново нужно было ехать еще пять километров на автомашине. Ехал первый раз, он очень беспокоился, что

его никто из нас не встретит. Когда же увидел, что его встречает Валентина, обрадовался, с мешками соскочил с высокой подножки вагона и, придавленный ими, упал. Вскочил и смеется и плачет. И вместе с ним, глядя на эту сцену, разревелась Валя... Ездить в каникулы к нам в Белоруссию братья очень любили, несмотря на то, что это было далеко и с пересадками. В реке Улла-Ульянке было много рыбы, изобилие ягод и грибов, мягкий климат, приветливость и заботы Валентины. Все это, дом, река и лес все рядом, образно говоря, из окна квартиры можно было забрасывать удочку. Отдых для ребят был прекрасный. Ходил в походы и я с ними, а когда уходил на рыбалку, то договаривался с Валентиной, если меня будут вызывать на службу, то на оконную форточку она должна будет вывесить полотенце. Этот сигнал я видел издавека...

Алексей был очень усердным в учебе, несмотря на то, что она давалась ему с большим трудом, он успешно закончил школу, техникум и заочно строительный институт...

- Младший брат Валентин, был парнишка с характером. Пользуясь привилегией младшего в семье, он это хорошо для себя усвоил. Алешиной добротой пользовался, заставляя его решать домашние уроки и не с просьбой, а с требованием: "Алеска, реши задачку!"

И все тут. Иначе, если не решит, то задаст скандал...

- Меня братья боготворили. Мой приезд в отпуск был для них самым радостным событием года. Наша дружная танкистская четверка: Коля Ларичкин, Виталий Кочерещенко, Юра Михайлов и я, были их кумирами. Общие семейные встречи по случаю нашего приезда в отпуск и проводы, были незабываемыми для них. Все наши фронтовые песни они знали и, забравшись под праздничный стол, оттуда подавали голос, когда им казалось, что уж больно долго все едят и пьют, а песен петь не начинают. Особенно полюбилась им песня английских фронтовых летчиков: "Нашел я чудный кабачок" - и наша: "Эх путь дорожка фронтовая, не страшна нам бомбежка любая..." Мы, конечно, их сигнал к началу песен воспринимали, а исполнители, особенно Виталий Кочерещенко, были отменные. Пели с большим подъемом, красиво и мощно.

В свой первый приезд в отпуск я на Перовском рынке им купил новый, взрослый велосипед. Когда я с ним появился дома и сказал, что это мой подарок для них, то они долго оставались "в шоке", никак не могли представить себе, что стали счастливыми его обладателями. После войны, в нашем поселке Хлыстово, для их сверстников это было событием чрезвычайным! А тут, вдруг, новенький, взрослый велосипед! И ничего, что с рамы до педалей достать ногами нельзя... Можно и под раму, и с багажника без седла, зато попробуй - догони! Мне кажется, именно мои приезды в отпуск, в послевоенные годы, зародили в детские сердца вечную, братскую любовь...

- Давай, Саня, сделаем перерыв. Погуляем по скверу госпитальному, а потом ты мне о своих детях расскажешь, да и про жизнь в Подмосковных гарнизонах, Столица-то у вас рядом, наверное, повеселее чем у нас на Севере?

- Да, Геннадий Федорович, наверное нужно прерваться и пройтись по свежему воздуху, на улице хоть и ветрено, но хорошо, морозец так и обжигает. А потом я тебе расскажу про жизнь моей большой семьи... Недолго мы прогуливались, уж больно тяжело смотреть на несчастных калек, воинов "Афганцев", без ног на колясках. Одно дело: Великая Отечественная война, тогда все были равны и гражданские и военные, а здесь, видеть этих калек вместе с холеными парнями в дубленках, которые к ним пришли... "Нож в сердце!"... Мы не могли дальше продолжать прогулку... Вернулись в госпитальную палату и я продолжил свой рассказ:

- В 1949 году, прожив совместно с Валентиной около года, мы однажды с ней в шутку загадали: "А что, если у нас когда-нибудь будет большая семья, ну, скажем, семь человек?" Поводом к шутке послужил большой диван, полученный из части на прокат. На диване действительно можно было разместить семь-восемь человек. долгое время он нам служил верой и правдой. Этот диван перед нами, совершенно неожиданно, поставил однажды такую загадку, над которой мы "ломали голову", как ее разрешить? А дело было вот в чем: как-то вынесли мы с Валею диван посушить и выбить пыль, когда стали бить палкой по обшивке сзади дивана, то, вдруг, вывалился из него армейский карабин! Война давно уже кончилась. С незаконным хранением оружия было строго, были грозные приказы, за сокрытие строго наказывали, вплоть до суда Военного трибунала... Пошел я к командиру полка полковнику Осадченко, чудесный был человек, большой души. Рассказал ему о карабине, он, безусловно, мне поверил и даже рассмеялся, глядя на мою удрученную физиономию... Командир полка дал команду перевести карабин в учебный, его разобрали, а ствол с затвором использовали на винтполигоне для обучения артиллеристов стрельбе с закрытой огневой позиции. Вот такая предыстория к созданию нашей большой семьи...

К восьмидесятым годам мы выполнили задачу, которую в шутку поставили себе при получении того большого дивана. На долгое время мы собираемся всей нашей дружной семьей Горелкиных: девять человек. Был бы жив мой дед Горелкин Алексей Николаевич остался бы нами доволен: хорошее продолжение рода человеческого! Но, невольно может возникнуть вопрос: как в семье военного, при кочевом образе жизни можно сохранить дружную семью. Здесь есть свои положительные и отрицательные стороны. Положительной стороной для большой семьи является достаточное количество няnek для малышей: кто-то в отпуске или работает на половину зарплаты, или не работает, когда ребенку менее полутора лет. Поэтому, вместе со своим, она (невестка или дочь) присматривает и за другими своими племянниками. Сами дети, при этом также являются помощниками, вроде игры. И так, в этой круговерти вырастают, приучаемые к труду дети. Могут мне возразить: "Хорошо, если большая квартира! А если маленькая?" Плохо, конечно, и значительно труднее решать многие жизненные проблемы...

Как же мы выходили из трудного положения, имея большую семью? В 1976 году мы шестером жили в 36 метровой квартире, а был я уже полковником, потом и генералом - заместителем командира

соединения. В этой квартире мы жили пять лет и получалось неплохо. Самое главное это дружба в большой семье, забота друг о друге, не выходить из-за пустяков из равновесия, не вступать в конфликтные ситуации... Трудности? Они, конечно, есть в больших семьях, но, что удивительно: в семьях с большим достатком их больше, чем скуднее заработок, тем все неурядицы проходят более спокойней. Главное, как вести хозяйство: вместе или раздельно! У нас пятнадцать лет, как образовалась такая семья, все заботы о "Хлебе насущном" мать - Валентина взяла на себя. Безусловно, такая форма ведения хозяйства возможна только в обеспеченных семьях, однако, много есть примеров, особенно в сельской местности, когда хорошо уживаются большие семьи при едином его ведении. Больше неприятностей бывает просто из-за амбиций, а они чаще всего бывают среди прекрасной половины рода человеческого. Мы считаем, что нам очень повезло, когда в нашей семье, тогда еще небольшой, появилась невестка - Татьяна. Настоящая дружба, как у родных сестер, а может быть и крепче, сложились между дочерью Еленой и Татьяной. Долго сотрудники у них на работе удивлялись тому, какую большую взаимную заботу они проявляли друг к другу. Каждую покупку они стараются приобрести одинаковую, если достанется одна какая-нибудь вещь, обязательно предложат друг другу. Добрые взаимоотношения между дочерьми и невестками, это самое главное в большой семье... Положение зятя в большой семье, значительно проще, чем невестки. Однако, наш Володя Еремин, сложно входил в наш семейный круг. Человек с тонкой натурой и ранимой душой, тяжело вначале переносил бескомпромиссный характер Валентины Андреевны. Я по своему, по-мужски его понимал, старался поддержать "не дать в обиду" и сгладить некоторые издержки во взаимоотношениях, потом все наладилось...

- Давай, Александр Григорьевич, сделаем перерыв на обед, а то он уже заканчивается по госпитальному распорядку дня, потом ты все же расскажи о мероприятиях, которые вы проводили в Подмосковных гарнизонах, направленных на укрепление дружбы семей офицерского состава, на сплочение воинского коллектива,- сказал Геннадий Федорович Рылеев...

После обеда я рассказал Геннадию о нашей семейной встрече ветеранов с семьями молодых офицеров. Он стал внимательно меня слушать, ранее мы такой темы не касались... Такая встреча состоялась в 1979 году, когда мы были уже в большом гарнизоне. Ведущими на встрече были диктор Центрального телевидения Заслуженная артистка РСФСР Светлана Моргунова и молодой, способный офицер - майор Александр Лясковский. Во встрече семей-поколений принимал участие поэт, наш однополчанин, Игорь Иванович Ляпин. Он выступил со своими стихами, в которых была отражена роль офицерских жен, армейская дружба и товарищество. Нам подарил он книги своих стихов, а Валентине Андреевне вот такое стихотворение:

Те дни уже далековато,
Когда ты ясною звездой,
Затмила свет для лейтенанта,

И в ЗАГСе ахали девчата -
Какой он парень огневой!

О, вашей молодости грезы,
Бесценный дар счастливых дней.
Но мир вокруг не только звездный,
Он шел на вас большой, серьезный,
Во всей суровости своей.

И он поздравил вас повесткой,
Свою подчеркивая власть,
Строкою четкою и веской,
И вашей свадебной поездкой,
Стал путь в означенную часть.

С тех пор, как будто так и нужно,
Летит навстречу горизонт,
Поскольку носит служба мужа,
То в северном краю, то в южном,
Из гарнизона в гарнизон.

И пусть к твоей отметят чести,
Что как ни хлопотно с детьми,
Ты всюду с ним, повсюду вместе,
И чемодан не в дальнем месте,
Всегда, как верный друг семьи.

И вы не знаете раздора,
И оба душами светлы,
И вышло так, без уговора,
Что ты всю жизнь - его опора,
Его надежные тылы.

За эту за твою отвагу-
Такою преданною быть,
Что с ним на праздник и на плаху,
Все звезды мужа и папаху,
Не грех самой тебе носить.

И он, твой самый ясноокий,
Вовек никем не победим,
Мужчина в жизни очень стойкий,
Недосягаемо высокий,
Когда есть женщина над ним.

В последующем, мы с радостью узнали, что Игорю Ивановичу Ляпину присвоили звание лауреата Премии Ленинского Комсомола за книгу "Не в чистом поле" и поэму "Линия судьбы"...

Нам с Валентиной Андреевной, выделили главные роли на встрече. Нашу жизнь перед молодыми офицерскими семьями выставляли напоказ. Все присутствующие, в том числе и молодые офицеры с их женами, нас знали более десяти лет, а некоторые со дня рождения. Они

знали не только о нас, но также и то, как росли и учились наши дети и внуки. Мы были очень горды оказанным доверием, К этой встрече заранее готовились. Сценарий вместе с ведущими был отработан перед началом встречи. Все прошло хорошо, с большим подъемом, радостно и оживленно. После чего московские артисты показали нам различные инсценировки из кинофильма: "Офицеры" с участием актрисы Покровской, исполнявшей заглавную роль в этом фильме...

А сама встреча проходила вот так, ведущие: Светлана Моргунова ко мне, Александр Лясковский - к Валентине Андреевне обращались с вопросами, а мы на них отвечали...

Первым на поставленные вопросы пришлось отвечать мне. Я рассказал о своем участии в Великой Отечественной войне, за что получил свой первый боевой орден...

Валентине Андреевне, Александр поставил более сложные вопросы, которые сводились все же к одному: "Какой должна быть офицерская жена?" Как вести себя, что нужно делать, чтобы жизнь была полнокровной и интересной? Наши ответы были заранее записаны, чтобы мы себя прослушали и в последующем, на сцене не отходили от текста...

Я все изложил, так, как было записано. Мне показалось, что у меня получилось не очень впечатляюще. Говорю, а сам смотрю на лица: ветераны-фронтовики вроде понимают, кивают головой, как бы поддакивая; молодежь - восторженно, но чувствую, что без понятия: "Мол, не заливаешь ли подчас, Александр Григорьевич!" Мне много приходилось выступать в подобных условиях, поэтому за себя не переживал и не волновался. Думал, а как получится у Валентины? Ей в таких условиях не приходилось бывать!

Все, что заранее готовилось для выступления, она говорить не стала... Ведущие переглянулись, думали, что придется выручать наводящими вопросами. Светлана Моргунова, потом, после встречи прижалась в этом...

Валентина около минуты постояла в раздумье, глядя в зал, и начала с того, как мои друзья-танкисты встретили ее первый раз, а приехала она в гарнизон, когда я был на полигоне, далеко от части. Какое внимание со стороны офицеров и их жен ей уделяли, как входила в коллектив и приросла всей душой к нему. Как нужно было ухитриться на электрической плитке за два часа ночью приготовить пищу на следующий день, так как электроэнергию давали только один раз в сутки: с одиннадцати часов вечера до часу ночи. Все это нужно было делать в казарме, в которой было двадцать комнатушек, отделенных друг от друга картонными перегородками. Поэтому, с целью противопожарной безопасности, никакие другие нагревательные приборы, кроме электроплиток и то маломощных, не разрешали использовать, а электроэнергию давали только на два часа от дизелей, промышленной сети еще не было. В таких комнатушках (по пять-шесть метров) жили офицерские семьи в составе до четырех человек и считали себя обеспеченными жильем, поскольку многие семьи жили за три-пять километров от гарнизона, снимая комнаты в деревнях у частников...

Далее, как выдержать испытание частой разлуки с мужем, бывает на месяц, а то и на два-три, когда части выезжают в летние лагеря. О том, что просто необходимо участвовать во всех мероприятиях жизни части...

Выступление у нее получилось хорошее, сердечное и доходчивое. Слушатели, особенно молодые жены офицеров, наградили ее аплодисментами... Потом, уже после встречи - дома, она мне рассказала: "Вот смотрела в зал на молодые лица, когда это я все им говорила, а у самой все сидит и сверлит мозг мысль, мал лимит времени, а то бы я вам рассказала и многое другое..."

Как настаивала, чтобы муж окончил 10 классов вечерней школы, а потом поступил бы на учебу в академию.

Как однажды, когда все строевые офицеры части, в том числе и муж, были на артиллерийском полигоне за двести километров от гарнизона и они вечером с соседкой убежали на танцы в соседний гарнизон за пять километров, оставив годовалого сына у друзей.

А на танцах, офицеры-холостяки их приняли за женщин вольного поведения и они бежали от них домой, проклиная себя на чем свет стоит, зарекаясь, что этого больше никогда не повторится. Потом, какие мучения испытывала, что сразу, с приездом Саши с полигона, не рассказала ему об этом - смалодушничала...

Как тяжело, когда нет никакого детского питания и даже молока, воспитать, вырастить двоих детей. Как с ними, одному пять, другой годик, переезжать за тридевять земель. А там, ни кола, ни двора. Ходишь по частным домам и Христа ради просишь, чтобы хозяева тебя с детьми пустили на квартиру, а они "кочевряжатся", набивая цену, а эта цена - половины зарплаты мужа. Потом, когда вроде бы уже договорились, наконец-то пустили - оказывается, что нужно еще отдать последние, до копейки, пятьсот рублей за полтонны дров, а на перевозку их, этих проклятых дров, уже нет денег и нужно на "Холодной Горе" по всей Ново-Проезжей улице искать у соседей тележку, чтобы перевезти эти дрова. И, что завтра, муж гвардеец-майор, грудь в орденах, из-за отсутствия пятнадцати копеек на троллейбус, пойдет в академию пешком с "Холодной Горы" до площади Дзержинского... А дочка, только ходить начала и то понимает, что у чужих живет. Что постель ее - чемодан типа сундук, цветы на дворе рвать нельзя, а очень хочется сорвать! Так хочется, что для того, чтобы избежать искушения, нужно сделать ручки назад, зацепить их в замок и спросить мать: "Рвать нельзя, а помухать (понюхать) можно?" И, не удержав равновесия, упасть в клумбу лицом! Какие силы небесные нужны матери, чтобы видеть все это и не завывать от бессилия, а что-либо изменить нельзя. Другого выхода нет: покажут хозяева от ворот-поворот, иди опять клянчи, чтобы пустили на постой. А тут, среди зимы, когда уже обосновались и даже шесть мешков картошки закопали во дворе впрок, вдруг мужа в феврале месяце переводят в другую академию, в другой город! Опять сборы, а что делать с картошкой? Откопать из под снега? Откопали. Стояла на базаре с ней, чтобы продать, так опыта в торговле нет - никто не берет! За целый день и половины денег не выручила, которые были затрачены на ее покупку... На новом месте, сын в школу пошел, тяжело заболела сама: ангина с

высокой температурой. С утра никому не призналась. Отправила своих мужчин, одного в академию, другого в школу и, потеряла сознание... В доме никого. Очнулась от плача Леночки-дочери: "Мама, не умирай, подожди!" Да, в наших кочевых условиях даже болеть нельзя, нужно и ее-проклятую обойти, расслабляться нельзя!...

И так все тридцать лет, пока была с мужем, когда он был в армии. Казалось бы, после окончания академии, станет полегче? Он подполковником стал. Назначили на высокую должность. Может и скоро квартиру наконец-то свою получим, свою - без хозяев. Да вот беда? К хозяевам вроде бы привыкла, за три года, как родные стали. Когда прежние, Прокофьевы, вынуждены были продавать дом, так перед новыми домовладельцами поставили условия, чтобы непременно дом покупали с нами, с квартирантами, чтобы нас не обидеть! Да, раздумья, раздумья... А все же хорошо жизнь складывается: ни с кем ни разу не вступила в серьезный спор, столько друзей, знакомых... Начнешь поздравительные письма писать во все концы Страны, вечера два уйдет... 1965 год, казалось бы, теперь уже все трудности позади. Саша полковник, командир полка. Да куда там, забот еще больше. У него постоянная боевая готовность. А в 1962 году, "Карибский кризис" он сидел у пульта пуска боевых ракет, даже отца родного, когда он умер седьмого ноября, только на два часа отпустили на похороны!...

В магазине военторга можно было бы и без очереди взять, так ведь некоторые командири делают. Нет, как же, доверие потеряю и мужа в "верхах" на совещании упрекнут. Да, в конце-концов, как в глаза другим смотреть буду - собственная совесть не позволит. Специально для мужа по заказу кожаные перчатки привезли, взяла и купила. Так, мне кажется, целый месяц на меня все косо смотрели...

Ни минуты покоя, ни днем, ни ночью. Особенно тревожны ночные телефонные звонки по служебному телефону. У него и "голос" отличный от остальных: резкий, тревожный, это вам не привет родственников. Звонок ночью, это что-то случилось? Какая-то беда, а по военному ЧП. Хорошо, если это только учебная тревога? Ведь если тревога боевая - тогда должна сирена гудеть, а это что-то другое? Загудела бы что ль? Тогда все ясно, к этому мы привыкли: дети, в 21 час после проверки сигнализации спокойно засыпают - гудит, значит все на местах. Все звенья в цепи готовности исправны, расчеты боевые произвели смену дежурства... Не гудит - плохо? Что-то случилось, будет бессонная ночь, связанная с этим телефонным звонком...

И так долгих двадцать лет. В какой бы должности муж не находился, фуражка и сапоги находились у входной двери, одежда на вешалке, отдельно от остальных. Нарушить этот порядок нельзя. Саша за три минуты должен выскочить из дома по тревоге, если он даже находится в ванной... Умора! Однажды понесла Сашины сапоги в сапожную мастерскую, чтобы стельку на подошву приклеили и не обратила внимание на вывеску перед входом? Подаю приемщице, а та, не ехидно так говорит: "Мадам, наша мастерская работает только с модельной обувью, а вы принесли армейские сапожищи?!" Обидно мне стало, однако нашлась и громко, не только она, а все в мастерской

слышали - говорю: "Голубушка, мой муж более тридцати лет носит только такую "модельную" обувь, другой у него нет, куда же нам бедным податься?" Все присутствующие в мастерской громко рассмеялись, сапоги взяли и быстро выполнили работу...

Дети подросли, можно было бы и о работе подумать? Без работы в коллективе чувствуешь как-то не по-себе, не равным человеком по сравнению с теми, кто занят не только домашними делами. А где работать? В части нельзя, муж командир, скажут, устроил по-семейному, когда малообеспеченные семьи тоже бы хотели занять это место. Нужно найти что-нибудь на стороне... Нашла, кассиром на газораздаточной станции, а потом и мастером абонентского отдела. До работы - семь километров по дороге, автобусы туда не ходят. Прямоком через лес, два с половиной, по едва заметной тропинке. Конечно, идешь по прямой. Страшно одной зимой, ждешь, когда кто-нибудь из городка, из своих не пойдет, бывает в метель заметет тропинку, шаг в сторону и по пояс в сугроб угодишь. Выберешься - полны валенки снега... Шли годы... Сын с золотой медалью школу закончил... А вот уже и дочь институт заканчивает, своими семьями обзавелись, а жили вместе в одной квартире очень долго, никто не отделялся, привыкли друг к другу. Появились желанные внучата... Идет время.

... Свою пенсию получила - заработала!...

Так думала Валентина Андреевна, сидя в президиуме, смотрела на юные лица жен молодых лейтенантов... Подумала: "Как же сложится ваша судьба милые мои девочки? Многие в счастье зависят от вас самих!"...

- Вот, дорогой мой друг, Геннадий Федорович, поведал я тебе исповедь своей жены Валентины; знаю, что и твоей Екатерине Григорьевне нелегкий армейский хлеб достался? Слышал от нее, как выработывала себе стаж работы, чтобы иметь свою полноценную пенсию. Вот такая у наших армейских подруг жизнь нелегкая, но по своему интересная и даже есть романтика, где без самоотверженности не обойтись... А то ведь у гражданских лиц представление об армейских женах однобокое. Иногда бытует мнение, что жизнь у них легкая беззаботная, как манна с неба сыплется. Сиди себе на шее мужа, губки бантиком и будь только ему утехой, да развлекайся? Ан нет - их участие в мирной жизни, в армейских условиях - это подвиг!

Глава шестая РАМЕНКИ

Так называется улица и микрорайон на Мичуринском проспекте города Москвы...

Микрорайон новый, обособленный от остальных улиц, с хорошей архитектурной планировкой и приличным исполнением строителями столицы...

В одном из домов в Раменках мне с семьей и посчастливилось после увольнения из армии получить квартиру в новом доме. Нам приятно удивило, что никаких недоделок за строителями нам не пришлось выполнять, они постарались на славу, большое им спасибо за это...

Увольнение в запас военного человека, прослужившего более сорока лет в Вооруженных Силах, дело не обычное: в один день меняется весь уклад его жизни, резко падает круг его деятельности, связанный, прежде всего, с постоянной боевой готовностью и необходимостью мыслить, психологически настраивать себя на ту работу, которой ты каждодневно занимался...

И, вдруг, это все сразу обрывается! Ты за бортом этой кипучей деятельности...Нет прежних товарищей по службе, нет над тобой начальников, перед которыми необходимо отчитываться и получать от них распоряжения и указания, нет постоянной заботы о деле, которое не давало тебе спокойно спать. Вокруг тебя новый мир, к которому ты совершенно не привык и ты его не понимаешь. Как не готовишься к этому, не настраиваешь себя на то, что когда-то наступит все же такой момент расставания с армией, однако редко кому без стресса обойтись удается...

У каждого увольняемого по-разному проходит адаптация в гражданских условиях жизни. Иногда даже бывают трагические случаи. Важно, чтобы начальники окружили заботой и вниманием подчиненного офицера, которому предстоит увольнение в запас или отставку.

Мы увольнялись в запас вместе с моим товарищем по службе и одногодком, генерал-майором Ситниковым Иваном Анисимовичем. Нам перевалило уже за шестьдесят лет...

Командующий, генерал-полковник Шпаков Николай Петрович и другие наши старшие начальники сделали все для нас, чтобы мы ни в чем не нуждались на первых порах: получили новые квартиры в Москве, помогли в благоустройстве, не оставляли нас и в повседневной жизни... Сказанное при расставании: "Вы остаетесь в наших боевых рядах!" Не прозвучало на проводах "красным" словом. Мы постоянно с большой благодарностью вспоминаем 2 декабря 1985 года, когда нас провожали в запас и навсегда сохранили чувство признательности нашему родному офицерскому коллективу.

Первые месяцы после увольнения прошли незаметно и не ощущалось одиночество. Забот на новом месте жительства было много:

прописаться и встать на учет в райвоенкомате, получить паспорт, документ удостоверяющий твою личность, которого ты раньше не имел. Обзавестись обстановкой, другой домашней утварью надолго, а может быть уже и навсегда, благоустроить квартиру, да мало ли забот у новоселов... Все это отвлекало на первых порах от тяжелых мыслей об оставленной военной службе...

Потом в конце января 1986 года, когда с утра вставал и не видел никаких дел, спешить никуда не надо, никто тебя нигде не ждет! Стала одолевать "тоска зеленая!" Подойдешь в восемь часов утра к кухонному окну, выходящему на "Мичуринский проспект", увидишь, как генералы и офицеры садятся в приходящие за ними автобусы и машины, хоть волком вой от одиночества. Ведь силушка в жилушках еще осталась, да и ум разум по-прежнему есть...

- На работу что ль пойти? А на какую? Клерком в какое-либо учреждение, или "Ночным директором"? Бр-р - не пойдет! Это для чего ж, ради денег? Их достаточно, спасибо государству, обеспечило, и себе и внукам на гостинцы остается... Может ради занятости и удовольствия? Ну уж это позвольте! Какое это удовольствие и моральное удовлетворение протирать штаны в конторе! После того, чем ты занимался в армии, когда тебя окружали десятки и сотни молодых энергичных людей, с которыми ты был на равных, которым ты был нужен и полезен? Вряд ли в нашем возрасте можно найти что-либо подобное на гражданке? Все равно на тебя будут смотреть, как на лишнего человека с жалостью и состраданием, как на человека жадного до денег и разменявшего чувство гордости и порядочности, согласившись на такую работу! Так на работе все же есть какой-то коллектив, где можно забыться и почувствовать себя нужным человеком? - скажете вы.- Стоп! Здесь есть выход: можно найти такую деятельность, где ты окажешься не одиноким и будешь нужен обществу: работать с молодежью по патриотическому воспитанию или в партийной организации...

Пошел ознакомиться и встать на партийный учет в ДЭЗовскую партийную организацию по месту жительства. То, что я там увидел, расстроило меня еще больше. Кроме уплаты членских взносов, да нытья на работников коммунальных услуг, ничего другого я там не увидел. Сплошная панихида, невольно ущипнуть себя хотелось: "Да среди ли живых людей я здесь нахожусь, или уже на том свете?!" Нет, думаю, здесь не найду я для себя удовлетворения... Может предложить себя в партийное бюро, а то и на место секретаря? Ведь раньше не такие запущенные дела вытягивал! Нет, надо здраво взвешивать свои силы: я же совершенно не знаю условий, в которых работают гражданские партийные организации ДЭЗов.

Такое направление в моей деятельности, лишь окончательно разуверит меня в своей необходимости обществу и породит абсолютный пессимизм бессилия, что-либо изменить. Советов Ветеранов тогда еще не было, о них стали говорить лишь через год, в январе 1987 года...

Расстроенный поднялся я на тринадцатый этаж своего дома и тут в коридоре встретился с соседкой, Татьяной Сергеевной Пастернак, женой капитана первого ранга:

- Александр Григорьевич,- сказала она,- что с вами? Чем вы расстроены, на вас лица нет, впервые вас такого вижу? А я к вам направляюсь, мой восьмой класс, где я классный руководитель, попросила меня к вам обратиться, чтобы вы дали согласие на участие в подготовке и проведении празднования годовщины Вооруженных Сил...

- Татьяна Сергеевна, спасительница вы моя! Как Вы кстати, - говорю,- да и расстроен я потому, что не найду себя без работы, без общения с людьми... А здесь такое дело! Весь я Ваш и ребят из восьмого класса, которыми Вы руководите. Давайте сегодня же пойдем к ним, а то Вы еще кого-нибудь найдете!

- Никак не ожидала,- говорит она,- что Вы так близко к сердцу примете наше предложение. Со своей стороны я сделаю все, чтобы ребята были благодарны Вам и отплатили взаимностью...

Так завязалась наша дружба, которая продолжалась три года. С каким трепетом я ожидал окончания ими десятого класса: как закончат, какое изберут направление после окончания школы?

И вот, наконец, июнь 1988 года, конец учебы и пребывания в школе! Мои дорогие ребята, да уже теперь не ребята, а мои юные друзья, получили аттестаты зрелости. С моей точки зрения, это был необыкновенный выпуск. Такого мне ранее даже слышать не приходилось... Чтобы не пересказывать то, о чем мне поведала Татьяна Сергеевна, я приведу ее откровенный рассказ дословно, так как она описала его по моей просьбе...

“Август 1985 года. В новом микрорайоне Раменки была построена первая школа. Светлое, пахнущее краской здание, просторные кабинеты... В школе необычная тишина, еще не наполнилась она звенящими голосами детей, осталось несколько дней до начала первого учебного года в школе 1134...

30 августа состоялось первое знакомство с моими будущими учениками. Сколько мыслей, волнений, радостных ощущений охватывает учителя, когда ему приходится впервые встречаться со своими учениками.

Так было со мной. В назначенный час вышла на ступени школы и крикнула громко ребятам, которые заполнили школьный двор: "Кто в 8 класс, подойдите ко мне!"

Из общей массы ребят отделилось человек пятнадцать. Робко подойдя ко мне, стоят мои, теперь уже мои ученики, внимательные пытливые глаза, озорные и застенчивые, лукавые и серьезные...

Знакомство состоялось!

Школа новая, нет традиций, нет налаженного ритма работы. Приходилось все создавать самим. Может быть, трудности, совместная работа по благоустройству, обживанию школы, по созданию функционально пригодного кабинета литературы - все это как-то быстро сплотило ребят. Почти ежедневно приходил в коллектив кто-то новенький, его сразу окружали вниманием и заботой. Уютно было всем

ребятам в 8"А", но так случилось, что к новому году в классе уже обучалось сорок шесть ребят. Встал вопрос о делении класса на два. Это был, пожалуй, самый сложный период нашей жизни. За полгода ребята так подружились, что очень трудно было их разделить. Я составила десятки списков, выдерживала атаки родителей, а сколько слез девичьих было пролито...

Решение пришло внезапно, словно гора с плеч. Класс разделили по алфавиту на 8"А" и 8"Б", а классным руководителем я осталась на оба класса, остались все те же учителя, единственно уроки проходили как бы в двух группах.

Естественно, что вся внеклассная жизнь была единой. А жизнь вне школы была действительно интересной. Многие ребята недавно приехали в Москву, поэтому город и его достопримечательности были неизвестны. Мы ездили на экскурсии, просто бродили по Москве, смотрели спектакли, кинофильмы, принимали активное участие в общественной жизни школы и микрорайона. Ребята очень дружили, все свободное время старались проводить вместе. Меня всегда трогала их доброта и отзывчивость, ведь возраст-то самый сложный! 15-16 лет! Строгости в моем отношении к ним, наверное, было не много, но глубокое уважение, причем взаимное было всегда. В самых трудных ситуациях я всегда старалась не обидеть молодого человека, не унижать, а наоборот, высветить что-то доброе, хорошее, что есть в каждом ученике...

Не все было гладко. В наш класс по решению РОНО были направлены три мальчика, состоящие на учете в детской комнате милиции. Родители наших учеников очень беспокоил этот факт, боялись, как бы эти ребята не воздействовали на остальных детей.

Опасения были напрасны. В последующем получилось как раз наоборот. Эти "трудные" подростки стали вполне удовлетворительными учениками, успешно закончили 8 класс и пошли учиться в ПТУ.

Большую помощь в формировании ученического коллектива оказывали родители. Я много раз бывала в семьях своих учеников, знала состав семьи, быт, особенности каждой семьи. Родители доверяли мне, делились со мной, вместе мы находили верное решение по воспитанию детей. На мой взгляд, самая большая ошибка и даже трагедия, когда в семье не поддерживается авторитет учителя. Для детей очень важно мнение родителей, они не всегда способны верно оценивать ситуацию, часто поддаются влиянию и хорошему и к сожалению плохому, как мы называем: влиянию улицы.

Родители учеников нашего класса были моими союзниками, родительские собрания проходили оживленно, доверительно, иногда за чашкой чая - с пирогами, которые пекли сами ребята. К сожалению, в наших школах мало учителей мужчин. Мне хотелось бы видеть своих мальчиков мужественными и стойкими, способными к подвигу и достойными защищать свою Родину. А это одними беседами, разговорами не воспитаешь. Нужен пример. Живой, яркий! Нужны ветераны, умудренные опытом, чья биография достойна подражанию...

По традиции на День Советской Армии и Флота в школе проходили встречи с ветеранами Вооруженных Сил и участниками Великой Отечественной войны. Устроили и мы такую встречу. Ребята готовились с большим интересом и старанием.

23 февраля. В актовом зале приглушен свет, на сцене стоят ребята, рассказывают о создании и боевом пути нашей армии. Звучат стихи, песни, на экране документальные кадры...

И вдруг - высвечивается фотография юноши, почти мальчика, который в годы войны ушел в сороковые-пороховые. Это Саша Горелкин, молодой лейтенант, почти сверстник моих ребят, сидящих в зале, который в составе 1892 самоходного артиллерийского полка готовился идти в свой первый бой... Ведущая Наташа Прохорова говорит несколько слов из фронтовой биографии Александра Горелкина... В зале зажигается свет и взор всех присутствующих обращается на сидящего в первом ряду генерал-майора Горелкина Александра Григорьевича, нашего гостя, почетного ветерана. Александр Григорьевич выходит на сцену, на глазах блестят слезы: наш гость не знал, что сегодня ребята напомним ему его боевую юность.

Запало в память выступление генерала, заронило ростки мужества в юные сердца. Тогда или, может быть, на других наших регулярных встречах с ним, под воздействием книг или встреч с воинами-афганцами, продолжая традиции своей семьи, решили мои мальчики посвятить свою жизнь военной профессии...

После 8 класса некоторые ребята ушли в ПТУ, техникумы, поэтому нас объединили в один 9"А" класс. Повзрослели ребята. Крепнет их дружба. Вижу, по-особенному блестят глаза у некоторых: пришла пора любви. Самое приятное, что товарищи как-то охраняли первые чувства своих друзей. Ребята мне доверяли и я, как могла, регулировала, старалась поддержать своих "безутешных влюбленных".

По-прежнему театры, экскурсии и, что самое запоминающееся это поездка в Ленинград. Мне, Ленинградке, очень хотелось, чтобы ребята полюбили мой город, порадовались в нем тем, что до сих пор восхищает меня. Первая самостоятельная поездка, все возбуждены, родители, как мне показалось, оставлены в Москве, а их мчит скорый поезд в Ленинград - колыбель революции...

Прекрасные дни и незабываемые впечатления. Много добрых воспоминаний, а самое главное - непрерывное общение между собой длительное время - в результате крепче стала дружба. Какое умиление было видеть, как девочки заставляли опустить в мороз наушники на шапках мальчиков, а они своим дыханием старались согреть их замерзшие руки...

Много разного говорят о молодежи. Порой все справедливо, но иногда, в дань моде, и нет.

Доброе отношение - это дефицит, который необходимо воспитывать с детства, воспитывать доброту и ответственность перед коллективом. Плохой поступок, нерадивость, неудовлетворительная оценка - должны звучать, как не только лично моя, но и всего класса.

Только так можно заставить человека самовоспитанием, повышать свой уровень сознательности...

В 10 классе ребята все выровнялись по успеваемости, на комсомольских собраниях стоял вопрос не о двойках, а о недопустимости троек и даже, для некоторых учеников - четверок. Ребята помогали друг другу, по отдельным предметам в классе были свои консультанты, которые постоянно приходили на помощь товарищам. Бурно проходили комсомольские собрания, смелые, честные выступления, без обид и оскорблений, а главное - полная самостоятельность... Были и ЧП. 25 января всем классом ушли с уроков возложить цветы на могилу Владимира Высоцкого. Долго не могла поверить, что мои ребята прогуливают, обидно было, что они это сделали, не предупредив меня, не позвали, не надеялись значит, что я бы их поддержала, пошла бы с ними, может быть, уговорила бы администрацию школы отпустить с третьего и четвертого уроков. Потом стояли растерянные, стыдливо опустив глаза перед всем педагогическим коллективом. И это был тоже урок....

На последних школьных каникулах весной всем классом ездили в Минск. Хатынь... Боль и слезы на глазах. Память жжет сердце. И эта боль, и эти слезы нужны, надо знать и помнить, чтобы ценить и любить жизнь... Ехали молча, и в этом молчании я чувствовала, как мужают их сердца...

Последний звонок! Десять лет прожитые школьной жизнью позади! Что ждет впереди?

Нарядные, отглаженные стоят в ряд мои ребята. Девочки и мальчики! Нет уже юноши и девушки - в своем прекрасном семнадцатилетии...

Звонит для них последний звонок - п р о щ а л ь н ы й... Звучат напутственные слова, даже мелочи в этот миг особенно дороги, в зале учителя, родители... Трогательные минуты, слезы сдерживают слова. Трудно отрывать от сердца то, что прикипело... Самые добрые пожелания. Впереди экзамены на аттестат зрелости и экзамены в учебные заведения, самостоятельная работа. Из двадцати шести выпускников 10"А" класса - двадцать два поступили в высшие учебные заведения. Шесть юношей стали курсантами высших военных училищ. Разными дорогами пошли мои ребята, у большинства удачно сложилась судьба, у некоторых менее удачно, но в одно я верю: они будут честными и достойными гражданами своей Родины. Такими воспитал их в тесном единстве их родители, школа, ветераны общественники, и моя, пусть скромная частица добра есть в них.

И как награда за нелегкий учительский труд - слова песни, посвященной мне на выпускном вечере:

Это для вас мы, Татьяна прекрасная

Стали поэтами Пушкину вслед.

Мы все хотим, чтобы вы были счастливы,

Чтобы открыли удачи секрет.

... Все! Александр Григорьевич, больше не могу! Написала вам, все пережитое вспомнила и плакала, конечно от счастья за моих

воспитанников, пусть мои слезы радости будут для них началом ручейков, которые потом превратятся в реки, несущие их в нашу бурную жизнь!”

Хотелось бы еще раз обратиться к крылатому выражению в воспитании подрастающего поколения: "Семья, школа с общественниками, коллектив на работе (или в армии) - единые звенья одной цепи в создании настоящего человека...

В последующей нашей работе, в Совете Ветеранов, мы перенесли свои усилия на воспитательную работу не только среди учащихся, но и их родителей, через родительский комитет и общественность микрорайона Раменки...

Мы увидели, что домашняя обстановка, с негативной (иногда) деятельностью родителей уводит детей-школьников от правильного целенаправленного воспитания.

Яркий, достойный пример учащихся 10”А” класса 1134 Московской школы, говорит о том, что усилия всех участвовавших в воспитании и обучении учащихся, увенчались полным успехом. А юным моим друзьям выпуска 1988 года школы 1134 микрорайона Раменки я пожелаю самых лучших успехов на предстоящем большом жизненном пути...

Глава седьмая В СОВЕТЕ ВЕТЕРАНОВ

Осень 1987 года, вот уже прошло два года как я уволился из рядов Вооруженных Сил. Чудесная пора, особенно ощущаешь все прелести жизни человеческой, когда ты на "гражданке" и не связан с постоянной готовностью куда-то ехать, быть в напряжении вызова по телефонному звонку "Прямого провода" от Командующего или Оперативного дежурного. Вполне освоились с Валентиной Андреевной с нашим маленьким сельским хозяйством на приусадебном участке.

Подросли и стали плодоносить яблоньки...

Эту главу я назвал: "В Совете ветеранов". В ней будет показана работа и жизнедеятельность военнослужащих, уволенных из армии в запас или отставку, в общественных организациях по месту жительства...

В январе 1987 года был опубликован Устав "Совета ветеранов войны и труда" В нем предусматривалось создание территориальных "Советов..." во всех инстанциях организационной структуры: от жителей микрорайонов до "Центрального Совета..." включительно.

В уставе довольно подробно предлагалась программа работы: чем должны заниматься созданные "Советы ветеранов", какие их права. Однако, для "Советов..." жителей микрорайонов - низовых звеньев Ветеранских организаций это были неизведанные тропы...

Встал в первую очередь вопрос: сколько, какие категории пенсионеров проживают по месту жительства? Куда и как направить основные усилия в работе и деятельность "Советов..."? С чего начинать?

Особенно сложно было начинать деятельность в новых микрорайонах, какими и оказались "Раменки". В паспортном столе данные неполные и неточные. Ветеранам еще не были поставлены телефоны. Помогли учащиеся нашей школы. Они на первых порах сумели собрать первичные данные, а потом все же пришлось членам "Совета..." обходить всех жителей и уточнять, и перепроверять не один раз! Связались с Гагаринским райвоенкоматом, уточнили кто военные шефы нашей 1119 общеобразовательной школы и другие вопросы взаимодействия. К нашей большой радости - такими шефами оказались слушатели Военно-политической академии имени Ленина, с которой мы в последующем организовали тесную связь... Предстояло награждение участников Великой Отечественной войны и офицеров, уволенных в запас, медалями 70-летия Советской Армии и Военно-Морского Флота. А еще не закончено было вручение орденов "Отечественной войны", установленных в честь 40-летия Победы...

Нужно было начинать организационную работу по воспитанию молодежи микрорайона! А кому все это делать? Самим-то уже далеко за шестьдесят! И редко кто без лифта на двадцать второй этаж доберется? А лифты часто ломались... Хорошо это с трибуны говорить: "Общественные организации, давайте воспитывайте!" Все давай, да давай! А это вам не армия, где все штатами определено, и как правило, все выполняется. Здесь куда не пойдешь, или от ворот - поворот, после двухчасового стояния в очереди, или в лучшем случае вежливый отказ. И

даже СОБЕСы стараются взвалить их кровную работу, за которую они деньги получают, на общественные организации...

С созданием "Советов ветеранов...", как бы заново открыли подвиг народа, нужно было довести его до младшего поколения. Открылся подвиг не только перед теми, кто родился после войны, но и перед самими ее участниками. Те простые люди, которые незаметно или, наоборот, очень заметно прихрамывают, носят пустой рукав, прячут шрамы под низко надвинутыми головными уборами - а протезы под штанинами широких брюк, вдруг выросли в глазах и стали им ближе...

А тут сверстники молодым - "Афганцы" - пример мужества, стойкости и героизма... Спустя много лет после дня Победы, мы убеждаемся, как заинтересованно воспринимается народом всякая ожившая страница войны. А теперь в период демократизации и гласности особенно важно, чтобы открылась подлинная история нашей Родины. Какой благодарностью, участием, уважением платит народное сердце бывшим воинам. Особенно в последние годы много сделано для участников и инвалидов войны. Все это нужно "Советам ветеранов..." отстоять и заставить бюрократов, заседающих в конторах, выполнять законы...

Тяжело было смотреть после войны к чему привело забвение некоторых моральных проблем.

Кончилась великая битва. Бывшие воины стосковались по мирному труду. А работы было много. Мог ли у нас в те годы наблюдаться заметный избыток силы тружеников? Нет! Стране были нужны рабочие руки, опытные, целеустремленные люди. Страна потеряла в войну более двадцати миллионов человек, самых трудоспособных...

И все же людские резервы были. Тысячи инвалидов обивали пороги учреждений в поисках подходящей для них работы. Им не всякое дело было по-плечу, но посильный труд их мог быть полезен! И хотя действовали разные комиссии, чаще всего ветеранам приходилось самим добывать работу. Не столько мысль о зарплатке руководила ими (ведь была пенсия), сколько жажда приобщения к активной жизни. Самый болезненный и непоправимый ущерб, какой можно нанести той или иной категории людей, а следовательно и обществу в целом - это ущерб моральный. Такой ущерб наносился вольно или невольно. И в признании этого положения заложено многое: что понято, то наполовину исправлено. Это в основном адресовано прошлому. Но признание ошибок прошлого - гарантия неповторения их в будущем... Когда мы стали создавать "Совет ветеранов...", то взяли за основу работы все положения и те неурядицы, которые существовали в социальном обеспечении ветеранов, старались исправить. Но материальными затратами, которое осуществляет государство на обеспечение ветеранов войны и труда, разумеется не может исчерпываться забота о них. Очень важен здесь аспект моральный. Ведь самое главное для этих людей - почувствовать свою полную причастность к ритму времени. Нужно многое сделать, чтобы все было по справедливости, и никого не обойти, не списать раньше времени с учета...

Мы встретились еще с одной особенностью в нашей Ветеранской работе, когда выяснили обстоятельства, связанные по уходу за инвалидами, требующими постоянного внимания. Если сам инвалид лично для себя сейчас многое имеет, то с его семьей дело совсем не улажено. В особенности это касается жен инвалидов.

Большинство из них и понятия не имели о трудностях будущей жизни с искалеченными людьми. Повинуясь только сердцу, только чувству и врожденному милосердию, они выходили замуж за таких бойцов и командиров. Решившись на такой самоотверженный шаг они не отступали, не раскаивались и жертвовали всем ради мужей, а потом и детей... Иные вынуждены были оставить работу - так им приходилось быть не только женами, но и сиделками и медсестрами при мужьях, которые нуждались в постоянном уходе. А сейчас эти героические женщины числятся только домохозяйками, и не шла им за эти труды ни стаж, ни слава труженицы... В ноябре 1988 года на заседании "Совета ветеранов...", который я возглавлял, шел разговор о расширении круга лиц, награжденных медалями "За доблестный труд в Отечественной войне". Одна из посетительниц стала сетовать на то, что, получив удостоверение в райвоенкомате, ей не вручили самой медали, сославшись на то, что их сейчас не изготавливают.

Узнав, что эту женщину зовут Валентина Николаевна Титова, я пообещал ей, что у меня есть такая медаль и я ей ее вручу...

Мой отец, Григорий Алексеевич, был награжден после войны такой медалью и она, после его смерти в 1962 году, хранилась у меня - как память... Мы договорились с ней встретиться, чтобы вручить медаль... Встреча состоялась и меня до глубины души тронули ее слова: "Александр Григорьевич, я буду с достоинством носить медаль, которой был награжден ваш отец. Если можно, то расскажите мне о нем: за что он получил эту награду, как работал, где похоронен?"

Я ей рассказал все об отце, а потом стал расспрашивать, как она живет, чем занимается?...

И она поведала мне историю своей жизни, которая и заставила меня написать предисловие к этой главе... Ее муж, Титов Николай Михайлович, 9 апреля 1945 года, за месяц до Великой Победы, во время штурма твердыни Прусского юнкерства крепости Кенигсберг, был тяжело ранен. Тяжело ранен не то слово, не было живого места на теле Николая, куда не достали бы осколки разорвавшейся немецкой мины. Девять месяцев врачи боролись за его жизнь, а в декабре его выписали из госпиталя инвалидом I группы, нетрудоспособным, постоянно нуждающимся в посторонней помощи. Он лишился кистей обеих рук, имел множество ранений в живот, грудь и остался с осколками в ногах... Тогда я вспомнил эту супружескую пару. Их я видел на наших партийных собраниях ДЭЗа: очень представительные люди, со вкусом и опрятно одетые и всегда - вместе. Для меня было странным, что при голосовании - руку в черной кожаной перчатке поднимал только Николай Михайлович, а она не голосовала. Только теперь я понял, до меня дошло, что Валентина Николаевна постоянно сопровождает его,

сама не являясь членом партии, с целью страховки на всякий случай, если с Николаем Михайловичем будет плохо...

Я спросил Валентину Николаевну о том, как ей так удастся в течение многих лет сочетать все трудности жизни, и попросил рассказать подробнее об этом редком акте милосердия с ее стороны.

Как человек решается на такой шаг?

Откуда берутся такие люди, совершающие настоящий гражданский подвиг?...

Трудная жизнь самой Валентины, оставшейся в детские годы круглой сиротой, заслуживает, чтобы о ней сказать, как о героине нашей Советской эпохи. Она москвичка, родилась в 1924 году. Матери почти не помнит - умерла, когда ей было всего три года. Через десять лет трагически погиб отец и они четверо детей остались одни. Самым близким человеком была старенькая бабушка - мать погибшего отца. Бабушку Валентина Николаевна вспоминает с теплотой и чувством большой признательности. Она-то и заложила в ней доброту и уважение к человеку, которая и подготовила ее к такому подвигу, что мы и называем милосердием.

Вот такой случай из жизни детства рассказывает Валентина:

- Когда мне было десять лет, пошла я с подружкой Ниной собирать грибы. Бабушка в напутствие сказала: "Если, Валя, грибы не будут попадаться, посмотри на небо, тогда они и появятся примета такая есть",- сказала она. И правда, только я так сделала, прошла три шага и увидела большой белый гриб, Нина его тоже заметила. Мы вместе бросились к нему. Я первая подбежала и сорвала его. Нина на меня обиделась, других грибов мы почти не набрали, хот я все время смотрели на небо, а у Нины была большая семья - больше нашей. Поход за грибами был для нее не просто развлечением, но и большим подспорьем к обеденному столу. Пришла я домой, показала бабушке какой белый гриб нашла и первой сорвала его, опередив подружку. А она меня отругала: "Лучше сто раз отдать, чем один раз взять,- сказала она. Гриб отнеси и отдай матери твоей подружки Нины. Живи добром, а не злом!" Вот эти бабушкины слова я стараюсь выполнять до сих пор...

Далее Валентина Николаевна рассказала, что по настоянию товарища отца - их сирот отдали в детский дом. Директор Внуковского детского дома был Смирнов Анатолий Степанович, добрейший и порядочный человек. Благодаря его заботам Валентина окончила отличницей 9 классов... И тут июнь 1941 года... Началась война! В августе мальчишек старших классов из детского дома отправили на отрывку окопов и траншей под Можайск - попросилась и поехала с ребятами и она. Копали землю два месяца, под постоянными бомбежками, пока не получили распоряжение на эвакуацию в город Копейск Челябинской области... Две недели ехали в товарных вагонах на Урал. Там и окончила 10 классов. Директор детского дома предлагал, как отличнице, поступать в институт - не захотела, сказав: "Не пойду в институт, пока не кончится война, пойду на оборонный завод работать!"... Снаряжала взрывчаткой снаряды и мины. Техником безопасности часто пренебрегали. Стали болеть руки, испытывала общее

недомогание, а работу не бросала. И так полтора года, до тех пор, пока не возвратилась в Москву...

Поступила на курсы в педагогическое училище. Стала работать учительницей в начальных классах школы...

В конце 1945 года она повстречалась с Титовым Николаем Михайловичем...

О первой встрече Валентина Николаевна рассказала так:

- Сижу я вечером дома, проверяю тетради учеников... Постучали в дверь - входит представительный мужчина в офицерской шинели, поздоровался и двумя руками (без кистей) снимает шапку. Попросил разрешения присесть, я растерялась, не могла вымолвить ни слова, потрясенная увиденным. Молча показала на стул. Он представился, сказав, что пришел по поручению поселкового совета - как агитатор по выборам депутатов в местные советы... Думаю я: никогда не видела таких мужественных людей, у него рук нет, он еще и общественной работой занимается. Много говорим о милосердии, но мало говорить, нужно окружить их заботой и вниманием, чтобы они не чувствовали своей неполноценности. Попросила его рассказать о себе...

“Великая Отечественная - Смоленщина и Белоруссия, Литва и Восточная Пруссия, куда только не забрасывала военная судьба Николая - фельдшера 633-го стрелкового полка 157 стрелковой дивизии. И всегда за жизни каждого раненого медики боролись до конца, хотя работать приходилось в очень трудной обстановке, часто под огнем противника.

Когда полк шел в бой, за ним неотступно следовала санитарная рота. Медицинский пункт часто располагался в палатке, в блиндаже, отбитым у противника. Медики действовали так, как того требовала ситуация. Часто во время перевязок начинался артиллерийский обстрел или бомбежка. Осколки вспарывали брезент палатки, неся за собой смерть и страдания.

Бывало, Николай прикрывал своим телом раненого, чтобы спасти ему жизнь, при этом, однажды сам получил осколочное ранение в обе ноги...

Надолго запомнилось сражение у деревни Крынки на Витибцине зимой 1944 года. Превосходящие силы немецкой пехоты при поддержке танков перешли в контратаку. Завязалась рукопашная схватка. Наши воины стойко держали занятые позиции. На медицинских пунктах батальонов и полка шла напряженная, труднейшая работа. Фельдшер батальона Николай Титов работал собранно, точно. Более суток поступали раненые, он не уходил от перевязочного стола...

Полк шел почти четыре года по дорогам войны, многое извещал с ним медик - старший лейтенант Титов, неоднократно сам бывал ранен, но после излечения снова возвращался к своим однополчанам. И только тяжелое ранение, которое он получил 9 апреля 1945 года, когда остался без кистей обеих рук, при эвакуации раненых с поля боя, навсегда разлучило его с родной частью. Как обидно и больно, что это произошло за месяц до Дня Победы, что не было именно рук, тех рук, о которых с большим благодарностью вспоминают ветераны 157 стрелковой дивизии, которым он спас жизнь после ранений...”

Выслушав рассказ Николая Титова, Валентина всплакнула не раз, пока он изливал ей свою фронттовую жизнь и бессильный крик молодой души!

А когда он сказал: "Как же мне жить-то теперь дальше, кому я такой нужен?" Разрыдалась так, что Николаю пришлось ее успокаивать...

Долго они просидели вместе в эту первую встречу. Он попросил разрешения зайти еще раз. Встречи стали продолжаться. Валентина настойчиво просила его поступать в Педагогический институт. Вместе с ним пошла на прием к Председателю Президиума Верховного совета СССР, когда комиссия при институте ответила отказом о приеме на заявление Николая... После двух лет учебы - Николай Михайлович сделал Валентине предложение - выйти за него замуж. Не колеблясь она согласилась на этот брак, хотя ее родственники и родные Николая не советовали этого делать...

Николай Михайлович, кроме боевых наград: четырех орденов и восьми медалей, награжден медалью "Ветеран труда", Почетными грамотами Министерства просвещения... Титовы вырастили и "вывели в люди" двух дочерей, имеют внуков. Они счастливы, а вместе с ними и мы - ветераны испытываем чувство большого уважения к таким замечательным людям, какими являются супружеская пара Ветеранов войны и труда Титовых!

Не оскудеет земля Русская, откуда будут такие женщины - как Валентина Николаевна, и такие патриоты своей Отчизны - как Николай Михайлович Титовы!...

О многих ветеранах нашего микрорайона "Раменки" можно было бы рассказать, у многих из них похожая фронттовая биография. Они уже не полны сил, но как говорят в народе: "Есть еще порох в пороховницах" и принимают посильное участие в общественной жизни...

Основное внимание в патриотическом воспитании мы уделяем молодому поколению.

В предыдущей главе я уже рассказывал, как мы начинали эту работу...

В 1987 году - с созданием "Совета ветеранов..." наше влияние на воспитание учащихся активизировалось.

В течение учебного года мы планируем мероприятия, связанные с началом учебного года и проведением вместе с учащимися всех торжественных праздников. Поскольку праздники равномерно разнесены по срокам их проведения в осенне-зимний период, то, учитывая время на подготовку к ним (примерно около месяца), получается почти непрерывная работа в школе по выполнению плана мероприятий.

Читатель может сказать: "Опять эти мероприятия, нет конкретности в работе с каждым подростком в отдельности?" Справедливые слова. Но этот пробел в работе с молодежью мы учли и в 1988 году наиболее "трудные классы" взяли на постоянное шефство и работали в них более двух лет...

Конкретность в патриотической и воспитательной работе я хотел бы показать на подготовке и проведении Юбилейного празднования Советских Вооруженных Сил в 1988 году.

За полтора месяца до 23 февраля были проведены различные конкурсы: физкультурные, изобразительного и прикладного искусства, конкурсы строевой песни и строевой подготовки и военизированные эстафеты. Допризывная молодежь готовилась по отдельной программе, где главное внимание уделялось развитию физической выносливости, стрельбе из оружия, умению ориентироваться на местности. Начальником штаба руководства школьники избрали меня. Штабом, в который вошли ветераны и учащиеся, были разработаны критерии оценки всех проводимых конкурсов...

Конкурсы продолжались в течение месяца, а с 15 по 20 февраля были подведены итоги и определены победители. Результаты были показаны в стенной печати и фотогазетах. Учащиеся 9 и 10 классов совершили поездку в военную академию и в течение четырех часов занимались на боевой технике и тренажерах... Ребята были в восторге, целый месяц потом только и было разговоров об этих занятиях...

Победителям конкурсов было представлено право организованно поехать в Бородино по местам боевой славы.

В день Советских Вооруженных Сил - 23 февраля был проведен урок "Мужества" в тридцати семи классах (во всех) 1119 школы. Кроме наших ветеранов, в проведении урока принимали участие слушатели Военно-Политической академии. Урок построили как бы в передаче эстафеты поколений: начинал рассказ Ветеран, потом офицер из академии и заканчивал рассказ учащийся класса... В этот день - после уроков было проведено торжественное собрание в клубе "Высотник". На торжества были приглашены ветераны, преподаватели и школьники, учащиеся ПТУ нашего микрорайона. Форма одежды - парадная, с орденами и медалями.

В повестку дня собрания входило: выступление участников Великой Отечественной войны и воинов "Афганцев". С ответным словом выступили с монтажом, посвященным Юбилею, учащиеся старших классов школы.

В торжественной обстановке ветеранам были вручены юбилейные медали, победителям конкурсов - подарки и дипломы.

Юношам - допризывникам вручили Приписные удостоверения. Был проведен вынос Пионерских знамен, с последующей сменой "Почетного караула".

После торжественного собрания ребята дали небольшой концерт и всем участникам торжества был показан кинофильм из жизни наших Вооруженных Сил...

Всех затронуло выступление Героя Советского Союза, нашего Ветерана - полковника в отставке Ерошина Александра Матвеевича. Вот основные выдержки из его рассказа...

“Было это в феврале 1943 года.

Преследуя разгромленного под Сталинградом противника, 37й гвардейский танковый полк вечером 17 февраля подошел к Матвееву Кургану. Была поставлена задача: "Населенный пункт Матвеев Курган взять ночной атакой, железнодорожный мост - сохранить".

По данным разведки, поселок обороняют подразделения, прибывшей из резерва, моторизованной дивизии СС "Викинг"...

В полночь вышли на дорогу, что вела к Матвееву Кургану.

Главным в колонне шел танк лейтенанта Ерошина...

Внезапного удара не случилось. Как только танки начали развешиваться в боевой порядок, гитлеровцы открыли ураганный огонь. Ерошин принял дерзкое решение - врезаться в оборону и рвануться к противоположной окраине поселка. По танку почти в упор ударила пушка. Снаряд рикошетом отскочил от лобовой брони. Исход поединка решали секунды. Лейтенант быстро поймал вражескую пушку в перекрестие прицела и выстрелил, от разрыва снаряда орудие перевернулось вверх колесами...

Танк на большой скорости рванулся вдоль улицы...

Со второго выстрела зажгли броневики. Раздавили колонну грузовиков и вырвались к центру поселка. До моста оставалось недалеко... Вдруг, от сильного удара танк Ерошина вздрогнул и остановился рядом с вражеской батареей. Первым пришел в себя командир. В лобовой части корпуса танка он увидел зияющую пробоину. Без признаков жизни сидел стрелок-радист Михаил Потапов.

- Кто остался жив?- спросил командир.

Откликнулся башенный стрелок Зинатуллин: "Все в порядке, товарищ лейтенант".

- А меня в голову царапнуло,- сообщил механик-водитель Чумаков. - Пустяки...

Запахло дымом и гарью. Ерошин оглянулся: пробитые боковые топливные баки лизали языки пламени.

- Заводи!- скомандовал Ерошин, а сам схватил огнетушитель и стал тушить огонь.

Танк стоял на месте - двигатель не работал.

- Пробило проводку стартера!- доложил Чумаков. - Двигатель не заводится...

Увидев, что танк подбит и загорелся, гитлеровцы осмелели. Они подобрались к машине, пытались прикладами открыть люк. Кричали: "Рус, сдавайсь! Панцер капут!".

Убедившись в беспомощности своей затеи, эсэсовцы набросали на танк соломы, облили ее керосином и подожгли...

- Запускай двигатель аварийно! Сжатым воздухом!

Чумаков открыл вентиль баллона. Взревел мотор. Танк сделал круг на месте... Горящая солома слетела на землю. Но из-за дыма ничего не было видно.

Ерошин открыл люк и одну за другой бросил три "Лимонки". Гранаты разорвались, раздались вопли фашистов, уцелевшие бросились к орудиям.

- Дави, Чумаков, зенитки!- приказал Ерошин.

Проутюжив батарею, танк вырвался на окраину поселка.

Во многих местах поселка горели дома.

В воздухе то и дело взлетали осветительные ракеты. На восточной окраине шла редкая перестрелка. Своих не было видно и командир

только теперь понял, что другие танки полка не смогли преодолеть оборону фашистов и ворваться в Матвеев Курган.

Значит, он, Ерошин, должен вести бой один...

- Вперед, к мосту! - скомандовал он.

И снова, круша фашистов огнем и гусеницами, танк понесся по поселку.

Вывались к железной дороге, выпустили несколько снарядов по находившимся на железнодорожной станции эшелонам, рассеяли фашистов у виадук и устремились к реке...

Но, когда до моста оставалось не более двухсот метров, снова заглох мотор...

На мосту сустились фашисты, носили и укладывали у ферм моста ящики со взрывчаткой. Увидев наш танк, бросились к станции, но их настиг пулеметный огонь.

Мост был спасен...

Горючее кончалось, Чумаков на последних остатках завел двигатель и вывел машину на бугор, чтобы удобнее было защищать огнем мост, если фашисты все-таки снова попытаются взорвать его.

Открыв люк, Ерошин выскочил из танка.

Огляделся... На востоке алел рассвет. В поселке шел бой. Сквозь его грохот, в треске пулеметных очередей он услышал раскатистое... "Ура!"...

4-й Гвардейский механизированный корпус штурмовал Матвеев Курган.

От пехотинцев своей бригады Ерошин узнал, что танки идут следом, что вчерашнюю ночную атаку фашисты отбили, зато сегодня поселок взяли почти без потерь.

К мосту подъехал командир полка. Соскочив на землю, он подбежал к машине Ерошина... Навстречу ему шел танкист в обгоревшем комбинезоне с закопченным лицом. Командир полка не сразу узнал в нем Александра Ерошина. Сделав несколько неуверенных шагов лейтенант остановился и доложил:

- Товарищ капитан! Боевая задача выполнена...И, обессилев, рухнул на землю...

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1943 года Александру Матвеевичу Ерошину было присвоено звание Героя Советского Союза. На окраине Матвеева Кургана под Ростовом у шоссе, на гранитном постаменте установлена знаменитая "Тридцатьчетверка". Именно на таком танке Александр Ерошин ворвался ночью в Матвеев Курган и сохранил мост через реку, полностью выполнив боевую задачу!..."

В 90-х годах нас стали критиковать новоявленные демократы за нашу активную деятельность по патриотическому воспитанию молодежи, родители учащихся нас даже стали не допускать в школы: "Не превращайте школу в солдатскую казарму!" - Говорили они.

Какая глупость и близорукость в мыслях и действиях, в результате за два-три года учащихся в школах стало не узнать, больше стало дистрофиков и недоумков, не говоря уже о их патриотизме...

Сердобольные мамыши обивают пороги военкоматов жалея своих "детей", чтобы избавить их от службы в армии... Оглянитесь в прошлое!

Александр Ерошину было всего восемнадцать лет, когда он совершил свой ПОДВИГ!

ЭХО

Десятое февраля 1989 года. Так уготовила судьба, что я, как и сорок лет тому назад - лежу в больнице. И не обидно было бы, что это случилось бы в бою - танковой атаке, как тогда в феврале 1944-го - за "Белой Церковью" на киевщине. В бою и смерть красна, не то, что там какое-то ранение! Здесь совсем другое: ничего не болит, чувствую себя очень хорошо, а обследование почек показало скрытую угрозу: нашли кисту в правой почке. Какая она хорошая или плохая и что с ней дальше делать - покажет время пребывания на больничной койке. Буду надеяться на лучший исход, но, как солдат, готов к любому варианту...

Прошел сложные обследования. Врачи единогласно пришли к заключению: необходимо делать операцию и удалять правую почку.

- Надо, так надо!" - ответил я на их предложение об операции.

На хирургическую койку, оказывается, большая очередь, жду, когда же подойдет мой черед. Хуже всего ждать, да догонять!...

В это время я завершал работу над рукописью "Эхо войны" и хотел заключение делать после операции и выхода из лечебного учреждения. Но, коль операция еще не скоро, я снова взялся за перо.

Два очень приятных обстоятельства побудили меня к этому: первое - получил известие о существовании моего родного 2-го Киевского училища Самоходной артиллерии; второе - 23 февраля, в "День Советской Армии и ВМФ" пришли меня навестить в больницу мои подшефные ученики школы 1119...

Но об этом все по порядку.

Благодаря вышедшей в свет моей книги: "Самоходки, вперед!" меня разыскал мой однокашник, подполковник в отставке Шишков Владимир Николаевич. Он мне сообщил, что наше училище находится в Киеве и теперь называется Киевское дважды-краснознаменное общевойсковое училище имени Фрунзе. Более 45 лет тому назад я был именно в этом училище курсантом и секретарем комсомольской организации 5 батареи 2-го дивизиона. Потом, после операции - в мае месяце 1989 года мне удалось побывать на встрече с выпускниками училища и встретиться с теми, кто из него выпускался в военные годы...

А о встрече с учениками 1119 школы в праздничный день без умиления и слез (пусть простят меня старого солдата) писать не возможно.

В 11 часов 23 февраля вижу в больничное окно стайку мальчишек, остановившихся около нашего медицинского корпуса, с цветами и свертками и внимательно считающих по окнам этажи, остановились при счете на шестом. Я понял, что они разыскивают меня. Пытался знаками привлечь их внимание, дать им понять, что они на правильном пути, но

они меня не заметили. Пока я подходил к лифту, они бежали уже ко мне навстречу...

Это были мальчишки из самого трудного и неуправляемого в прошлом 7"В" класса нашей школы. Вот вам и результат нашего влияния ветеранов на воспитание подрастающего поколения. Не мог сдержать слез радости, чтобы они не заметили моего волнения, обнял их и вместе с ними закружился в хороводе в больничном коридоре. Я был несказанно рад и горд за этих ребят. Посудите сами: сам поход навестить в праздничный день своего больного генерала, подготовиться и прилично одеться, повязать пионерские галстуки, приобрести цветы и подарки - одно только это неизгладимое событие на всю жизнь для юных сердец. От одного такого поступка уже веет добротой и радостью. Безусловно сказалась большая работа в воспитании молодежи со стороны сотрудников 1119 школы, Родительского комитета и общественных организаций микрорайона "Раменки"...

Ребята поделились своими успехами в учебе и общественной работе. Рассказали о своих замыслах и походе в музей Вооруженных Сил... Провожал их до выхода из здания, а потом долго, до самой автобусной остановки они несколько раз останавливались, находили взглядами мое окно и, сняв пионерские галстуки махали мне на прощание.

Все больные и обслуживающий медицинский персонал нашей больницы целый день были в радостном и приподнятом настроении... А тут, уже начало смеркаться, появились девочки с классным руководителем Александром Викторовичем, весь 4"В" класс - более двадцати маленьких душ. Они меня долго искали, так как я был приглашен к руководству больницы и не был в палате. Они перевернули всех и вся и все же нашли меня. Мне было очень жаль их, что они так много времени затратили на поиски, позднее время, а на завтра с утра снова занятия в школе, а ехать им с пересадкой на двух автобусах. Опять же, разве можно быть равнодушным к такому их подвигу, некоторые из них первый раз в жизни, без мам, отправились в поездку по Москве. Девочки мне "по секрету" поведали, что мои самые младшие подшефные - 3"Б" никого не захотели на урок мужества по случаю праздника и только ждут меня после моего выздоровления... Никак не мог их успокоить, что мне предстоит операция, поэтому не могу точно сказать срок, когда я снова буду с ними в школе. Никак не соглашались с необходимостью операции: зачем она и почему?

Это ли не задаток милосердия в маленьких душах...

Не могу обойти в книге, посвященной, в основном военной жизни и тематике - не описать гражданское медицинское учреждение, в котором, волею судьбы, я оказался...

Так случилось, что в 1987 году меня послали в ближайшую поликлинику при Московском Научно-Исследовательском Рентгено-Радиологическом институте (МНИРРИ) на обследование, так как в 118 районной поликлинике, где я постоянно наблюдался урологом

Владимиром Ильичем Ильиным, такое обследование провести не могли...

Принимал меня врач-уролог Журбенко Александр Григорьевич.

Очень внимательно изучив результаты исследования (УЗИ), он мне сказал, что ему не нравится работа моей правой почки, хотя врачи, проводившие УЗИ давали заключение о отсутствии отклонений от нормы.

Его предсказания и интуиция оказались верными и в январе 1989 года на УЗИ обнаружили кисту...

Я не представлял всю опасность такого заболевания и поэтому, по принципу: "Меньше знаешь - крепче спишь!" Отнесся к этому совершенно спокойно. Александр Григорьевич - уролог, имея большой опыт в работе, высказал мне по-солдатски, всю опасность последствий, если не принять срочно мер по дополнительному обследованию. Для этого нужно было лечь в стационар - к ним в клинику... Я и сейчас, вспоминаю все перипетии, остаюсь удовлетворенным, что послушал и выполнил его рекомендации...

Разместили меня в 3 Радиологии медицинского института. В этом отделении лечились очень тяжело больные, в основном с заболеванием крови. Мне, совершенно здоровому человеку (как мне казалось) было удивительно смотреть на спокойствие и уверенность в благополучном исходе лечения таких больных, с которыми я невольно общался, так как до всех предстоящих сложных "передряг" мне было еще далеко...

Вечером все, кто мог самостоятельно передвигаться и сидеть, собирались в комнате у телевизора. Оживление, шутки, смех, деловое обсуждение увиденного на экране телевизора, совершенно не вязалось с их тяжелой болезнью.

Обратил я внимание на одну женщину, средних лет, которая, участвуя во всех наших разговорах, непременно еще и вязала на спицах или готовила марлевые повязки впрок, по просьбе медицинских сестер.

Думаю, какую силу воли нужно иметь и мужество, чтобы не сдаваться на милость роковой болезни и сражаться за каждый день, месяц, год жизни - как абсолютно здоровый человек...

Это была Милкова Альбина Николаевна, жительница города Орла, преподаватель живописи и графики...

Многое поведала мне она о своей продолжительной болезни и как заставляет себя, теперь уже непроизвольно, после долгих лет ежегодного лечения в этом медицинском институте, жить полной жизнью: вырастить детей и вывести их в люди, вести домашнее хозяйство и даже, заниматься физическими работами на садовом участке...

- Да что я,- говорила Альбина Николаевна,- вот послушайте: четыре года тому назад, здесь у нас в третьей Радиологии было такое, что можно было бы и роман написать... Молодая пара: девушка, звали Мариной и юноша - Сергей, более года здесь встречались, полюбили друг-друга и поженились. Они знали, что их счастье будет недолгим. Через полгода она похоронила своего Сергея, а к концу года - умерла и сама. Это ли не сила духа. Наверное это посильнее чем о "Ромео и Джульете!"...

Посмотрев на таких удивительно стойких и жизнелюбивых людей, пожив с ними вместе около месяца, разделяя все горести и радости, моя болезнь показалась мне пустяком и я ждал своей участи совершенно спокойно...

И вот настал день этого адского исследования: ангиография.

Меня предупредили, что это очень неприятная и болезненная процедура. Храбрился я, мол военный человек, выдавший всякое в своей жизни (в двух инсультах побывал) удивить и запугать нельзя... Но, то что мне пришлось испытать на операционном столе в течение полутора часов, находясь все время в сознании, и, как бы участвуя вместе с врачами в их работе (под местным наркозом), не вязалось со всем моим воображением и представлением об этой "экзакуции". Причем, уж так получилось, что я больше переживал за тех, кто меня колол, резал, вводил зонд, брал пробу. Мне их было жаль! Сначала Надежду Владимировну Минх, которая готовила меня к исследованию и проводила первоначальную работу, вводила зонд. Она переживала за меня, что на каком-то этапе мне стало больно, невольный мой стон при этом отражался в ее глазах, в них был испуг и сочувствие: "Ну потерпите, простите меня", - говорила она.

Лежал я и думал, ведь это у них такое каждый день, и не один, а пять-шесть раз на дню!

Но, настоящее испытание было еще впереди, в исследовании, которое проводил врач Момджян Борис Карпович. Около часа "колдовал" он надо мной. Всего не перескажешь. Запомнилось, с какой требовательностью он обращался к ассистентам и медицинским сестрам: "Давление? ...Точнее делайте отсчет! Стекляшки! Стекляшки! Почему вы не имеете запасных?!" - и так далее... Семь потов сошло с него за этот час, и с какой детской улыбкой и непосредственностью обратился он ко мне, спросив о самочувствии, после проведенной процедуры, когда я был уже на каталке для отправки в палату?

Вот преданность своему делу, вот люди, труд которых можно видеть и оценить только тогда, когда сам испытываешь этот Ад! Провожая меня из операционной в палату, Борис Карпович, как бы между прочим сказал: "Киста в вашей почке нехорошая, если ее оставить - может принести много бед: нужно удалять почку, вот вам мой совет!"

- А если повременить? - наивно спросил я.

- Что ж, через полгода вы снова попадете на исследование к нам, но тогда могут быть более тяжкие последствия, а сейчас самое время, тем более, что левая почка у вас с полной функциональной деятельностью!

Нет! Снова попадать в лабораторию МНИРРИ-715 (как я ее окрестил по табличке на дверях) мне больше не хотелось.

Но, от окончательного ответа и решения, я все же воздержался - смалодушничал. Уж больно не вязалось, что в мои, 64 года от рождения, я никак не ощущал свои внутренности, и тем более почки!

Решил посоветоваться с лечащим врачом - Захаровой Любовью Васильевной и моим добрым другом и покровителем Журбенко Александром Григорьевичем. Они в свою очередь, по всей вероятности,

после представления результатов анализа Борисом Карповичем, уже сами, между собой, обговорили непростую ситуацию. Любовь Васильевна - врач, кандидат медицинских наук, защиту диссертации делала по болезням почек, могла с полным основанием принимать верное решение. Поэтому через сутки, как только мне разрешили вставать, на мой вопрос: "Нужна ли операция?" ответила: "Александр Григорьевич - без всякого сомнения - только она может предупредить нежелательные последствия!"

На этот раз я ответил утвердительно, что с операцией по удалению почки я согласен. Гора с плеч, когда решение принято, теперь волнует одна мысль: скорее бы все свершилось!

Приближался праздник Советских Вооруженных Сил...

И вот, накануне этих торжеств, я получил приглашение от директора института зайти к нему.

Профессор, доктор медицинских наук, лауреат Государственной Премии, врач-хирург - Харченко Владимир Петрович был кумиром не только у больных, но и у сотрудников института. Страна шла навстречу выборам депутатов в Верховный Совет и его кандидатура (одна из четырех) была выдвинута по Черемушкинскому избирательному округу. Знал я также и то, что одним из пунктов его предвыборной платформы, был пункт, где он говорил, что каждый больной может иметь право сам определять себе лечащего врача и даже хирурга на операцию. Мне, прямо скажем, это казалось вначале совершенно невероятным? Но потом, все сказанное Владимиром Петровичем, на его собственной практической деятельности ведущего хирурга медицинского института, которым он руководил, оказалось реальной действительностью. Однако в сознании никак не укладывалось, как можно одновременно руководить институтом, самому заниматься наукой и проводить по три-четыре операции еженедельно, причем некоторые операции (из-за сложности) делал только он... Все больные, которым предстояла операция, хотели, чтобы это сделал сам Владимир Петрович, а таких больных десятки и даже сотни, и никому он не отказывал, только со вздохом и сожалением отвечал: "Тогда вам придется подождать очереди"...

Все это нашествие больных к нему на прием я увидел, когда был приглашен по случаю праздника. Была вторая половина дня, четверг, самый операционный день недели в институте, он (Владимир Петрович) в этот день сделал уже вторую операцию. Человек пятнадцать посетителей и приглашенных ожидали приема перед его кабинетом.

Только он зашел в кабинет, как из реанимационной палаты его позвали: больному стало плохо, нужна была срочная консультация.

Подождав около часа, я отправился в палату. На другое утро, я подумал, что не буду утруждать его своим посещением, видя его занятость, а решил книгу свою и приветственный адрес с выдержкой из рукописи "Эхо войны" об их институте передать через секретаря ветеранам института, написав объяснение Владимиру Петровичу.

Робко зашел в приемную и очень несвязанно объяснил секретарю - Акчуриной Елене Михайловне цель своего визита.

Она встала из-за стола и сказала: "Нет! Вы должны это сделать сами!" Опять я начал объясняться, что не смею его утруждать своим посещением, что день праздника уже прошел и не следует отнимать у него время, сам пытаюсь встать и ретироваться из приемной.

Тогда Елена Михайловна встала и твердо сказала: "Не пушу!", загородив собой дверной проем.

При таких обстоятельствах и застал нас Владимир Петрович. Выяснив в чем дело, он принес мне свои извинения за несостоявшуюся встречу и принял меня в этот день... Долго он меня расспрашивал о моей службе в Вооруженных Силах, участии в Отечественной войне, моих литературных делах, а в заключении, провожая меня сказал: "Александр Григорьевич, я детально ознакомился с вашей болезнью - операция нужна и уже у лифта потихоньку - делать ее буду сам! Все будет хорошо!"

Вернулся я в свою палату, как на крыльях, меня уже совершенно не волновала предстоящая операция...

Через две недели после нашей встречи, меня перевели в хирургию, разместили в 949 палату...

Четыре больничные койки на 16 метрах площади, у каждого больного тумбочка и один стул на двоих. У двух больных стояли аппараты и капельницы. В общем коридоре один туалет (на два очка) на 60 человек не густо, если учесть, что послеоперационные больные вынуждены бывать там длительное время! Это-то в ведущем медицинском учреждении страны, куда поступают больные со всех концов нашей необъятной Родины и даже из-за рубежа... В 949 палате слева у двери на койке лежал представительный мужчина, настоящий "морской волк": с седыми усами и бородой, буйной шевелюрой и синими девичьими глазами... Ломоносов Юрий Иосифович, как потом оказалось, действительно был руководителем группы на научно-исследовательском корабле и бороздил моря и океаны Вселенной.

Далее по левой стороне у окна лежал бенгалец из Бангло-Деж, Абдул Вазед, прекрасный юноша, черные глаза блестели как маслины, с постоянной улыбкой на лице, обнажающей ровные белые зубы. У обоих стояли капельницы, рядом с Вазедом у его кровати сидела мать в индийском национальном платье-сари цвета чайной розы и отец. Месяц назад они прилетели в Советский Союз, когда узнали о тяжелой болезни сына. Застала его болезнь внезапно, в конце 88 года, когда он учился у нас в университете "Дружбы народов" на пятом курсе медицинского факультета. Очень жаль этого замечательного молодого парня, мы с ним за месяц крепко подружились. ...

Справа у окна была койка Валентина Павловича Сизова слесаря Московского завода Фрезер. Он был уже старожилом этого мрачного медицинского заведения и через несколько лет снова проходил курс лечения...

Мне освободилась койка за дверью и, когда дверь в палату открыта, то она образует как бы коридор, всех соседей, кроме Валентина Павловича не видно... Юрия Иосифовича только что привезли после несложной операции. В палате стояла гнетущая тишина, лишь мать

Вазеда шепотом что-то говорила сыну и нежно гладила его по обритой голове, тихо плакала. Валентин Павлович был на процедурах, когда я пришел в палату. С тем, чтобы никого не потревожить, я забрался в свой "коридор" на кровать и пролежал несколько часов кряду, не сказав ни слова, просто они были бы не к месту и некстати.

К концу дня, когда все процедуры были закончены, а Юрий Иосифович стал отходить от наркоза и почувствовал себя лучше, молчание в палата сменилось оживленной беседой.

Какие интересные люди, какой широкий кругозор мыслей и интеллект. С большим удовольствием вспоминаю наши дискуссии по вечерам и на международную тему и перестройку (в ту пору это была злободневная тема) и многое другое...

Стали меня готовить к операции, нужно было в одну из ночей через три часа сдать анализы.

Вижу в 947 палате (через одну от нашей) горит свет и ходит женщина? На постели в полусидячем положении человек - смотрит переносной телевизор?

Когда бы я в течение ночи не вставал и не шел мимо этой палаты - видел одну и ту же картину.

Утром узнал: Людмила Ивановна Гришаева - вот уже не один год, систематически, один-два месяца ежегодно находилась у безнадежно больного человека - своего мужа. На этот раз дела у Анатолия Ивановича были совсем плохие, вот уже сорок суток его жизнь поддерживали питательными уколами. Врачи и сестры не заходили в палату, поэтому круглые сутки все процедуры делала сама Людмила Ивановна. Только вечером на два-три часа, после института, дочь Татьяна - подменяла ее. Каких только врачей, вплоть до экстрасенса, не приглашала она со стороны, хотя сама врач понимала и видела все бессилие принимаемых попыток вылечить мужа, а она все не мирилась с этим. Анатолий Иванович, благодаря заботам Людмилы Ивановны, был вырван из лап смерти на два месяца, а 17 апреля - его не стало.

Какое мужество, какую преданность нужно иметь, чтобы поступать подобным образом...

В пятницу (17 марта) наконец-то пришла анестезиолог Морозова Елена Васильевна, как ангел-хранитель - верный признак скорой операции. Видел на своем веку красивых и представительных женщин, но таких встречать редко приходилось. Она проинструктировала меня, дала указания медсестрам и сказала: "В понедельник - 20 марта!"

Понедельник в клинике не операционный день - я это знал, поэтому спросил Елену Васильевну не ошиблась ли она? Она ответила, что нет. В связи с выборами в Верховный Совет Владимир Петрович, как кандидат в депутаты очень занят и не может в другие дни недели провести операцию, поэтому она назначена на понедельник...

И вот настал этот день.

Спокойствие не покидало меня ни в период непосредственной подготовки, ни в операционной.

... Переложили на операционный стол, услышал - время 11 часов. Смотрю, к столу подходит женщина и знакомым голосом говорит,

обращаясь к присутствующим: "Девочки, милые, вы уж постарайтесь, какой это прекрасный человек! - А мне на ухо: Владимир Петрович в прекрасном расположении духа и настроение у него хорошее". И отошла в сторону... Мой добрый и уважаемый друг - Смирнова Екатерина Сергеевна: профессор, доктор медицинских наук, врач-хирург-проктолог. Это она в самый критический момент пришла поддержать меня и присутствует на моей операции, как это приятно...

Так вот кто ходатайствовал за меня перед Владимиром Петровичем! Вспомнился разговор с ней накануне о том, что безразлично кто будет делать операцию, и мне все стало ясно...

Укол в бедро правой ноги.

Елена Васильевна обращается ко мне с вопросом, чтобы установить момент отключения моего сознания. Я тогда сказал: "Давайте лучше я вам песню спою - хорошо?"

- А какую вы будете петь?

- "Эх дороги".

- Пойте!

- Эх дороги, пыль, да ту...

И провалился...

Палата реанимации...

Слышу голос Елены Васильевны:

- Александр Григорьевич, Александр Григорьевич, просыпайтесь, все в порядке, вы нам песню не допели, допойте?

- Холода тре... - не могу, хочу пить!

- Нельзя вам голубчик,- говорит она,- можно только губы смочить.

...Заходит Владимир Петрович... Вижу настенные часы: 12.30...Как мало прошло после операции... И как долго тянется время... Владимир Петрович спрашивает:

- Как вы себя чувствуете?

- Хорошо,- отвечаю,- прошу позвонить жене, чтобы не волновалась!

- Завтра сами будете с ней разговаривать, а пока отдыхайте, набирайтесь сил...

Через два дня меня уже перевели из реанимации в общую палату...

Через неделю, опять же в понедельник, Владимир Петрович, накануне своего отлета на симпозиум в Данию, делал обход... Остановившись около меня, заслушал моего лечащего врача Васильева Олега Аркадьевича, и спросил меня о самочувствии? Я ответил: "Готов идти в разведку!" Все присутствующие улыбнулись, кроме Владимира Петровича. Он совершенно серьезно сказал: "Вот и хорошо, дальнейшее лечение вам определяют!". Из этого я понял, что не совсем все хорошо, коль это он так сказал...

О МНИРРИ следовало бы написать отдельную книгу, я же пересказал то, что было в моих впечатлениях и переживаниях личных или непосредственно связанных с моим присутствием.

Но одну серьезный "спор" со Смирновой Екатериной Сергеевной я все же опишу, рассматривая проблемы МНИРРИ, а может быть и других медицинских учреждений страны. Когда я уже совсем поправился,

Екатерина Сергеевна пришла меня навестить. Неугомонная натура, энергичная в свои 65 лет, и бескомпромиссная в любом диспуте, мы с ней сначала здорово повздорили...

Началось с того, что она спросила меня - не собираюсь ли я писать об их институте? Я сказал, что уже делаю наброски...

Она:

- Ну и что же, хорошее или плохое?

- Да, всякое,- отвечаю.- Допустим разве можно мириться с тем, что после реанимации, когда нужно было ввести катетр, ко мне сутки никто не приходил, пока соседи по палате не пошли к Александру Григорьевичу - урологу из поликлиники, вашему коллеге, и только он сам сделал все, чтобы облегчить мои мучения...

-Пишите! Пишите!- Зло сказала она,- пишите, что ваш лечащий врач, вынужден бегать по девяти этажам клиники, как загнанная лошадь, чтобы обслужить 15-20 закрепленных за ним больных, которых он должен обследовать, готовить к операции, участвовать в ней иногда по три-четыре часа, проводя непосредственно в операционной, и делая многое другое для больных. И где же ему взять время для больного, прибывшего из реанимации, о переводе которого в отделение, ему даже не сказали! Пишите, что мы хирурги - идиоты, но нас таких становится все меньше, которые соглашаются на такую работу, когда заполнены хирургические палаты сверх всяких норм. А что делать? Не отказывать же им, не отправлять же "лишних" домой? Вы слышали, как один больной из Якутии был направлен к нам и из-за отсутствия места вынужден был ночевать десять суток в аэропортах Домодедово и Шереметьево, пока не пришел к Владимиру Петровичу и сказал, что отсюда никуда не уйдет и будет ночевать в холле института. Конечно, его тотчас же устроили, нарушая все правила, и вынуждены были делать подобным образом для многих других, и неоднократно...

Да, я об этом знал, именно в нашу 949 палату и был направлен Олег Немытышев, после своих скитаний по аэропортам...

- Ну хорошо,- говорю я,- здесь мне понятно, сам видел своими глазами все трудности! А как Вы объясните то, что в вашем же институте больные в третьей Радиологии размещены со всеми удобствами - в палатах на двоих, а в хирургии - что?!

- Многое Вы еще не видели, или видели, да не понимаете,отвечала она с возмущением! - Ведь есть в хирургии приличные одноместные палаты, да и в них лежат по трое больных, так как число нуждающихся в госпитализации и хирургическом лечении у нас превышает коечный фонд, вот и ждут госпитализации больные по нескольку месяцев, допустим, как и вы ждали ее пять недель! А как трудно с перераспределением и перестройкой своих же собственных территориально-площадных возможностей - все только с разрешения МИНЗДРАВа. Руководству института не дают самостоятельности даже в решении этих насущных проблем... Что-то, дорогой мой Александр Григорьевич, вы приуныли после моих резких слов? Поверьте, это крик души! Хорошо, что хоть перед вами можно излить душу, как в ней все накипело! Да разве все расскажешь! Ведь есть же больницы

ведомственные, где нет очередей, но нет и специалистов, таких, какие есть в нашем институте, и нашего Владимира Петровича увозят к себе для операций, отрывая бесконечно - нужное время, у столь занятого и перегруженного человека, заставляя больных МНИРРИ ждать подолгу операции. Ну что же, будете все писать? Или я недостаточно вас убедила в нашей безысходности и наболвшем страдании?...

Минуты три я сидела молча на своей кровати, напротив меня на стуле сидела Екатерина Сергеевна и с вызовом, и, как мне показалось, с ожесточением смотрела на меня, будто я источник всех их бед!

А она, как будто читая мои мысли, вдруг, говорит: "Не бед, Александр Григорьевич, а вашего непонимания жизни нашего общества, и где вина врачей, а где общее несчастье?"...

Потом я улыбнулся, поднял обе руки вверх, сказал, что сдаюсь, но все напишу в том диалоге, который и состоялся между нами, перед завершением моего пребывания в хирургическом отделении института... Екатерина Сергеевна, приняв мои извинения, со мною согласилась...

16 мая 1989 года. Заканчивается курс лечения облучением на "Бетатроне", последний 25 сеанс, кружится голова, чувствую упадок сил. Однако я морально удовлетворен: закончил писать книгу "Эхо войны" и главу - "Взгляд на перестройку" для моей третьей книги "Бумеранг"... В тот же день поехал в Военное издательство и сдал рукопись - "гора с плеч"...

Я торопился! В 1992 году исполнялось 100 лет со дня рождения моего любимого писателя Александра Николаевича Степанова, написавшего роман "Порт-Артур" и другие очень интересные книги. В связи с этой знаменательной датой я посвятил А.Н.Степанову главу "Офицерская честь" в моей книге. Я рассчитывал, что к этой дате моя вторая книга "Эхо войны" будет издана...

Не тут-то было!... Рукопись пролежала в Военном издательстве полтора года, а в июле 1991 года, извинившись, что в издательстве сократился отдел, который занимался ею, мне вернули рукопись...

Вместе с рукописью мне передали три письма в мой адрес, из-за которых я написал такое предисловие. Письма пролежали более года, а мне о них ничего не было известно...

Первое письмо было от Поздеева Льва Семеновича механика-водителя самоходной установки СУ-76, который с благодарностью отзывался о прочитанной книге: "Самоходки, вперед!"...

Другие три письма, заставили меня пережить тяжелые минуты, горечь и злость на бездушные тех, кто держал их, не сообщив мне!

Выдержки из одного письма я привожу читателям, а вы уж сами определите, почему я так негодовал?!...

- Уважаемый Александр Григорьевич, здравствуйте. Случайно в книжном магазине увидела вашу книгу "Самоходки, вперед!" Раскрыла и заплакала. Ведь я дочь Боброва Григория Глебовича, вашего командира полка. Огромное Вам спасибо за теплые слова о папе. Вы так хорошо написали о нем, что мы еще больше будем им гордиться. Мы, это его дочери Лидия, Светлана и его внуки, и родственники... Я пишу - случайно увидела книгу? Нет, не случайно! Я много лет ищу про

самоходчиков, но даже в газетах, на встречах ветеранов о них ничего нет... Еще раз огромное вам спасибо, ВЫ ЖЕ ПОСЛЕДНИЙ, КТО ВИДЕЛ ЕГО ЖИВЫМ! До свидания Тибина (Боброва) Лидия Григорьевна...

На этой грустной ноте я и заканчиваю свой рассказ о ветеранах.

Глава восьмая ОФИЦЕРСКАЯ ЧЕСТЬ

В нашем Отечестве всегда, во все исторические времена офицеры гордились своим званием. "Честь дороже жизни" - это основа неписанного офицерского кодекса. В "Полковом учреждении" и "Науке побеждать" великий русский полководец Суворов А.В. выделил три основных положения офицерской чести. Она складывается из: любви к Отечеству, исполнительности и дисциплины, товарищества...

В исторической памяти народа, в его глубинных, не подверженных конъюнктуре представлениях офицер - человек чести. Это человек - верности присяги и данному честному слову офицера, постоянно готовый к преодолению любых трудностей и лишений, любых испытаний, к тому, чтобы отдать свою жизнь за Родину. А честь его - в беззаветном служении народу, самоотверженном выполнении обязанностей армейской и флотской службы, в воинском мастерстве, бесстрашии и отваге, в ратном подвиге. Дорога служения Отечеству является "Дорогой чести". Этой дорогой достойно прошли многие славные представители армейской профессии в дооктябрьский период истории нашей Родины. Ее продолжили командиры и комиссары Красной Армии - армии нового социалистического типа.

Необходимо вернуться к историческому прошлому, чтобы понять суть роли и значения офицерского корпуса в Советских Вооруженных Силах. Благодаря ему, армия не знала ни одного часа застоя, такого модного определения для эпохи второй половины двадцатого столетия. Нельзя мазать этим словом все наше общество. Каждая категория людей имеет в истории свою направленность и вносила в нее свой вклад.

Считается, что немцы вошли в историю с идеей рыцарства и чести, американцы с точки зрения идей прагматизма.

Вся наша отечественная этика держится на наследии чести, которая прошла через века и которую в настоящее время наследует лучшая часть офицерского состава. Офицеры принесли в мир идею подвига, но не как вспышку мгновенного действия, а как подвига, растянутого на всю историю человеческой жизни. Офицерский состав является костяком кадровой армии. Военные гибнут даже в мирное время. Офицерский состав всегда был в первых рядах в тяжелую минуту опасности при защите Отечества.

Офицерская честь! Понятие емкое.

Я счастливый человек, что прожил долгую жизнь военного и принадлежу к одной из самых престижных и почетных профессий - офицера Отчизны, призванного Родину защищать. Как бы не пытались недоброжелатели чернить военных, сама жизнь и действительность покажет нашу необходимость и порядочность офицерского корпуса в Вооруженных Силах... Наши русские писатели во все времена истории нашего государства большое внимание уделяли жизни и деятельности офицерского состава и в повседневной жизни, и в минуту суровых испытаний для Отчизны. На страницах книг показаны образы офицеров, с которых мы, современное поколение берем пример для подражания. На

каждом этапе становления военного человека, как личности, есть свой образ, своя симпатия. Мне хотелось бы на своем личном примере и хорошо знакомых людях показать нашего современного офицера на литературных героях прошлых лет. Провести сравнение и влияние книг на формирование человека и, в первую очередь, на командный состав Вооруженных Сил...

В юности я бредил Командармом Первой Конной Семеном Михайловичем Буденным и Павкой Корчагиным из книги Н.Островского "Как закалялась сталь"

По-настоящему настольным учебником и школой становления офицера, офицерской чести стал для меня роман А.Н.Степанова "Порт - Артур".

Жизнь самого Александра Николаевича Степанова является лучшим примером для подражания. В детстве Он был свидетелем и участником героической обороны Порт-Артура. Отец его, Николай Иванович Степанов, был командиром батареи Электрического Утеса, а затем Суворовской мортирной батареи на Тигровом полуострове. Двенадцатилетний Саша все видел, запоминал, старался быть полезным - был связным у своего отца, контужен и едва не лишился ног. О многих участниках героической обороны А.Н.Степанов сохранил живые, теплые воспоминания. А видел он много. Он лично знал Стесселей, Белых, Никитина, Кондратенко и многих других. Оборона Порт-Артура на всю жизнь осталась самым ярким его воспоминанием.

После капитуляции крепости А.Н.Степанов с отцом в числе военнопленных попал в Нагасаки и лишь оттуда вместе с ранеными и медицинским персоналом был направлен пароходом вокруг Азии в Одессу к матери. Повседневные записи событий позволили ему накопить большой материал. Прекрасная память помогла ему восстанавливать обстановку событий 1904-1905 годов. И не случайно все произведения писателя в большой или меньшей степени связаны с его биографией.

В 1917 году А.Н.Степанов был послан в Артиллерийскую академию в Петроград. После Октября... он в рядах Красной гвардии, принимал участие в разгроме Юденича, участвовал с отрядом путиловских рабочих в боях под Нарвой 23 февраля 1918 года, командовал артиллерийским дивизионом, воевал против деникинских полчищ под Ростовом и Екатеринодаром. В ночь на 17 марта 1921 года, во время штурма Кронштадта, при подавлении кронштадтского мятежа Степанов провалился под лед Финского залива, тяжело заболел и вынужден был уехать лечиться на юг в Краснодар...

В книгах А.Н.Степанова "Порт-Артур", "Записки гвардейца", повести "Поход в Восточную Пруссию" и "Артиллеристы", а также многие страницы романа "Семья Звонаревых" основными героями показаны офицеры и солдаты Русской армии.

Показан героизм солдат и младших офицеров, честь и достоинство генералов и офицеров, которые непосредственно находились в войсках и разделяли с ними тяготы фронтовой жизни.

Вместе с тем показан развал и разложение руководящей верхушки властей в лице великого князя Кирилла Владимировича Романова;

военных руководителей коменданта крепости Порт-Артур генерал-лейтенанта Стесселя и начальника Квантунского укрепленного района и командующего всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке во время русско-японской войны 1904-1905 годов генерал-адъютанта от инфантерии Куропаткина А.Н.

Эти военачальники, благодаря своей нерешительности, бездарности и безволия привели к позорному поражению русской армии и капитуляции в войне с Японией в 1905 году...

Вспоминая произведения писателя А.Н.Степанова, я в своей офицерской молодости старался подражать прапорщику Звонареву Сергею Владимировичу. В 1951 году я занимал должность начальника разведки полка, мне присвоили звание капитана, имел семью. У нас с Валентиной был уже годовалый сын Георгий - роман "Семья Звонаревых" и его герои стали нам путеводителем в пору расцвета человеческой личности, а для меня и офицерской чести.

Даже в выборе себе невесты и жены Валентины у меня в воображении возникал образ Вари Белой. Вот я уже и командир части - подполковник, у кого взять пример для подражания? Пример решительности, знания своего дела и умения руководить подчиненными? Опять же в "Порт-Артуре", у Степанова!

Чем не достоин образ командира минного транспорта "Амур" капитана второго ранга Иванова? "Капитан, высокий худощавый полуседой шатен, с тонким умным лицом молчаливо их выслушал (поручиков Борейко и Сайманова) о постановке мин на пути движения вражеской эскадры, затем хитренько у лыбнулся и вынул из шкафа свернутую рулоном карту. Когда она была развернута, то на лицах друзей появилось глубокое удивление: вдоль берега были прочерчены такие же точно линии, как и на карте у Борейко.

- Откуда вы получили копию моей карты?- справился поручик.

- Ниоткуда, Я сам ее вычертил на основе моих наблюдений за движением японской эскадры с Золотой горы.- ответил Иванов.

- Очевидно, нам пришла в голову одна и та же мысль,-сообразил Борейко.

- Совершенно верно,- кивнул Иванов..."

После того, как план постановки мин был доложен старшим начальникам, его реализации не суждено было осуществиться. Видя, что дело снова откладывается в долгий ящик, Иванов решил идти напролом: формально не нарушив приказа командующего флотом блестяще выполнил задуманную операцию, в результате которой японская эскадра понесла ощутимые потери.

Своим лучшим друзьям своей офицерской молодости я тоже искал прототипов из этого романа, Старший лейтенант Михаил Ворожейкин ни дать, ни взять - поручик Борейко Борис Дмитриевич: та же преданность Родине, изобретательность при исполнении служебных обязанностей офицера артиллериста, богатырская сила, сочетающаяся с любовью к людям и заботой о подчиненных...

А вот другой пример из образа высшего офицерского состава моего товарища по службе генерал-майора Гунбина Аркадия Леонидовича - заместителя начальника штаба армии...

Представьте себе генерал-майора Кондратенко Романа Исидоровича, военного инженера - командующего сухопутной обороной крепости Порт-Артур. Организатора и героя ее защиты. Мне думается, вот такой отрывок из романа будет наглядно характеризовать общность генералов Кондратенко Р.И. и Гунбина А.Л....

"В теплое солнечное утро Кондратенко вместе с Рашевским и Звонаревым приехали на Залитерную батарею. Борейко встретил генерала раскатистой командой "Смирно!" и доложил о проводимой им работе. Осмотрев укладку рельсов и бетон, Кондратенко остался очень доволен.

- Весьма остроумно. Было бы желательно по такому сооружению произвести опытную стрельбу из шестидюймовых мортир: если свод выдержит, значит все в порядке! Попрошу об этом Василия Федоровича.

- Совершенно излишне, ваше превосходительство, такое сооружение раза в полтора прочнее обычного бетона,- вмешался Рашевский.

- Рельсы вы откуда достали?- осведомился Кондратенко.

- Из тупиков станции. Там валяется много старых и ржавых, ответил Борейко.

- Весьма удачная мысль пришла вам в голову, поручик, обернулся к нему генерал.

- Не мне, ваше превосходительство, а моим солдатам...

Кондратенко серьезно посмотрел на Борейко.

- Весьма ценю ваше умение прислушиваться к советам и пожеланиям солдат, поручик с чувством пожал руку Борейко генерал. К сожалению далеко не все офицеры понимают важность внимательного отношения к мнению наших нижних чинов. Покойный адмирал Макаров разделял эту точку зрения, что было весьма лестно для меня! Ваше имя отчество?

- Борис Дмитриевич.

- Благодарю вас, Борис Дмитриевич! Не сомневаюсь, что под вашим руководством батарея будет действовать образцово! Теперь же позвольте откланяться...

Обойдя батарею, Кондратенко остался очень доволен всем виденным и благодарил капитана за работу. Благодарность генерала растрогала Жуковского, и он пригласил генерала почаще заглядывать к нему.

- У вас итак идет все хорошо, Николай Васильевич. Мне совсем незачем ездить сюда. У нас много прорех, где мое присутствие безусловно необходимо,- с улыбкой прощался генерал, садясь на лошадь.

- Удивительно милый человек,- успел шепнуть на ухо Звонареву Жуковский. - Даже не верится, что он генерал!"

"Даже не верится, что он генерал!" Вот ключ, который открывает доступ к понятию офицерской чести: благородство и доступность, высочайшая воспитанность и уважение к людям.

Подобного Роману Исидоровичу я долго искал в моей памяти за продолжительный срок моей воинской службы среди знакомых и друзей из офицерского состава, даже хотел себя поставить с ним вровень. Но, как только я начинал проводить анализ деятельности своей жизни или какого-то другого офицера, находил какой-то изъян. В своем собственном характере я нашел больше подходящего у генерала Куропаткина А.Н., нежели у уважаемого и благородного Кондратенко Романа Исидоровича...

Историческая справка: "Куропаткин Алексей Николаевич генерал-адъютант. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов проявил себя храбрым офицером, был начальником штаба у генерала Скобелева, который якобы сказал ему (Куропаткину): "Помни, что ты хорош на вторые роли. Упаси бог когда-нибудь взять на себя роль главного начальника; тебе не хватает решительности и твердости воли..."

Генерал Куропаткин, как видно, не внял предостережениям своего бывшего начальника генерала Скобелева и в русско-японской войне возглавил армию и бесславно провалил операцию под Мукденом и в других сражениях, что привело к поражению России в той войне."

Вот так рассуждал я, когда пытался себя представить в образах литературных героев. Только в отличие от судьбы генерала Куропаткина, для себя я сделал вывод о своих полководческих возможностях значительно раньше как стать генералом, после того, как откомандовал полком более пяти лет: "Большого военачальника из меня не получится, хорош буду только на второстепенных должностях, да и горяч слишком, часто заносит в спорах нужных и не нужных за пределы дозволенного".

С такой же меркой перебрал я хорошо мне знакомых генералов и офицеров и окончательно решил показать лучшим представителем высших офицеров Советской Армии, кто заслуживает подражания и пронес офицерскую честь на протяжении всей своей многолетней службы - генерал-майора Гунбина Аркадия Леонидовича...

Аркадия Леонидовича знают многие офицеры Войск Противовоздушной обороны и в соединениях, и в частях, и в больших штабах. Уверен безоговорочно, что все, кто будет читать эти строки, согласятся со мной: генерал Гунбин А.Л. один из лучших представителей высших офицеров современной эпохи...

Аркадия Леонидовича я знаю более тридцати лет, видел его в служебной деятельности и в быту, при несении боевого дежурства и в свободной обстановке на отдыхе, везде в своих поступках он напоминал мне генерала Кондратенко.

Особенно я проникся к нему уважением, когда он около десяти лет занимал должность заместителя начальника штаба армии. Десять лет в такой должности - это все равно, что сидеть на пороховой бочке и думать, что она вот-вот взорвется. При этом принимать решения, а часто выполнять распоряжения своих прямых высоких начальников, которые иногда не задумываются в своих выражениях и нетерпеливых для получения благоприятных результатов.

Службу заместителя начальника штаба можно сравнить с управляющим огромного хозяйства, в котором работает и постоянно живут не один десяток тысяч людей, где много частей и соединений несущих постоянное боевое дежурство, много управлений и штабов, объединенных в единый - целый управляемый комплекс.

Даже от одних только автомашин, находящихся на дорогах с неопытными водителями, имеющими только начальную подготовку, разъезжающими по многолюдным городам и поселкам, и перегруженным маршрутам - голова кругом пойдет: днем и ночью поступает информация о каком-либо происшествии, с которым необходимо разбираться... Всего и не перескажешь сколько у него дел.

Величайшую силу воли и терпение нужно иметь будучи непосредственным управляющим такого хозяйства, ответчиком перед старшими штабами и высокими начальниками. Не потерять чувство достоинства и уважения к тем людям (военным и гражданским), которые к тебе обращаются или кому ты отдаешь какое-то распоряжение.

Я всегда поражался его способности решать все нелегкие, особенно, как мы военные говорим - хозяйственные заботы: бывает на одну и ту же машину три заявки и все их нужно удовлетворить! Аркадий Леонидович как-то умудрялся их решать, причем не повышая голоса и не раздражая подчиненных, и посетителей. Поистине необыкновенная добрейшая душа и порядочность.

Досужий читатель может сказать: нашел мол пример - показать генерала в деле? С таким и прапорщик справится!

Да! Но в этом-то и суть, что обычные хозяйственные дела бывает сложнее решать, чем какую-то оперативную или тактическую задачу, поэтому в таком малом деле обычно проявляются высокие человеческие качества...

Мы говорим, что в старой Русской армии высоко была поставлена офицерская честь, отрицать этого исторического факта видно никто не собирается. В этой главе мне хотелось бы показать необходимость использования богатого литературного наследия и сделать критический анализ нашей работы по поднятию авторитета нашего современного офицера. Для этого нам необходимо пересмотреть весь уклад армейской и флотской службы и начинать это нужно с уставов, прежде всего с "Устава Внутренней службы".

Вот возьмем к примеру обращение военнослужащих друг к другу: "Товарищ капитан, разрешите к вам обратиться?" Кажется, все здесь верно, о чем рассуждать - вежливая форма обращения, исключено панбратство, достаточно лаконично, по-военному. Однако не для всех условий жизни и деятельности военнослужащих она подходит, а в уставах никаких других форм обращения не предусмотрено, даже в порядке исключений...

В жизни армейской, по установившейся неузаконенной традиции бытует своя форма обращения, в основном позаимствованная у старой Русской армии - по имени и отчеству, например: "Иван Петрович, будьте добры, послушайте меня?" Это чисто гражданская, доверительная форма обращения между военными людьми, вроде бы на нет сводит весь

армейский уклад, но это только на первый взгляд! На самом деле такое обращение может быть между военнослужащими в том случае, когда они хорошо знают друг-друга, надеяться на полное согласие в решении тех вопросов, с которыми они обращаются...

Мне запомнился 1963 год. Я был командиром зенитно-ракетного полка - подполковником. На третьем году командования у меня сложилась определенная форма управления подразделениями, когда в конце каждой недели я подводил итоги работы по несению боевого дежурства, боевой подготовке и воспитанию личного состава, службы войск и рассматривались вопросы с постановкой задач на следующую неделю. На таком совещании присутствовали мои заместители, командиры подразделений, начальники служб полка.

Одним из зенитно-ракетных дивизионов полка командовал майор Бемберя В.Ф. Дивизион был лучшим подразделением, майор Бемберя командовал дивизионом второй год и зарекомендовал себя умелым воспитателем, хорошим методистом; своим поведением показывал личный пример высокой нравственности и порядочности. После окончания Общевойсковой академии, ему было сравнительно трудно освоить сложную технику и только через год был допущен к самостоятельному несению боевого дежурства на командном пункте (как номер боевого расчета), но на втором году службы на этой ответственной должности он уже успешно справлялся с боевой работой дивизиона, стал специалистом второго класса.

Так вот, помню, в ходе одного такого совещания, я при постановки задачи обратился к майору Бемберя по имени отчеству: "Владимир Федорович, обратите внимание на контроль за боевой готовностью ваших дежурных взводов, мне заместитель по вооружению майор Сорокин доложил о низком качестве регламентных работ, которые проводились на этой недели в дежурных подразделениях дивизиона!" Майор Бемберя принял этот упрек близко к сердцу, по лицу было видно - его бросало, то в жар, то в холод, опустил голову и в глаза мне не смотрел. Но не о его состоянии на справедливые замечания мне хотелось рассказать, а что было потом.

Когда закончилось совещание, там же у меня в кабинете, офицеры, разбившись на группы, продолжали обмениваться мнениями, вели разговор на различные темы. Я любил послушать эти беседы, из этих непринужденных разговоров часто больше узнаешь о жизни полка, чем на официальных совещаниях. Слышу, что майор Бемберя стал в пол-голоса оживленно разговаривать с другими командирами дивизионов, думаю? О чем это он там секретничает?

И вот что я услышал: "Ну, братцы, я стал теперь настоящим командиром дивизиона, слышали, как командир полка сегодня меня Владимиром Федоровичем назвал - не по званию, а то все - товарищ майор Бемберя, да Бемберя, значит он высоко оценил мой труд, теперь я как-то вырос и считайте, что с вами на равных!"

Я усмехнулся, как-то раньше не замечал и не задумывался, а получалось само-собой, что к такой форме обращался к подчиненным

только в том случае, если верил в офицера и он у меня вызывал чувство уважения.

Видно из поколения в поколение передавалось среди офицеров негласные правила поведения.

То же обращение по имени и отчеству подчиненного офицера к начальнику в служебной обстановке - считалось неприличным, сквозило духом панибратства и развязанности, даже если эти офицеры вне службы были между собой друзьями или родственниками...

Достаточно пожить (лучше инкогнито) в воинской части, управлении малых и больших штабов с неделю, посмотреть и послушать, как офицеры обращаются между собой и к подчиненным, с достаточной достоверностью можно определить и состояние боевого дежурства, и уровень боевой подготовки, дисциплины, и уверенности: офицерский состав здесь на месте и имеет заслуженный авторитет, или служба и жизнь идет так себе - то взлет, то падение...

Все уставы должны быть проникнуты духом значимости офицера, как командира, воспитателя и старшего товарища по воинской службе.

Офицерскую честь необходимо внедрять в коллективы и учить правилам поведения повсеместно и тон в этом должны задавать высший и старший офицерский состав, офицеры наиболее умудренные опытом армейской службы.

В Русской армии проблемы досуга, взаимоотношение между офицерами и материальное обеспечение семей находили место на страницах издававшихся ранее журналах "Военный мир", "Досуги Марса", "Военный сборник", "Разведчик". Определенную роль имели офицерские собрания, которые имели свои издания. Выходили сборники трудов членов собрания, печатались материалы их бесед, обсуждений и дискуссий, военные обзоры, литературно-художественные произведения, способствовавшие становлению офицеров.

Много уделялось внимания духовному обогащению, привитию чувства высокой нравственности, порядочности и уважения к человеку...

Начали возрождаться в воинских частях в восьмидесятих годах офицерские собрания и в наших Вооруженных Силах, но что-то широкого распространения в дальнейшем не нашло. Офицерские собрания не должны носить компанейский характер, а плановый, с привлечением офицеров запаса и отставников, военных писателей, с показом кинофильмов, с диспутами и дискуссиями, разбор конкретное поведения своих офицеров части, подразделения...

Мне хотелось бы привести еще один эпизод из романа "Порт - Артур".

В конце романа решается вопрос, как поступить офицерам при капитуляции: идти вместе с солдатами в плен или с разрешения императора отправиться на Родину? В этих экстремальных условиях начальник Порт-Артурского гарнизона генерал-лейтенант Стессель проводит офицерское собрание...

"По моему ходатайству государь император разрешил желающим господам офицерам дать японским властям подписку о неучастии в этой войне и вернуться в Россию",- громко прочитал Белый Звонареву только

что полученную телефонограмму. Как вы на это смотрите, молодой человек?

- Ни один порядочный офицер не оставит своих солдат и не вернется в Россию,- твердо ответил прапорщик.

- Сереженька, дай я тебя поцелую за это! - порывисто кинулась к жениху Варя. - Мне очень хочется, чтобы ты остался со мной, но это будет нехорошо по отношению к солдатам.

Белый ласково посмотрел на дочь.

- Из тебя выйдет со временем, когда ты подрастешь и войдешь в разум, неплохая жена,- проговорил он.- Вопрос идти или не идти в плен будет обсуждаться сегодня вечером на общегарнизонном собрании офицеров. Мы с вами и отправимся туда.

В темном, загрязненном помещении собрания они застали уже более сотни офицеров всех частей артурского гарнизона - стрелков, артиллеристов, саперов, казачьей сотни и различных штабов. В зале и столовой красовались длинные столы под белоснежными скатертями.

Вскоре прибыл Стессель в сопровождении Фока и Никитина.

- Господа офицеры!-скомандовал Белый. Все вытянулись. Отдав общий поклон и, пожав руки генералам и полковникам, Стессель прошел к концу стола.

- Прошу занять места,- зычным голосом проговорил он.

Офицеры задвигали стульями, рассаживаясь по чинам - генералы около Стесселя, за ними полковники и так далее. Звонарев поместился в конце последнего стола вместе с врачами и чиновниками.

- В последний раз мы собрались дружной артурской семьей,- поднялся с места Стессель.- Многих мы недосчитываемся в своих поредевших рядах. Одни лежат в госпиталях, другие пали геройской смертью на поле брани. Прошу почтить их память вставанием.

Все поднялись и несколько мгновений молчаливо стояли.

- Истощение всех средств обороны, массовые болезни среди гарнизона сделали невозможным дальнейшее сопротивление, и я вошел в переговоры о капитуляции. Полковник Рейс сообщил мне из Шуйшина, где велись переговоры, что условия ее вполне почетны.

Нижние чины идут в плен, господам же офицерам предоставляется возможность вернуться в Россию. Им также сохранено право на ношение оружия, на деньщиков и определенное количество вещей. Государь император разрешил господам офицерам по своему усмотрению идти либо в плен, либо возвращаться на родину. Нам следует теперь побеседовать на эту тему. Я лично, конечно, возвращаюсь в Россию вместе со своим начальником штаба полковником Рейсом для непосредственного доклада его величеству о всех обстоятельствах артурской обороны. Кто желает высказаться, прошу не стесняться,- закончил Стессель.

- Позвольте мне - с кавказским акцентом проговорил полковник Тахтелов, приглаживая рукой свою пышную полуседую шевелюру. - Мы все, как один человек, должны разделить участь наших солдат и вместе с ними идти в плен. Как мы будем потом смотреть им в глаза, если в настоящую минуту бросим их на произвол судьбы? Я иду в плен и

считаю, все здоровые и легкораненые офицеры должны сделать то же самое...

Начались горячие споры, мнения офицеров разделились...

- Каково ваше мнение Василий Федорович?- спросил Стессель, обернувшись к Белому.

- Я перестал бы уважать себя, если бы вернулся до окончания войны в Россию,- коротко бросил генерал.

Сидящие поблизости офицеры зааплодировали" ...

Из всего, мною не раз прочитанного романа "Порт-Артур", меня, кадрового офицера, прослужившего более сорока лет в армии на командирских должностях, потряс именно этот эпизод.

Мне, пережившему Отечественную войну, испытывавшему всю ее тяжесть будучи младшим офицером, наиболее ощутимо такое благородство и патриотизм офицеров старой Русской армии. Я иногда спрашивал себя, хватило бы у меня силы воли и мужества поступать так, как это делали офицеры Звонарев, Борейко, генералы Белый и Кондратенко? Я до сих пор "казню" себя за бой под Варшавой в ночь с 10 на 11 сентября 1944 года, когда доверился данным предварительной разведки и попал в ночной атаке в огневую засаду! В результате чего погиб весь мой экипаж самоходной установки...

Свои поступки и военную службу в целом на таком большом жизненном пути я всегда сверял с лучшими образами офицеров из богатого нашего литературного наследия и, как видно из предыдущих глав книги, мне удалось избежать многих возможных ошибок в жизни.

Помню и рассказы моего деда Горелкина Алексея Николаевича, испытывавшего участь солдат России в русско-японской войне: капитуляцию и четырехлетнее пребывание в японском плену. Его рассказы о человеческом отношении офицеров и заботу о нем после возвращения из плена и устройстве на работу в Москве на Центральном телеграфе разносчиком особо важных депеш.

Нам есть у кого учиться и брать положительный пример совершенствованию офицерской профессии. К сожалению в предыдущие годы в армии мало уделялось этому внимания, считалось ззорным брать пример с "Белого офицера". Причиной тому - дворянское происхождение (как правило) при формировании офицерского корпуса в истории создания Русской армии.

На словах мы иногда разделяли тех офицеров на хороших и плохих, на деле же, даже все хорошее отвергали. Ну и к чему пришли? Как будто наше рабоче-крестьянское офицерство стало терять испокон веков сложившуюся офицерскую честь? Да нет, все же, если рассматривать наше общество в целом, наши современные офицеры показывают пример благородства и порядочности, чести и безупречного исполнения своего воинского долга! Но, далеко до совершенства и идеи - все прекрасное и самое лучшее должно быть собрано в образе современного офицера..

Сейчас, в конце 20-го столетия, такое движение в совершенствовании всей работы над созданием такого образа, только начинает разворачиваться и набирать темп, иногда мы продолжаем

топтаться на месте, не претворяя в жизнь всего того хорошего и поучительного, что было в прошлом, не распространяя лучшие начинания передовых офицеров современности..

Учиться и учить офицерской этике, воспитывать высокие интеллектуальные качества необходимо не только на службе, но и в домашней обстановке, на отдыхе, при лечении в санаториях и пансионатах, при нахождении в домах отдыха.

Работа вне службы в этом направлении в армии совершенно запущена, причем это наблюдается повсеместно. В подтверждении сказанному, приведу пример из пребывания в военной санатории в ноябре 1989 года. Не буду называть его адреса и профиля лечения - с тем, чтобы он не оказался "лидером" всего того негативного о чем я буду повествовать. Это не исключение и типично для всех наших военных здравниц, а если нет, то это будет приятным исключением. Во всяком случае там, где мне приходилось бывать, работа с офицерами-отдыхающими и их семьями не ведется по поднятию офицерской чести и порядочности офицера, его интеллектуальном росте.

Конечно, если к организации такой работы относиться также, как проводимым там вечерам отдыха, где скука и нет ничего, что бы отражало специфику пребывающих там людей, на такие мероприятия никто не пойдет. А если программу офицерского вечера заранее пропагандировать, используя трансляционные передачи, с фрагментами из программы, музыкальным и литературным оформлением, то посетителей будет много. Энтузиасты есть не только среди штатного офицерского состава лечебного учреждения, много желающих участвовать в подготовке и проведении можно найти среди отдыхающих...

Так размышлял я, когда прибыл второго ноября 89-го года в санаторий. К этим размышлениям у меня были свои основания, я думал, что меня, как автора книги "Самоходки, вперед!", вышедшей под рубрикой "Рассказывают фронтовики", привлекут для встречи с отдыхающими, тем более, что у меня была рукопись второй книги "Эхо войны", которую я взял с собой.

Прошла неделя моего пребывания, спрашиваю в библиотеке: "Есть у вас книга "Самоходки, вперед!" - оказывается есть. Представился заведующей, сказал, что я автор этой книги. Заведующая библиотекой проявила большой интерес, записала координаты моего места проживания . Ну, думаю, теперь мне отбоя от посетителей не будет. Напрасно я надеялся - никто не приходил. Через несколько дней пришел снова в библиотеку: стоит моя книжечка на том же месте, зажатая среди других книг на мемуарной полке, которую и найти-то трудно! До слез обидно, не за себя, а за тех, кто должен заниматься воспитательной работой (я не думаю, чтобы заведующая не сообщила о пребывании в санатории автора книги). О том, что книга заинтересовала бы читателей у меня не было сомнения, в течение года у меня было много положительных отзывов и от молодежи, и от читателей фронтового поколения.

В распространении новых книг, их популяризации - работа в армии поставлена из рук вон плохо и в воинских учреждениях и в периодической печати, не говоря уже о рекламе под рубрикой "Новинка"...

Хотелось бы на оптимистическом настроении отступить от нравоучения, советов и даже пессимизма...

Рассмотреть взаимоотношения между офицерами-мужчинами и прекрасном родом человеческим.

У женщин всех времен самым лучшим образом друга - человека, на которого можно положиться, доверить тайну сердца; человека сильного, умного, корректного и воспитанного. Перед женщиной всегда был идеал мужчина-офицер.

Это мы офицеры, должны чувствовать ответственность - понимать, ценить офицерскую честь, в этом всякий раз поддерживать прекрасный род человеческий.

Вот об одних таких исключениях не типичных взаимоотношений я поведу разговор в моем повествовании...

В ноябре 1989 года на отдыхе в санатории мною стали интересоваться молодые особы.

Установив, что я приехал в санаторий без жены (одна из них хотела завязать со мной более близкое знакомство).

Опять же, помня об офицерской чести, я изменил имена этих дам. Скажем звали их Анной и Татьяной, которые не обременяли себя заботой ездить с мужьями отдыхать или лечиться в санатории.

Я извиняюсь перед читателями и женами офицеров, о которых так много положительного было сказано в главе "Жизнь прожить - не поле перейти", что я позвонил такое отступление...

Анну я в течение последних лет видел ее в этом санатории. Всегда вокруг нее крутились отдыхающие мужчины, которым не прочь поволочиться за интересной дамой, и можно с которой было пофлиртовать...

Так получилось (наверное это было предусмотрено заранее), что территориально меня разместили по соседству с их комнатами. Таким образом хочешь не хочешь встречаться с ними приходилось на дню много раз: "Здравствуйте, какая сегодня ненастная погода, что будете делать после обеда, какие планы на вечер и т.д., вообще ничего не значащий банальный разговор"...

Дальше, больше других приятных объяснений. Наконец, чтобы не мучить неясность моих милых дам, после посещения ими кино, я пригласил в холл и повел с ними вот такой разговор: "Милые мои, я из мужчин таких, которые относятся к разряду неподдающихся.

Завлечь могу, но в самый ответственный момент у меня передо мной возникает образ моей жены Валентины, с которой мы прошли сорок лет в любви и согласии, и я ей всегда был верен, не думайте, что уж я такой ханжа и паинька. Все человеческое при мне также влечет к женщинам, как и всех других, особенно интересным таким как вы, но я умею остановить себя перед запретной чертой, которую если я переступлю, то уже домой к своей Валентине я больше не вернусь - моя

совесть мне этого не позволит. Думаю, что до конца моих дней жизни моя честь и совесть, прежде всего перед самим собой, будет чиста.

Вижу, как-то задумались по-особому мои милые собеседницы. Молчание длилось несколько минут, был уже второй час ночи, в холле полумрак, выражение их лиц трудно было разглядеть.

Наконец Анна говорит: "Не верится, Александр Григорьевич, в то о чем нам рассказывали, это вы нас разыгрываете, таких мужчин не бывает, или нам с Татьяной не приходилось встречаться!"

- Нет, почему же, - отвечаю я. - У меня много друзей и генералов, которые даже более сдержаннее чем я, с них беру пример.

- Однако мы с Татьяной заметили, что вы несколько вечеров ходите на танцы и у Вас одна и та же партнерша, правда дальше входа в лечебный корпус вы ее не провожали (все заметили) видно что-то выжидаете? Или просто провоцируете нас!

Я рассмеялся...

- Ну уж если вы все про меня узнали, то открою вам и этот свой секрет? На танцы последние дни ходить я стал, чтобы избавиться от вашей опеки и дать понять вам, что на меня не рассчитывали и не имели на меня виды. А теперь я вам расскажу об этих танцах и о постоянной партнерше. Правда ведь хороша? (Они молча головами кивнули - со мною согласились).

- Первый раз, а это было 6 ноября, пришел я на танцы. Вы со мною конечно согласитесь, - веду я им рассказ, - что не безразлично сможете вы видеть мужчину на один танец, а может быть и весь вечер: симпатичен ли тебе человек? Я замечал, что именно на танцах женщинам нравились партнеры - трезвые или только слегка "навеселе". Вам женщинам можно только посочувствовать и пожалеть: вас выбирают на танец мужчины, когда приглашают дамы, вы можете осуществить свой выбор только тогда на "Белом танце" (Анна горестно улыбнулась, а Татьяна - вздохнула); мужчинам-то в этом отношении проще, - говорил я им.

- Так вот, начал на танцах я присматриваться, исходя из взглядов, которые вам изложил. В зале танцующих мало, я обратил внимание на одну милостивую даму, которая, как и я присматривалась к танцующим и не очень показать вид, чтобы ее пригласили. Скромность мне понравилась и я ее пригласил на танец. Танец был помню современный и модный; партнерша, имея видно большой опыт видела перед собой кавалера старше ее лет на тридцать, предложила (показом) танцевать медленным фокстротом, как мы танцевали в пору нашей молодости. Ну думаю, знай наших, когда-то был хорошим танцором. Перехожу, как танцуют все и, особенно, молодежь. Партнерша оживилась и показала незаурядные способности. Потом, через несколько дней, мы с ней за танец - вальс наградились аплодисментами, танцующих в зале.

- Видели, видели, как у вас хорошо получалось, - сказала Анна.

- В первую нашу встречу, - говорю я им, - второй, третий раз танцуем - вместе, познакомились: зовут Ольгой. Смотрю Оля что-то смущенно улыбается, озирается по сторонам. Я ее спросил, что ее смущает, или я ей в чем-то помеха?

- Да сын у меня здесь, - отвечает Ольга.

- Так вы здесь на танцах, а он бедняжка в такой поздний час под окнами стоит?

- Нет, он в зале, только в другом - он офицер!

- Вот те на, думаю! Говорю я ей: Оля, я генерал Горелкин (чувствую она вздрогнула при этом). Мы продолжали танцевать. Представьте меня ему. Вижу Ольга как-то вся просветлела, как будто с нее сняли тяжелый груз. Пошли в другой зал. Она подвела меня к сыну - симпатичному, красивому молодому человеку; представьте себе гусара прошлого века: брюнета и с модными усами, только одетого в гражданский современный костюм.

- Генерал-майор Горелкин Александр Григорьевич, - представился я ему.

- Старший лейтенант Фастов Игорь Кузьмич, - ответил сын.

Последующие вечера на танцах мы были в единой компании и пожилых, и молодых. Было очень интересно, каждый такой вечер я ждал, как в прошлую молодость (конечно, 27 лет я находился в боевой готовности - не натащуешься).

С другой стороны, всем окружающим было ясно, что у нас чисто дружеские отношения: очень приятные и не больше! Для меня это было хорошим прикрытием и громоотводом от вас мои милые дамы!

Анна и Татьяна переглянулись и засмеялись. Потом Татьяна мне говорит: "Побьют когда-нибудь Вас женщины!". В тон ее шутки я ответил: "Готов принять любые муки от прекрасного пола"...

Долго просидели мы в эту ночь (октябрь 1989 года). Они знали, что я писал книгу, и пишется у меня в ней глава "Офицерская честь". Мне были нужны женские образы - жен офицеров, которые проповедуют "свободную любовь" и живут ею, не нарушая семейных традиций, оставаясь любящими мужем и детьми, внимательными и отзывчивыми бабушками. Только я заметил, что это может происходить взаимоотношения там, в тех семьях, где муж и жена остаются на одинаковых позициях во взаимоотношениях между собой...

Не будем их судить строго, главное сохранить семью, уважение друг к другу и хотя бы внешнюю порядочность.

Знаю у читателей (особенно женщин) будет возмущение и буря в душах ваших. Так, мои друзья семья Ткаченко - категорически не рекомендовали мне этот эпизод не включать в главу "Офицерская честь".

Но! "Жизнь-то прожить - не поле перейти".

В этом поле и разные цветочки: и Васильки, и бурьян, а жить-то всем вместе приходится?!

Только в декабре 1994 года о моей книге вспомнили в Пятигорском Центральном Военном Санатории. По инициативе работников библиотеки Натальи Алексеевны и Аллы Алексеевны меня пригласили на встречу с читателями - отдыхающими санатория. Встреча, а точнее - вечер отдыха, получилась теплой, душевной; в конце, под гитару, пели старинные русские романсы: "Гори, гори, моя звезда",

"Утро туманное", "Не пробуждай воспоминаний" и другие...Ну, как же все хорошо получилось!... Долго не расхотелись...

Надолго запомнятся такие встречи...

Декабрь 1996 года - в военной санатории "Марфино".
(З а р и с о в к а).

Ранее в Подмосковье "Марфино" я не бывал и сожалею мне не приходилось. В прошлом рвался в Пятигорск, где база в санатории военных отдыхающих читателей "Трилогии" у меня было тесное понимание. В октябре 1995 года, по просьбе заведующей библиотеки Натальи Алексеевны, я свою "Трилогию" в двух экземплярах ввел "Эхо войны" и "Бумеранг" в компьютер и отпечатал эти книги на принтере, а "Самоходки, вперед!" у меня были с собой.

Врачи онкологи в санаторий меня не отпускали, но я их уговорил отпустить в Пятигорск.

Встретили меня с книгами в Пятигорске с радостью. Через пять дней намечалась встреча с читателями, а накануне, утром мы с другом танкистом - полковником Юрием Михайловым у мемориала на пьедестале танк Т-34, мы преклоняли колени, перечисляли сгоревших и погибших свои ребята в Отечественной войне, потом занимались процедурами в санатории. В этот раз, 24 октября я был у танка, преклонил колено, стал вспоминать: Николая Сокольников, сгоревшего под Варшавой... Разрыдался (еще эта онкология меня расстроила), потерял сознание, сколько я пролежал?... Подполз к пьедесталу ... в таком состоянии Юра Михайлов меня нашел, помог подняться, но говорить по-русски у меня не получалось, какая-то "абракадабра". Я его все понимаю, сам перехожу на немецкий - он не знал!

Пришли в санаторий, врачи все сбегались, беспокоились, но от меня на немецком, английском, румынском, пытался им отвечать, то что мне говорят я с трудом их понимаю...

Что-то они шушукуются, говорят с Юрой Михайловым... Дней пять кололи лекарствами меня, не зная что со мной, и решили: у него "Крыша поехала", отправить меня под надзором Михайлова поездом из Пятигорска на верхней полке в Москву (у меня же был железнодорожный билет в "СВ" со всеми удобствами, его всего-то нужно было перекомпостировать на 29 октября, и то не удосужились!)...

Поехали...

Чего-то Юрка мой все переговаривает с проводницей и соседями, чтобы мы остались одни в купе и с сожалением смотрят на меня. До меня все не доходит, что я сумасшедший...

Наконец Москва, Курский вокзал. На перроне все мои родные встречают меня на трех машинах (им-то сообщили из Пятигорска, что со мной случилось?) Смотрят в окно вагона - взгляды испуганные, а я улыбаюсь и говорю на немецком: "Haben sie keine sorge" (не беспокойтесь)... Обрадовались... Наконец дома...

Мои "Хождения по мукам" продолжались в Красногорском госпитале. Опять же никто меня не понимает, а нужно проводить исследование, анализы, рентгеновское облучение и т.д.

Я им говорю на немецком, что я онкологический больной с десятилетним стажем, нахватал столько облучения, нельзя меня "Светить"!!!

Настаивают!..

Я такой разгон им устроил!!! Медицинским сестрам и врачам, наконец по-русски - матом, "сразу все поняли" - побежали за лечащим врачом Новоселовой Ольге Андреевне.

Какое счастье, что невропатологом лечащим врачом назначена была Ольга Андреевна. Я твердо убежден, что я сейчас говорю и не только это: продолжаю писать и дополнения в главу книги "Эхо войны" - "Офицерская честь".

Самые лучшие эпитеты мне хотелось бы выразить об Ольге: умница, красавица и душевный человек и т.д.

Прибежала Ольга Андреевна, сначала строго со мною говорит?!...

Я начинаю биться о стенке головой (это же при инсульте, с кровоизлиянием в левой височной области головы 20 куб. см.)...

Обняла меня, по голове ласково гладит, успокаивает: "Почему же Вы так себя бурно ведете", - сказала она?

- "Sagen sie bitte"... (скажите пожалуйста им - нельзя меня облучать и вообще лучше не тревожить анализами, за исключением того что о инсульте, который Вы и лечите!)

Долгое на немецком мое объяснение она с грехом пополам сказала, что я поняла вы онкологический больной и "светить" вас нельзя?!

Я улыбнулся и рассмеялся, поцеловал ее руки. Контакт с бурным "сумасшедшим" установлен.

Тогда я ей сказал: "Lesen sie bitte meine Bucher..." (Читайте мои книги они со мной: "Эхо войны" и "Бумеранг" из моей "Трилогии", вы мою неугомонную душу тогда поймете...)

Была суббота и воскресенье, в понедельник Ольга Андреевна пришла и сказала, что обе книги я прочитала залпом - одним заходом, попробую найти вашей метушейся душе ключ и научить говорить вас на русском языке...

Очень трудно было снова говорить обычные слова по-русски, то, что вокруг меня окружает, мой сосед описывал в тетрадь: умывальник, зеркало, стол и т.д. Я написанное им сначала переводил на немецкий, потом с трудом говорил: умывальник... и т.д. Дверь - писать по-русски я мог, а язык мой выговаривает "Die Tur" и больше никак. Потом в три часа ночи запел в полный голос:

Гори, гори моя звезда,
Гори звезда приветная,
Ты у меня одна заветная,
Других не будь хоть никогда.

Сосед Володя, как закричал: "Девочки, Александр Григорьевич заговорил по-русски..."

Утром пришла Ольга Андреевна - обрадовалась, а у меня опять не получается.

- Продолжим помаленьку, - сказала она.

Показывает чайную ложечку.

- Скажите, что это?

- Ло, лож... , никак.

Через месяц, к новому 1996 году стал говорить, но плохо. А в апреле стал читать книги и газеты. Только в декабре я сносно стал писать несколько строк предложений, а с 1 января 1997 года авторский зуд бросил меня дописать мои наброски в главу "Офицерская честь" о "Марфинском", Центральном, клиническом санатории...

В воспитательной работе с отдыхающими - значительно улучшилось, благодаря заведующей библиотекой Светланой Шариповной. Стали литературные встречи, музыкальные вечера и т.д.

Как же изменились отдыхающие: мне стало заметно, активность их увеличилось, больше говорили о встречах описываемых книг, группами стали петь песни, танцы стали настолько массовыми, что о них мне захотелось написать...

Прежде всего 14 декабря 1996 года состоялась встреча с читателями санатория по моей "Трилогии". Я очень надеялся на тех, кто примет участие в обсуждении книг.

Встреча оказалась настолько яркой и бурной со стороны читателей, что мои ожидания приятно превзошли. Самыми активными стали отдыхающие фронтового поколения. В короткое время в ходе обсуждения мы стали друзьями и, к сожалению, наш срок отдыха в санатории кончился.

Особую роль в обсуждении выполняли оппонентами по моей "Трилогии" участники Великой Отечественной войны. Два часа после официальной встречи читатели "атаковали" по группам нас (моих оппонентов), особенно тему третьей книги "Бумеранг". Под таким впечатлением мы надолго остались в памяти моих друзей...

ЗАРИСОВКИ В МАРФИНО

Мои наблюдения невольно приковали к паре молодых людей (им чуть больше тридцати лет) Марина и Александр Алексеевы. Всегда вместе и, особенно, Марина с такой любовью, взглядом и, обняв его, смотрела на Сашу. Во второй вечер моего пребывания в санатории пели под баян песни, в основном люди преклонного возраста, но именно настолько резко выделялась молодая, красивая пара Алексеевых, которые участвовали в песнях, что я невольно подошел к ним и познакомился. А потом, мне было приятно участвовать с ними на танцах. Они потом как магнитом притянули всю нашу компанию моих друзей.

Провожали Алексеевых 12 декабря, даже наши фронтовики всплакнули жалели о расставании...

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ - БОГАТЫРЬ БЫЛИННЫЙ

Прекрасные две столовые в санатории "Марфино". На самом видном месте наш стол был укомплектован мужской четверкой. Сначала подумал: мужики, как обычные мужики, лучше бы посадили даму хоть одну для интереса в разговоре с нами?

Напротив меня сидел офицер в отставке, я подумал: чего же он седой, как лунь, а на взгляд лет сорок. Спросил его: "Вечерами-то на танцах бываете?" Он говорит, что всегда танцевал, только правая нога у меня с протезом, нет у меня ноги, натерло протезом так, что сегодня танцевать не буду - передохну! ... Вот это ДА?! Я же совершенно не заметил за вами хромоты!

Он говорит, что за нашим столом сидят вроде меня без ноги, теперь вы после инсульта - думают окружающие мы ели двигаемся, а мы-то на танцах, о партнершах и не только о процедурах!!

- А рядом заметили, кто с вами сидит, ну сколько ему лет? - спросил он.

- Думаю, что шестьдесят пять? - говорю ему.

- Илье Николаевичу Коробкову 2 августа 1997 года исполнится 90 лет. На танцах у него две постоянных партнерши. Вы поговорите с ним: память, слух, зрение, все зубы при нем, ну каков?!

Ведь вот такова же Русская земля рождает богатырей Ильих Муромцев!!!

ГЕНЕРАЛ ИКС?

Я честное офицерское слово вам даю, что с генералом ИКС повествую о настоящем - существующим...

Моего друга генерала ИКС увидел я в санатории "Марфино": представительный, элегантный мужчина, на вид ему не более 60 лет, на самом деле ему -то за 70, боевой - фронтовик. Отдыхающим женщинам на танцах он был нарасхват...

Так вот о танцах мне и повел он рассказ...

- Женские глаза все расскажут взглядом: или печаль, или радость, наконец, увидишь в них и любовь, и нежность - с ними потом не соскучишься и надолго их запомнишь.

- Но ты уж слишком, - говорю ему, я ж сам не лыком шит, хочешь отобью у тебя на танцах твою лучшую партнершу?!

- Попробуй, только я уже буду танцевать с теми же, которые ранее приглашал и теперь на вальс или танго буду петь им романсы, смотря в глаза - потихоньку. Ты только смотри и не мешай мне, увидишь, как они будут меняться и в лицах; а уж как они станут танцевать, ты сам потом мне расскажешь. Потом отбивай любую, я только думаю они с тобой будут скучать.

В воскресенье, 22 декабря, пошли с ним на танцы. Опять предупредил меня не мешать ему...

Первая партнерша. Жгучая брюнетка, стройная, танцует прекрасно. На вальсе генерал ИКС поет ей романс - вызывает ее глаза:

Очи черные, очи жгучие,
Вы прекрасные и могучие

.....

Нет, эти глаза не отражают в Кармен...

Поет ей другой романс:

Не пробуждай воспоминаний
Минувших дней, минувших дней,
Не возродишь былых желаний,
В душе моей, в душе моей...

Так, вот когда загорелись эти глаза, печально улыбается и с благодарностью прощается с ним, уходит из зала, этот последний у нее вечер в санатории...

Вторая партнерша. Блондинка, уж так хороша, что глаз не отведешь. Ее кавалеры блокируют со всех сторон. Думаю, мой друг генерал ИКС неужели пробьется через блокаду к ней...

Он спокоен, не танцует с другими, смотрит на прекрасную блондинку. Использовал из далека ее взгляд, она глазами отвечает, а кавалеры, козликами подпрыгивают вокруг нее.

"Белый танец". Блондинка пробивает кордон и перед генералом ИКС уже пляшет перед ним.

Как уж они отплясывали - дух захватывали от них!

Вокруг них даже старики еле движущиеся стали тоже приплясывать и хоть немножко перенять такое коленце...

Спрашиваю генерала ИКС, как дыхание выдержал ты, это же вулкан?!

- А ты собирался отбить от меня такую блондинку, - говорит он? Куда уж ты до меня!

- Ну, а какой же ты романс в глаза пел ей. Я этот раз, что-то не заметил?

- Санечка, - говорит он мне, - я же ей спел до танцев, что она так и пляшет до сих пор:

Моя душечка, мое солнышко,
Тот суровый тон прогони,
Иль не видишь ты, как измучен я,
Пожалей меня, не гони.
Она: Не лукавьте, не лукавьте,
Ваша песня не нова,
Ах, оставьте, ах оставьте,
Все слова, слова, слова...

Партнерша третья.

- Это совсем о других глазах, - говорит мой друг. Соседка по столу все плачет уже двадцать дней. Оказывается, более года тому назад похоронила мужа. Так хоть на мгновение я задумал пригласить ее на танцы. Долго не решалась, но все же пришла. То в уголок спрячется и все плачет, прикрытая темными очками - глаз не видно. Но уж как танцевала она со мною вальс: высокая, вся в черном... Утром я ее

проводил из санатория. Все же глаза за черными очками я рассмотрел ее с благодарностью...

Меня генерал ИКС спросил: Ты, что думаешь я только ради тематики твоей главы "Офицерская честь" - ошибаешься! Это хоть на несколько дней в санатории я возвращаюсь на танцы в свою молодость; некоторым такое это не дано, люди обкрадывают в себе счастие..."

Офицерская честь связана в первую очередь с тем, что офицер в малой или большой степени является руководителем воинского коллектива, личный состав которого находится постоянно вместе, решая сложные задачи по защите Родины.

Анализируя стиль руководства, мы прежде всего отмечаем авторитет офицера. Авторитетные руководители - это в большинстве случаев властные люди, обладающие большим упорством и настойчивостью. Вместе с тем они самолюбивы и с повышенным чувством собственной значимости, что иногда приводит к большим ошибкам в решении сложных задач...

Я за офицеров другого типа - демократического руководителя. Это офицер, который любит дело и уважает людей, которыми руководит. Высокая идейно-патриотическая зрелость и направленность в сочетании с профессионализмом, добротой характера и ответственным отношением к делу, требовательность к себе и подчиненным, сочетающаяся с уважительным отношением к ним...

Когда я говорю о таком руководителе, передо мной всегда возникает образ выдающегося полководца Великой Отечественной войны Маршала Советского Союза Константина Константиновича Рокоссовского. Все, кто его знал или слышал о нем, согласятся со мной - изумительный был военачальник! Мне посчастливилось дважды встречаться с ним. Первый раз 10 сентября 1944 года на командном пункте (наша самоходка прикрывала КП), когда на нем был Рокоссовский и руководил войсками при наступлении на Варшаву. И второй раз в августе 1945 года, я был дежурным по бригаде танкового корпуса, располагались мы в Германии, Рокоссовский прибыл в бригаду, чтобы поднять нас по тревоге (была объявлена война Японии). Казалось бы и в том и другом случае экстремальная обстановка, однако он счел необходимым запросто побеседовать со мной - спросил о самочувствии и настроении...

Демократическому офицеру-руководителю чуждо тщеславие. Духовное богатство, обилие знаний и творческих возможностей, всегда позволят ему увлечь людей на безупречное выполнение воинского долга, на высокое сознание и подвиг.

РУСЬ

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка - Русь!

Н.А.Некрасов

БУМЕРАНГ
книга третья

Глава первая ПЕРЕСТРОЙКА

Вторая половина 80-х годов 20-го столетия принесла в историю нашей Родины новое веяние - перестройку.

Эта, захватившая всех модная волна событий жизни нашего общества привела к трагическим последствиям для нашей Отчизны.

О перестройке заговорили и в наших Вооруженных Силах.

В газете "Красная звезда" от 7 января 1989 года была открыта рубрика: "Боевая готовность - параметры качества".

В замысле редакции газеты преследовались благие намерения: привлечь в период перестройки широкую военную общественность в обсуждении проблем, связанных с обеспечением высокой полевой, воздушной и морской выучки личного состава армии и флота, профессиональной подготовки офицеров, поддержанием на должном уровне боеготовности соединений, частей и кораблей в условиях сокращения и реорганизации Вооруженных Сил.

Все, что было в застойном (70-е годы) периоде преувеличение результатов в боевой подготовке, шумиха и трескотня от мала - до велика о отличниках, лакировка подчас и показуха, до некоторой степени затормозили дальнейшее развитие в военном деле и не способствовали использованию всех возможностей достижения науки и техники в полную силу.

Меня могут спросить: "Где же раньше Вы были, товарищ генерал, что не поднимали этот очень важный вопрос, не выносили его на суд военной общественности?"

- Вопрос вполне уместен. Постараюсь на это дать ответ профессионального военного человека...

У читателя могут возникнуть сомнения: "А компетентен ли отвечающий в обсуждении столь важного дела?"

Необходимо представиться:

- Генерал-майор Горелкин Александр Григорьевич, рождения 1925 года, в Советской армии с января 1943 по январь 1986 года, в коммунистической партии с мая 1944 года, вступал в партию на фронте.

Участвовал в Великой Отечественной войне командиром Самоходной артиллерийской установки и командиром батареи САУ в танковом корпусе.

Офицер с 7 ноября 1943 года. Окончил 2-е Киевское училище самоходной артиллерии и Высшую Офицерскую школу, Курсы офицеров войсковой разведки, Академию ПВО.

Служил на должностях: командира взвода, командира батареи, начальника штаба дивизиона, начальника разведки полка, начальника разведки артиллерии танковой дивизии, начальника штаба полка, командира полка - более пяти лет, заместителя командира соединения - восемь лет, заместителя командира объединения по боевой подготовке - девять лет. Член Военного Совета, член партийной комиссии Округа - 8 лет.

- А уровень профессиональной подготовки?- скажите вы.

На этот вопрос, пусть читатель смотрит ответ в предыдущей книге ("Мастер боевой квалификации" по двум зенитно-ракетным системам). Я думаю - среди военных малого и большого звена не найдется человека, который бы усмотрел низкую профессиональную подготовку автора.

- Но, автор в своей книге рассматривает узкие вопросы на уровне - не более зенитно-ракетного полка? Где вся тактика сводится к воздушному бою, с целью уничтожить воздушного противника в назначенном районе или на рубеже. Можно ли ему вступать в диалог, когда обсуждаются вопросы военной науки, такие, как маневренная оборона?

Да, этого у автора ранее не рассматривалось...

Я и не предусматривал в книге, рассчитанной на массового читателя, обсуждать сугубо наши военные темы. Но, коль дело зашло так далеко, то сумею доказать свою компетентность и не волнуйтесь: обсуждать и доказывать я буду на Сухопутных войсках БТиМВ, а не только на войсках Противовоздушной обороны...

Наконец, к автору такой вопрос: "На страницах предыдущей книги вами показаны только положительные моменты и нет критики ни учебного процесса, ни руководства со стороны старших начальников, не освещены изъяны в воспитании личного состава?"

- Да...Справедливо!

Мною показаны люди, с которыми можно было бы решать все задачи, которые стоят перед нашим обществом, перед нашими Вооруженными Силами. К сожалению, многих из них нет уже в живых. С ними не нужно было бы говорить о перестройке. Они делали все, что мы хотели бы видеть и сейчас, и в будущем!

Такие военачальники и сейчас есть в нашей армии - на них большая надежда!

И так, коль речь идет о перестройке и гласности, то я готов поделиться своими соображениями и выступить с критикой многих животрепещущих вопросов жизни и деятельности в наших Вооруженных Силах.

Вызов я принимаю, и считаю что вправе выступить, обсуждая столь серьезную тему...

Хорошо писать фантастам: все, что будет когда-то - не возможно проверить, всегда можно сослаться на то, что будущие потомки достигнут такого уровня в развитии, который подтвердит все написанное. Примером тому - труд фантастов прошлых времен.

Исторические романы, по-моему, еще легче писать. Ссылаясь на достоверные факты, используя написанное нашими предками можно такую фантазию развить, что читатели будут читать с восторгом, а изобличить, проверить - никто не в силах. Мертвых не воскресить.

Писать о действительности или недалеком прошлом, когда живы участники этих событий - дело трудное и ответственное. Каждый может тебя разоблачить и справедливо указать на несостоятельность твоих суждений. Поэтому мне и понадобилось такое предисловие к ответам на поставленные вопросы.

Исповедуйся, генерал, перед народом! А то лет через десять и не останется в живых вас, фронтовиков, которые бы могли дать ответ...

Как это ты ухитрился пройти все периоды: "Сталинский", "Застоя" и живым остался, прошел ли благополучно путь от младшего лейтенанта до генерал-майора; от взводного до заместителя командующего?!

Прежде всего - как живым остался...

Мы эпоху не выбирали. Да и, наверное, выскажу не только свое мнение, но и многих своих сверстников: мы жили в интересное время - время становления Советского государства, его развития и мощи. Даже капиталисты нас признавали Сверхдержавой!

Но! Не снимешь же со счетов истории - так называемый "Сталинский период?"

Не мне говорить - об этом пишут многие: кто пережил его и кто под стол пешком ходил в то время, а кого и на свете в ту пору не было. Критика стала модной. Однако некоторые из писателей хотят поставить к ответу и обвинить всех подряд: отщепенцев, которые уничтожили лучших представителей нашего общества и нас "Винтиков", которые вынесли на своих плечах и предвоенные пятилетки, и нашествие фашистских полчищ в Великой Отечественной войне. Победили послевоенную разруху, проложили дорогу в космос, создали современную армию, не уступающую ни в чем никакой другой армии в мире, обеспечив этим военный паритет.

Наконец, эти "Винтики", как их пренебрежительно называл Сталин в годы войны - этот замечательный, многонациональный Советский народ обеспечил полувековой мир на земле.

Не знаю, будь я не младшим лейтенантом, а генералом в ту пору, может быть, также подвергся репрессии, как и многие из военачальников. Хотя вроде бы и зацепить меня было не за что.

Отец - помощник машиниста в депо "Москва - сортировочная".

Мать - колхозница, до гробовой доски работала.

Был пионером. Работа в пионерских организациях была поставлена на высоком уровне. Из молодых ребят готовили патриотов своей Родины - достойных жить при коммунизме. Эти мальчишки и девчонки в годы Великой Отечественной войны грудью закрывали амбразуру ДОТов, шли сознательно на смерть ради спасения Отчизны. Сейчас мы можем только мечтать о такой работе в детских организациях.

В армии вступил в комсомол. Роль комсомольца, среди молодежи была столь популярной, что комсомолец своими сверстниками рассматривался как представитель Коммунистической партии. К вступлению в комсомол тщательно готовились и принятие в члены ВЛКСМ - считали праздником.

Коммунистом стал в мае 1944 года. Заявление подавал, находясь на фронте, когда поверил в себя, что могу принадлежать к членам ВКП(б). К тому времени был награжден за боевые отличия орденом "Отечественной войны", дважды горел в самоходках и побывал уже в госпитале.

Таких - как я - были миллионы! Так в чем же наша вина?

Здесь я позволю себе сделать отступление и вернуться в январь 1989 года.

Дело в том, что то о чем я сейчас буду писать - затрагивает мои сокровенные мысли и чувства: "Вступление в партию это поступок". Под таким заголовком 14.01.1989 года в газете "Московская Правда" была написана статья, в которой и обсуждалась эта интересная тема. В обсуждении приняли участие Член комиссии партийного контроля при МГК КПСС В.Прохоров, первый секретарь Бауманского РК КПСС А.Николаев, секретарь парткома Карачаровского механического завода А.Шевелев.

Все участвующие в разговоре товарищи - ответственные партийные работники - из нового современного молодого поколения коммунистов.

Весь диспут проходил в очень оживленной и интересной обстановке: "Открыто обсуждать непростые ситуации", "Покончить с разнарядкой" и "Требуется штучная работа".

Заранее оговорюсь - со всеми высказываниями я согласен, одобряю и поддерживаю...

Какие-то стандартные слова здесь мною сказаны, но, если коротко, то это так. Дело в том, что я не собирался вступать в заочную полемику и отвечать на этот диспут, если бы не выступление товарища А.Шевелева: "Требуется штучная работа" - так называлась тема его обсуждения в дискуссии. Само слово - штучная, к такому серьезному делу - человеческому - пожалуй, не подходит. Лучше бы употребить слово - "персональная" работа, а то слово штука - это ближе к неодушевленному предмету. Но не будем судить строго, главное в сути его высказывания.

А.Шевелев говорит:

- Вступление в партию должно быть поступком. Продиктованным идейными, высокими соображениями. В нашей районной партийной организации есть коммунисты, чей партийный стаж начинается осенью 1941 года. Когда немцы стояли под Москвой они вступили в партию. Тем самым демонстрируя исключительную глубину своей убежденности: мы должны защитить город - никто другой. И защитили. Поэтому я думаю: чем больше реальных прав, реальной ответственности ляжет на плечи каждого человека, тем быстрее вырастает его социальная активность.

- Спасибо Вам, товарищ Шевелев. Вы своим выступлением, как нельзя кстати, показываете роль коммуниста в обществе, каким должен быть человек, который вступает в партию. Вы использовали пример людей - коммунистов фронтового поколения и тем самым подчеркнули значимость моих сверстников, тем более отрадн слышать об этом от вас - современных партийных руководителей. Вы правильно говорите, что главное в движении вперед и благополучии нашего общества зависит, в первую очередь, от активности и сознательности рядового коммуниста.

Вот уже пятьдесят лет - как я в партии, из них десять лет в гражданских условиях - могу сравнить работу в партийных организациях и отношение самих коммунистов к выполнению обязанностей. С моей точки зрения, в армии больше настоящих

коммунистов, меньше ошибок в представлении возможности стать коммунистом и выдачи рекомендаций для вступления в партию (к великому сожалению приходится говорить, что все это было в прошлом, когда было советское государство). В те времена к росту рядов партии в армии относились с большим вниманием. Будущих коммунистов изучали всесторонне: не менее одного-двух лет (речь идет о переменном - рядовом и сержантском составе). Премущество представляли воинам ведущих специальностей: водителям боевых машин, командирам танков и САУ, наводчикам и операторам наведения. Рекомендующие - участвовали в подготовке кандидата в партию, и после вступления его - на протяжении многих лет участвовали в становлении молодого коммуниста, отвечали за него, даже когда его увольняли в запас и он работал в гражданских условиях.

Приведу такой пример: в 1963 году меня, командира полка, после проведенной партийной конференции, пригласил к себе в кабинет начальник политического отдела соединения генерал-майор Долганов А.А. Думаю, полком командую около трех лет, только что прошла партийная конференция, на которой работу нашей партийной организации отмечали в лучшую сторону среди многих частей соединения...

В чем же дело? Захожу в кабинет. Генерал Долганов пригласил меня присесть и спрашивает:

- Александр Григорьевич, вот вы в нашем соединении уже третий год частью командуете - зрелый, опытный командир полка, а как вы работаете по росту рядов партии? Конкретно Вы, как командир - коммунист. Ведь сейчас не война, и скромный человек не может самостоятельно оценить, что он может быть членом партии, стесняется просить рекомендацию. Есть ли у вас военнослужащие, которым Вы - лично дали рекомендацию, оказали помощь в подготовке к вступлению?

С середины 70-х годов стали осуждать такую практику в работе с будущими коммунистами, а зря - поскольку рекомендующие, не работая с ними предварительно, не могли знать их положительных и, тем более, отрицательных качеств. В результате качественный состав коммунистов, как мы тогда называли - "Настоящих большевиков" - снизился. Я считаю это одной из причин снижения дисциплины в армии и порождения неуставных взаимоотношений. А поскольку в то время - не было командира, которому был бы безразличен вопрос: есть в боевом расчете, в казарме, в карауле бойцы - коммунисты? Был подготовлен к ответу на такой важный вопрос и я.

- Да,-отвечаю,- генералу Долганову. Около года изучаю и готовлю в партию оператора наведения сержанта Юрия Смирнова. Дал ему рекомендацию. Смирнов отличник, член комсомольского бюро части.

Генерал Долганов остался доволен ответом, однако сказал:

- Вы, Александр Григорьевич, перед увольнением в запас мне сообщите, как сержант Смирнов выполнил свой священный долг защитника Родины. Ведь от оператора наведения зависит все особенно когда он находится в дежурной смене в составе боевого расчета. Тем более если он коммунист! Да потом на "гражданке" нам армейским

коммунистам не безразлично, как наши представители будут ли показывать достойный пример в строительстве нашего общества или будут балластом?!

Приехал я с партийной конференции и, не заходя домой, поехал в боевой расчет дежурной смены. Знал, что сержант Смирнов находится там. Рассказал Юрию все по порядку и что было на партийной конференции, и как был у начальника политического отдела генерала Долганова, и какую задачу он перед нами поставил - как партийный руководитель соединения. Мы не уединялись, вокруг нас собрался весь личный состав дежурной смены. Каждый был рад за сержанта Смирнова: как же, рекомендацию в партию дал сам командир полка, о нем, как будущем коммунисте вели разговор в политическом отделе соединения. Беседа затянулась надолго, все присутствующие приняли в ней участие. В конце сержант Смирнов мне сказал: "Товарищ подполковник, я оправдаю ваше доверие. В нашем расчете есть ефрейтор Коваль Вы его знаете, он никак не осмелится просить у вас рекомендацию в партию, помогите ему?" Я хорошо знал ефрейтора Ковалья - оператора ручного сопровождения по азимуту и был благодарен подсказке Смирнова. Впоследствии дал ему рекомендацию в кандидаты, а потом и члены партии. Николай Коваль остался на сверхсрочную службу в нашей части и был моей опорой во всех делах.

Надо ли говорить, как сержант - коммунист Смирнов нес службу в течение оставшихся двух лет (тогда воинская срочная служба была три года) - наверное, в этом нет необходимости. Он был образцом во сем. Перед увольнением в запас он попросил меня сфотографироваться с ним на память - в последнее свое боевое дежурство. Фотографию эту я бережно храню, смотрю на нее и вспоминаю: ведь мы с Юрой Смирновым, которому я дал рекомендацию в партию - пережили очень серьезный период в жизни нашей Родины и Вооруженных Сил - Карибский кризис, когда он - оператор наведения и я, стреляющий ракетного комплекса, были в постоянной боевой готовности и несколько месяцев не покидали своих мест в боевом расчете, он тогда еще не был членом партии, и вот именно тогда я увидел в нем настоящего патриота и будущего коммуниста. Долгое время он писал мне письма, сообщал о своих успехах...

Пример конкретной работы начальника политического отдела генерала Долганова Анатолия Алексеевича меня научил многому. Коммунист Долганов в грозные годы войны был комсоргом стрелкового батальона и вместе с Александром Матросовым был в том роковом бою под Чернушками. Комиссаром в полном смысле слова остался он в моей памяти. Он учил подчиненных начальников политических отделов частей и комсомольских работников конкретной работе с людьми. Комсомольские и партийные вожаки были там, где решались главные вопросы: на боевом дежурстве, в боевых кабинах, на регламентных работах, в казарме - в часы досуга и личное время солдат. Авторитет рядовых коммунистов был высок. Сами они были примером безупречного выполнения воинского долга, добропорядочности и заботы о молодых солдатах. С какой настойчивостью и терпением они обучали

молодых солдат своей сложной военной профессии, подготавливая себе смену в боевых расчетах, это надо было видеть!

Вот сейчас многие сердобольные мамы, да и военные рассуждают и сетуют об извращениях, допускаемых в воинской службе некоторых хулиганствующих военнослужащих - так называемая "дедовщина". Ничего подобного до 70-х годов, особенно, когда воинская служба была три года, не было и не наблюдалась - как массовое явление в Вооруженных Силах. У нас - командиров частей даже и не было такого термина, как "неуставные взаимоотношения".

Почему же не справились с хулиганами? Не дали им отпор? В чем причина?!

Первое. Проследили за тем, какое пополнение стало поступать взамен военнослужащим, уволенным в запас. Что давало ПТУ? Какое увлечение у молодежи? Как готовится допризывная молодежь к службе в армии? Как видите, сплошные знаки вопросов.

И все, что мы видим отрицательного, стало развиваться в 70-е годы и наблюдается сейчас. А в то время, после войны, находясь в гуще войск, командуя подразделениями, частями и соединениями мы не слышали, скажем о наркоманах - настолько это было чуждым явлением. Старослужащие - относились к молодым воинам доброжелательно, старались помочь на первых порах, а не ставили себя в привилегированное положение...

Раньше матери, отправляя сынов в армию, гордились о оказанной им чести защищать Родину. Видели, что армия - школа мужества и воспитания современного человека. Так было и есть на самом деле, отслужившие армию люди, в абсолютно своем большинстве становятся опорой и на производстве и в других сферах народного хозяйства.

Теперь не только матери, но и отцы и даже деды, которые сами прошли испытание войной и воинской службой в послевоенное время стали роптать: "Чего же это сейчас там в армии делается, почему командиры не наведут воинский порядок?"

Прежде всего, нужно спросить с вас, милейшие родители и предки: "Почему не видите, что делают и творят ваши милые "чада" до призыва в армию?!" Что - за воспитание до призыва должны отвечать только школы, ПТУ и Военкоматы? Где же ваше участие? Или это вам безразлично?! Необходим единый процесс воспитания молодого человека: семья - школа - армия...

Второе. Издержки в воспитательной работе в армии. Офицеры утратили свое непрерывное влияние на поведение военнослужащих срочной службы. Изучение личного состава, воспитательная работа проводится эпизодически, поверхностно. В результате руководители не знают настоящего положения дел в подразделении и казарме. Сказать, что начальники не видели этого и не пытались выправить положение дел, было бы неверно. Но реальная обстановка говорила о другом: вожаки "неуставных отношений" опережали их в захвате инициативы и становились лидерами. В некоторых подразделениях, особенно в строительных командах и организациях, дело дошло до того, что стали

оставлять офицеров дежурить на ночь в казарме, чтобы избежать глумления над молодыми солдатами. Разве это дело!

А где же были комсомольцы? (Следует учесть, что все эти рассуждения относились к периоду до августовских событий 1991 года). Почему они не давали отпор хулиганам. Дело в том, что огульный прием в комсомол привел к тому, что и среди комсомольцев были подобные "лидеры", а коммунисты среди солдат и сержантов старались не замечать этого и уходили в сторону. Комсомольские и партийные организации не спрашивали с них, как активисты допускали в их присутствии творить безобразия, а били по хвостам, разбирая и наказывая только виновников происшествий.

Таких военнотружущих, как коммунист сержант Юрий Смирнов в семидесятых годах осталось мало. Но - там, где они находились, не нужно было беспокоиться о порядке и дисциплине, они не допускали, чтобы лидерство взяли отщепенцы. Подготовить настоящих лидеров, которые бы не за страх, а за совесть, за справедливость были авторитетом в солдатских массах - дело нелегкое. Требуется кропотливая, конкретная работа с каждым человеком. Крылатое слово: "Знать душу солдата" - это не банально, в этом заложен глубокий смысл. А этого не получается у некоторых руководителей заедает бюрократический настрой: отписаться, доложить как можно лучше, сгладив углы и шероховатости.

Третье. Необходимо проанализировать правовое законодательство в армии. Часто, особенно среди офицеров старшего поколения, слышны такие разговоры: вот в нашу командирскую молодость был Дисциплинарный устав такой, что командир мог сам наказать провинившегося за серьезный проступок десятью сутками строго ареста с содержанием на гауптвахте. При строгом аресте горячая пища арестованному давалась через день, на работы он не привлекался - содержался в камере, как бы в изоляции от людей. Вот через десять таких суток наказуемый и возьмется за ум, а если не исправится - можно и повторить... В последующем в Дисциплинарном уставе не стало такого наказания - посчитали не гуманным, но в существующей редакции Дисциплинарного устава не нашли другого подхода к оценке характера нарушений (простых и злостных) и злостные - смешались с простыми. Распоясавшиеся "лидеры" арест и содержание на гауптвахте принимали как поощрение, а не наказание и ходили в "героях", балансируя на грани предания суду Военного трибунала.

Я считаю, что прежний Дисциплинарный устав (до 1950 года) был более продуманным и лучше выполнял функцию и поощрения, и наказания в дисциплинарном порядке. В подтверждение сказанному, приведу лишь один пример: в июне 1944 года наш 1892 Самоходный артиллерийский полк после боев на Правобережной Украине и пополнения - перебрасывался на Первый Белорусский фронт под Ковель - для участия в операции под кодовым названием "Багратион". Перемещение осуществлялась по железной дороге, скрытно, соблюдая все меры предосторожности и сохранения тайны. На вторые сутки нашего пути, на одной из остановок, прибегает в наш вагон посыльный

из штаба полка с сообщением, что командира САУ лейтенанта Горелкина вызывает командир полка. Думаю, что такое? Огляделся, в вагоне нет моего механика-водителя старшины Николая Сокольников и заряжающего младшего сержанта Пономарева. Они ушли за завтраком и не успели, как я подумал, возвратиться в наш вагон на предыдущей остановке.

- Ну, это они чо-нибудь натворили "артисты"?

Так и получилось: наполнив два котелка из трех кашей, они решили, что этого будет маловато на экипаж и нужно добавить еще. Забрались на платформу, где стояли боевые машины, открыли свою самоходку, достали паяльную лампу и припрятанную картошку. Начистили картошку и стали варить ее, повесив котелок на буксирный крюк. Чтобы со стороны не было видно и пламя не задувало, они ничего лучшего не придумали, как опустить полог большого брезента, которым была укрыта самоходка... Бдительный наряд по эшелону все же заметил и доложил дежурному капитану Туманову. Дежурный не доложил командиру полка о случившемся и сам принял меры к прекращению беспорядка. Командир полка майор Бобров все же узнал о грубейшем нарушении правил совершения марша по железной дороге и противопожарной безопасности, усмотрев и неправильные действия со стороны дежурного по эшелону, наказал в дисциплинарном порядке не только непосредственных виновников, но капитана Туманова и меня.

Я не стал бы вспоминать этот случай, если бы не форма наказания, которую командир полка применил к нам - офицерам и сержантам. Сержанты получили по трое суток строго ареста с содержанием на гауптвахте (не забывайте, что это все происходило в пути, в эшелоне - во время движения на фронт). Капитан Туманов был снят с дежурства по эшелону, и оба мы были арестованы на пять суток домашнего ареста с удержанием 25% нашего заработка. Казалось бы "чудил" командир полка. Через десять суток мы уже были на передовой и вступили в бой. Экипаж САУ был командирский, от которого в бою зависела и жизнь самого командира полка, однако, он пошел на это, чтобы показать серьезность проступка, которую совершили мои подчиненные. И уж, конечно, дело было не в деньгах, которые у нас удержали с капитаном Тумановым из нашего денежного содержания. Это было по-сути символическое удержание 25% за пять суток ареста. К тому же, офицеры-ветераны войны, наверное, помнят, что большинство из нас, офицеров, не обремененных семьей, все равно сдавали все денежное содержание, которое нам начислялось в "Фонд обороны". Так поступали и мы с Тумановым... Однако наказание подействовало здорово. Причем оно было объявлено письменным приказом, и этот приказ зачитали во всех вагонах, всему личному составу. Необходимости, наверное нет, доказывать силу такого дисциплинарного воздействия. Досужие умы могут меня здесь упрекнуть: генерал, а ратует за грубейшее нарушение субординации - о наказании офицеров объявили всему личному составу полка?! Здесь я не усматриваю нарушение субординации: офицеры были наказаны за проступки подчиненных, а не за личное поведение - порочащее их офицерскую честь. Такое наказание, особенно в

экстремальных условиях, подчиненные видят с позиции своей личной вины: именно они подвели своего командира, по их вине он получил взыскание. В моем экипаже очень долго, даже ни в чем не виновные переживали случившееся и часто после боя затевали разговор о том, что как нехорошо получилось, когда подвели своего командира. Мне тяжело писать эти строки, ведь весь экипаж погиб под Варшавой в ночном бою с 10 на 11 сентября 1944 года...

И, чтобы у читателя не сложилось мнение, что автор все это выдумал, так сказать для "красного словца", хотелось бы подтвердить сказанное. В июне 1983 года я занимался в Центральном архиве МО СССР с целью обоснования боевых эпизодов, написанных на страницах книги "Самоходки, вперед!" Листая книгу приказов по полку, я обнаружил и приказ о нашем наказании за нарушение правил совершения марша по железной дороге и противопожарной безопасности в июне 1944 года.

Вспоминая прошлое, связанное с воспитание личного состава, обсуждая вопросы укрепления воинской дисциплины, хотелось бы высказать свое мнение и по следующим вопросам законодательства. 17 января 1989 года в газете "Красная звезда" была опубликована статья под названием: "Исходя из практики" (автор товарищ В.Бахарев). Статья была написана в духе обсуждения проекта "Основ уголовного законодательства".

С моей точки зрения, автор статьи убедительно высказывает многие положения и свои доводы по проекту Нового законодательства и существовавшим в ту пору уставам Советской Армии.

Но с одним толкованием, исходя из практики, я не согласен и остаюсь с теми, кто писал проект Основ уголовного законодательства. Эти свои взгляды на обсуждаемую тему я умышленно поставил после того, что изложил в предыдущих строках книги. Они помогут глубже увидеть мои противоречия и суть затронутого вопроса.

Речь пойдет о применении правил Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР (статьи 45,46) за совершенные военнослужащими воинские преступления. Товарищ Бахарев считает что эти статьи необходимо включить в проект Основ, так как обеспечение законности и правопорядка в армии и флоте является первейшей обязанностью командиров воинских частей и кораблей. Поэтому он (автор статьи) предлагает в проекте Основ представить командиру воинской части, как органу дознания, решать с учетом смягчающих обстоятельств и последствий некоторых видов воинских преступлений: передать материал военному прокурору или ограничиться дисциплинарным взысканием. Бахарев считает, что это позволит избежать случаи формального подхода при возбуждении уголовных дел, поднимает авторитет командира части, который и в мирное, и в военное время несет персональную ответственность не только за воинскую дисциплину, но и за воспитание, политико-моральное состояние личного состава.

Здорово сказано! Нынешние командиры частей, которым хочется не иметь в учете преступлений, а они на самом деле есть - это только на

руку. Есть лазейка, где можно увильнуть и нечестным путем показаться лучше своего добросовестного соседа! В этом, мне так кажется, да и составители проекта Основ по всей вероятности взвесили все за и против - самый "Корень зла" существовавших Основ уголовного законодательства.

Постараюсь показать на собственном опыте весь тот вред, который нанесли статьи 45 и 46 Дисциплинарного устава в деле укрепления воинской дисциплины и правопорядка в армии. Прежде всего, коль я поставил так резко и прямо этот вопрос, хочу напомнить, что полком я командовал более пяти лет, заместителем командира соединения восемь лет и заместителем по боевой подготовке (Членом Военного Совета) объединения девять. Все это говорю тем, кто слишком поверхностно представляют себе командира части, который живет не один на планете, и ему хочется выгладеть перед соседом, по крайней мере, не хуже. Сколько мне, будучи Членом Военного Совета, пришлось тратить времени, чтобы уличить в хитрости и нечестности некоторых командиров частей, когда скрывались злостные преступления, ни в какие рамки не подходящие к дисциплинарному наказанию! Но об этом я позволю себе высказаться более подробно.

В июне 1961 года я принял полк. По четырем правонарушениям в части велось дознание. Дисциплина в полку, мягко говоря, хромала. Нарушения, казалось, были на грани преступлений можно было и Дисциплинарный устав применить. Но, как начинающий командир части, не имея достаточного опыта в юриспруденции, не решился сам принять решение. Посоветовался с командиром соединения генерал-майором Ковтуновым Г.Н. и начальником политического отдела, они мне сказали: "Коль у вас, командир части, есть сомнение, то представляйте материалы дознания военному прокурору". Кстати, генерал Ковтунов - то же чуть более года командовал к тому времени этим соединением (это, как вы увидите дальше имело определенное значение). Я поступил так, как мне посоветовали мои начальники. Все четверо военнослужащих (один из них офицер) были осуждены судом Военного трибунала к различным срокам наказания. Офицер получил пять лет (условно).

В конце учебного года на подведении итогов в соединении часть, которой я командовал, получила твердую удовлетворительную оценку. На разборах итогов боевой и политической подготовки в старших инстанциях ни меня, ни генерала Ковтунова "не поднимали" за низкую дисциплину. До середины 60-х годов было примерно так, как я показал на собственном опыте командования частью: командиры частей советовались со старшими своими начальниками и не "стеснялись" докладывать в прокуратуру, даже если видели, что можно обойтись и без доклада: в прокуратуре - грамотные люди, всегда могут помочь командиру квалифицированно разобраться в сложившейся ситуации...

Когда же (особенно в 70-е годы) оценку деятельности командиров и политработников стали осуществлять, в первую очередь по дисциплине, поставив ее впереди даже боевой готовности и боеспособности части, стали считать сколько "единиц" правонарушений,

то и пошло - кто, кого перещеголяет в изворотливости и сокрытии даже махровых преступлений с одной целью - как можно меньше иметь "единиц" происшествий и преступлений - любой ценой, лишь бы выбиться в отличники. Сколько сил прокуратуре и Военному Совету пришлось прикладывать, чтобы не допустить разгула в нарушении Уголовного законодательства. Когда же уличали командиров частей, то они прикрывались статьей 45 и 46 Дисциплинарного устава, прикидываясь невинными простачками. Казалось бы старшие начальники (такие как командиры соединений) должны обуздать очковтирателей, так как это приводит, в конечном счете, к разложению воинской дисциплины (виновные в преступлении видят, что их стараются выгородить, чтобы не иметь их в учетных данных)? Но! И сами старшие начальники оценивались также, как и их подчиненные, поэтому не так часто находились смельчаки, которые судили бы по совести и закону. Так бывает, когда начальник только что принял должность и здесь он уже не оглядывается на последствия за обнаруженные им "единицы". Авось - простят по молодости?

Сторонники товарища Бахарева могут возразить: почему же не навести порядок в подведении итогов и оценки деятельности командиров - всесторонне оценивать, а не делать лишь упор на дисциплину, как исходную и определяющую; наконец, решительно избавляться от очковтирателей и недобросовестных командиров!

Не так просто это сделать! Не придавать значение воинской дисциплине и умолять ее роль на всю остальную деятельность подразделений и частей - нельзя, за этим можно проглядеть боеготовность и боеспособность части. Установить истинную обстановку в соблюдении законности даже в масштабе соединения трудно, а старшими штабами и командирами тем более - невозможно охватить проверкой все части и производить расследование по каждому частному случаю. Да к тому же неопределенность в существующем уголовном законодательстве не позволяет быстро определить кто прав, а кто виноват! Потеря времени на разбирательства лишь усугубляет дело. Нечестные люди используют проволочку в корыстных целях. Поэтому на данном этапе жизни и деятельности войск необходимо отказаться от применения статей 45 и 46 Дисциплинарного устава и уступить Закону: виноват пусть разберется прокуратура и судит Военный трибунал. Все части будут в одинаковых условиях, не будет лазейки в смягчающих обстоятельствах.

Рассматривая вопрос по укреплению воинской дисциплины в армии, я разделяю мнение многих военных и гражданских лиц, которые не согласны с тем, что за объективный и своевременный доклад о преступлении в Военную прокуратуру командиром части, он также в какой-то мере, подвергается наказанию. Вот за сокрытие нужно наказывать строго, вплоть до придания его самому суду Военного трибунала, опять же это будет справедливо только в том случае, когда не будет разногласия в применении статей 45 и 46 Дисциплинарного устава.

И - четвертое. Необходимо пересмотреть подготовку младшего командного состава и укомплектование должностей, особенно,

командиров отделений, заместителей командиров взводов, командиров расчетов и старшин подразделений. В каждом случае нужен индивидуальный подход...

Перехожу к рассмотрению вопросов более приятных для военного человека, которые затронуты в статье: "Возродить как искусство", рассматриваемых газетой "Красная звезда" от 7 января 1989 года.

Свое изложение и ответы на вопросы я предлагаю рассматривать в форме заочной дискуссии: с одной стороны корреспондент газеты подполковник И.Есютин, который ведет беседу с заместителем начальника Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск генерал-лейтенантом В.Хазиковым, с другой автор этих строк.

Напомню кратко о чем шла речь в упомянутой статье.

Корреспондент. На разборе войсковых учений, прошедших в рамках командно-штабного учения "Осень-88", отмечалось, что на поле учебного боя мало сегодня хитрости, стремления превзойти противника в разведке, раскрыть его замысел, ошеломить нестандартным маневром...

В.Хазиков. Причин немало. В какой-то мере нынешние недостатки достались нам в наследие от застойных времен. На становление нынешнего поколения офицеров тактического звена пришласть как раз так называемая показная, красивая тактика, когда основным критерием были то скорость, то огонь, то равнение. Не просто теперь сломать психологию, формировавшуюся годами.

Корреспондент. Но приходится слышать и такое мнение, будто застой в тактике наступил гораздо раньше нашего общего застоя. И связывается это с тем, что выдвинувшиеся-де в годы Великой Отечественной войны военачальники, заняв в послевоенное время руководящие посты в армии, абсолютизировали фронтовой опыт. Командиры, чтобы получить высокие оценки, вынуждены были приспособливаться. Так опыт превращался в шаблон...

В.Хазиков. Думаю, что, напротив, первые послевоенные десятилетия дали тактике очень многое. С появлением ядерного оружия, других средств массового поражения новыми идеями обогатились все составные части нашего военного искусства. Я начинал командиром взвода свою офицерскую службу в пятьдесят шестом и знаю, как активно шло тогда развитие тактики. В войсках работало много исследователей. Да и мы, практики, не держались параграфа яко слепой стены. - Нет, заостенение тактики началось позже, в семидесятые годы...

Мне пришлось переставить порядок постановки вопросов корреспондентом, с тем, чтобы конкретизировать раскрываемую тему заочной дискуссии и не рассредоточивать внимания читателя.

Я считаю. Вопросы, поставленные корреспондентом подполковником Есютиным, правильными. Понимаю, что критические замечания в адрес военачальников, выдвинувшихся в годы войны и занявших в послевоенное время руководящие посты в армии, ради высокой оценки, внесших шаблон в военное искусство - это не мысли самого товарища Есютина, а выражение созданного мнения тех военных и гражданских обозревателей, которые, мягко говоря, недостаточно представляют (или не хотят представлять, чтобы прикрыть свою вину)

период развития тактики и оперативного искусства послевоенного периода: с 1945 по 1965 годы (два десятилетия), а это немалый срок.

Я полностью согласен с ответами генерала Хазикова. Личный опыт у него еще небольшой с тем, чтобы рассматривать этот сложный период (он командир взвода с 1956 года). По сути - самый расцвет тактики и оперативного мышления пришлось на начало пятидесятих годов (особенно в сухопутных войсках), однако Хазиков правильно оценивает этот период. Не раскрывая подробностей, он обобщил свой опыт и ту реальную действительность, которая соответствовала этим годам. Все, что было написано мною в предыдущей книге подтверждает стремление фронтовых офицеров тактического звена использовать все возможности: фронтовой опыт, взгляды на развитие техники, тактики и оперативного искусства, изложенных в новых Полевых и Боевых уставах; опыт и развитие военного мышления в Иностраннных армиях. Офицеры нашего поколения сухопутных войск в пятидесятые годы явились костяком в создании и освоении ракет Стратегического назначения, зенитно-ракетных и радиотехнических войсках. А об авиации вообще говорить не приходится: "асы" фронтовые долго задавали тон в искусстве ведения боя. Примером тому может служить и академия ПВО, которая в период формирования была укомплектована в 1957 году фронтовыми офицерами слушателями первых и старших курсов из академий имени Фрунзе, Радиотехнической, Артиллерийской, Военовоздушной. Ее первые выпускники 1958-60 годов - стали командовать частями, соединениями, занимали ответственные должности в больших штабах. Это благодаря их управлению сумели закрыть воздушное пространство над нашей Родиной. Вспомните полет в 1960 году американского разведывательного самолета на большой высоте, на которой летчик пытался пройти безнаказанно над нашей территорией. Громом прозвучало в мире его сбитие в уральском небе одной зенитной ракетой. На начало пятидесятих годов легло освоение в применении ядерного оружия и других средств массового поражения. Сколько здесь было нового - неизведанного?

В результате развернутой работы в войсках - армия в критический период, которым являлся "Карибский кризис/ в 1962 году была полностью готова к ведению войны в Новых условиях, когда мыслилась только война с применением ядерного оружия и других средств массового поражения. Потенциальный противник видел это и мощь наших Вооруженных Сил была главным гарантом сохранения человечества на земле. Неужели это не является убедительным примером - уже истории наших войск. Неужели еще требуются какие-то доказательства, что развитие и боеспособность армии обеспечивалась офицерами с использованием максимально-возможного достижения современной военной науки и техники.

Опять же скептик мне может возразить, что автор слишком глобально представляет этот дискуссионный вопрос, или сбивается на "мелочи" в подготовке войск. Такие и при Суворове и даже при Петре 1-ом были. Что ж опыт великих полководцев тоже забывать нельзя...

Однако нас упрекают в упрощении и в том, что оно пошло еще задолго до застойного периода!

Широкому кругу читателей мне бы хотелось напомнить 1954 год, когда наш Белорусский военный округ участвовал в осенних маневрах на западном направлении. Руководил учениями маршал Советского Союза Жуков Г.К.

На учение привлекались все Рода сухопутных войск и авиация. ПВО представляли части зенитной артиллерии и истребительной авиации, входящих в состав частей и соединений фронтов.

Я был начальником разведки штаба артиллерии танковой дивизии, только что окончил курсы офицеров войсковой разведки и был привлечен на учения в разведывательное управление Округа (штаб "Западного фронта"). Передо мной стояла довольно-таки узкая задача: испытание приборов ночного видения, установленных на родных мне самоходных артиллерийских установках времен Великой Отечественной войны. Приборы ночного видения впервые были использованы в различных боевых условиях. Поскольку инфракрасную технику нужно было испытать, с целью дальнейшего оснащения этими приборами на всей боевой технике, то круг мною увиденного на маневрах значительно расширился. Мне также пришлось увидеть подготовку и планирование самой фронтовой операции. Несмотря на то, что совсем недавно я закончил разведывательные курсы, где мы отрабатывали вопросы связанные с организацией разведки в армейской и подобной операции, меня поразило большое количество исследовательских групп, созданных из опытных разведчиков из войск, Главного штаба и слушателей Военных академий. Все это позволило тщательно изучить, проанализировать и подготовить критические замечания для разбора. Обобщенный опыт потом лег в основу новых Боевых уставов и других документов. Были разработаны методические пособия по обучению войск, инструкции по применению средств защиты от оружия массового поражения и т.д.

...Учения шли более недели. Мне со своими "всевидящими" самоходками приходилось неоднократно участвовать в ночной разведке, разведке боем, ночной танковой атаке, корректировки огнем артиллерии, отражении контратак противника. Обеспечивать работу наблюдательного пункта Командующего фронтом в ночных условиях. Так что я могу совершенно сознательно и компетентно представить читателю обстановку, разыгранную на учениях.

Войсками широко применялась имитационная обстановка: различные взрывные устройства - вплоть до имитации атомных взрывов. Ложные и запасные позиции. Маневр танковых подразделений с боевой стрельбой (в том числе и в ночных условиях). Инженерное обеспечение в условиях обороны и наступлении, причем все реально - без всяких условностей, без боязни: как бы солдат при десантировании ногу не вывихнул!

Неизгладимое впечатление у меня осталось от управления сражением с наблюдательного пункта Командующего фронтом, который я обеспечивал приборами ночного видения. Не могу удержаться от

сравнения ночного сражения при битве за Берлин и заключительного этапа этих маневров. У нас не светили прожектора, работали с приборами ночного видения, а остальное было все...Впечатление потрясающее - невольно подумалось, как бы не засвистели бомбы и снаряды над головой.

Здесь я впервые встретился с легендарным маршалом Жуковым. Одну из "видящих" самоходок поставили только для него. Он в течение всего ночного управления сражением (около трех часов) не отрывался от приборов. Остался очень доволен, созданной новой техникой, значительно расширяющей возможности войск в ночных условиях ведения боя. Расспросил меня как прошли испытания "всевидящих", были ли отказы в работе. Выразил благодарность конструкторам приборов, которые были все время на этих испытаниях.

Нет необходимости рассматривать более подробно все приемы тактического искусства ведения боя, о них хорошо сказал генерал Хазиков в ответе корреспонденту. На что он ссылаясь в ответе - и было заложено на учениях и маневрах начала 50-х годов...

Наверное не ошибусь, что выражу общее мнение участников Великой Отечественной войны, которые длительное время (почти столетия) служили в наших Вооруженных Силах во все рассматриваемые периоды, что именно "застой", начавшийся в начале 70-х годов породил негативные процессы в армии. Тогда, когда фронтовиков на руководящих постах заменили военачальники не видевшие войны.

Читатель, видимо, устал от полемики и заочных диспутов и ждет, когда же автор назовет главные причины, которые вынудили его говорить о перестройке в армии?

Необъективность оценки достигнутого результата!

Вот главное - от чего зависело падение качества и уровня боевой подготовки. Казалось бы, началось все с благих намерений: организации соревнований между военнослужащими и небольшими подразделениями...Потом это перешло на части и даже соединения...

Скажите: "Чего же в этом плохого?".- Не торопитесь задавать вопрос - сейчас все поясню.

Там, где по итогам работы частей арбитром был старший штаб, который с единых позиций, единой точки зрения на оценку результатов определял место среди соревнующихся, все шло правильно и объективно. Наивысшей объективностью и справедливостью была "Главная инспекция" МО СССР. Но! Частей много, поэтому даже в соединении старшие штабы одновременно, я это подчеркиваю, при проверках не успевают охватить все части. И командирам, не проверяемым старшим начальником частей, представляли право самим определять уровень подготовки не только подразделений, но и своей части в целом. Все сведения по итогам проверки (старших штабов и те результаты, которые определялись самими командирами частей) обобщались в соединении и последовательно старшими инстанциями. Готовились очень подробные разборы, как нам казалось - очень поучительные, на которых рассматривались детально все промахи и

недостатки в боевой подготовке, воспитательной работе с личным составом и состоянии воинской дисциплины. После подведения итогов победителям вручались ценные подарки, применялись и другие формы поощрения...

Не следует забывать, что это было в период, когда красиво доложить "выше" и представить хороший отчет - стало модой!

Ценные подарки, выдвижение на вышестоящую должность, иногда не заслуженно из-за необъективности, породили "бум" в росте оценок и баллов. Ловкие начальники использовали все возможности для того, чтобы показаться лучшим образом...

Как в войну моряки, идя в атаку кричали: "Полундра!" Так и у нас был негласный клич: "Давай отличников!" Это довело до крайности: не стало никого удивлять и настораживать, когда подразделения стали выдавать сначала 30% отличников от общего количества военнослужащих, потом 40%. И только тогда, когда перевалили в усердии за 50%, когда более половины частей стали определяться отличными - старшие начальники спохватились! Пытались остановить и сократить рост. Отличные части стали перепроверять, чтобы соблюсти объективность оценки. Это возымело действие, но не настолько, чтобы остановить маховик показухи, раскрученной за десять лет. Он раскрутился так сильно, что усилия по наведению порядка, которые предпринимались потом уже не давали истинной оценки состояния дел в частях.

Так, что же делать? Как восстановить объективность оценки и не допустить не заслуженных поощрений, не породить карьеристов? Сначала ответу коротко: вернуться к методике в оценке результатов и уровня подготовки, который существовал в первые два десятилетия после войны.

Мне припоминается такой случай, который произошел в одной из танковых дивизий Белорусского военного округа. Было это в 1953 году:

Командир танковой роты на инспекторской проверке (тогда все проверки старшими штабами назывались инспекторскими), при боевой стрельбе на тактических учениях дал указания установщикам мишеней: сделать пробоины в щитах, где они отсутствовали из-за промахов при стрельбе из танков. Очковиратель был разоблачен, проверяющим офицером из Округа, и осужден судом Военного трибунала. Всей танковой дивизии, в состав которой входила эта танковая рота - общая оценка была снижена. Был издан приказ, который объявили во всех частях...

Подобного в 70-х годах я не слышал, хотя неоднократно был на учениях и проверках различных родов войск.

Другой пример. Наша танковая дивизия в 1954 году по итогам проверки старшего штаба получила хорошую оценку. Это было впервые за девять послевоенных лет. До этого выше удовлетворительной - не поднимались, а однажды чуть не получили двойку. Так после этой хорошей оценки - нас на следующий год проверяли несколько раз вплоть до Командующего округом, чтобы удостовериться в объективности оценки и как мы ее удерживаем. Я не помню, чтобы нас на разборах

превозносили и, тем более, награждали ценными подарками. Итоги подводились скромно по-деловому: "разносы" были, а от восхваления старшие начальники воздерживались.

У меня сложилось твердое убеждение: соревнование можно организовывать и проводить только при условии, когда участники от солдата, расчета, подразделения - находятся при одинаковых условиях смотра и одновременно. Проводить их и оценивать должен старший начальник или комиссия старшего штаба. Победители должны определяться сразу же на месте соревнования и тут же проводить разбор и награждать победителей и отличившихся.

От награждения ценными подарками старших начальников и высших категорий офицеров вообще следует отказаться. Неудобно получается, когда эти вручения на подведении итогов учебного года - продолжаются на глазах людей большой аудитории в течение нескольких часов. Невольно у неустойчивых и обиженных возникает "черная" зависть, с вытекающими потом последствиями: приукрашивание, очковтирательство и показуха.

Большую требовательность следует предъявлять комиссиям при приеме и подтверждении классной квалификации. В комиссиях должны быть офицеры, которые по своему уровню подготовки превосходили бы проверяемых, особенно, когда принимаются экзамены на повышенную классность. Уровень классности - должен быть определяющим в оценке подготовки военнослужащего по специальности - его лицом. Это наиболее объективный показатель, который может ответить на многие вопросы боевой готовности и боеспособности подразделения, части в целом. Для того, чтобы меньше "охотников" было показаться и представить себя и подразделение (часть) в лучшем виде, я бы итоговые проверки начинал с экзаменов на подтверждение военнослужащими (до командира части включительно) классной квалификации. После чего провести тщательный анализ не только подтверждения, но и причин невыполнения требований Положения о классной квалификации, которую имеет солдат или офицер, согласно существующим конкретным документам.

Боевые стрельбы, особенно в сухопутных войсках, представляются тем "идолом", на результат которых все смотрят со страхом: как бы не срезаться! Поэтому идут на всякие упрощения в тактических приемах ведения боя - лишь бы не получить низкую оценку!

Нужно пересмотреть Курсы стрельб во всех родах войск, чтобы исключить возможность уйти от тактических приемов сложности ведения боя во имя оценки за боевую стрельбу. Особенно следует пересмотреть оценочную часть, И, незаслуженно заниженную оценку за тактическую подготовку, сделать определяющей, уделив главное внимание на выполнение нестандартных решений, смекалки, внезапности, взаимозаменяемости в экипажах и расчетах. По опыту могу сказать - это нетрудно сделать, нужно только заняться переработкой Курса стрельб подготовленным, квалифицированным специалистам офицерам и генералам оперативной и боевой подготовки. Вообще само название: "Курс стрельб" - неверное, устарело, невольно напоминает :

боевая стрельба главное, а остальное (тактический замысел, его выполнение) второстепенное. Поэтому название этого документа, определяющего подготовку войск, следует изменить. Не претендую на приоритет, но можно предложить такое название: "Курс боевой подготовки, для проведения учений с боевой стрельбой"...

Нельзя говорить о перестройке, не рассматривая кадровые вопросы. Казалось бы в армии значительно проще решать эти задачи: существуют специальные кадровые органы, в которых продуманы все вопросы, возглавляют их офицеры, прошедшие службу в войсках, на себе испытавших неудачные назначения в среде подчиненных. Наконец, периодические аттестования офицерского состава дают наглядную и объективную (казалось бы) оценку кадрам. Однако, командная система в управлении выдвижением на руководящие должности часто приводит к очень серьезным ошибочным назначениям. Особенно это сказывается при назначении на такие высокие должности, как командир соединения, командиры более старших штабов и управлений. Там, где работают комиссии по аттестованию, в которых в течение ряда лет видна повседневная деятельность аттестуемых - как правило ошибки бывают реже. А это возможно только в низшем звене - до полка. При назначении на должность командира соединения и выше, уже сложнее видеть повседневную деятельность кандидата на выдвижение. Личной скромности заявить, что он не подходит к этой должности, на которую его назначают - не хватает, а от такого военачальника будет потом зависеть многое, если не все: боевая готовность и боеспособность, жизнь и деятельность большого коллектива. Власть, единоначалие, без которого немислима армия (в бою невозможна коллегиальность), требуют от командира идеальной чистоты и порядочности. Давать критическую оценку негативной деятельности командира подчиненным в армии не принято, да и вряд ли кто на это осмеливается!

Я вижу (как вариант) такой выход из создавшегося положения: это проводить открытый конкурс на замещение вакантных должностей. Конкурс должен предусматривать присутствие всех кандидатов на комиссиях кадровых органов или Военных Советах в завершающей стадии назначения. Каждый из кандидатов должен представляться непосредственным начальником. Претенденты должны иметь право задавать друг другу вопросы и высказывать свое мнение по каждой кандидатуре (разумеется среди равных назначений). Завершаться такая работа должна объявлением решения всем присутствующим, кто назначен на вакантную должность.

Другой причиной в кадровой политике является непоследовательность в определении возраста для каждой категории офицерского состава и оптимального срока пребывания их в занимаемой должности. Разве это допустимо, когда у нас в одном и том же соединении одновременно командовали частями отцы и их дети. Преемственность - хорошее дело, но не до такой же степени! Был у нас командир полка полковник Васильев Алексей Иванович. Имел высшее военное образование, войну закончил командиром артиллерийского дивизиона - так он полком командовал ровно пятнадцать лет, причем

одним и тем же полком. В течение десяти последних лет его службы, в каждой аттестации он командиром соединения представлялся на выдвижение, а так и уволен был в запас по возрасту с этой должности - командира полка. В своем соединении решить и реализовать выводы по аттестации нам не представлялось возможности - не было вакантных должностей, а старшие кадровые органы и начальники не обращали внимание на такой застой.

Из той же серии - долгой службы на должностях командиров полков... Весной 1966 года, когда даже и у командира полка бывает лирическое настроение, вдруг раздается звонок: звонит мне мой коллега - командир полка полковник Кукса Иван Павлович.

-Александр Григорьевич, тебе не надоело на одном и том же месте командовать? Мне так за восемь лет все эти березы которые окружают мой штаб, надоели до чертиков!

Я рассмеялся - и говорю:

- Так что же ты, Иван Павлович, предлагаешь - отправиться к генералу Деревягину (командиру соединения) и просить его, чтобы он нас избавил от горячо любимого личного состава?

- Нет,-говорит он,- на это я не рассчитываю, а давай мы сами с тобой без всякого доклада, хотя бы на месячишко поменяемся друг с другом, все будет разнообразие. Я обещаю тебе, что за этот месяц - я не "завалю" твой полк...

Конечно, это была шутка, но как говорят: "В каждой шутке есть доля правды". Тем более, что мы с ним несли все эти годы постоянную боевую готовность - личную! Когда нужно было докладывать командиру соединения, если по каким-то делам или другой необходимости, нужно было отлучиться, хотя бы на пятнадцать минут из полка. Правда, Иван Павлович, вскоре после нашего разговора был назначен на должность в Высшее учебное заведение. К чести генерала Деревягина, при его командовании соединением в начале 60-х годов аттестованные на выдвижение командиры частей у нас не засиживались...

А вот другой пример, когда старшие начальники сумели отстоять кандидатуру своего подчиненного перед старшими кадровыми органами и начальниками.

В 1970 году командир соединения генерал-майор Вураки А.Ф. уходил на высшую должность. Вместо него назначался его заместитель генерал-майор Ткаченко Г.Н., а должность заместителя оставалась свободной. Командование нашего соединения предлагала свою кандидатуру, с реализацией выводов по предыдущей аттестации, но старшие начальники были не согласны с доводами генералов Вураки и Ткаченко. На Военный Совет округа, таким образом, вышли с кандидатурой полковника Звонова В.И., который ранее был в нашем соединении на должности командира полка.

Командующим Войсками Московским округом ПВО в те годы был генерал-полковник Окунев В.В. - он и председательствовал на этом Военном Совете, который рассматривал кадровые вопросы. Сначала все начиналось в стиле командной системы и застоя, когда не слушали мнения тех командиров, которым крайне не безразлично было, кто будет

первым заместителем в том соединении, которым они командовали. Генерал Окунев, в ходе заседания Совета, все повернул по-другому, в духе перестройки. Он опросил мнение всех сторон. Когда генералов Вураки и Ткаченко спросили, как они смотрят на кандидатуру полковника Звонова? Они вместе, а потом и каждый в отдельности сказали, что полковника Звонова в том соединении, которым они командуют не поймут ни командование, ни командиром частей. Командиры частей намного старше Звонова по возрасту и опыту работы, многие из них имеют высшее инженерное образование, поэтому авторитетом среди них он пользоваться не будет, тем более - Звонов, вместе с ними, в одном соединении, командовал частью и особенно в лучшую сторону не выделялся. В другом соединении у него может и получится, задатки у него есть, а у нас - нет! Командующий тогда их спрашивает: "Кого же они предлагают на должность заместителя командира соединения? -на что они ответили,-Начальника отдела боевой подготовки полковника Горелкина". Генерал-полковник Окунев опросил всех присутствующих, он и сам хорошо знал меня, когда я еще командовал полком. Назначение состоялось - к всеобщему удовлетворению всех присутствовавших. К чести Владимира Ивановича Звонова, он потом сам признался в этом, что, когда ему сказали, кого назначили на эту должность, мою кандидатуру он признал более достойной. С ним мы остались большими друзьями. Вот так решилась моя судьба... К сожалению, не все военачальники поступали и поступают так, как генерал-полковник Окунев. Мне не дадут неправду сказать те, кто бывал на Военных Советах при назначении на должность: бывало не более минуты длилось пребывание кандидата на приеме. За это время даже лицо потом его не запомнится, не говоря о изучении его достоинств. Все же, нельзя полагаться только на представленные кадровиками анкетные данные.

В увольнении офицеров с военной службы в запас или отставку, выслуживших срок службы и достигших предельных возрастов - тоже много изъяна. Поэтому и получилось, что именно в 70-е годы застойного периода, как мы его называли, набрали полную силу недостатки в кадровой политике. На смену командирам фронтового поколения пришли менее опытные офицеры. Настоящей преемственности не получилось, так как опытные кадры увольняли огульно. В основном смотрели лишь на возраст...

Хочется затронуть еще один очень важный вопрос - это о моральном облике офицера, его честности и оценки своих возможностей. Очень важно, чтобы претендент на высшую должность -сам правильно оценивал себя и уж если понимает, что он не "потянет" - честно об этом сказать и попросить освободить его от непосильной ноши. Много ли таких находилось в тот период наверное - нет!

Вот у меня в августе 1982 года произошел такой интересный разговор с командующим зенитно-ракетными войсками округа генерал-лейтенантом Анохиным А.П. Готовили мы с ним на полигоне большое тактическое учение с боевыми зенитно-ракетными стрельбами. Подготовка успешно завершалась. Был августовский вечер, невыносимая

жара спала, мы возвращались на машине УАЗ с боевых полей в военный лагерь. Генерал Анохин на переднем сиденье, я сзади. Наговорились за целый день так, что с удовольствием минут двадцать ехали молча. Потом Александр Пантелеевич не выдерживает, оборачивается ко мне и говорит:

- Вот сижу я, Александр Григорьевич, и думаю, какая же иногда у нас военных несправедливость в кадровом вопросе бывает. Возьмем к примеру Вас: участник Великой Отечественной войны, грудь в орденах, опытный генерал, прошел все командные должности, в совершенстве знаете все зенитно-ракетные комплексы и радиотехнические войска - а всего лишь заместитель командующего по боевой подготовке. Я уже генерал-лейтенант, а вас сколько знаю - все генерал-майор. Даже неудобно как-то получается? Почему Вы, скажем, не Командующий?!

Думаю, ну как же ему ответить так, чтобы правду сказать и не обидеть его - командующего ЗРВ. Долго сидели молча, потом излил я ему свою душу.

- Не гожусь я, Александр Пантелеевич, в Командующие! Не могу я обвинять подчиненных за их ошибки, если вижу, что вина в них больше моя. А большой военачальник должен так поставить дело, что подчиненные сознательно должны понять (убедить их), что они виноваты во всем. Вот к этому у меня таланта нет!

Вижу по выражению лица Александра Пантелеевича, что он не совсем понял меня и как бы обиделся...

- Да не Вас командующего ЗРВ я имею в виду, а того - кто является начальником над всеми нами, возглавляющими объединения. Я это понял еще давно в начале 60-х годов, когда был командиром полка: большого военачальника из меня не получится - характер не тот. Вот был у меня такой разговор с генералом Деревягиным, вы, наверное, помните его, - говорю я ему. - Приехал он ко мне разбираться по происшествию, связанному с самовольной отлучкой двух солдат. В ходе рассмотрения результатов расследования он меня стал расспрашивать подробности. Я отвечал на них и невольно стал оправдывать нарушителей, показывать их примерную службу при несении боевого дежурства. На что мне генерал Деревягин ответил: "Эх, Горелкин! Тебе только при коммунизме командовать полком, когда у всех сознательность будет такая, как у тебя самого!... Вот с тех пор я всегда и взвешиваю свои возможности, когда речь идет о новом моем выдвижении: в заместители я гожусь (и неплохо получается, Вы это знаете). Ну, скажем и командующий ЗРВ округа из меня бы получился, а командовать всеми - нет, не потяну!

Рассмеялся Анохин и сказал: "Ну, что же Вы не предложили свою кандидатуру, когда освободилась должность командующего ЗРВ?"

- Ну, во-первых, себя предлагать самому было нескромным с моей стороны, а во-вторых, начальники предпочли Вас - тогда вы были заместителем командующего ЗРВ. Да притом я считал, что вы были в то время лучше меня подготовлены, поскольку в заместителях имели большую возможность изучить зенитно-ракетные войска округа...

До самого лагеря ехали молча. Минут этак тридцать. И только, выходя из машины генерал Анохин сказал: "Эх, дорогой Александр

Григорьевич, если бы все так думали и поступали, как Вы - многие ошибки в нашей нелегкой военной службе были бы не допущены. Увидеть еще в младшем офицере будущего Командарма, а потом на всем этапе его становления помочь ему дружеским советом и, в необходимых случаях, направить на путь истинный - обязанность кадровых органов и старших начальников. При перемещениях по службе с выдвижением - необходимо передавать на офицера не только его личное дело и последнюю характеристику, но и отвечать за его деятельность, примерно так, как это делал ответственный коммунист, дающий рекомендацию при поступлении в партию. И не мешает спросить в старших кадровых органах с тех, кто выдвинул офицера, не справившегося с возложенными на него обязанностями.

Подготовить Командарма - это значительно сложнее, чем отыскать крупный золотой самородок или алмаз большой величины. Здесь могут быть ошибки, которые будут замечены не сразу. Власть часто губит настоящие дарования. Сначала он чист и безупречен, а потом - большое положение, самостоятельность начинает развращать; вот тут-то вначале, а не в конце, когда уже такого начальника терпеть не возможно - нужно и поставить на путь истинный, чтобы дальше не заносило.

Так может быть это утопия? В условиях армии трудно поставить так кадровую работу, чтобы достигнуть подобных результатов? Нет, есть примеры, которые могут подтвердить, что при правильной работе с кадрами, умелом продвижении по службе в сочетании с учебой - можно иметь таких военачальников. Вот один из них. Двадцать лет я знаю офицера Кузнецова Павла Александровича. Он окончил инженерный факультет Радиотехнической академии. У нас в войсках был заместителем командира части по вооружению, потом командиром зенитно-ракетного полка. Был выдвинут в оперативный отдел, через несколько лет стал его начальником. Окончил академию Генерального штаба. Потом Главный штаб ПВО, начальник штаба армии, начальник штаба Московского округа ПВО. На протяжении всей своей службы он был примером в исполнении своего воинского долга.

Глава автора КРАХ

События второй половины 1991 года войдут в мировую историю как "КРАХ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК".

Руководителями республик бывшего СССР было подписано соглашение об образовании независимых государств (СНГ).

Так закончилось свое существование великое, могущественное социалистическое государство, представлявшее ранее шестую часть планеты Земля!

События в 1991 году начинались с обмена денежных знаков (крупных купюр) и далее, как снежная лавина: повышение цен и исчезновение с прилавков магазинов продовольственных товаров, образование нескончаемых очередей за "хлебом насущным" и, наконец, 19 августа - так называемая - ПОПЫТКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА.

С моей точки зрения, все эти события закономерны и были неожиданными только для слишком доверчивого, простого советского человека, а не для верховного руководства во главе с президентом страны М.С.Горбачевым. Нельзя иначе оценить его поступок, как политическую халатность или трусость: отправиться с семьей в отпуск и уехать из Москвы накануне подписания Союзного договора Суверенных Государств (СНГ), который 21 августа, после возможного подписания руководителями новых образований, позволил бы сохранить прежнее великое государство на конфедеративной основе.

Провалившейся же 19-21 августа 1991 года "ПЕРЕВОРОТ" подвел печальный итог перестройки и правления Великим Союзом зарвавшейся коррумпированной партократии...

Наивным было бы полагать, что для Президента страны этот ПУТЧ был неожиданным. Дальнейшее рассмотрение хроники событий июля-августа месяцев показали, что иностранная разведка предупреждала Горбачева о подготавливаемом "перевороте" именно в эти сроки.

Из всей когорты ПУТЧистов мне искренне жаль лишь бывшего Министра Оборона Д.Т.Язова. Я понимаю его как солдат-солдата, прошедшего Великую Отечественную войну в должностях пехотного командира и отдавшего всю энергию и силы для укрепления армии, пройдя все ступени офицерского становления. Одно не могу ему простить, как он не сумел предусмотреть все хитросплетения партократии и дать возможность втянуть армию в эту заведомо безнадежную авантюру, заранее обреченную на провал. Остальных ГКЧПистов не берусь ни судить, ни оправдывать и тем более защищать. Мне, сугубо военному человеку, не под силу разобраться по каждому из них...

О бывшем же Президенте Великой Страны хотел бы высказать свою точку зрения. Михаил Горбачев. Кем он останется в истории?

Великим реформатором или человеком, разрушившим Великий Союз? Умным политиком или банальным политиканом? Страдальцем или хитрецом? Судить, наверное, будем окончательно уже не мы, живущие в этом мире...

Однако, 26 декабря 1991 года, уже экс-президент Горбачев заявил, что не собирается возглавлять оппозицию российскому руководству, пока оно идет по пути демократии и реформ (он все еще полагал, что может чего то возглавлять - какая наивность).

Вся зарубежная пресса и наши газеты подробнейшим образом анализировали всю деятельность бывшего Генсека и Президента. Некоторые скрупулезно пытались выразить положительные "итоги" Горбачева в цифрах и по бывшим политзаключенным, которым он помог реабилитироваться, по многопартийности в стране, возвращении солдат на Родину из-за рубежа после 1985 года и т.д.

Это относили к плюсам. Ну, а к минусам такие: внешний долг в 1985 году составлял 10,5 миллиардов долларов по курсу 1991 года к 1991 году - в пять раз больше, экспорт нефти в два с лишним раза меньше, цена на мясо была два рубля, а к 1992 году возросла до ста...

Наверное нет необходимости продолжать рассматривать такую статистику, суть в другом, куда более глобальных сдвигах, происшедших в обществе и в общественном сознании. До 1986 года мы жили в одной эпохе, теперь в иной. Был один политический строй социалистической направленности, теперь какой?... Был один уклад жизни, теперь иной. была одна страна - Великая и могущественная, к 92-му - развалины Союза с суверенитетами до автономных республик, каждая из которых тянуло "одеяло" на себя, развязывая междоусобные войны.

Однако, как бы кто не относился к фигуре первого и последнего Президента СССР, но при нем прекратилось противостояние двух военно-политических блоков, при нем была сломана тоталитарная система, начаты демократические реформы с весны 1985 года.

Да, есть определенные положительные сдвиги, но если все положить на чашу весов истории нашего государства, то можно сделать такой вывод: если бы все пошло по намеченному сценарию, как было задумано перестройкой, а не по-другому, привелшему к краху и развалу, к национальной розни, кровной мести и десяткам тысяч беженцев, к событиям в Чечне. Люди не знали куда податься из-за смешанных браков, которые своей национальностью когда-то считали - "советский народ", когда их спрашивали об этом. Сколько жизней унесли эти неурядицы, сколько осталось нищих, обездоленных и сирот?

Кто ответит за это? Не вы ли Экс-президент!

Бывший президент США Джордж Буш, при подведении итогов 1991 года, с удовлетворением отмечал, что Америка этот год отмечает большой Победой... Да америке и "Западу" в целом есть чем гордиться: успешно закончили справедливую войну с Ираком в персидском заливе, не без помощи и поддержки Горбачева, развалили Социалистический лагерь и уничтожили военное противостояние. Вот почему так доволен был Буш деятельностью М. Горбачева и в восторге превозносил его "заслуги". У меня же на итог деятельности Экс-президента точка зрения

несколько другая, и я позволю себе, фронтовому офицеру, инвалиду Отечественной войны, человеку прожившему в Советском Союзе всю свою трудовую жизнь, оценивать деятельность М.Горбачева по-другому, не в розовых тонах.

Если рассматривать М.Горбачева на посту Генерального секретаря КПСС, то провозглашенная им публичная самоликвидация Коммунистической партии - кроме как предательством не назовешь. После ПУТЧа, запуганный и "Правыми" и "Левыми", оказавшийся никому не нужным в нашей стране, он, чтобы как-то спасти свою репутацию и гнев народный, пытался лебезить перед новой демократической властью и провозгласил роспуск КПСС!

Спрашивается, по какому праву? Почему без созыва съезда?

Что он может ответить допустим мне, коммунисту с мая 1944 года. Коммунисту, который в партию вступал не из-за номенклатурных соображений, а после выхода из танковой атаки, после боя, в котором "потерял" наводчика и заряжающего и искренне верящего в идеалы коммунизма. Кстати, разве эти идеалы неверны и не демократичны? В них есть что-то противоречащее человеческому благополучию?

Я на месте Горбачева в такой ситуации просто бы ушел с поста Генсека с глубоким извинением перед коммунистами, за то что довел Великую Страну до такой жизни, когда почти 20 миллионная организация членов КПСС в один миг из-за его трусости и малодушия была развалена и поставлена ни за что, ни про что в разряд врагов трудового народа, из которого в своем большинстве и были члены партии.

К сожалению, подобных мне коммунистов с 40-летним и более стажем не осталось в строю трудовых и воинских коллективов к концу 80-х годов, а к пенсионерам не прислушались накануне 19 партийной конференции и 28 съезда КПСС. А мы, учитывая складывающуюся к тому времени обстановку в ходе Перестройки, предлагали в первичных организациях дельные предложения, чтобы сохранить авторитет партии. В основу этих предложений мы ставили вопрос о ликвидации партократии на всех руководящих постах(освобожденных - с штатной заработной платой), а выбирать нештатных руководителей от секретарей райкомов до Генерального секретаря включительно. Всю деятельность членов партии мы предлагали направлять на развитие производительности труда и помощи руководителям Советов различных уровней, на защиту прав трудового человека, на исключение диктаторской направленности со стороны руководителей коммунистической партии, на уменьшение членских взносов и освобождение пенсионеров от их уплаты. Все это было в письменном виде послано в адрес Конференции и Съезда. Практически никто к ним не прислушался, а партократия отделилась одной говорильней. А кто хотел терять такое доходное место, когда, допустим, член Политбюро получал оклад 1200 рублей, при зарплате, в ту пору, среднего рабочего в месяц - 200 рублей! "Своя рубашка ближе к телу" - говорит народная поговорка. Хорошо, допустим, если бы это был только "Партийный царский двор"! Так по стране таких функционеров были сотни тысяч,

разве их могли прокормить только члены партии на взносы? Вот они и лезли во все сферы деятельности, чтобы как можно больше прибрать к рукам.

После 28 Съезда КПСС, казалось бы сначала учли некоторые наши предложения: сократили (не ликвидировали штатный партаппарат), уменьшили членские взносы, повысили авторитет первичных партийных организаций...Но! На деле - через некоторое время вернулось все "На круги своя", даже отмененные членские взносы с пенсионеров снова стали брать по-прежнему, объясняя, что в верхах нечем платить зарплату партийным руководителям! Это каково?! Так что вам следует подумать на досуге бывший Генеральный секретарь КПСС М.Горбачев о ваших "заслугах" перед коммунистами, настоящими коммунистами, а не теми, которые вас окружали всю вашу "творческую" жизнь на этом посту. Да и те, кого вы определили своими помощниками в период перестройки, а потом предали их в ходе переворота, не очень лестно отзывались о вашей "кипучей деятельности". В конце 1992 года, находясь в заключении, бывший экс-вице-президента Советского Союза Янаев на вопрос корреспондента газеты "Новый Взгляд" А.Ванденко: "Какой видите вам роль Михаила Горбачева в событиях августа 91-го?" Ответил так: "Вспомним обстановку в СССР к лету прошлого года. У каждого нормального человека оснований для тревоги за судьбу Отечества было более чем достаточно. Об этом говорили не только в очередях, на митингах, собраниях, заседаниях советов всех уровней, но и на многих совещаниях у президента СССР. Именно на этих совещаниях, после объективной оценки ситуации в стране, М.Горбачевым давались конкретные поручения различным государственным органам разработать соответствующие меры, вплоть до чрезвычайных, реализация которых позволила бы стабилизировать ситуацию. Однако у президента до многих вопросов не доходили руки. Правительство все более и более превращалось в своеобразного заложника у говорящего, но не действующего президента.

Продолжалось активное противостояние между Горбачевым и Ельциным. Их откровенная борьба, столкновение личных амбиции при полном забвении государственных интересов в конце концов сыграли "злую шутку" со страной. Для меня лично основным мотивом участия в августовских событиях было стремление не допустить развала Союза.

Я убежден, что при желании Горбачев мог предотвратить введение чрезвычайного положения и последующее развитие августовских событий. Он мог возвратиться в Москву вместе с теми лицами, которые прилетели к нему на беседу 18 августа. У него была возможность задержать или даже арестовать их в Форосе. Р.Горбачева свидетельствует о том, что такая возможность была. Она заявляла: "Если бы президентской охране был дан сигнал, то вся "делегация" была бы немедленно арестована". Его двусмысленная позиция в ходе беседы в форме: с одной стороны - признание серьезности ситуации и практическое согласие на введение "ЧП", но только по решению парламента, с другой - нежелание что-либо делать в этой ситуации самому - создавали у участников беседы надежду, что он при

определенных условиях может поддержать нашу линию. Нам всем хорошо была известна склонность Горбачева уходить от ответственности, когда надо принимать не очень "популярное" решение. Странно, но Президент СССР часто оказывался "ни при чем", а следовательно и вне ответственности. Вспомним события в Баку, Тбилиси, Литве.

Но вернемся к тем дням августа прошлого года. Было ясно, что в стране складывается чрезвычайная ситуация. По нашему мнению, принятие чрезвычайных мер в этих условиях диктовалось объективной реальностью и являлось крайней необходимостью.

В своих действиях мы не руководствовались логикой "путча". Если бы не желание избежать конфронтации с народом, желание сохранить человечность и свободу - разве так начали бы мы режим чрезвычайного положения! Ведь мы не дети, а зрелые политики. И представлять нас какими-то недоумками, которые "даже нормального переворота сделать не могут" (а именно этим занимались средства массовой информации да и ряд руководителей страны, бывших и настоящих) - это не серьезно. В принятых ГКЧП документах нет и намек на возврат к старому, отказ от демократических преобразований. Ни одна властная или исполнительная структура, ни одно должностное лицо не были устранены, запрещены, "разогнаны". В стране высшими органами власти оставались съезд и Верховный Совет. Эти же органы оставались и в республиках. Самое "жесткое" решение о приостановке выхода ряда газет. ГКЧП, приняв первые документы, ожидал окончательного решения Верховного Совета СССР. Герой форосской "драмы" М.Горбачев заявил: "Они (ГКЧП) собственно по закону и действовали, в смысле мер. Переворот антиконституционен, но дальше они как бы опирались на закон". Нуждается в пояснении и наша "жестокость" в отношении М.Горбачева, выразившаяся в его "изоляции". Из материалов дела видно, что решение об отключении у Президента СССР связи принималось с целью обезопасить приехавших к нему товарищей, которые были практически без охраны, и для того, чтобы создать ощущение непричастности Горбачева к событиям. Это было нужно для сохранения его "демократического имиджа" внутри страны и за рубежом.

Горбачев хорошо знал, что ГКЧП ему не угрожал отстранением от власти. И эта уверенность определяла его поведение. Несмотря на героические описания "форосского заточения" самим Горбачевым, материалы уголовного дела свидетельствуют о том, что имела место "самоизоляция" Президента СССР. Его личная охрана оставалась верной Президенту и выполняла только его указания. Внутренняя охрана дачи, сухопутные и морские пограничники также оставались с Президентом, более того, подавали сигналы его личной охране, что готовы обеспечить безопасный выезд Горбачева и его семье в любом направлении. А это несколько сот человек, техника, военные корабли, быстроходный катер для выхода в море. Радиосвязь охраны, пограничников, милиции, кораблей никем не блокировалась. Да это невозможно было сделать...

Горбачев не отдал ни одной команды, чтобы разорвать чудовищную "изоляцию". Его героизма хватило на то, чтобы

продиктовать заявление своим домочадцам и на рекомендации одной из своих сотрудниц, в каких "интимных местах" лучше доставить это заявление в Москву. Горбачев выжидал, куда повернут события. Победят ГКЧПисты - он немедленно выходит из "изоляции" и работает как Президент по выполнению решений Верховного Совета СССР. Проиграют они - опять Горбачев ничего не теряет, возвращается к должности, укрепляет отношения с российскими демократами и продолжает работу "по развалу страны"...

Вот так охарактеризовал Г.Янаев деятельность М.Горбачева в том трагическом августе 1991 года.

Итак, всем нам и, в первую очередь, "прорабам перестройки", тем, кому и дальше возглавлять правительства - следует нести ответственность за свое правление, особенно в переходный период, когда экономические связи между новыми государствами настолько переплелись и взаимозависимы, что важно понять, анализируя прошлое, не столько силу, сколько слабости Экс-президента, не столько величие достижений Горбачева, сколько глубину его провалов и ошибок...

- Ошибок,- это признавал и сам Горбачев,- было немало.

Однако и тут не все однозначно: то, что одни считают ошибками, другие достижениями и наоборот... Многие мои товарищи согласны и с теми политологами, которые считают, что Горбачев в своей деятельности больше занимался "политическим романтизмом", нежели практическим руководством, исходя из реальной деятельности жизни страны. Вспомним пресловутое ускорение, безалкогольную компанию, бесчисленные "эпохальные" пленумы и съезды, речи, "королевские" выезды с Раисой Максимовной, декларативные заявления и указы, которые никто и нигде в стране не выполнял. Вспомним его рассуждения о том, что стоит ввести институт Съездов народных депутатов или президентское правление - и все пойдет на лад, как он говорил: "Так как надо перестройке".

Все это сродни самообману прошлых сталинских пятилеток, хрущевской "кукурузе", брежневской "экономной экономики". Благими намерениями, говорят, вымощена дорога в ад. И, если уж сравнивать деятельность и результаты всех правителей до него, то баланс будет не в пользу последнего. И, как показывает опыт стран с развитой политической культурой, наиболее результативна та политика, которая свободна от романтических мечтаний, которая основана на добром, позитивном прагматизме, на стремлении получить пусть сиюминутную, но реальную пользу, пусть небольшое, но улучшение.

Когда мы говорим о результатах деятельности Горбачева, нельзя обойти проблему государства и государственности. Пафос прощального обращения Михаила Сергеевича таков, что он уходит именно из-за принципиального несогласия с тем, что не стало СОЮЗА... Опуститесь с небес на грешную землю, Экс-президент, поставьте сами себе вопросы, что же это за "темные силы", которым вы уступили в борьбе? И какова ваша ответственность за то, что не стало единой страны? Неужели Президент СССР не видел то, что видели тысячи людей, то, как в кострищах политических схваток сгорало не только наследие прошлого,

не только то, от чего надо было решительно отказаться, но и то от чего было отказываться нельзя - от самой сути государственности, от ее первооснов, на которых строится любое общество - тоталитарное или демократическое. В жертву компромиссам, политическим маневрам вы бросали саму и идею государственности, и престиж государственных институтов...

В главе "КРАХ" я выступаю против Экс президента М.Горбачева и как общественный обвинитель от трех представителей людей когда-то могущественной державы: от фронтового поколения Великой Отечественной войны, от коммунистов 40-х годов и, наконец, от военнослужащих, с которыми я вместе - верой и правдой служил Отечеству более сорока лет. Мнения первых и вторых групп представителей старшего поколения мною показаны выше, а о третьей - хотелось бы остановиться особо...

"Криком бессильной души" можно назвать то, что мы стали свидетелями этого страшного беспредела в отношении Вооруженных Сил. Да пусть не оставят нас силы и разум, чтобы выдержать этот кошмар. Сколько было говорено об унижении армии, о настоящей травле ее, развернувшейся в азарте политической борьбы?! А что президент? Весьма нечастые встречи с военными, дежурные фразы о понимании роли Вооруженных Сил...Создавалось впечатление, что Горбачев все время словно побаивался людей в погонах и не понимал их. А ведь это была злая ложь, будто армия не принимала реформ. Армия в массе своей хотела настоящих демократических преобразований, но вместо этого получала потрясения, вызванные скоропалительными, необдуманными внешнеполитическими акциями, втягиванием в политическую борьбу, в межнациональные конфликты. Однако, хуже всего - армия не раз несправедливо, нечестно подставлялась под удар, оказывалась без вины виноватой в чужих просчетах. И в самые тяжелые, критические для военных людей моменты Президент - молчал...

Отношение к армии во всех государствах (кроме нашей в эпоху Горбачевского правления, да и после) независимо от политического строя во все исторические времена -было почтительным и всегда проявлялась максимальная забота правительства о ее благосостоянии - это был оселок, на котором выверялось отношение к идее государственности. Очень хотелось бы, чтобы урок правления Горбачева был учтен в будущем теми, кто будет полномочен принимать высокие решения, кто будет приступать к строительству новой государственности при любых обстоятельствах.

Если попытаться охарактеризовать происходящий процесс реформирования армии и флота, то можно сделать вывод, что в период развала Союза он осуществлялся сумбурно, с большой поспешностью, буквально в спешном порядке, видно торопило его величество Время. С образованием Содружества независимых государств вопросы военного строительства встали в совершенно иной форме, и решать их стали незамедлительно, не считаясь ни с какими потрясениями в Вооруженных Силах в угоду политических амбиций новоявленных руководителей. Семь десятилетий наша армия стояла на страже завоеваний, на благо

нашей Родины. Героическими победами отмечен ее славный путь. Легендарное прошлое, несокрушимая мощь, постоянная боевая готовность армии и флота обеспечивали безопасность нашей Родины. Не вмешиваясь в политическую борьбу за власть, создавали национальную стабильность нашего общества. Если вспомнить прошлое уместно обратиться к истории Российского государства.

Военная реформа в середине 19 века под руководством военного министра Д.А.Милокова в какой-то мере схожа с временами развала Союза в военной области. Страна тогда находилась на переломном этапе развития. Перед государственным и военным руководством в то время тоже стоял вопрос об определении нового пути военного строительства. И надо отдать должное военному министерству во главе с Милоковым, оно проявило мудрость предвидения и неторопливость. Были тщательно взвешены политические условия, экономические и оборонные возможности государства, вскрыты причины и намечены пути преодоления отсталости военной организации. Это обеспечило целеустремленное и планомерное проведение реформ в 60-х и 70-х годах прошлого столетия, что дало возможность коренным образом преобразовать российскую армию, превратить ее в одну из передовых армий мира... Почему бы и сейчас с образованием новых государств не опереться на тот положительный опыт, который накоплен нашим государством, не говоря уже об опыте военной реформы в советский период - в 1924 - 25 годах.

Однако вопреки историческому опыту, реформа 1992 года стала проводиться, как говорят - "не с того конца", т.е. стала осуществляться с развала единой армии и флота до выработки основополагающих доктринальных позиций по вопросам оборонного строительства, поэтому приходилось преодолевать множество трудностей, которых бы можно было избежать.

Неужели не ясно руководителям государств и различным партиям, к чему может привести такой вандализм, что действовать вслепую, в угоду политическим амбициям партий и руководителям в оборонной сфере -значит идти к краю пропасти, рисковать судьбами народов!

Конечно, в условиях глубочайшего экономического и политического кризиса, в котором оказались все государства Содружества, снижать военные расходы надо, и незамедлительно, помня о том, чтобы при всем при этом не подорвать боеспособности армии, не утратить достигнутый в прошлом военно-стратегический паритет, не допустить чтобы возникали междоусобные войны. Следует проявлять величайшую дальновидность и расчетливость при осуществлении создания своих Вооруженных Сил, особенно это касается Войск Противовоздушной Обороны. Содружеству государств необходимо принять совместное положение, где бы четко были определены задачи и степень ответственности всех государств, за решение оборонных задач. Без этого - аморфное понятие "Единое военно-стратегическое пространство" превратится в пустой звук...

В этой главе я изложил доводы политологов и свои мысли, свой взгляд на события 91-93 годов двадцатого столетия - человека русского

по происхождению во всех ветвях "древа предков" и у читателя могли появиться сомнения, и недоверие к автору при обобщении этих катаклизмов происшедших в нашей стране...

Для того, чтобы мое повествование было более достоверным я обратился к своему старшему товарищу и другу, к моему бывшему командиру корпуса - генерал-майору Вураки Андрею Федоровичу.

Бывший старший преподаватель академии Генерального штаба, кандидат военных наук, доцент А.Ф.Вураки согласился помочь мне в освещении столь сложного периода жизни нашего общества в двадцатом столетии. У меня были и другие соображения на выбор оппонента на освещение описанных событий...

Семья Андрея Федоровича, как и многие семьи в бывшем нашем многонациональном государстве, представляла собой яркую картину ее интернациональности. Посудите сами: А.Ф.Вураки грек по национальности, жена - грузинка(мингрелка) - Гегечкори Елена Александровна, сын - русский - полковник Вураки Константин Андреевич (национальность нарекли ему по бабушке Анны Михайловны русской, уроженки Курской губернии). Это ли не наглядный пример единства и правильной национальной политики и интернационализма в бывшем СССР.

Генерал Вураки не был ознакомлен с моими описаниями в главе "Крах", которую вы уже прочитали. Мной специально не навязывались мнения, рассуждения и выводы, которые я изложил вам, а дана была ему только тема к названию этой главы. Поэтому я излагаю весь представленный мне материал, без искажений и поправок. Вам же читатель - предлагаю сравнить и определить соответствие и различие в наших взглядах.

Повествует генерал-майор А.Ф.Вураки: "Социалистическая общественно-экономическая формация - не "выдумка коммунистов" и не утопия, а реальность, жизнеспособность которой подтверждается существованием и процветанием таких государств как КНР и КНДР. Жизнеспособность социализма в указанных государствах обуславливается рядом особенностей, в том числе и более успешным решением возникших жизненных проблем, чем это делалось у нас. Безусловно мы были первопроходцами, нам было сложнее вырабатывать и осуществлять на практике принципы социализма. Имели место серьезные искажения этих принципов, допускались политические, экономические ошибки, отставания от использования достижений научно-технической революции. И, если в существующих социалистических странах наши ошибки, промахи и искажения глубоко анализировались, делались правильные и своевременные выводы с учетом опыта развития мировой цивилизации, то мы этого не делали, или делали с большим опозданием, а порой и игнорировали. Все это, а также ряд объективно сложившихся причин, тормозило наше продвижение вперед по пути осуществления намеченных программ.

Что же, в конечном итоге привело к краху и такому быстрому крушению всего того, над созданием которого трудились в течение

СЕМИ десятков лет несколько поколений людей, населяющих пространство, составляющее шестую часть планеты Земля?

Причин этому много. С течением времени они будут пропущены через исторические фильтры и им будет дана всесторонняя и объективная оценка. В то же время следует однозначно подчеркнуть, что глубинные истоки наступившего общественно-политического кризиса находятся не в существе самой идее социализма, а в тех формациях, которым она подвергалась в прошлом. Как мне представляется, в качестве некоторых причин, приведших к краху социалистической общественной формации у нас, можно отметить следующее:

1. Не было глубокой теоретической проработки (разработки) путей развития нашего общества и введения страны в русло мировой цивилизации. Слепое, догматическое, следование марксистско-ленинским постулатам превратили теорию построения бесклассового общества в утопию, а отсутствие соответствующих механизмов внедрения теории в практику с учетом научно-технического прогресса, привело к политическому застою, ослаблению социальных рычагов и, фактически, к деградации общества, падению авторитета государственной власти, отставанию КПСС от развития событий. Расслоение советского общества, искусственное отторжение рабочего класса от участия в государственных структурах власти, выход на политическую арену представителей монополистического капитализма подорвали основу социалистического уклада жизни.

2. Неправильный, предвзятый подход к оценке прошлого. Прошлое, как и любое общественное явление, имеет свои позитивные и свои негативные стороны. Однако позитивные стороны прошлого незаслуженно игнорируются, искажаются или вовсе отменяются в пользу негативных. Негативным явлениям был придан (да и сейчас придается) явно антисоветский, антикоммунистический и антигуманный оттенок. При этом, оценка негативного стала прерогативой тех, кто сам пострадал, либо прямо или косвенно пострадали их родственники или родные, кто имел или имеет сравнительно легкий доступ к средствам массовой информации (печать, радио, телевидение) кино, театру и другим видам искусства. Таким образом, выросла, окрепла, и при всеобщем попустительстве обнаглела оппозиция социалистической системе, самой КПСС. Переодевшись в демократические одежды, на борьбу вступили наши национальные антикоммунисты, которые по своей жестокости, исходя из чувства мести, значительно превосходили своих зарубежных единомышленников-антикоммунистов, имеющих более богатый опыт травли нашей социалистической системы (с момента победы Октябрьской революции). У нас появилась антикоммунистическая элита - значительная часть интеллигенции представители (вернее-воротилы) теневой экономики, охлократы, "паханы" преступного мира, перевертыши (некоторые бывшие члены КПСС, члены Политбюро, бывшие члены ВЛКСМ) и, что самое страшное -представители Вооруженных Сил.

Искажения в оценках прошлого привели к подрыву доверия к любой власти, к любому правительству, к снижению дисциплины,

ответственности, к уверенности в безнаказанность в любых деяниях против законной власти и к нигилизму.

В противоположность нам - в Китае к оценке прошлого подошли более объективно. Глубоко проанализировав свои и наши ошибки в построении социализма, осудив культ личности и другие рецидивы, руководство КПК всенародно развенчало их и, тем самым, положило конец всевозможным нападкам на КПК и ее лидеров, четко указав пути преодоления общественно-экономического кризиса.

Таким образом, на фактах общественно-политического развала Советского Союза, подтвердилось мудрое изречение народного поэта Дагестана Абуталиба Гафурова: "Если выстрелить в прошлое пистолетом, то будущее выстрелит в тебя пушкой". Сегодня же выстрел из пистолета в прошлое произведен. Пушка будущего заряжена, выстрелить она может в любой момент!

3. Не соответствующие реалиям жизни подбор, обучение и расстановка кадров верхнего эшелона власти, в том числе и КПСС. В принципе подбора и расстановке кадров высшего звена руководства страной и партией в послеоктябрьский период превалировали такие качества как: революционная преданность идеям социализма и способность осуществлять их на деле в новых исторических условиях. В первые годы советской власти этих качеств было достаточно. В последующие годы революционный запал, в сочетании с недостаточной профессиональной подготовкой, переставал быть движущей силой. Необходимо было подготовить политиков и хозяйственников - профессионалов. Но, отчасти, время было упущено, наметилось отставание качества руководящих кадров от требований, предъявляемых к ним бурным развитием научно-технического прогресса. Начало проявляться несоответствие старых (хотя и опытных) кадров - новым условиям развития цивилизации. Устранение этого несоответствия в определенной степени затрагивало интересы тоталитарной командно-административной системы и, естественно, встречало сильное сопротивление.

В системе подбора, расстановки и обучения кадров высшего звена власти продолжала главенствовать порочная практика элитарности, заигрывания с руководящими национальными кадрами, назначение на руководящие должности недостаточно компетентных, порой аполитичных и недалевидных политиков, зараженных бациллами национализма, действующих с сугубо местнических позиций, угодничая перед старшими партийными боссами.

Заглядывая в будущее, питая надежду на улучшение, руководящие общегосударственные и местные кадры должны готовиться и подбираться на профессиональной основе. Они смогут успешно выполнять свои обязанности, если по уровню своей подготовки будут иметь комплексные знания в областях: политологии, социологии, экономики, психологии, права и дипломатии. Они не должны (в ходе своей практической деятельности) всецело опираться на своих экспертов и консультантов, которые зачастую более быстро поддаются под влияние различных партий. Только такая, комплексная, подготовка

руководителей позволит им правильно ориентироваться в реальной обстановке, мыслить стратегическими категориями, грамотно принимать коллегиальные решения и организовывать претворение их в жизнь. Нельзя экспериментировать на народе, тем более такими крупными социологическими программами. Наконец, пора делать ставку на свои кадры, а не раболопствовать перед иностранными, так как любой иностранный специалист мыслит своими капиталистическими категориями, вытекающими из его капиталистического мировоззрения, сложившегося не за одно столетие.

В результате - молодые, грамотные и перспективные кадры не могут пробиться в руководство на государственном уровне и, ища применения своим знаниям, вынуждены включаться в различные течения (политические, экономические и другие) несогласные с разрабатываемыми и действовавшими принципами ведения народного хозяйства и руководства страной. Часть этих молодых кадров, влились в структуры теневой экономики, предпринимательства, образуя новую прослойку общества, выступающую с альтернативными планами перестройки общества и замены социалистического способа производства рыночной экономикой, зачастую преследуя лишь сугубо личное обогащение.

4. Недооценка работы с молодежью, особенно по подготовке ее к жизни в современных условиях борьбы человечества за выживание. Работа с молодежью в нашей стране, особенно в довоенный период (до Великой Отечественной войны), в основном отвечала задачам построения социалистического государства. Молодежь тридцатых-сороковых годов быстрее реагировала на прогресс в общественно-экономическом развитии, свой энтузиазм, патриотизм, задор и усилия сосредотачивала на выполнение грандиозных планов совершенствования советского общества и выполняла их. Комсомол действительно являлся резервом партии как в пополнении ее рядов, так и в укреплении социалистического мировоззрения и осуществлении на деле принципов социализма.

Советский патриотизм, любовь к Родине и ненависть к ее врагам, напавшим на Отчизну, в годы Великой Отечественной войны поставили нашу молодежь в первые ряды защитников, освобождения народов от гитлеровской чумы и завоевания Великой Победы в 1945 году.

Послевоенные годы стали новыми испытаниями для нашей молодежи конца сороковых и пятидесятих годов. Она была в авангарде восстановления нашего народного хозяйства, реализации достижений научно-технического прогресса, превращения нашей страны в одну из самых могущественных держав Мира - в Великую державу с силой, авторитетом и общественным строем, с которым считались такие акулы мирового капитала как США, Япония, Великобритания, ФРГ и Франция. Социализм показал свою жизнеспособность как система, как новая и прогрессивная общественно-экономическая формация, смело и уверенно вступившая в соревнование с мировой капиталистической системой на пути развития и совершенствования цивилизации.

Но, начавшиеся в шестидесятые годы перекосы в общественно-экономическом развитии страны, борьба за власть в верхних ее эшелонах, появление элементов "шапкозакидательства" и застоя во всех сферах политической и хозяйственной деятельности не могли не оказать отрицательного влияния на умы и дела молодежи. Большую деструктивную роль на молодежь оказывали и зарубежные противники нашей системы, различного рода диссиденты и антикоммунистические движения, в том числе и эмигрантские.

Частые контакты с зарубежными странами стали приносить нам многочисленные пороки, присущие капитализму с ее рыночной экономикой. У нас же эти пороки стали проявляться с еще большим размахом и силой, без должной оценки и административного воздействия. Для разложения нашей молодежи наши идеологические противники использовали самые различные методы. Размах разложения и духовного обнищания молодежи приходится на семидесятые и восьмидесятые годы, а своего пика они достигли во второй половине 80-х годов, особенно в период "Перестройки". Такой принцип перестройки, как гласность, частью молодежи было воспринято как вседозволенность, безнаказанность, непогрешимость в деяниях с извращениями, особой жестокостью и апатриотичностью. В открытую стали проявляться такие аморальные явления как: отказ от службы в рядах Вооруженных Сил, уклонение от производительного труда, игнорирование чести, достоинства, национальной гордости, патриотизма, приверженность к митинговщине, музыкальному вульгаризму, желание "красиво жить" без затраты труда и торговля честью, совестью и достоинством во имя этого. Все это породило всплеск преступности, черную зависть, ожесточение, пренебрежение к труду, алчность к деньгам, возобладание мещанства в угоду здравому смыслу, аполитичность и другие негативные проявления (проституция, гомосексуализм, наркомания).

Вместо оправдания надежд на молодежь и оказание ей доверия, включения в реальный политический и хозяйственный процесс, деградирующая молодежь все больше стала вовлекаться в теневую экономику, стали процветать спекуляция, мошенничество, казнокрадство и другие антисоциальные явления. В коммерциализацию стало все больше вовлекаться подростков.

Особую опасность представляет процесс разложения Вооруженных Сил - стенового хребта любого цивилизованного общества и государства. В результате распада - возникает исчезновение монополии на владение оружием, оно становится, в ряде случаев, достоянием преступных элементов. Неискушенная в политике молодежь, владеющая современным оружием и зараженная национализмом, и национал шовинизмом может принести нашим народам колоссальные беды.

Конечно же речь идет не о всей молодежи, а только об ее определенной части. Но ее влияние на остальную часть молодого поколения прогрессивно возрастает. Разложение (подрыв изнутри) и потом ликвидация комсомольских, пионерских и других молодежных общественных организаций привело к разобщению молодежи.

Так кто же унаследует идеалы социализма?

Нужен закон о молодежи и немедленная перестройка по ее перевоспитанию. От этого зависит будущее Родины!

5. Вооруженные Силы и отношение к ним. История свидетельствует, что курс, взятый Советской властью на создание своих Вооруженных Сил и превращение их в надежный щит Родины, оправдал себя полностью. Наша армия и флот превратились в мощный инструмент государства и полностью оправдали свое предназначение, вписав в историю русского оружия немало героических страниц. Они на протяжении многих десятилетий, выступали сдерживающим фактором, не дав возможности нашим идейным противникам сокрушить социализм, посягнуть на свободу и независимость нашего народа.

Наиболее ярким испытанием подверглись наши Вооруженные Силы в годы Великой Отечественной войны. Они с честью вышли из этого испытания повергнув человеконенавистническую систему - фашизм, принеся свободу от коричневой чумы многим народам и завоевав Великую Победу!

Вот уже пятьдесят лет мы живем в условиях всеобщего мира, но для Вооруженных Сил эти годы продолжали оставаться тяжелыми и напряженными. Человечество овладело энергией Атома, появились новые виды оружия массового поражения, соответственно менялись взгляды на ведение войны, значительно возросли расходы на содержание Советской армии. Страна вынуждена была изыскивать эти средства, порой в ущерб программам дальнейшего социально-экономического развития страны.

Немалые средства из военного и государственного бюджета выделялись на "подкормку" наших братьев по оружию и армии стран, избравших путь социалистического развития. Естественно, что от этого, в первую очередь, страдали социально-экономические статьи военного бюджета. Все это не могло не отразиться на социальной защищенности военнослужащих, и в первую очередь, офицерского корпуса. Этот фактор, как правило, не всегда учитывался руководством Страны и Вооруженными Силами, а высшее командование в войсках и на флоте недостаточно настойчиво поднимало эти вопросы на государственном уровне.

Однако, недостаточный уровень социальной защищенности военнослужащих, заметно не сказывался на общем состоянии боевой мощи. Это можно объяснить тем, что в послевоенный период, вплоть до шестидесятых-семидесятых годов, основной костяк офицерского корпуса составляли участники Великой Отечественной войны - люди закаленные, опытные (как в военном, так и в жизненном плане), уважающие воинские законы, способные стойко переносить тяготы и лишения воинской службы, соизмеряя свои потребности с реальными возможностями государства. Такая жизненная позиция офицеров определяла общий климат в армейских структурах различного уровня, обеспечивала высокую боеспособность, боевую и мобилизационную готовность, высокую воинскую дисциплину, беззаветную преданность своей Родине и своему народу. Советская Армия стала мощным

политическим фактором при решении сложнейших международных проблем.

С течением времени общая военно-политическая обстановка в мире стала меняться. Накопление ядерного оружия и другого оружия массового поражения в армиях противостоящих сторон и его применение, в случае развязывания мировой ядерной войны, могло, в конечном счете привести к гибели цивилизации. Трезвая оценка последствий применения оружия массового поражения, а также решения международных проблем с помощью силы, убедили Великие державы о необходимости перехода к политическим методам решения международных проблем с помощью силы, убедили Великие державы о необходимости перехода к политическим методам решения имеющихся противоречий, то есть - мирным путем. В 70-е годы начался, а затем продолжился, процесс запретов применения и ликвидации такого оружия, и в первую очередь, ядерного. Отпала необходимость содержания больших армий, начались односторонние и многосторонние процессы сокращения численности Вооруженных Сил. Из рядов офицерского корпуса нашей Армии стали убывать на заслуженный отдых опытные кадры. На смену им стало приходиться молодое поколение офицеров. Большинство из них стали достойными приемниками славных боевых традиций. Вместе с тем все чаще стали отмечаться случаи появления в офицерской среде людей, пытавшихся свои личные счеты и интересы, ставить выше общественных. "Легкое прохождение службы" породило среди определенной категории офицеров убежденность непогрешимости: ложное представление о своих возможностях, погоню за воинскими званиями, должностями, увиливание от службы в "непрестижных" регионах, использование связей для поступления в ВУЗы и другие негативные явления. Фактически появились те же самые издержки в подборе, обучении и расстановке кадров, что имели место в работе с кадрами в стране в целом...

Это не могло не повлиять на состояние боевой службы, учебы и, особенно, воинской дисциплины. Бытовая неустроенность, особенно офицерского состава, прапорщиков и их семей, стали приводить к потере интереса к службе, к снижению престижной когда-то военной профессии. Этим умело воспользовались те, кто в лице Вооруженных Сил видел мощный щит защиты единства народов страны и незыблемости строя, на верность которому присягнул весь личный состав. Армия подверглась мощному шельмованию, особенно после того, как ее обвинили в соучастии в тбилисских событиях.. Ей стали приписывать антинародные проявления, разлагать изнутри, вносить антагонизм путем противопоставления старослужащих молодым воинам ("дедовщина"), разжигать национальную рознь. Армия стала противопоставляться народу, подвергаться оскорблениям, а воинские коллективы - даже нападениям (в том числе и вооруженным). Для армейских структур в ряде республик начали создавать поистине невыносимые социально-бытовые условия, провокации, запугивание семей и т.д. (республики Прибалтики, Закавказья, Молдовы).

Разложенческий яд, исходящий из уст антикоммунистов и ярых противников советской власти, публичные и некомпетентные высказывания, а также выступления на народных форумах отдельных, изгнанных из армии (или обозленных на начальство) военнослужащих по поводу военных реформ внесли соответствующую долю зла в разложение армии.

Отрицательное влияние на морально-психологическую обстановку в Вооруженных Силах оказали процессы деполитизации армии и усиление влияния религии на воинские коллективы. Агрессивная направленность общества "Солдатские матери" (огульно обвиняющие все и вся в армии), издание указов об амнистии дезертирам, перешедшим на сторону противника и другие факторы - негативно повлияли на воспитание личного состава в армии.

Надо признать неуместную и публичную "казнь" крупных военачальников за посадку самолета летчиком Рустом на Красной площади, предвзятое освещение в печати так называемого "известинского расследования" дела о сбитии южнокорейского самолета, аварии и катастрофы на флоте и ряд других фактов.

Перечисленные отрицательные явления привели к параличу власти среди высшего командования Вооруженных Сил. Они не проявили должной настойчивости в отстаивании интересов армии и флота, а Верховный Главнокомандующий сам попал под влияние антиармейских амбиций, не проявив государственной мудрости в этом конфликте. Десятилетия и миллиардные средства были истрачены нашими вероятными противниками на то, чтобы морально разложить личный состав армии. Им не удалось в прошлом, зато это сделали "отечественные" народные избранники и всякого рода отщепенцы, космополиты и предатели. Завершением развала Вооруженных Сил Советского государства явился "Парад военных присяг".

6. Взгляды на будущее... Мы оказались перед фактом, когда развален Союз Советских Социалистических Республик и образовано содружество независимых государств - СНГ. Фактически свершилось то, к чему стремились апологеты мирового капитализма в течение 74 лет!

Образование СНГ является следствием деструктивной политики "учредителей" образования, не имевшего в истории аналога.

В отличие от Октябрьской социалистической революции, где главной движущей силой выступали "низы"(рабочий класс, беднейшее крестьянство и часть революционной интеллигенции), в свершившемся антисоциалистическом перевороте в качестве движущей силы выступили "верхи" - предавшие коммунистические идеалы чиновники и политики, мафиозные элементы теневой экономики, перевертыши в лице некоторой части интеллигенции, амбициозные националисты и национал-шовинисты. И, если в первом случае основная ставка делалась на пролетариат, то во втором - на предпринимателей, мелкую и крупную буржуазию, церковь и аполитизированную молодежь.

Сейчас "власть имущая", вырядившись в демократические одежды, спекулируют доверием народа и совершают фактически антинародные акты: распродают национальные богатства, экспроприируют и

растаскивают национальные ценности и достояния, способствуют разгулу спекуляции, реакции, осуществляют грабительскую ценовую политику, возрождают капитализм, частную собственность на землю, орудия и средства производства, разрушая устои общественной собственности и социалистического способа производства. Бездумно растаскивают по своим национальным квартирам Вооруженные Силы Страны, взламывая надежный щит государственности и ее основы - промышленно-экономического потенциала.

Отметая начисто все то рациональное, что имеется в марксистско-ленинском учении о коммунизме (или построении бесклассового общества), и не опираясь на глубокие теоретические разработки по развитию общества на современном этапе, эти политики решились на рискованный и неапробированный эксперимент изменения общественно-экономической формации, слепо подражая передовым капиталистическим странам (привлечение различного рода иностранных консультантов, экспертов, дельцов и воротил зарубежного бизнеса, для которых бывший Союз остается не разгаданной тайной).

Современные государственные "наполеоны" допустили грубейшую ошибку, отказавшись от единой государственной структуры Союза Суверенных Государств, как формы государства, наиболее полно учитывающей внутренние и высшие интересы населяющих их народов и вписывающейся в мировую цивилизацию без существенных общественных катаклизмов. Но в этом, видимо, не заинтересованы определенные круги, давно мечтающие покончить с коммунизмом и "империей зла". Они всячески поддерживают внутри республик силы, способствующие развалу государства, разобщению народов страны, разжиганию национальной розни и национального антагонизма.

Отсутствие единых управленческих структур в СНГ и нежелание их иметь (вопреки мировому опыту) начинает расшатывать те устои, на которых оно (содружество) рождалось ("рублевая война" и создание своих национальных валют), таможенная война, экспроприация имущества Вооруженных Сил. Разногласия начинают возникать не только в экономической сфере, но и в политической (Крымский вопрос, Приднестровье и др.).

Эйфория августовской победы уже начинает отрезвлять здравомыслящих людей, народы стали понимать "кто есть кто", к чему приводит борьба за власть, что несет ему рыночная экономика, националистические амбиции. Подлинно демократические силы стали давать "бой" псевдодемократам, отщепенцам и явным предателям интересов народа. И придет то время, когда идеи обновления и совершенствование структур управления страной на более современной основе овладеют массами и станут движущей силой на пути возвращения в мировую цивилизацию.

К сожалению, наше фронтовое поколение ушло с политической арены и из активных рядов общества. Мы в прошлом уверенно приняли эстафету от наших отцов в 40-е годы и достойно пронесли ее в течение не одного десятка лет. На долю нашего поколения пришлось нелегкие периоды жизни нашей Родины. Мы с честью вынесли все испытания в

надежде на лучшее будущее, что нам обещали незадачливые руководители. Теперь же, волею тех, кто благодаря нашему поколению остался жив, кто вырос, воспитался и получил образование в стране, построенной нашими предками, защищенной от коричневой чумы фашизма и мирового империализма кровью и жизнями наших сверстников и восстановленной из руин нас превращают в о т в е р ж е н н ы х !

Но "яблоко от яблони далеко не падает" или "...льву во всем подобен львенок, будь то самка или самец"... И наши дети, и внуки не дадут посрамить своих отцов и дедов. Они в основном своем большинстве не приемлют ведущиеся политические игры и не хотят и того социализма, который привел нас к застою в 70-80-е годы и снижению уровня жизни людей, по сравнению с уровнем жизни на Западе. Они - в конечном итоге станут той потенциально движущей силой прогрессивной ориентации, которая восстановит историческую справедливость, сорвет маску с псевдодемократов и возродит былую славу нашей Отчизны"...

Мы встретились с генералом Андреем Федоровичем Вураки во второй половине января 1992 года, и он мне передал написанные им свои мысли и соображения на события, о которых вам стало известно после того, как вы ознакомились с его повествованием. Вы теперь можете сравнить в чем мы едины и какая есть разница во взглядах и оценки бурных событий конца двадцатого столетия.

Но, наверное вы заметили, есть одно общее, что объединяет нас: ностальгия по нашей многострадальной Родине, боль за утрату могущества Отчизны, невосприятие некоторой частью молодого поколения всего того, что случилось с нашим Государством; забвение своих родителей и предков, которые сделали все возможное, чтобы они жили без войн и в благополучии...

Начало 1992 года стало отрезвлять и политиков Запада, "Империю зла" - бывший СССР - они уже стали вспоминать с известной мерой ностальгии. О днях тех размышлять стали с грустью, как о "старом добром времени", когда, несмотря на гонку ядерных вооружений, все-таки была какая-то, но стабильность. Может быть не гармония, но хотя бы равновесие страха, мы называли это мирным сосуществованием... Иное дело - после "краха". Что произошло в бывшем СССР, пока понять не может никто, все скрыто туманом. Огромный айсберг вдребезги развалился на множество острых льдин. Возникшая нестабильность в Содружестве, непредсказуемая программа и поведение новых государств стало очень пугать Запад. Национальные конфликты, национализация четырех миллионной армии, междоусобицы ну разве от всего этого не пойдет кругом голова?...

Глава третья С У Д

Суд над КПСС

В трагические дни августа 1991 года в условиях острейшего общенационального политического и экономического кризиса, порожденного существенными ошибками в осуществлении проводимых общественных преобразований и изменением их социально-экономической направленности, Президент России приостановил, а потом распустил организационные структуры КПСС (на территории России) и коммунистической партии РСФСР, конфисковал их имущество. Указы президента лишили самые массовые партии страны их конституционных прав и возможности легально излагать и отстаивать взгляды и цели, организованно выступать в защиту попираемых интересов трудового народа.

Главную роль в драматической судьбе СССР и КПСС сыграла непоследовательная, противоречивая политика бывшего генсека КПСС М.Горбачева, завершившаяся его отречением не только от поста Генерального секретаря, но и от поста главы государства. Политическое ренегатство проявили бывшие члены руководства партии, партаппаратчики и руководители правительства СССР.

Указами российского президента была приостановлена, а затем фактически запрещена деятельность даже первичных партийных организаций КПСС. Однако, если обдумать путь партией и страной пройденный на протяжении многих десятилетий, эти понятия были не отделимы друг от друга. Непредвзятые размышления неизбежно приводят к выводу: ошибки партии безусловно сказывались на развитие великой страны, но великой она стала благодаря партии. И как бы ни старались фальсифицировать нашу историю услужливые "летописцы" жизнь обмануть нельзя...

Новая власть, вслед за запретом КПСС приступила к фактической расправе с Советами. Демократы всюду трубили: "Долой Съезд народных депутатов!" Что означало - долой власть трудящихся. Им удалось оттеснить трудящиеся массы на задворки политической системы. В депутатском корпусе Российской Федерации рабочих и крестьян стало меньшинство. За период правления демократами не было принято ни одного закона в пользу людей труда. Однако, когда демократы рвались к власти, они охотно заигрывали с некоторыми отрядами рабочего класса. В свое время они использовали шахтеров для свержения правительства СССР и его ликвидации. За эту поддержку новая власть расплатилась повышенной зарплатой, которая стала выбираться из рабочих карманов народившейся буржуазией и мафией. Политика демократов в том и состояла, чтобы обеспечивать буржуазию через карманы человека труда, при этом шла демагогия о рабочем хозяине.

Введение приватизационных чеков - составное звено обмана народа. Правительство сознательно умалчивала, что ваучеры лишают

рабочий класс и всех трудящихся, все население Российской Федерации социальных гарантий со стороны государства...

В этих условиях насущной задачей стало возрождение или восстановление партии социальной справедливости.

Верно, что партия коммунистов потерпела поражение. КПСС Горбачева и Ельцина, Шеварнадзе и Яковлева, Попова и Собчака перестала существовать. Но осталась КПСС, представляющая миллионы истинных коммунистов - рабочих, крестьян и интеллигенции.

Ренегаты от партии до августовских событий 1991 года пытались внедрить капитулянтский проект Программы КПСС, который горбачевское руководство подсовывало коммунистам незадолго до переворота. Поэтому и появился новый (от 8.9.1992 г.) проект Программного заявления "За социализм, за единство коммунистов". Он был разработан Организационным комитетом по подготовке XX-ой Всесоюзной конференции КПСС. К концу 1992 года стало нарастать стремление коммунистов к единству...

Перед коммунистами стала сложная задача по ее возрождению. Понятно стало, что это не должна быть партия ни сталинского, ни брежневского, ни горбачевского типа. Нужно было создавать партию соединяющую в себе сплоченность и организованность с подлинным демократизмом, творческим, постоянно совершенствовавшимся в соответствии с требованием времени, в лучших ленинских традициях. Чтобы ее создать, необходимо было понять, проанализировать ошибки, приведшие КПСС к поражению, к потере авторитета в народе...

Созданная усилиями многих поколений могучая держава раскололась благодаря усилиям лжедемократов. Поэтому, помимо экономических, национально-этнических, территориальных, пограничных, таможенных, военных и множества других проблем, возникла самая главная: понимание, что мы просто не можем жить и обходиться друг без друга.

Чтобы возродить коммунистическую партию, необходимо было восстановить легальность ее существования в России, поэтому коммунисты обратились в Конституционный суд на предмет законности августовских указов президента о роспуске организационных структур КПСС и КП РСФСР и конфискации их имущества.

В ответ на ходатайство коммунистов команда Президента выставила в Конституционный суд ходатайство о проверке конституционности коммунистической партии.

Объединение двух дел в одно само по себе, если их брать порознь, не выходило за рамки компетенции Конституционного суда. Но объединение этих двух дел в одно, в один процесс, породило независимо от воли и желания новое качество.

Поскольку вопрос о конституционности компартии был признан судом сопутствующим, а следовательно, и существенным для решения вопроса о конституционности президентских указов, поскольку суд фактически решил рассматривать дело об указах не только с точки зрения соблюдения президентом принципа разделения властей, но и с точки зрения их политической целесообразности. А это прямо запрещено

Конституционному суду законом. Рассуждение президентской стороны: "Если КПСС была неконституционной партией или вообще не являлась партией, то Президент был в праве и даже обязан запретить ее" - это рассуждение неправильно с точки зрения конституционного процесса, в котором существенное значение имел совсем другой вопрос: "Вышел или не вышел Президент за рамки своих полномочий, издав указы?" Однако, суд с самого начала занялся проверкой правильности рассуждения президентской стороны и таким образом вышел из рамок своей компетенции.

Если говорить, что суд не был озабочен постоянным смещением политических и правовых доказательств, то это будет неправдиво: суд принял не одно решение, предупреждающее стороны о недопустимости такого смещения. Но они не возымели никакого результата, ибо были направлены на следствие и не касались их первопричины - исходного объединения двух дел. В конце концов, убедившись в тщетности своих усилий, в том, что оперировать политическими категориями так или иначе придется и ему самому, суд выработал формулу, согласно которой он рассматривает лишь "политические вопросы, являющиеся предметом правового регулирования". Однако, если рассматривать политику как сферу общественных отношений, связанных с борьбой за государственную власть и ее осуществлением, то становится непонятным, какие же политические вопросы не регулируются правом, имеет ли такое разграничение реальное содержание и смысл? Данная формула Конституционного суда открыла широкий простор для произвольного субъективистского толкования суда, что не раз подтверждалось в ходе процесса.

Размытость предмета разбирательства не в последнюю очередь определялось и отсутствием в Законе о Конституционном суде процессуальных норм и критериев конституционности политических партий. На это неоднократно указывали в суде представители коммунистов и предлагали отложить рассмотрение сопутствующего ходатайства до внесения в закон соответствующих дополнений и изменений, просили суд воспользоваться для этого своим правом законодательной инициативы.

В выступлениях сторон звучали диаметрально противоположные точки зрения, но факт остается фактом, что президент запретил партию, которая реально три четверти века удерживала общество в стабильности, гарантировала от переворотов, национальных и социальных взрывов.

Подтвердить противное оппоненты не смогли - не было фактов, свидетельствующих о том, что КПСС вела страну в тупик. Тогда президентская сторона сделала по ее мнению, убийственный выстрел: о какой КПСС вы печетесь? Президент запретил несуществующую партию, КПСС не было, так как не было СССР (к моменту запрета) республики стали независимыми! Оставим на совести адвокатов президента даты: последний указ Президент подписал 6.11.91 г., а в Беловежской Пуще собрались месяц спустя. Опять оказалось не впопад. Значит, если судить объективно, то оснований утверждать, что к

моменту издания указа Президента Российской Федерации - КПСС фактически самораспустилась - НЕТ!

Когда в обществе терпит кризис или изымается "этическая"(идеологическая) сердцевина, последствия бывают катастрофическими. Пример - Реформация в Германии, в ходе которой сначала сожгли 50 тысяч "Ведьм", а затем уничтожили две трети крестьян и бюргеров. И страшным смыслом наполняются слова А.Н.Яковлева, сказанные им в Ватикане: "Этика и Реформация, идущие по нашей земле, неразделимы". Народ знает, какая этика пошла по нашей земле, а теперь начинает понимать и смысл Реформации. На фоне переживаемой обществом катастрофы цинизмом или недомыслием является поддержанное нашими "демократами" обвинение - будто КПСС, "разжигала социальную и межнациональную рознь".

Как ни проклинай СССР, но именно в этом аспекте он представлял систему с отрицательной обратной связью по отношению к конфликтам. Это значит, что при обострении противоречия автоматически включались экономические, идеологические и даже репрессивные механизмы, которые разрешали или даже подавляли конфликт, "успокаивая" систему. Это делалось независимо от воли и личных качеств отдельных людей - так была устроена система, в которой ключевую роль играла именно КПСС. Это было заложено в ее идеологической системе, возводящей в догму "единство" и запрещающей конфликты, в ее организационной системе, и пронизывающей все потенциально конфликтующие стороны, такая система консервативна - но не конфликтна.

Напротив, ослабление и изъятие КПСС из общественной системы без замены компенсирующими механизмами привело, помимо воли политиков, к возникновению системы с положительной обратной связью относительно конфликтов. Теперь она стала с тем же автоматизмом разжигать и катализировать любой конфликт. Это мы увидели и в национальной, и социальной сфере. Кое-кто стал оправдывать это как необходимые издержки перехода к иному типу общества, но это факт. Известно, что именно силы, вырвавшие "коммунистический сердечник системы" сыграли главную роль в разжигании кровавых конфликтов. То же можно сказать и о социальной сфере.

О полном непонимании сути КПСС говорит и утверждение будто она участвовала в подготовке и осуществлении путча в августе 1991 года. Ведь путч если и был, то был результатом заговора. Однако сам тип партии, какой была КПСС, делала ее не способной к каким-то ни было консервативным действиям. Во всех документах партии - Уставе, Программе и решениях (от съезда до первичек) нет и намека на силовые методы борьбы. И еще о сути КПСС. Она давно перестала быть партией борьбы, а стала партией охранительной. Потому-то она в августе 1991 года и не вышла на защиту ЦК, что морально была не готова к конфликту с властью. Быть может, в этой трагедии и историческая вина КПСС она не только без борьбы сдала страну на растерзание, она стала "Троянским конем", в котором к власти проникла хищная национальная элита.

Запретив КПСС, которая по своему составу и структуре была гигантским "круглым столом", поглощающим и гасящим радикализм, Президент резко обострил все противоречия в обществе, поэтому коммунисты и обратились в Конституционный суд с просьбой разобраться с законностью изданного им указа.

В ходе процесса обнаружилось множество противоречий. В зале суда неоднократно звучали речи о том, что с точки зрения "общечеловеческой законности" сама советская Конституция является "неконституционной". Но, как же в таком случае защищать действующую конституцию?...

Подливая масло в огонь, "выступая в качестве гаранта демократии и основных свобод граждан России, Президент (на завершающем этапе работы Конституционного суда) подписал указ о роспуске оргкомитета, созданного в 1992 году, Фронта национального спасения".

В указе "О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации" предусмотрены меры немедленного действия к прекращению деятельности структур этой антиконституционной организации и к недопущению впредь возобновления в какой бы-то ни было форме деятельности на всей территории России этой и других подобного рода экстремистских организаций...

Новый указ - оказался президентским презентом Конституционному суду. С одной стороны, Президент наверняка обеспечил Конституционный суд еще одним процессом с политическим привкусом и тем самым гарантировал судей от безработицы. С другой, Указ "О мерах по защите конституционного строя РФ" обесмыслил в конституционном суде процесс, рассматривающий ходатайство о неконституционности КПСС...

При подготовке и в ходе процесса сформировался большой работоспособный коллектив единомышленников - ученых, партийных работников, журналистов. Они приобрели уникальный опыт работы на современном этапе жизни общества, который пригодится и впредь...

Перед Конституционным судом и перед его председателем стояла архисложная задача. От решения суда зависела судьба законности и правопорядка в стране. Многочисленные государственные институты, множество структур общественных формирований не должны были оказаться ширмой для диктатуры криминального капитала. 30 ноября 1992 года Конституционный суд принял решение, в котором были удовлетворены все противоположные стороны выступавшие в суде: признал законным действия Президента Российской Федерации на тот период по отношению к высшим оргструктурам КПСС и его имуществу; отменил указ, который распространялся на первичные партийные организации коммунистов.

Председатель Конституционного суда В.Зорькин оказался на высоте и значительно повысил в глазах общественности свой и суда авторитет.

В ходе заседания Конституционного суда набатом прозвучало сообщение, что вместо героев Великой Отечественной войны почетным гражданином Берлина стал М.Горбачев...

В берлинском пригороде Карлс-хорст сохранилось здание, где маршал Г.К.Жуков принял безоговорочную капитуляцию гитлеровской Германии.

В те майские дни сорок пятого и многие годы спустя над поверженным рейхстагом реяло советское Красное знамя Победы, а на стенах его сохранились как исторические реликвии автографы солдат-победителей. Благодарный освобожденный Берлин назвал своими почетными гражданами поднявших над рейхстагом Красное знамя солдат Михаила Егорова и Мелитона Кантария, легендарных маршалов Ивана Конева, Василия Чуйкова, Михаила Катукова, генерал-полковника - первого коменданта освобожденного Берлина Николая Берзарина...

Прошли годы. Автографы солдат освободителей тайно поворовски были стерты со стен рейхстага, а Красное знамя Победы сорвано с его купола под предлогом "реставрации". А потом в Берлине произошло событие, ставшее кульминацией предательства. Берлинский сенат исключил из списка почетных граждан советских солдат и военачальников, а включил трех современников: канцлера ФРГ Гельмута Коля, а также Рейгана и Горбачева - как почетных иностранцев, принявших деятельное участие в ликвидации Германской Демократической республики. М.Горбачев за наградой явился как ни в чем не бывало, видно совесть его не особенно мучила.

СУД ПО "ДЕЛУ ГКЧП"

В свете расстрела Верховного Совета, беловежского "сговора трех" и выдворения законного президента СССР из кремлевского кабинета - совершенно вздорными выглядит компания в подробностях, кто и как в августе 1991-го отключал связь у "форосского затворника". А вот в видах постоянно муссируемой возможности возвращения "лучшего немца" в большую политику, кому-то очень хотелось вдолбить в сознание людей образ Горбачева, как народного страдальца, пекущегося о благе российского люда. Это очень заметно. Не будем сбрасывать со счетов, что в 1996 году истекает срок полномочий президента Б.Ельцина, а за год, поверьте, вполне можно внушить нашим доверчивым соотечественникам, что незаконно изгнанный с должности добрейший Михаил Сергеевич - вполне подходящая для "спасения России" кандидатура.

Между тем воссозданию положительного образа мешают очень неприятные вещи, которые звучали в зале суда, и о которых замордованный шокотерапией народ помаленьку начал забывать. Например, то, что многие сегодняшние беды России и так называемого ближнего зарубежья восходят к тем временам, когда "архитекторы перестройки" стояли во главе КПСС и твердили про затухание классово-борьбы и приоритет общечеловеческих ценностей. А на деле протаскивали примитивнейший дикий капитализм образца начала прошлого века. Теперь мы его сполна хлебнули.

Отвечая на прокурорские вопросы Д.Т.Язов с фактами в руках показывал "выдающуюся роль общечеловеков" в разжигании

межнациональных войн, поощрении сепаратизма, развала Советской Армии и в конечном итоге - СССР. От того-то и стремились режиссеры гласности сделать процесс, что называется, закрытым: не сообщать о выступлениях обвиняемых ни строчкой в газетных, ни словечком в эфире.

А вот, что было на суде! На процессе по "ДЕЛУ ГКЧП" слово было представлено Д.Т.Язову, который сказал: "Меня обвиняют в том, что я не разделял позиций президента СССР в вопросах оценки общественно-политической и экономической ситуации в стране, чем, по мнению следствия, совершил "измену Родине".- Я КАТЕГОРИЧЕСКИ ОТВЕРГАЮ ПРЕДЪЯВЛЕННОЕ МНЕ ОБВИНЕНИЕ".

... Далее приводится выступление Д.Т.Язова на суде: "Для правильной оценки моих действий в августе 1991 года следует подробно охарактеризовать положение, в котором оказалась страна накануне августовских событий. Так, оценивая обстановку в стране на конец июля 1991 года, президент Горбачев говорил "Ситуация, которая складывается в стране к моменту моего ухода в отпуск, я могу охарактеризовать, как беспокойную и тревожную"...Это были слова. А дела с каждым годом шли все хуже и хуже. Перестройка проводилась беспланово, сумбурно, вместо "большого, лучшего" постоянно ухудшалась жизнь народа, росли цены, падало производство, снижалось качество товаров. Вначале было стремление искать пути ускорения развития экономики, обновления страны, здесь Горбачев гневно клеймил авторитарную систему, обвинял КПСС. На опасное развитие событий в стране неоднократно обращалось внимание Горбачева на пленумах ЦК КПСС, на сессиях Верховного Совета, съездах партийных и съездах народных депутатов. Но изменить положение он не мог, или не хотел, или не умел. Он лишь слушал дискуссии, а затем выступал посредником и судьей, делал "поучительное" заключение, хотя часто оговаривался, что это его "заключение или вывод" не истина в последней инстанции. Так, вопрос о суверенитете субъектов федерации перерос в махровый национализм. В СССР после войны, где с 1954 года, национальных конфликтов не было. Явно шел процесс развала Союза, рушились экономические связи, каждая республика стремилась самостоятельно торговать с заграницей, шла распродажа минеральных удобрений, цветных металлов и других природных богатств страны: нефти, леса, энергоресурсов. Парадокс. Народ нищал, становился изгоем в собственных республиках (странах), а количество президентов в стране росло, и к августу 1991 года мы вышли на первое место в мире по этому показателю.

Ослабление Горбачевым Советской власти привело страну к трагедии противостояния и вооруженных конфликтов. Вначале Горбачев говорил: "У нас не антагонистическая борьба - это поиск, дискуссия: как нам выйти на широкую дорогу...перестройки". Вышли на Сумгаит. Это был такой взрыв, что, казалось, дни и ночи будет работать Политбюро, Верховный Совет... Ничего подобного. Войска совместно с милицией и спасали, и поили, и кормили ... людей, а Политбюро промолчало.

Национальные противоречия в Закавказье, в Средней Азии и других регионах стали решаться, в основном, с применением силы армии

и войск МВД. Дело дошло до того, что от Нахичевани до Белесуарского выступа было разрушено ограждение на границе, уничтожена связь по фронту 700 километров. Были известны факты поступления оружия из Ирана для боевого фронта национального освобождения Азербайджана. Министерство обороны предлагало выведенную из Афганистана 103-ю Воздушно-десантную дивизию подчинить Комитету Государственной безопасности с целью прикрыть границу, а правительством никаких решений принято не было.

А вот стоило появиться в газете "Советская Россия" в марте 1988 года статье преподавателя химии из ленинградского института - "Не могу поступиться принципами". Политбюро заседало два дня. Конечно, главным докладчиком был А.Н.Яковлев, который назвал эту статью "антиперестроечной", Н.Андрееву - "сталинисткой". Главный дирижер этой травли Горбачев дал выступить всем. В этом было не столько желание осудить Нину Андрееву, но и проверить членов, кандидатов и секретарей на лояльность. Так было положено начало открытому антикоммунистическому движению в стране, включившему в свой поток все антисоветское, антисоциалистическое, антиотечественное. При этом критику умело направляли в русло психологической атаки на существующий строй, масштабной фронтальной войны против Союза, против собственного народа.

После моего назначения на должность министра обороны Горбачев, как президент и верховный главнокомандующий, поставил одной из главных задач реализацию сокращения стратегических ядерных вооружений, по которым мы должны были уничтожить больше ракет и боеголовок, чем США. Я понимал, что упрочение безопасности государства нельзя решить только путем дальнейшего наращивания расходов на оборону, нужны и политические решения. Но нельзя было бездумно сокращать вооружение, ослаблять обороноспособность. Тезис, который часто употреблял президент: на нас, мол, никто не собирается нападать, в то время был верен. Но и верно и то, что до настоящего времени США имеют свои военные базы в Японии, Корее, Турции, Италии и т.д., по всему периметру границ СССР. Конечно, было бы хорошо с позиции экономики не иметь армии вообще, но мы хорошо знаем, сколько еще есть желающих предъявить нам территориальные притязания. Летом 1987 года я и начальник Генштаба Ахрамеев С.Ф. представили Горбачеву обстоятельный доклад о положении, в котором могут оказаться наши Вооруженные Силы, если рухнет, т.е. перестанет существовать, созданная после войны система безопасности Советского Союза и других стран Варшавского Договора в Европе. Мы просили пересмотреть обостряющуюся обстановку и возникавшие проблемы. Нам стало известно, что Горбачев рассмотрел этот документ, но без министерства обороны. События в Европе между тем развивались не в нашу пользу. В декабре 1987 года, возвращаясь из Вашингтона, Горбачев остановился в Берлине, куда пригласил всех политических и военных руководителей государств - участников Варшавского Договора. На встрече Горбачев заверил всех руководителей социалистических государств, что снижение ядерного и ракетного щита, не подрывает

безопасности нашего содружества. Все это оказалось обманом. Вскоре пала "берлинская стена", был изменен пограничный режим на границе ГДР и ФРГ. Стало ясно, что судьба послевоенного порядка, существовавшего в Европе 45 лет, предрешена. В течение буквально двух-трех недель была расстроена экономика ГДР (а она входила в десятку наиболее развитых государств мира!) и объединение Германии стало неизбежным. В это же время проходили, под видом демократизации, известные изменения в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и Чехословакии. Мы потеряли своих военных союзников, рассыпался Варшавский Договор в том виде, в каком он существовал 35 лет. Потеряны стратегические позиции в Европе.

Новое мышление, политическая практика как бы отменяли то, что когда-то было завоевано ценой огромной крови и миллионов жизней. На смену приходило доверие между Западом и Востоком в основном за счет уступок Советского Союза. Запад пошел на некоторые уступки, но! Запад сохранил военную организацию в Европе, сохраняет там американское присутствие, а что будет представлять собой объединенная Германия, как она поведет себя по отношению к России в будущем - это предмет серьезного беспокойства. Горбачев проявлял инициативу в проведении переговоров по стратегическим ядерным вооружениям, но, к сожалению, его импульсивность - "давай, давай" иногда давала нежелательные результаты. Так, за рамки переговоров были выведены и не учитывались стратегические ядерные вооружения Англии и Франции, а ведь эти государства входят в блок НАТО. Горбачеву было известно, что они осуществляют совместное ядерное планирование и их ядерные средства нацелены на Советский Союз. На переговорах с американцами все сопоставления и расчеты делались только на двусторонней основе. Для американцев было главным добиться сокращения наших тяжелых ракет наземного базирования с разделяющимися головными частями, в то же время они уходили от обсуждения проблемы сокращения стратегических ракет на подводных лодках и в военно - воздушных силах. Когда мы говорили, что они имеют превосходство в стратегической авиации, они соглашались с нами и предлагали строить столько тяжелых бомбардировщиков, чтобы сравняться с Америкой. Американцы не хотели и слушать, когда мы предлагали уничтожить крылатые ракеты корабельного базирования, объясняя это тем, что США - морская держава, что их от союзников по блоку НАТО отделяет океан и им флот нужен для обеспечения безопасности. Америка стремилась к тому, чтобы мы больше расходовали средств на оборону, но в такой области, которая не несет угрозы Америке. Американцы знали, что оперативно-тактическая ракета "ОКА" (по американской терминологии СС-23; генеральный конструктор комплекса академик Непобедимый) относилась к ракетам малой дальности, но была самой совершенной и перспективной ракетой. Она не входила в разряд стратегических сил, являясь ракетой фронтовой, и они, американцы, делали все возможное, чтобы мы согласились на уничтожение этой ракеты. Министерство обороны после длительного давления на него со стороны МИДа и Генсека согласилось рассмотреть это предложение при условии, что

американская оперативно-стратегическая ракета "ЛАНС-2" с дальностью 450-470 километров тоже будет попадать под сокращение. В ходе пребывания в апреле 1987 года в Москве государственный секретарь США Дж. Шульц договорился с Шеварнадзе, чтобы "ОКУ" подвести под понятие "ракеты малой дальности". Все это было сделано за спиной министерства обороны и Генерального штаба. Затем с Шульцем встретился Горбачев, и судьба "ОКИ" была окончательно решена. Американцы не теряли ничего, а мы в денежном выражении потеряли более 4 миллиардов рублей.

1 июня 1990 года Шеварнадзе и государственный секретарь Дж.Бейкер подписали соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств. Это произошло в Вашингтоне во время встречи президентов Горбачева и Буша. Это было совершено в тайне от народа и даже министерство обороны не было поставлено в известность. Я узнал об этом от летчиков дальней авиации, которые совершали учебный полет в тот район, где их встретили американские истребители. В результате наша страна потеряла 51 тысячу квадратных километров морской акватории, где ежедневно вылавливалось до 150 тысяч тонн рыбы ценных пород. Горбачев требовал сокращение вооруженных сил. За 1988-89 годы были ликвидированы управления пяти армий с соответствующими частями и подразделениями обеспечения обслуживания; одна ракетная армия; сократили управления двух округов; более чем на половину сократили НИИ; уменьшили заказы на производство техники и оружия, но экономика от этого не улучшилась.

В это время шли переговоры в рамках СБСЕ по сокращению обычных вооружений. И здесь наши дипломаты сделали американцам очередной подарок. В состав наших вооруженных сил, расположенных в европейской части Союза, полностью включали все группы войск: Западная, Центральная, Южная, Северная; округа: Прикарпатский, Одесский, Киевский, Белорусский, Прибалтийский, Ленинградский, Московский, Закавказский и Северокавказский, а от Америки в предмет переговоров включались только те войска, которые дислоцировались только в Европе - 5 и 7 АК. Ни сама территория США, ни вооруженные силы Америки в предмет переговоров не включались. Нам предстояло сокращать около 20 тысяч единиц бронетанковой техники, а американцам, французам, англичанам единицы. При этом у нас самая новая техника находилась на Западе, а устаревшая - на Востоке. Естественно, министерство обороны принимало все меры к замене боевой техники на Востоке на новые образцы, перебрасывая их туда с Запада, в конце концов это было наше внутреннее дело. Утечку информации об этом сделал представитель МИДа. По этому вопросу в министерство обороны приходил Никсон - экс-президент США, М.Тэтчер, уже не будучи премьер-министром!...

Летом 1990 года был создан еще совет - Совет Федерации. Я неоднократно докладывал на этом Совете, что суверенизация, разрыв экономических связей между республиками подорвут обороноспособность СССР. Основу основ составляли Ракетные Войска

Стратегического Назначения (РВСН). При распаде СССР ракетные соединения и части оказывались (а теперь уже и оказались) на территории четырех республик: РСФСР, Украины, Белоруссии и Казахстана. Нарушалось централизованное управление, практически вся система командных пунктов переставала действовать. Средства разведки и дальнего обнаружения также оказались разобченными. Станции СПРН размещались в Прибалтике, на Украине, в Закавказье, в Казахстане и России. Сухопутные войска сосредоточены были в основном в западных группах и округах. Тогда была угроза развала системы образованных группировок войск для обороны, а теперь это реальность. Московский военный округ стал пограничным. Отделилась Прибалтика - потеряли ПриБВО и базы Балтийского флота. Не стало Белорусского военного округа, где дислоцировались две танковые и одна общевойсковая армии. Выходила из строя Украина - мы теряли сразу три перворядных округа. Военные округа создавались не по количеству республик, а по стратегическим направлениям и территориально с учетом мобилизационных возможностей. Выходили из состава Союза Азербайджан, Армения, Грузия - прекращал свое существование ЗаКВО. Выходили из состава Союза среднеазиатские республики - терял свою значимость ТуркВО и пограничные округа: Закавказский, Туркестанский и т.д. А ПВО? Это не отдельная часть, а это система, развернутая по фронту и глубину на территории всех республик. Она имеет несколько эшелонов средств разведки, оповещения и огневых комплексов, которые взаимодействуют с авиацией ПВО, ВВС и армейской. Управлялась эта система с единого командного пункта.

К сожалению, теперь обо всем надо говорить в прошедшем времени. Формально на Совете Федерации говорили о совместной обороне, но все говорилось для того, чтобы это стало помехой суверенизаций, т.е. разделению или отделению от Союза республик. Я тогда говорил о возможных отрицательных военно-стратегических последствиях развала Союза. Уже тогда понятие "содружество" затушевывалось, более выпукло говорилось о национальных интересах и суверенитете.

Горбачев любил говорить: "Политика - искусство возможного". Вот как, например, экс-президент США Буш оценил это "искусство": "Самого Советского Союза больше нет. Это победа демократии и свободы. Это победа нравственной силы наших ценностей. Каждый американец может гордиться этой победой". И далее Буш говорил: "Несмотря на потенциальную возможность для нестабильности и хаоса, это событие (распад СССР) явно отвечает нашим национальным интересам". Буш предвидел. Горбачеву докладывали - что так будет. Он говорил: "Все это чепуха"... Мы попадали в зависимость от США практически по всем вопросам международных отношений. В июле 1991 года президент США Буш с официальным визитом находился в Москве. Состоялась встреча делегаций в полном составе в Екатерининском зале Кремля. Во время беседы Горбачев заявил: "Господин президент, мы (т.е. СССР) хотели бы быть в большей зависимости от США". Мне показалось, что я что-то не понял, но вижу - и Буш откинулся на спинку

кресла, недоумевая, что это за "искусство возможного", а Горбачев еще раз повторил эту фразу: "Да, да, господин президент, мы хотели бы быть в большей зависимости от США". Я не дипломат, может быть, здесь была заложена какая-то хитрость, но для меня это осталось как самоунижение, пресмыкательство. Буш сказал: "Если бы наш конгресс узнал о таком заявлении со стороны президента, был бы "великий шум"..."

Что предвиделось в случае распада Союза? Развал армии. Сегодня мы можем лишь констатировать, что вместе с Союзом распалась и армия на несоединяемые части. Общий оборонный потенциал разбалансирован, войска не укомплектованы, военно-промышленный комплекс дезорганизован и разобщен. Я это предвидел и доказывал Горбачеву, причем неоднократно, и, видя, что сделать что-либо невозможно, просил его освободить меня от должности. Как мог я стремился не допустить распада государства и развала армии. Этим и было вызвано мое участие в совещании на объекте КГБ 17 августа, где была оценена обстановка в стране как критическая и признана была необходимость ехать к президенту в Крым и просить принять срочные меры к недопущению распада единого государства. 16-17 августа уже было известно, что Украина, Прибалтийские республики Договор подписывать не будут, значит не будет Союза. Это Горбачев понимал, и мы решили предложить ввести чрезвычайное положение.

Союзный Договор - акт исторической важности, касавшийся судьбы всех народов страны, требовал самого пристального изучения и оценки. Я бы хотел обратить внимание суда на временные рамки событий будто все происходило не в течение двух-трех суток, а длительное время готовился захват какой-то власти. Все гораздо проще. На пленумах ЦК, всевозможных Советах (безопасности, обороны, президентском, федерации) и съездах - единства в руководстве страной не было. Республики боролись с центром, во всех структурах власти шла неразбериха. Вот в такой ситуации и решался вопрос, что делать? Ни о каком заговоре с целью захвата власти разговора никогда не было. Мы стремились использовать в интересах страны ту власть, которая была избрана народом. О каком заговоре может идти речь, если я с Василием Александровичем Стародубцевым, Александром Ивановичем Тизяковым вообще знаком не был, а с Янаевым, Лукьяновым впервые разговаривал по проблеме сохранения Союза после 20-ти часов 18 августа.

Никто из нас не преследовал каких-либо корыстных эгоистических целей а руководствовался одним желанием спасти государство от развала...

Я до сих пор не понимаю: на сторону какого врага я перешел или стремился перейти, каким шпионажем занимался, какую выдал государственную или военную тайну иностранным государствам и т.д. По 64 ст. Остается - "заговор с целью захвата власти".. перед 19 августа мы поехали к президенту и 21-го полетели к нему же. Так о каком захвате власти может идти речь?... "Переворот и страх" были нужны "архитекторам перестройки", чтобы одним махом выявить несогласных и недовольных, чтобы попытаться создать личную твердую власть взамен

порушенной и утерянной. Никакие реформы не имеют право на осуществление, если они ухудшают жизнь народа. Сегодня народ ухудшением жизни расплачивается за горбачевские перестроечные инициативы. Ведь если серьезно говорить о событиях 19-21 августа 1991 года, то криминал в "антиконституционности" содержится не в ГКЧП, а скорее в действиях Горбачева и его единомышленников, разрушивших Советский Союз.

Пожалуй, это - единственный в истории случай, когда люди, движимые мотивами сохранения государства, привлекаются к уголовной ответственности по закону, который государство создало для своей защиты"...

В феврале 1995 года было опубликовано интервью корреспонденту газеты "Московский Комсомолец" бывшего министра обороны СССР Язова Дмитрия Тимофеевича - это было его откровением, в котором показана вся его жизнь настоящего человека, преданного своей Отчизне. В заключении, на вопрос корреспондента: "Что же нет никакого выхода?" - Д.Т.Язов ответил: "Выход есть. Восстановить экономику и работать на Россию. Но для этого надо не разъединять,, а обобщать средства производства в руках государства. До тех пор пока мы будем и дальше приватизировать, мы будем еще больше противопоставлять людей: одни будут богатеть, другие - нищать... И так будет до тех пор, пока мы наконец не объединимся".

Процесс по делу ГКЧП, а потом и процесс над участниками "событий" октября 1993 года ничего не имел общего с правом. Кто победил, тот и арестовывал, судил, карал и... миловал. Право тут не причем. Это политика и политики диктовали: сначала всех сажать в камеры и держать их там как особо опасных рецидивистов; затем возбуждать против них дела по самым крутым, "расстрельным" статьям; потом - отпускать и оправдывать.

Юристы в растерянности и недоумении: право и законы незачем выполнять. Устраивать перевороты в современной России стало делом привычным. Конституция, Конституционные строи, правительства и сами государства сменяться стали очень часто, что никакие правовые нормы стали не успевать. Поэтому так мягко и безболезненно прошла политическая амнистия 23 февраля 1994 года. Простили всех скопом: тех, кто был в "Белом Доме" в октябре 1993го и тех кто участвовал в "путче" августа 1991 года.

Советский генерал В.И.Варенников не согласился на амнистию и не скрывал, что он участвовал в "путче" августа 1991 года в "сговоре с целью недопущения развала СССР", хотел, чтобы за это его судили, ибо считал свои действия не преступлением, а делом чести, достоинства и ответственности перед социалистическим государством. Преступником он считал президента Союза Михаила Горбачева...

Выше - Вы уже ознакомились с выступлением бывшего министра обороны СССР - маршала Советского Союза Д.Т.Язова, поэтому нет необходимости освещать сам этот процесс - Дмитрий Тимофеевич очень хорошо выступил на этом суде...

Военная коллегия Верховного суда Российской Федерации в августе 1994 года вынесла оправдательный приговор бывшему заместителю министра обороны СССР В.И.Варенникову, обвинявшемуся в измене Родине в форме заговора с целью захвата власти в связи с событиями августа 1991 года.

Он признан невиновным по всем пунктам предъявленного ему обвинения. Приговор суда обжалованию или опротестованию в кассационном порядке не подлежит.

Суд также посчитал "ошибочным" квалификацию действий В.И.Варенникова в августе 1991 года как "измена Родине", "Умысла в нанесении ущерба суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности" в действиях подсудимого суд не нашел. При этом в приговоре отмечалось, что В.И.Варенников руководствовался только интересами СССР.

Суд также пришел к выводу, что в его действиях нет состава должностного или другого преступления. В.И.Варенников признан также невиновным в том, что в результате ввода в Москву войск погибли три человека.

Суд также не усмотрел состава преступления в телеграммах, которые В.И.Варенников направлял в адрес ГКЧП из Киева.

Анализируя показания экс-президента СССР Михаила Сергеевича Горбачева, суд сделал вывод, что "Горбачев, если и не одобрял, то и не возражал против того, чтобы спасти страну введением чрезвычайного положения".

Весь запас пламенных выражений был израсходован публицистами и "демократами" уже через месяц после победы над ГКЧП. К первой годовщине победы мемуаристы нового толка выпустили сборники, где было все: байки о путче, частушки, анекдоты и т.д. К третьей годовщине воспоминания стали оканчиваться. Начались показания. Очередная попытка "Нюрнберга по-российски" оказалось столь же печальным зрелищем, как и предшествовавшее ей "дело КПСС"...

Глава четвертая БУМЕРАНГ

Если заглянуть в историю недалекого прошлого нашей Родины, можно увидеть разрушительную стратегию международного империализма и лжедемократов двадцатого столетия - можно понять, что после победы революции в октябре 1917 года и гражданской войны - Запад относился к СССР с прохладцей, но без нетерпимости, постепенно налаживая с нами торговые и дипломатические связи. Хотя в 20-е годы англосаксы и "ревновали" нас к Германии, с которой СССР более сблизился. Но после победы в Германии фашизма политическая раскладка изменилась. Запад увидел в фашизме серьезную угрозу и стал искать в СССР естественного союзника, особенно после того - как Рим, Берлин и Токио создали антикоминтерновский пакт.

И в 1946 году Черчиля и Трумена волновал, конечно, главным образом не советский коммунизм, а элементарное советское державное могущество. СССР вышел из войны не просто победителем, но реально просматриваемой второй сверхдержавой, которая в 1946 году стремительно восстанавливалась, наращивала свой потенциал и шла к созданию собственной атомной бомбы. Кроме того, узаконенная в Потсдаме советская зона оккупации в Восточной Европе становилась зародышем мощного социалистического блока - антипода американизируемой, маршализуемой Европы. У США с их претензиями на мировое господство появился равный соперник, и для дискредитации его в глазах мира нужно было представить коммунизм - мировым злом. Началась "холодная война": маккартизм, "охота за ведьмами" и все прочие "прелести", которые явились залогом того, что Запад бросил на алтарь соперничества с СССР и восточным блоком отнюдь не меньше жертв, чем сам социалистический блок.

Даже доступные нам документы, в том числе кино фото свидетельствуют о том, что подрывные акции ЦРУ за рубежом после войны были более массовыми и кровавыми, чем НКВД-КГБ. Корейская война была нашим общим детищем. "Паритетом" наших акций в ГДР, Венгрии и Чехословакии можно с лихвой считать американские акции в Иране, Доминиканской Республике, Гренаде, Панаме. Классическим кровавым эквивалентом нашему Афганистану - был Вьетнам.

Что же касается тайных "антиперсональных" акций, то по их числу в послевоенные годы США ничуть не отставали от нас: тут и жертвы атомных испытаний, и казненные "шпионы", и убитые по политическим мотивам брата Кеннеди, М.Л.Кинг, не говоря уже о мелких сошках". Так что говорить о послевоенных США - в противовес СССР - как "империей добра", есть миф, более чудовищный, чем утверждение об абсолютном благополучии в послевоенном СССР и социалистическом лагере. И уж вовсе диким и чудовищным представляется в сопоставлении с этим - доморощенный антикоммунизм наших демократов, служащий лишь камуфляжем в борьбе за власть. Понимают ли они, что под флагом антикоммунизма, соединив борьбу США за

монопольное мировое господство с собственной борьбой за власть над обломками СССР, они спровоцировали по сути вялотекущую третью мировую войну на огромной территории от Адриатики до Курил с запада на восток и от Ледовитого океана до Африки с севера на юг? И что число этих жертв только за несколько лет, возможно, приближается к миллиону и в обозримом будущем - будет расти в геометрической пропорции.

Благополучие СССР обеспечилось его мирным единством и руководством единой партии, свободной от национальных распрей и межнационального дележа...

Усилиями недругов КПСС была отстранена от власти, а вопреки интересам единства и внутреннего мира совершенно противоестественно поощрялись наиболее сепаратистские республики Прибалтики, ибо их антисоветизм - антикоммунизм был на руку "демократам", плевавшим на то, что откол Прибалтики станет толчком к развалу всего СССР, а три-четыре миллиона русско-язычных граждан сразу станут там бесправными заложниками.

Далее. Демократы охотно признали "отмену" СССР и создание СНГ беловежской "тройкой", ибо СССР - пугающе соотносился для них с единой на всю "одну шестую" КПСС, приостановленной, но до того потенциально способной возродиться на всем пространстве СССР. В первоначальном же славянском триумвирате СНГ - вовсе довел до развала Государство. Но особенно коварно-кровавую политику центр повел по отношению к южным и азиатским республикам. Он вооружил Молдову, явно глядящую в сторону Румынии, и дал ей возможность топтать Приднестровье только за то, что приднестровцев устраивал прежний не только многонациональный, но и социальный статус в их регионе.

А уж в Закавказье антикоммунизм собрал особенно кровавую дань. Прежней власти в Тбилиси вменялась в тягчайшую вину нейтрализация беспорядков с помощью саперных лопаток. Власти в лице Гамсахурдия или новоиспеченного антикоммуниста-демократа Шеварнадзе стали истреблять целиком осетинский и абхазские народы, применяя танки и штурмовики, заодно убивать приезжих курортников, а если кто пытался препятствовать этому - жаловались на них в ООН. Ведь Ардзинба хотел сохранить Абхазию 1991 года, а это СССР большевистского толка!

Националисты в Баку считали преступлением армейскую акцию 1990 года по нейтрализации резни, которую (как и жертвы самой акции) сами националисты и спровоцировали, а что они потом сделали?!

А Таджикистан?!

А Чечня?!

..... Кто дальше еще?!

ЦРУ, все силовые структуры Запада полвека старались разрушить своего соперника - СССР под видом борьбы с коммунизмом. Под тем же флагом двинул на восток свои орды и Гитлер. В итоге были пролиты моря крови, брошены на ветер триллионы долларов. Но ни Гитлер, ни Рейган, ни Буш не стали мировыми владыками, несмотря на страшную

цену. Наши "демократы" доделали их работу доразрушили собственный коммунизм ради захвата власти в России, но какой ценой?!

Однако, история учит: всякая кровавая попытка разрушить государство и обобрать народ - достаточно быстро оборачивается бумерангом и для грабителей.

Измученная Родина, видно судьбой тебе
предназначены такие страдания, и невольно
приходят строки из поэмы Н.А.Некрасова "Кому
на Руси жить хорошо".

РУСЬ

В работе спасенное
Сердце свободное-
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая-
Совість спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается,-

Русь не шелохнется,
Русь - как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая,-

Встали - не бужены,
Вышли - непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать поднимается-
Неисчеллимая,
Сила в ней скажется
Несокрушималя!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всеильная,
Матушка - Русь!

Глава пятая "КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ"

Расстрел "Белого дома" и последовавший за этим разгон Советов всех уровней наглядно продемонстрировал истинные устремления демороссов - " сменOVERХОВЦЕВ". Их никоим образом не устраивали народовластие, коллективистские начала. Ратуя за Россию капиталистическую, они пошли на любые противоправные действия.

Исторические события начала и конца Двадцатого века в России были ознаменованы трагедиями...

Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905-07 годов в России была вызвана обострением противоречий между самодержавием и всем обществом: помещиками и крестьянством, буржуазией и пролетариатом, метрополией и колониями. Нарастание революционного кризиса было ускорено русско-японской войной 1904-05 годов. А началось с расстрела рабочих в Петербурге 9 января 1905 года.

День "Девятого января 1905 года" был назван "Кровавым воскресеньем", когда царскими войсками было расстреляно мирное шествие петербургских рабочих (свыше 140 тысяч), которые шли с петицией к царю. Свыше одной тысячи человек было убито, две тысячи ранено...

Повторением "Кровавого воскресенья" стали события в октябре 1993 года, когда из танковых орудий расстреляли здание Верховного Совета России с находящимися в нем делегатами Съезда Советов.

21 сентября 1993 года Президентом и его окружением были совершены противоправные действия. Цель его - установление авторитарного режима правления и диктатуры криминальной буржуазии. Ради этого Президент насильственно распустил Съезд народных депутатов, Верховный Совет; его Указ №1400 был прямым нарушением Конституции, на которой он клялся народу в верности, вступая в должность президента. Поэтому Конституционный суд в своем заключении от 21.9.93 года указал: "Полномочия Президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации, роспуска, либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно". Конституционный суд пришел к выводу о том, что Указ №1400 не соответствует Конституции "и служит основанием для отрешения Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина от должности".

22 сентября Верховный Совет принял постановление о прекращении полномочий президента, а Съезд народных депутатов от 24.9.93 года одобрил действия Верховного Совета. Казалось бы законность восторжествовала...

Однако Ельцин, окружив Дом Советов колючей проволокой, расстрелял Советы.

Вспыхнувшее народное сопротивление в защиту Конституционного строя, прав человека, в котором участвовал весь спектр политических сил - от монархистов до коммунистов - было подавлено силой оружия.

Кто виноват в сотнях убитых и раненых? - Ельцин.

Только Указ Президента причина трагедии, ибо он поправил закон. Все остальное следствие. Народ имеет право защищать закон, Конституционный строй всеми доступными ему способами, что он пытался и сделать.

Президент запретил заседать Конституционному суду, хотя полномочия Конституционного суда бессрочны по закону. Не в его компетенции распускать Советы всех уровней. Он, присвоив себе функции судебных органов, запретил оппозиционные партии и движения, закрыл их газета. В стране не стало законной власти, в России была установлена личная диктатура, царствовал долгое время произвол и насилие.

Октябрьский реквием: погибшие 3-4 октября 1993 года не зовут к мести и не просят ответной крови, они лишь напоминают: будьте добрее...

Бедная измученная Россия, в который раз прошла "точку невозврата" и раскололась. Две части народа пошли в туман по разным дорожкам - одни с автоматами под гражданскими куртками, другие - без оружия, выпятив оголенную грудь.

Между этими российскими людьми, схватившимися в жестокой схватке, метались, рыдая, только для себя, отцы, матери, дети и братья тех и других...

Расстреляли Верховный Совет, последний оплот Советской власти. "Ликвидирован последний очаг сопротивления. Демократия победила окончательно". Так подвели итог демороссы...

Тупо принял весть об этом расстреле обыватель, может быть, из-за страха за собственную жизнь и жизнь своих близких. Отношение к жертве было примерно такое же, как было, наверное, у обывателя к расстрелянному царю Н. Романову - и грешен, и слаб, и не справился.

Все так, но какой ценой и кровью искупала тот грех Россия, как себя истязала...

Над расстрелянным Домом Советов, без его трепетного демократического флага, метались стаи воронья. Птицы залетали в пустые глазницы окон, вылетая оттуда с сытым, довольным криком, а с экранов телевизоров дикторы сообщали: "Трупов в "Белом доме" не обнаружено".

Из танковых орудий расстреляли "Белый дом" танки из прославленной танковой дивизии (бывшего 4-го гвардейского танкового корпуса). Что сказали бы те бесстрашные танкисты, которые в той Великой Отечественной войне наводили ужас на фашистских "тигров, фердинандов и пантер"? Могли ли предположить они, что их потомки и наследователи боевой славы будут стрелять по зданию Верховного

Совета, где вместе с обороняющимися, у которых было только стрелковое оружие - с делегатами были и совершенно случайные люди - женщины и даже дети.

Как не дрогнула рука у того "лихого" наводчика, нажимающего на спусковое устройство, в упор расстреливая людей в "Белом доме", в Столице нашей Великой России, когда даже в прошлых жестоких войнах врагу не удавалось вести бой непосредственно в Москве. Россия вас проклянет и никогда не простит!

О действиях военнослужащих в этот кризисный период министр обороны Российской Федерации генерал-армии Павел Грачев так рассказывал на пресс-конференции о событиях у "Белого дома" и Останкино.

По его словам, все войска привлеченные к операции, действовали слаженно и точно в соответствии с приказами. Никаких проволочек, тем более отказов, не было.

Как только министр получил Указ президента о чрезвычайном положении в Москве (а это было в 16 часов 3 октября), было принято решение о применении части сил и средств для совместных действий с органами Министерства безопасности и Министерства внутренних дел. Ровно в 17 часов 3 октября в части стали поступать соответствующие приказы и распоряжения. Были привлечены 1300 человек с расчетом на противоправные действия конкретным вооруженным группировкам. Привлекать, как это было в августе 91-го, целые дивизии не было смысла, подчеркивал министр.

Войска, учитывая удаление от столицы и имеющуюся технику, должны были войти в Москву с 20 до 21 часов вечера 3 октября. График нарушен не был, и в соответствии с планом - подразделения Таманской, Кантемировской дивизий, 119-й парашютно-десантный полк, рота спецназа МВД и отдельная мотострелковая бригада ровно в назначенный срок заняли районы сосредоточения - вокруг Генштаба, у штаба ВДВ и Главного штаба Сухопутных войск. Особое внимание министр обороны уделил ситуации, складывающейся вечером 3 октября у телецентра Останкино. именно по этому поводу высказываются мнения, что, дескать, армия "отдала его на разгром и допустила столкновения, повлекшие человеческие жертвы".

П.Грачев подчеркнул, что он своевременно был проинформирован министром внутренних дел о разворачивающихся событиях у телецентра.

По данным МВД, там находилось около ста вооруженных боевиков и четыре тысячи невооруженных лиц.

Силы милиции и внутренних войск к моменту нападения составляли в общей сложности пятьсот человек, плюс шесть БТР (а затем прибыло еще пятнадцать бронетранспортеров). Органы правопорядка заверили, что сами справятся с обстановкой, но первыми открывать огонь не будут. Тем не менее П.Грачев решил изменить маршрут выдвижения отдельной бригады и направить ее в район телецентра. Однако, после заверений министра внутренних дел о готовности

управиться самостоятельно - бригада продолжала выполнять ранее поставленную задачу.

Можно ли было начать штурм "Белого дома" той же ночью с 3 на 4 октября? - Да,- подчеркнул министр обороны,- войска были готовы к этому. После заседания коллегии (с 23 часов 3 октября до 00 часов 4 октября), на котором присутствовал президент и члены правительства, армянские подразделения к двум часам ночи могли полностью блокировать здание Дома Советов, но в это время там находилась многочисленная толпа и разрозненные отряды милиции, не владеющие обстановкой.

Ночные условия, неразбериха и взвинченные до предела нервы могли бы привести к неоправданным жертвам. Поэтому было принято решение ночью провести рекогносцировку с командирами прибывших подразделений, и только утром, с 7 часов, начать операцию по окружению и блокировке здания.

Эта задача была выполнена без каких-либо проволочек, хотя еще при выдвижении войска попали под снайперский огонь. Исходные позиции были заняты стремительно, люди укрыты от пуль в броне. Приказа на открытие огня не было. Он поступил только тогда, когда бронегруппа защитников "Белого дома" (Четыре БТР), атаковала подразделения Таманской дивизии.

Несмотря на предъявленный ультиматум сложить оружие и выйти из здания, сопротивление продолжалось. Стало ясно, что засевшие в здании попросту затягивают время и стремятся дотянуть до ночи. В этих условиях было принято решение усилить войска танковой ротой (10 часов утра). Прежде чем открыть огонь из танков мы еще раз предупредили сопротивлявшихся сложить оружие. Но это не дало результатов. И тогда огонь был усилен. После чего из здания начали выходить сначала гражданские люди, а затем, к 17 часам 4-го октября, организованное сопротивление было практически сломлено...

Разобраться в обстоятельствах трагедии Российского государства помогли Российско-американский информационный пресс центр и другие самоотверженные репортеры, которые ценою своей жизни дали провести анализ и представить логическую связь этой трагедии.

Три устоя берегут спокойствие любого государства и его граждан: секретная служба, полиция и армия. Не устоит одна из них, за ней последуют и другие.

Очередная революционная волна в октябре 1993 года вышла из берегов политической борьбы, но благодаря цепи случайностей российское государство уцелело, гражданская война захлебнулась в этой неразберихе.

Как же действовали в этой сложной обстановке каждая из них?
"ЩИТ И МЕЧ"

После прихода в министерство безопасности Баранникова служба безопасности переживала тяжелейший кризис - большая часть кадров была деморализована, началась перетряска аппарата: из него изгоняли

тех, кто ранее предполагал реорганизовать карательную структуру в нормальную профессиональную службу безопасности. Из службы безопасности стали сами уходить те, кто мог найти себя в гражданских структурах, это были настоящие профессионалы.

Политические сыщики - остались, сменив бывшее пятое управление в Управление по борьбе с терроризмом.

Знаменитый аппарат агентов-осведомителей также остался, так как агентурная сеть создавалась годами и, конечно, от нее не отказались и никогда не откажутся.

Но! Агентуру вербовали на заводах, в институтах, среди писателей, художников, журналистов и служителей культов, в национальных движениях и др. Теперь же эти категории осведомителей оказались неэффективными, никому не нужными.

Нельзя сказать, что чекисты до августа 91-го работали впустую... И что? Сумгаит проспали, то же случилось с Ферганой, Карабахом...

А что же делали сотрудники министерства безопасности осенью 1993-го? Как заявил 14 октября на пресс-конференции Министр безопасности Николай Глушко "приняли все меры по выполнению указа президента". Сам же Глушко на этот пост был назначен только накануне трагических событий - 17 сентября.

По официальной версии, главной задачей министерства было недопущение кровопролития, в том числе и за счет оперативной работы агентуры. Второй важной задачей называли "информирование, отслеживание ситуации буквально на каждый час после того, как был издан Указ №1400 президента".

3-го октября корреспонденту агентства Рейтер дежурный по министерству сообщил: "Министерство безопасности держит ситуацию под контролем"...

По словам заместителя Министерства безопасности С.Степашина - "Мы прогнозировали ситуацию на воскресенье..., предвидели многочисленные митинги..., но, откровенно говоря, вот тот шаг, который был предпринят боевиками по поводу "Останкино" и особенно Мэрии, в общем то не прогнозировался". А чуть ранее были сказаны такие слова: "Мы знали точную расстановку - где находятся боевики, сколько находится, возможные их действия и количество вооружения".

И какие же предприняты действия? - "Информировали правительство. Что же оставалось делать, если министерство безопасности - не силовое министерство более, министерство,- по словам Степашина,- имели ранее спецподразделения, но их отобрали. Даже диверсионную группу "Вымпел", изъятую из внешней разведки, и ту со снятием Баранникова переподчинили Главному управлению охраны".

Лукавил первый зам! До 1993 года в структуру министерства безопасности входили пограничные войска!

А какая им была поставлена задача? "Нашими пограничниками была усилена охрана аэропортов..." И только!

А по подсчетам специалистов, только в Москве было не менее полка вполне боеспособных и подчиненных министерству безопасности

пограничников, свободных от охраны аэропортов. Что мешало их задействовать?!

... Сразу после штурма Мэрии шеф Московского управления безопасности Савостьянов в телефонном разговоре с Пономаревым сообщил: "Все пропало, на сторону парламента перешла дивизия им.Держинского и еще одна дивизия"...

Для службы безопасности сложилась явно необычная и чрезвычайная. Однако, обсуждая официальные заявления министерства безопасности, не следует забывать о том, что находившиеся в "изоляции Хасбулатов и Баранников" имели информаторов с Лубянки, из администрации президента и МВД, и Министерства обороны.

Среди защитников парламента был целый ряд высокопоставленных офицеров не только Министерства безопасности, но и иных служб Главного разведывательного управления, Федерального агентства правительственной связи и информации военной контрразведки (ФАПСИ).

Созданный же из профессионалов внутри "Белого дома" Особый отдел - за считанные дни навел ужас даже на самих защитников.

Министр безопасности Н.Глушко, когда его об этом спрашивали после ЗАХВАТА "Белого дома", отвечал своеобразно: "Никто не изменял, с Баранниковым было лишь 18 пенсионеров - отставников", но сквозь зубы все же признавал: "Да, был ряд лиц, которые поддались влиянию, и, к сожалению, некоторые из них перешагнули грань закона..., один из них арестован. Арестован и дает показания, что он действовал от имени Баранникова".

По словам же самих офицеров службы безопасности, раскол 3-4 октября внутри министерства был очевиден. А после штурма Мэрии и похода на "Останкино" руководство КГБ бросило все на самотек: будь что будет - выступит армия на стороне президента - и мы с ней. Выступит - против - незачем под пули лезть, останется в стороне -тоже неплохо (выжидали, работая в режиме фиксации)....

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Итак, работники Министерства безопасности провалились в своих тайных делах, упустили, не пресекли в зародыше, позволили стихии выплеснуться на улицы...

Как же действовала милиция?

Тоже не лучшим образом, мягко говоря!

В идеале своем МВД якобы имела несколько линий обороны.

Передовая - патрульно-постовая служба, сотрудники райотделов и отделений милиции.

Следующая - ОМОН. Он-то как раз и был предназначен для противодействия уличным беспорядкам.

Предполагалось, что если уж и эту линию обороны прорвут, то в "дело" должны вступить регулярные войсковые части МВД - войска специального назначения. Части СПЕЦНАЗа МВД имели не только

хорошую подготовку, но и реально были "обкатаны" в Фергане и на Северном Кавказе.

И как же эти "Линии обороны" сработали?

С 24 сентября события стали принимать характер "войсковой операции": у "Белого дома" появились вооруженные до зубов ОМОН, солдаты "дзержинцы". Гостиница "Мир" превратилась в боевой штаб подразделений МВД и наблюдательный пункт Министерства безопасности.

Появились спецназовцы по всему периметру оцепления, снайперы в гостиницах, Мэрии, на ряде высотных жилых домов.

Москва наполнилась слухами: 24-го ожидается штурм парламента...

ГУВД Москвы вышел из под контроля министерства и выполнял лишь приказы Панкратова (начальника ГУВД) и распоряжения мэра Лужкова...

По официальной оценке генерала Куликова: ни на одну секунду не терялось управление подразделениями МВД. Отверг командующий внутренними войсками и утверждения, что помощь к "Останкино" опоздала...

А вот как оценивали рядовые сотрудники отделений милиции, привлеченные для блокирования "Белого дома":

- С трех часов дня 3 октября до 14 часов 4-го октября руководство внутренних дел со стороны ГУВД отсутствовало полностью.

- В начале четвертого часа после полудня в эфире вдруг стало пусто - исчезли все милицейские начальники, как будто их и не было. Ни на какие запросы командование не откликалось. Милиция оказалась отрезанной от всякой информации извне.

- Толпа прорывает оцепление около мэрии и несется на кордоны, у многих видны автоматы...Что делать?! Рации молчат, командование испарилось из эфира! (со слов офицера милиции). На свой страх и риск даю команду своим ребятам: "К бою!" Ставим оружие на автоматический огонь...Выхожу навстречу толпе: "Стоять! Это линия смерти - шаг за черту - открываем огонь на поражение!" Остановились: "Неужели в народ стрелять будете?!" "Вам выбирать,-отвечаю,-вперед пойдете - смерть, назад жизнь"...Попятились...

- А через какое-то время, убедившись в полной реорганизации управления, что командиры нас подставили и бросили, дал команду на организованный отход - под прикрытием автоматов погрузились на автобусы и в отделение...(офицер милиции). Наступил полный хаос ГУВД на связь не выходит, министерство пропало, всю информацию лишь по телевизору получаем...

- Лишь в 20.00 Панкратов (начальник ГУВД) провел селекторное совещание - произнес одну фразу: "Продолжать обычную службу по наведению общественного порядка"... И все, опять пропал. В городе мятеж, а эти суки вновь нас предали - подставили, а сами, залегли в кусты, выжидая: чья возьмет! (Офицер милиции)...

По словам же министра внутренних дел Ерина, министерство к тому времени располагало информацией о том, что намериваются делать

путчисты, куда нацелены усилия боевиков:" И все работники милиции были направлены именно на эти объекты, заняли там оборону и отбивали атаки...Они в это время вели локальные бои на территории... всей Москвы". Вот так и не меньше...

А с передовой!

- Сначала командование нас предало и бросило, выжидая, чтобы принять сторону победителя. А затем вдруг появилось в ореоле золотых звезд на груди и погонах. Награды пачками стали получать те, кого и близко под пулями не было (офицер муниципальной милиции)...

Вот так выглядела в этих событиях "доблестная" милиция, а вернее ее руководители...

И, наконец, третий кордон -

А Р М И Я

Именно, армия оказалась единственным органом, который сработал и остановил стихию.

Последней преградой оказалась танковая рота, сплошь из офицеров, потерявших честь и достоинство русского человека, да тысячи полторы десантников, которые и решили судьбу России...

Нет оправданий никому, кто своими приказами и распоряжениями довел страну до гражданской войны...

Тяжело писать эти строки. Мы скорбим по невинным жертвам.

3 октября в этих кровавых событиях погиб внук генерала Вураки - АНДРЕЙ, мы, близкие друзья дорогой нам семьи, вместе с ними скорбим и в памяти своей навсегда оставим светлый образ этого юноши...

Андрей Вураки после речи Гайдара по телевидению к "Останкину" - пошел с двумя своими лучшими друзьями к телецентру. В тот миг, когда из здания телецентра в людскую толпу ударил луч прожектора, ребята стояли у дальней стороны пруда.

"Лежать всем! Иначе откроем огонь!" - проорал кто-то от прожектора. - Команде подчинились все. Вслед за этим по беззащитным людям открыли огонь на поражение.

Автоматическая очередь прошла их троих. Андрею пуля со смещенным центром перебила позвоночник и, вращаясь, превратила в кровавое месиво все внутренности. Он был студентом пятого курса медицинского института и увозили его медбратья, с которыми когда-то он проходил практику. Андрей скончался на операционном столе...

Накануне кровавых октябрьских событий 1993 года, в интервью корреспонденту газеты "Правда", член Верховного суда Дементьева Лариса Николаевна говорила и удивлялась наивности людей, которые надеялись на мирный исход противостояния двух ветвей власти:"Они не понимают, что с каждым из нас может случиться через три дня,- говорила она 2-го октября. - Как можно жить, промолчав сейчас?"

Человек, переступивший через Конституцию, переступит через жизнь любого человека".

Через три дня, как и предрекала Дементьева, танки в упор расстреливали российский Дом Советов. Некоторые юристы поспешили в те же дни оправдать действия правительства, списать кровь невинных жертв на депутатский корпус. Дементьева, пятнадцать лет отдавшая правосудию, поступила иначе: подала заявление о своей отставке с должности члена Верховного суда Российской Федерации.

Она говорила: "Посмотрите, что произошло с Конституционным судом, который создавался как высший орган судебной власти. По закону одна из основных функций этого суда - оценка конституционности действий органов власти и высших должностных лиц. Пока суд возглавлял В.Зорькин, этот орган соответствовал своему назначению. После Указа №1400 Президента, 21.10.93 года суд вынес свое заключение о неконституционности указа и дал правовую оценку действиям его автора, это заключение не было отменено. Развернувшийся затем правовой беспредел вынудил Зорькина сложить с себя полномочия председателя суда. А как повели себя судьи Конституционного суда? Парадокс, но они стали выполнять отдельные поручения лица, действия которого сами же совсем недавно признали неконституционными"...

Итак, суд, избранный представительной властью и призванный действовать на основании закона, принятых этой властью, промолчал, когда эту представительную власть сначала перечеркнули, а затем разогнали и расстреляли на глазах всего мира.

Не насторожила судей и реакция участников Международной ассоциации юристов в Маниле на появление на трибуне Конгресса председателя Верховного суда Российской Федерации В.Лебедева, когда юристы из 140 стран "захлопали" его выступление. Это была реакция на то, что Верховный суд России не дал никакой оценки правовому беспределу в России. Молчание по поводу беззакония, произвола звенья одной цепи: судебная власть сдала свои позиции без сопротивления.

Сентябрьские-октябрьские события отбросили Россию намного назад с едва наметившегося движения к правовому государству, а раздававшиеся призывы "к скорому суду" расчистили путь к произволу и массовому беспределу. И призывали к этому люди, называющими себя демократами.

Но все же следует отметить, что именно благодаря Конституционному суду была предотвращена расправа над КПСС в целом, над ее рядовыми членами, благодаря ему и прежде всего его председателю, была отодвинута гражданская война в России - в декабре 1992 и марте 1993 годов, а вот кровавую октябрьскую трагедию 1993 года, не по его вине, предотвратить не удалось.

Глава шестая БУМЕРАНГ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Стало наступать похмелье. Не стало слышно бодрых криков демократов: "Заграница нам поможет!", "Даешь 24 миллиарда в долларах!", "Руки по швам перед международным валютным фондом (МВФ)!", "Гайдар шагает впереди!", "Главное - это необратимость реформ!"...

Все большее число наших доблестных политологов, экономистов, рьяных демократов начинают со скрипом, медленно признавать то, что нормальным, трезвым людям, было ясно с самого начала.

Что Советский Союз был не только "империей зла", но и огромной, великой страной, многонациональной, с устоявшимися культурными, социальными и экономическими связями, и рубить СССР, по примеру Гордия(Гордиев узел), одним лихим ударом было не только неосторожно, самонадеянно, глупо, но и преступно.

Что Россия - не Америка, поэтому насильно и чохом насаждать здесь принципы, оправдавшие себя в заморских странах, не только не осторожно, жестоко, но просто - на просто глупо...

Эта глава мною не случайно поставлена после глав "Бумеранг" и "Кровавое воскресенье", так как то, что было написано в апреле и октябре 1993 года, как бы предсказывало дальнейшие события государственного устройства и в целом будущее России...

"Какое там коллективное руководство - у нас без царя-батюшки народ и года не протянет" - говаривал один партийный идеолог еще в застойные времена в ответ на рассуждения о вреде культа личности. И он пожалуй был прав.

Ориентация на конкретного человека, как гаранта существования, давно уже вьелась в наше сознание.

После октябрьских событий 1993 года эти мысли все чаще стали приходиться нашим людям, когда реальная власть президента подобно шагреновой коже: сжималась на глазах. Ждать его обещаний уже надоело даже тем, кто громче всех когда-то кричал по слогам фамилию Ельцина еще на первых лужниковских митингах. Многие из этих его сторонников сами стали заметными политическими и государственными деятелями и не прочь были возглавить и более высокие посты. Они шли на все, включая наши насущные интересы, лишь бы добиться поставленной задачи в цели.

Для того, чтобы как-то сгладить разгон Верховного Совета и показать, хотя бы формально, демократичность в государственном устройстве Российской Федерации - назначены были на 12 декабря 1993 года выборы в Федеральное собрание. Много разговоров высказывалось по этому поводу - вот, мол, после выборов можно будет говорить о законности и разделении ветвей власти.

Однако, пока будет существовать само Федеральное собрание, будут споры о его правомерности. Это заведомо дефектное дитя, будет постоянным источником раздоров как внутри так и вне его.

Президентская команда явно рассчитывала на победу своих сторонников на этих выборах, результаты же потрясли демократов, они никак не ожидали такого поражения.

Как же развивались события в стране накануне выборов?

Команда президента шла на выборы, не единым кулаком, а растопыренной пятерней, чем вводила избирателей в заблуждение, они рассчитывали заполнить дополнительные голоса.

Блок "Выборос" (такое сокращение дали газеты возглавляемому Е.Гайдаром блоку "Выбору России").

ПРЕС (шахраевская Партия российского единства и согласия), опекаемое Г.Поповым РДДР, блоки "Август" (в нем первая скрипка К.Боровой), "Новая Россия" (Т.Гдлян и Н.Иванов).

Безмянный блок Г.Явлинского и отросший побег от "Выбороса" - "Ассоциация независимых профессионалов" во главе с П.Филипповым.

Не исключено, что эта великолепная семерка отражала демократический принцип для широкой общественности. Но следует подчеркнуть, что в семерке-то была одна масть радикально-буржуазная. А отличительной особенностью этих блоков было следующее: сделать для избирателей ширму, за которой бы можно их было запутать...

Противоположный - левый фланг предвыборного спектра был не столь запутан. Здесь коммунистическая партия Российской Федерации (в лидирующую тройку ее списка входили политик Г.Зюганов, космонавт В.Севастьянов и юрист В.Илюхин) и Аграрная партия (ее громкие имена: президент аграрного общества "Заветы Ленина" М.Лапшин, вице-премьер Заверюха, писатель В.Распутин, народный депутат погребенного Верховного Совета Российской Федерации В.Исаков)...

Те, кто были между полюсами, называли себя "Центром". Здесь образовывались партии и движения, согласившиеся с насильственно внедряемом курсом на капитализм, но мечтающие его облагородить. Это Гражданский союз "Во имя стабильности, справедливости и прогресса", так называемый блок по имени А.Вольского и А.Владиславлева, Демократическая партия Н.Травкина...

Между "центром" и левыми - было предвыборное объединение "Отечество", пытавшееся в предвыборный период объединить Союз нефтепромышленников и Союз Казаков; политическое движение "Женщины России"...

Следует особо отметить и выделить партии, для которых проблема государственности и патриотизма отодвинула на второй план выбор пути экономики и социальные неурядицы.

Это - кадеты, где рядом с М.Астафьевым, был академик И.Шафаревич и телерепортер А.Невзоров.

Российский общенародный Союз (С.Бабурин и Н.Павлов).

Российское христианско-демократическое движение (В.Аксютич и примкнувший к нему писатель В.Власов).

Гармошка партий и движений постоянно раздвигалась, но не только по количеству. Точки кристаллизации определились в течение двух месяцев - сентябрь, октябрь 1993 года...

Развалы, поражения небольших партий и больших движений в результате прошлых выборов и наглых, противоправных действий правительственных блоков привели к тому, что политологи накануне выборов в Государственную думу и Федеральное собрание предсказывали такие события:

- объявление президентского правления на переходный период до принятия Конституции России;
- вынесение на референдум Конституционного акта переходного периода с выбором парламента;
- формирование жесткой исполнительной власти;
- реформирование МВД, МБ, армии;
- издание указа президента "О прямом действии на всей территории Российской Федерации всеобщей декларации прав человека";
- обращение к мировой общественности с предложением о создании международной группы наблюдателей из числа правозащитных организаций для работы в России на переходный период;
- определение механизмов, сроков выборов и работы Учредительного собрания для принятия Конституции Российской Федерации;
- выборы законодательных, исполнительных и судебных органов власти Российской Федерации в соответствии с ее новой Конституцией...

Реализация этих мер по мнению политологов предотвратила бы дестабилизацию общества и потерю авторитета исполнительной властью.

Но непоследовательность действий исполнительной власти и президента по согласованию четкой программы привели к правительственной олигархии и ослаблению института президентства, многократным и произвольным изменениям положения о выборах в избирательной компании и грубейшие нарушения этого положения.

Эти обстоятельства, а также короткие сроки выборов предопределили случайность и хаотичность формирования предвыборных блоков по принципу "лебедь, рак и щука".

Принятие Конституции до выборов в Федеральное Собрание через механизм референдума лишило сами выборы хоть какой-то законной основы, так как лишило народ его неотъемлемого право выбора, не имея альтернативы. Созванное ранее Конституционное совещание и его работа явились еще одной ширмой, за фасадом которой проходила борьба власть имущих за власть...

Вот такая сложная обстановка была накануне выборов в России.

12 декабря 1993 года прошли исторические выборы в Государственную Думу и Федеральное Собрание, проведен референдум по принятию Конституции Российской Федерации...

В ночь с 12 на 13 декабря телевидение поздравило всех Россиян с началом нового политического года.

Первый канал "Останкино" решил в эту историческую ночь представить телезрителям наглядную оперативную информацию, хотели

устроить в Государственном Кремлевском дворце нечто грандиозное. Пригласили политиков, государственных чиновников, артистов, журналистов наших и зарубежных!

Но ШОУ не получилось, так как обсуждать итоги, которые официально не поступали было не интересно. Хотя Тамара Максимова, которая вела этот прямой эфир, упорно пыталась уговорить всех, что это - ночь примирения, а примирения-то и не получилось. Лидеры некоторых блоков, не получивших ожидаемого количества голосов, старательно поливали своих конкурентов по предвыборной борьбе потоком брани...

Находились и такие недовольные выбором народа, которые еще немного и могли бы высказаться с предложением: распустить такой народ и набрать новый!

Журналисты, которым приходилось вести комментарии, похоже, и сами были не в состоянии определить, что им нужно опрашивать и у кого. Бесконечные паузы ведущей заполняли обнародованием поступавших телеграмм, зачитывались сведения, которые противоречили друг другу. С обещанной информацией от официальных источников оказалось совсем плохо.

В начале прямого эфира телезрителям бодро пытались выдать данные по Дальнему Востоку. Когда же организаторы марафона поняли, что из их затей ничего толком не получается и Центризбирком не представляет информации, в таблицах стали появляться цифры по предварительным опросам телезрителей, в которых блок "Выбор России" очень эффектно обгонял всех своих соперников!

Наконец, поняв несостоятельность всей затеи, телемарафон свернули на три часа раньше обещанного...

В комментариях по поводу выборов наговаривалось всякое: обзывали Россию одуревшей, наклеили ярлыки на обидчиков, демократы сетовали на раскол в собственных рядах и так далее...

На фоне экономических кризисов симпатии масс склонялись к радикальным деятелям и партиям, четко формулирующих главные моменты своих программ. Они выиграли в глазах уставших от неопределенности избирателей на контрасте с деятелями, не дающих конкретных обещаний измученному народу!

Итоги выборов в Федеральное собрание России, равно как и всенародное голосование по проекту новой Конституции Российской Федерации заставили нас признать, что страна проголосовала против существующего правительства и стоящей в руководстве демократической партии.

Подтверждением этого вывода стало то, что 48 миллионов избирателей вообще не пришли к избирательным урнам, а большинство из тех, кто опустил свои бюллетени, предпочли оппозиционные группировки...

Вот как выглядели результаты голосования в процентном отношении по выборам депутатов в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации по партиям:

Либерально-демократическая партия России	23,44%
Выбор России	14,74%
Коммунистическая партия РФ	13,23%
Аграрная партия России	8,56%
Политическое движение "Женщины России"	8,28%
Блок: Явлинский-Болдырев-Лукин	7,51%
Партия Российского Единства и Согласия	6,82%
Демократическая партия России	5,45%
Российское Движение Демократических Реформ	3,92%
Гражданский союз во имя стабильности, справедливости и прогресса	1,86%

Малоутешительные для демократов итоги выборов и явились своеобразной, довольно четко выраженной реакцией массы на резкое ее обнищание и духовное, и материальное.

На демократов таким образом возложили всю полноту вины за громадное по масштабам падение уровня жизни народа ниже официальной черты бедности.

Кроме того, масса со всей определенностью протестовала против резкого обогащения незначительного меньшинства обогащение чаще незаслуженного, не "трудом праведным", а в основном спекулятивного, с криминальным фоном.

Небывалая по размаху коррупция стала буквально разъедать весь властный стержень сверху до низу.

Проголосовав против "Выбора России" (или вернее, не так, как им бы хотелось), народ предъявил демократам своего рода "иск" за причиненный в ходе их более чем двухлетнего правления материальный и психологический ущерб.

Формирующиеся накануне выборов политические блоки и группы в России явились множеством малоразличимых по своим целевым и программным установкам партий, занятых притязаниями на лидерство и самую высокую власть. В результате народ запутался в одних только названиях: "ЯБЛоко", "ПРЕС", "Кедр" и другие, поэтому произошло распыление голосов активных сторонников демократов и отказ от участия в выборах значительного числа колеблющихся. На этом фоне выиграли те, кто задолго до выборов выразили четко определенную идейную и политическую ориентацию и целенаправленно работали в этих рамках с массами.

Злую шутку с некоторыми партиями и блоками сыграло отсутствие прогноза на лидерство ЛДПР (партия Жириновского).

Уверовав, что победа на выборах будет за ними, демократы вели компанию вяло, местами вальяжно-чванливо, не наступая и не обороняясь, не проявляя особого желания быть понятыми и узнаваемыми в качестве "своих".

В ходе дискуссий, организованных средствами массовой информации избиратель так и не увидел ни захватывающих теледебатов, ни эмоциональных, социально и психологически

выверенных телеречей и выступлений, других каких-либо форм, побуждающих к их активной позиции.

Помимо групповых узко или широко партийных интересов и даже интересов целых классов и социальных слоев - существует над ними понятие "национальный интерес" (надклассовый, общепартийный), зовущий к высшему началу:

- возрождение России в качестве независимой и великой державы;
- экономическое благосостояние и развитие;
- свобода и конституционный порядок.

После выборов в новоизбранное отечественное Федеральное собрание власти стали прикидывать и обдумывать: как бы избавиться от парламента? Он уже сразу стал мешать. Это пожалуй закономерный ход для нашей страны, где никто никогда не относился всерьез к законодательной власти, да и она сама активно способствовала скорейшему своему уничтожению.

Формально, согласно инструкциям, статья Новой Конституции, "парламентом" мы должны считать и называть две палаты Федерального собрания в их загадочной совокупности. Но они получились настолько разными, что каждую следовало рассмотреть отдельно, чтобы понять всю несурязицу законодательной власти.

Итак, верхняя палата, Совет Федерации, не имеет почти никакого отношения к законодательной ветви власти, ни по форме, то есть по составу ее "депутатского корпуса", ни по составу и содержанию ее деятельности. Две трети Совета Федерации - это типичный правительственно-хозяйственный актив: чиновники, главы администраций, президенты и премьер-министры республик в составе России, генеральные директора. Ни один из них не оставил своей должности, да и не имел право этого делать, ибо Конституция предписывает им "сенаторствовать" на непостоянной основе. И даже те немногие депутаты, которые заняли руководящие посты в Федеральном Собрании и поэтому вынуждены были оставить прежние свои должности, даже они, стали числиться откомандированными на два года с предыдущего места службы.

Совету Федерации не дано мандата на законодательную работу. Его дело - "визировать" законы, принятые в Госдуме, отсекаать и блокировать "вредные", одобрять "полезные". Первоначально задумывалось так, что "сенаторы" станут выражать точку зрения президента и правительства. Однако первая же неделя работы нового органа власти показала, что, скорее, президенту и главе правительства придется выражать точку зрения влиятельных "сенаторов", особенно тех из них, что руководят исполнительной властью на "местах". Они не даром потрепали нервы президентской команде, поначалу едва не заблокировав официального кандидата в председатели Владимира Шумейко. Поэтому Совету Федерации приходится расплачиваться с региональными лидерами при распределении бюджетных средств, кредитов, льгот, субсидий, квот и дотаций. Все это не имеет ничего общего с деятельностью парламента. Но лукавая и ироничная российская история любит подбрасывать политикам парадоксальные повороты.

Старый ленинский завет "шаг вперед - два шага назад" - по прежнему остался актуальным.

Все или почти все вернулось "на круги своя". Совет Федерации возник, и в него вошли те же самые руководители субъектов Федерации, которых мы уже раньше видели в созданном в августе 1993 года Ельциным Совете Федерации.

Спрашивается, где же укрепление "исполнительной вертикали?" Кто больше всех выиграл тогда от сентябрьско-октябрьского кошмара? Те, кто "сражался на передовой" в столице, или те, кто молча отсиживался по республикам, краям и областям?

Ответы на эти риторические вопросы должна дать Государственная Дума. Дума похожа на нечто вроде парламента больше, чем бывший Верховный Совет. В отличие от "сенаторов" шумные и буйные думцы избрали своего спикера с первой попытки, чем повергли в конфуз досужих все предвидящих журналистов и предсказателей. Они четко разделились по фракциям и стали способны принимать решения без излишне продолжительных дискуссий.

"Выбор России" попробовал смешать карты другим блокам с помощью "умеренно-независимых", попытавшись раздробить тело Думы на множество мелких групп численностью в 12-14 человек. Не вышло. Партийные "крупняки" отстояли свои тактические разработки: минимальное число депутатов для групп, равноправной с фракцией, определили 35 человек.

"Выбороссам" ничего не осталось, как только осваивать непривычную роль непримиримой оппозиции. Им стало даже нельзя сорвать кворум для заседания - он был понижен с двух третей до половины.

В странном и нелепом положении оказались все фракции, именовавшие себя обычно как "демократическими". Да, Шахрай с помощью маневров набрал число своей команды - до 40 человек. Да, Явлинский постоянно остался в центре внимания. Но у них не оказалось никаких рычагов влияния в парламенте. Даже если они будут блокироваться с "Выбороссами", до необходимого числа голосов - 223 голоса, они не могут набрать. А объединяться с противоположной стороной, учитывая там Жириновского, тем более им не захочется.

Исходя из этих фактов и соображений, можно было понять почему власть (а парламент - это у нас не власть) начала разрабатывать планы отстранения Госдумы от законодательных функций. Стала дилемма? Быть может, надо снова разгонять? Но на сей раз в разгоне Думы не заинтересована ни одна фракция. Даже "Выбор России". После крутых кадровых перемен в правительстве для многих влиятельных "выбороссов" сохранение парламента единственная была возможность сохраниться в политике.

Как бы "Выбор России" не был на дистанции от правительства, ему все же досталась роль "козла отпущения" и нападок за все его промахи. Эта роль стала наносить весомый ущерб популярности демороссов и они стали метаться в поисках новых форм политической борьбы в преддверии следующих парламентских выборов...

Удивительно: столько лет говорить о демократии, жить при демократии, защищать ее, ругать - и не знать, что это такое.

В нашей стране слова о демократии (как таковой) появились в перестройку. Когда с помощью понятия "демократия" одна политическая активная часть общества вела борьбу с другой. Причем и там, и там было изрядно представителей власти.

Поэтому понятно, почему многие деятели оставшиеся к 1994 году у обочины политического процесса, с искренней нежностью вспоминают славные допутчевские времена, фантазируют, как хорошо и покойно было бы не спеша, и не за что не отвечая, бороться за цивилизованное общество, поминутно кивая на помехи в лице вражеской КПСС. Так эффектно можно было бы кидаться на амбразуру, где пулемет хоть и стоит, но не стреляет.

По этой логике российскому президенту и его коллегам из бывших союзных республик ни в коем случае нельзя было разваливать СССР. Наоборот - всеми силами пытаться сохранить союзный центр, дабы списывать на него все неудачи и перекладывать ответственность...

Само же понятие "демократия" означает лишь примерные контуры одного из видов государственного устройства и является не целью, а средством. Средством достижения нормальной человеческой жизни. Где есть полные магазины, и спокойные улицы, и достойная заработная плата, и свобода мнений.

Поэтому простому смертному все равно, кто ведет страну к такому обществу - бывший секретарь обкома или классический диссидент. Лишь бы вел, не сворачивая. И обывателю все равно, кто тянет назад - уравниловке в нищете, государственному произволу и "железному занавесу" или идеологи лжедемократов.

Всем надо помнить, что Бумеранг - изогнутое оружие серповидной формы, которое после броска, описав кривую, возвращается назад. И горе тому метателю, если он не знает этой особенности. При неумелом применении этого коварного оружия можно от него и погибнуть.

ЭПИЛОГ

Итак, мною завершен десятилетний труд - написаны три книги: "Самоходки, вперед!", "Эхо войны" и "Бумеранг". Выношу на ваш суд!

Я посвятил свое повествование людям старшего поколения, родившихся в социалистической стране, построивших великую державу, защитив ее от внешних врагов капиталистического окружения.

Это поколение выдержало огромные испытания и заслуживает большего уважения со стороны потомков. Я, как многие из них коммунист, и очень горжусь этим. Я ничем себя не замарал, мне нечего стыдиться. Для меня коммунист был и остается воплощением лучших человеческих качеств.

В наш век был замечательный Кодекс строителя коммунизма. По сути, это же библейские заповеди, прожившие в умах человечества многие века: не обмани, не укради, не согреши... Почему мы от этого должны отказываться или же брать на себя чужие грехи? Того, кто нарушал великую коммунистическую клятву справедливо осуждали...

Об одном мы сожалеем, что не сумели разобраться со всеми теми предателями, которые опорочили эту святую идею.

После объявления реабилитации Конституционным судом коммунистических первичных организаций, мне предложили вступить в возрожденную партию, я воздержался. У меня есть та - своя партия, заглядывая в свою совесть говорю себе: я коммунистом был, им останусь до конца своих дней жизни. Будет ли мое одиночество долгим по времени - поживем, увидим.

Когда Михаил Горбачев предал Коммунистическую партию, я окончательно потерял веру в любую партийную верхушку, в людей, занимающих в общественных организациях руководящие посты и должности, поэтому большинство старых, опытных коммунистов опасаются, что вновь созданные организационные структуры обростут первичками с освобожденными секретарями, получающие за это зарплату и далее - снова вплоть до Политбюро. Все в конечном итоге вернется в прошлое.

СОДЕРЖАНИЕ

САМОХОДКИ, ВПЕРЕД!	2
глава первая КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ.....	3
глава вторая ИЗ БОЯ В БОЙ	17
глава третья ОСОБЫЙ ЭКИПАЖ	38
глава четвертая В РОДНУЮ БАТАРЕЮ	56
глава пятая "ВАМ НУЖНО УЧИТЬСЯ"	67
глава шестая И СНОВА НА ФРОНТ	83
ЭХО ВОЙНЫ КНИГА ВТОРАЯ	89
Глава первая ЭХО ВОЙНЫ.....	91
Глава вторая ОФИЦЕРСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ	97
Глава третья В АКАДЕМИЯХ	122
Глава четвертая РАКЕТЫ В ПОСТОЯННОЙ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ	132
Глава пятая ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ - НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ.....	164
Глава шестая РАМЕНКИ.....	180
Глава седьмая В СОВЕТЕ ВЕТЕРАНОВ	187
Глава восьмая ОФИЦЕРСКАЯ ЧЕСТЬ	207
БУМЕРАНГ книга третья.....	227
Глава первая ПЕРЕСТРОЙКА	228
Глава вторая КРАХ	251
Глава третья СУД.....	269
Глава четвертая БУМЕРАНГ	283
Глава пятая "КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ"	287
Глава шестая БУМЕРАНГ ВОЗВРАЩАЕТСЯ.....	296
ЭПИЛОГ	304

Александр Григорьевич Горелкин

Повесть